

Ферри Пратчетт

ПЛАТЬЕ ЦВЕТА ПОЛУНОЧИ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Annotation

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР:

Москва 2017

УДК 821.111–312.9 ББК 84(4Вел)-44 П68

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2006 First published as «I Shall Wear Midnight» by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd Inside artwork © Paul Kidby, 2015

Фото автора на 4-й странице обложки:

© Marco Secchi / Gettyimages.ru

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

При оформлении обложки и фронтисписа использованы работы художника *Алексея Жижицы*

Пратчетт, Терри.

П68 Платье цвета полуночи: роман / Терри Пратчетт: (пер. с англ. С. Лихачевой). — Москва: Эксмо, 2017. — 480 с. — (Терри Пратчетт. Плоский мир: ведьма Тиффани Болен).

Это должно было случиться: Тиффани выросла. Она уже не ученица, а взрослая ведьма, и удел, за который она отвечает, составляет не много не мало все Меловые холмы. Пусть жители её земли недоверчиво относятся к ведьмам. Пусть молодой человек (которого Тиффани никогда и не считала своим молодым человеком!) женится на другой. Пусть её крошечные друзья, Нак-мак-Фигли, подкидывают девушке кучу проблем... Она справится. И, как полагается настоящей ведьме, всё уладит. По крайней мере, попробует. Но в какой-то момент масса сложностей и неудач, обрушившихся на юную ведьму, станет критической. В какой-то момент Тиффани поймёт, что кто-то пустил по её следу древнее и злобное существо, победить которое невозможно. В какой-то момент она не испугается прыгнуть в огонь.

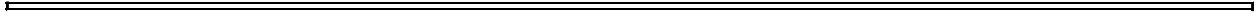
ISBN 978-5-699-89707-0

© Лихачева С., перевод на русский язык, 2016 © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

-
- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Комментарии](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

Перевод некоторых слов и выражений Нак'Мак-Фиглей, с поправкой на требования приличий

(Из наработок 2-жи Констанции Тик, ведьмы)

Большой Человек — предводитель клана (как правило, муж кельды).

Бураны — покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны — люди.

Всекарга — очень важная ведьма.

Глазья — глаза.

Гоннагл — бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гюйс — очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир — понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный — жуткий, странный, иногда — почему-то — продолговатый.

Изводиться — волноваться, переживать.

Карга — ведьма, независимо от возраста.

Карговство — всё, что делает ведьма.

Кельда — матриарх клана, а в преклонном возрасте — мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться — меня заверили, что это означает переутомиться.

Невтерпль — невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерпль».

Ой-ёи-ёи — традиционное причитание.

Особая овечья притирка — прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля — в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискаля — слабак.

Прежнедневно — очень давно.

Разбрёдовина — чепуха, глупость.

Раскудрить! — восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло — спасайся кто может!».

Расхиляй — см. Угрязок.

Спог — кожаный мешочек, носится на Фиглевом килте спереди и скрывает всё то, что Фигль, по-видимому, считает нужным спрятать. Обычно содержит всякое-разное, например то, что Фигль не доел, то, что Фигль случайно нашёл и теперь считает своей законной собственностью, и зачастую — потому что ведь даже Фигль способен простудиться — то, что

заменяет Фиглю носовой платок (не обязательнодохлое).

Старукса — женщина преклонного возраста.

Судьбонос — важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинства — секреты, тайны.

Тубзя — туалет.

Угрязок — бесполезный член общества.

Упарилровка — нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Чувырла — очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила — редкостно нехороший человек/зверь/другое. Чучундра — нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1

МИЛ ГРОМАЗД МАЛ-МАЛЕЦ

И почему это, гадала Тиффани Болен, люди так любят шуметь? Почему шум так важен?

Где-то неподалёку раздавался звук — точно корова телится. Оказалось — оборванец в помятом цилиндре накручивает ручку старой шарманки. Тиффани как можно деликатнее, бочком-бочком отошла в сторону, но шум был ужасно липучим: казалось, дай ему волю, так он за тобой до дома увяжется.

Но то был лишь один из звуков в гигантском шумовом котле: тут шумели все, и каждый пытался перешуметь тех, кто шумел рядом. Люди спорили до хрипоты у импровизированных прилавков, ртом вылавливали из воды яблоки или лягушек^[1], подбадривали кулачных бойцов и усыпанную блёстками красотку на высоко натянутой проволоке, орали во всё горло, предлагая сахарную вату, и, если уж начистоту, пили не просыхая.

Воздух над зелёными взгорьями загустел от шума. Казалось, население двух-трёх городков всё до последнего жителя поднялось на холмы. И теперь здесь, где обычно слышался разве что крик канюка, неумолчно вопили все, кому не лень. Это называлось «повеселиться на славу». Не шумели только воры и карманники: они занимались своим делом похвально тихо, а к Тиффани даже не приближались; кто ж полезет в карман к ведьме? Того гляди пальцев недосчитаешься! По крайней мере, именно этого воры и боялись, а разумная ведьма подобные страхи всячески поощряет.

Если ты ведьма, ты все ведьмы, вместе взятые, думала Тиффани Болен, пробираясь сквозь толпу и таща за собою метлу на верёвочке. Метла скользила по воздуху в нескольких футах^[2] над землёй. Тиффани это немного раздражало. Оно вроде бы и удобно, но, тем не менее, поскольку на ярмарке повсюду бегали малыши с воздушными шариками — и тоже на верёвочках, — Тиффани поневоле казалось, что смотрится она по-дурацки, а если одна ведьма выглядит глупо, значит, глупо выглядят все ведьмы, вместе взятые.

С другой стороны, если привязать метлу к изгороди, непременно найдётся какой-нибудь пострелёнок, который отвяжет верёвочку и

попытается прокатиться на метле на спор, а тогда он, скорее всего, взвьётся напрямиком в верхние слои атмосферы, где замерзает даже воздух. И хотя теоретически она, Тиффани, сможет отозвать метлу обратно, мамы, они такие чувствительные, и вряд ли им понравится отогревать своих отпрысков погожим августовским днём. Нехорошо получится. Пойдут разговоры. Ведьмам всегда кости перебивают.

Тиффани смирилась с неизбежным и вновь потащила метлу за собой. Если повезёт, люди решат, что она так приобщается ко всеобщему веселью.

Даже столь обманчиво беззаботное событие, как ярмарка, не обходится без собственного сложного этикета. Тиффани была ведьмой; и как знать, что случится, если она позабудет чьё-нибудь имя или, что ещё хуже, произнесёт его неправильно? Что будет, если упустить из виду мелкие раздоры и распри, и кто там не разговаривает с соседями, и всё такое, и того больше, и ещё, и ещё? Тиффани не знала таких слов, как «минное поле», но само понятие показалось бы ей вроде как знакомым.

Она была ведьмой. Для всех деревень в Меловых холмах она была ведьмой. Уже не только для родной деревни, но и для всех других, аж до самого Хэма-на-Ржи — а отсюда до него добрый день пути. Область, которую ведьма считала своей и для обитателей которой делала что нужно, называлась «уделом», и среди прочих уделов этот считался очень даже неплохим. Редкой ведьме достаётся в собственную собственность целый геологический пласт, пусть даже по большей части покрытый травой, которая по большей части покрыта овцами. А сегодня овец на склонах предоставили самим себе — пусть делают что хотят, и, предоставленные сами себе, они, с вероятностью, делали всё то же самое, что и под присмотром. Овцы, ради которых обычно недоедали и недосыпали, которых выпасали и гуртовали, за которыми бдительно приглядывали, сегодня утратили для фермеров всякий интерес, ведь прямо здесь, на этом самом месте, происходило диво дивное, равного которому в целом мире не сыщется.

Ну, вообще-то расчисточная ярмарка была одним из величайших чудес света, только если ты дальше, чем за четыре мили^[3], от дома не уезжал. Если живёшь в Меловых холмах, то на ярмарке непременно повстречаешь знакомых — всех до единого^[4]. А многим здесь случалось повстречать и свою будущую вторую половину. Во всяком случае, все девушки щеголяли в выходных платьях, а парни поглядывали по сторонам с надеждой и приглаживали волосы с помощью дешёвой помады или, что чаще, плевка. Те, которые выбирали плевки, обычно оказывались в выигрыше, ведь

дешёвая помада была такая дешёвая, что под жарким солнцем таяла и растекалась, так что молодым людям удавалось заинтересовать не столько девушек, на что они страстно надеялись, сколько мух: мухи тучами слетались попировать на их шевелюрах.

Однако, поскольку событие это никак невозможно было назвать «ярмаркой, куда приходишь в надежде урвать поцелуй, а если повезёт, то и заручиться обещанием ещё одного», ярмарку эту именовали расчисткой.

Расчистка длилась три дня на исходе лета. Для большинства жителей Меловых холмов эти дни считались выходными. Шёл третий день, а в народе говорили, если до сих пор поцелуя не перепало, значит, пора уже и домой. Тиффани никто не поцеловал, но, в конце концов, она ж ведьма. Чего доброго, ещё превратит невесть во что!

Если в конце лета погода стояла тёплая, люди нередко укладывались спать прямо под открытым небом, под звёздами, ну, или под кустами. Так что, если вздумал пройтись в ночи, ступай осторожнее, чтобы не споткнуться о чьи-нибудь ноги. И, если уж совсем начистоту, случалось и так, что парочки, как говаривала нянюшка Ягг — ведьма, пережившая трёх мужей, — «развлекали себя сами». Жаль, что нянюшка живёт высоко в горах: вот она бы расчистку оценила — а уж как Тиффани оценила бы выражение лица нянюшки при виде великана!

Он — а это определённо был он, не она, — никаких сомнений на этот счёт — был вырезан в дёрне тысячи лет назад. Белый силуэт на зелёном фоне возник в те времена, когда людям приходилось думать о выживании и размножении в полном опасностей мире.

Ах да, а ещё его вырезали, по всей видимости, ещё до того, как были изобретены штаны. В сущности, сказать, что штанов на нём нет, это всё равно что ничего не сказать. Его бесштанность просто-таки заполняла собою мир. Никак невозможно было пройти по узкой дорожке вдоль подножия холмов, не заметив грандиозного, эгм, отсутствия кой-чего, — то есть штанов, — и того, что красовалось там вместо штанов. Эта фигура безусловно изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину*^[5].

Все, кто приходил на расчистку, по традиции приносили с собой лопатку или даже нож и, продвигаясь по крутому склону холма сверху вниз, вычищали сорняки, выросшие там за прошлый год, чтобы мел вновь засиял свежей белизной, а великан показал себя во всей красе — как если бы до сих пор этого не сделал.

Когда над великаном трудились девушки, тут уж без хихиканья не обходилось.

А повод для хихиканья, равно как и обстоятельства хихиканья,

неизбежно заставляли Тиффани вспомнить нянюшку Ягг: обычно та, широко усмехаясь, маячила где-то за спиной у матушки Ветровоск. Она слыла славной, добродушной старушкой, но на самом-то деле была далеко не так проста. Официально она никогда не считалась наставницей Тиффани, но Тиффани многому научилась у нянюшки Ягг: оно выходило как-то само собою. Девушка улыбнулась этой мысли. Нянюшка владела старым тёмным знанием — древней магией, для которой ведьмы и не нужны, магией, что вросла в людей и в землю. Это была магия смерти, и свадьбы, и помолвки. Магия обещаний, которые остаются в силе, даже если их никто не слышал. И всего того, что заставляет стучать по дереву и никогда, никогда не стоять на пути у чёрной кошки.

Для того чтобы понять эту магию, не нужно быть ведьмой. Просто мир вокруг становится... ну, в такие особенные моменты становится более настоящим и зыбким. Нянюшка Ягг использовала слово «мистический» — непривычно высокопарное в устах старушки, от которой скорее ждёшь: «Да, бренди глотну с удовольствием, спасибочки, и двойной, пожалуйста, чтобы уж два раза не вставать». А ещё она рассказывала Тиффани о давних временах, когда ведьмам, по-видимому, жилось куда веселее. Обо всём том, например, что полагалось делать при смене времён года; обо всех обычаях, что ныне живы разве что в памяти народной, а память эта, как объясняла нянюшка Ягг, глубока, темна, дышит и не меркнет. О всяких мелких обрядах.

Больше всего Тиффани нравился обряд огня. И сам огонь тоже. Это была её любимая стихия. Огонь считался таким могучим, таким страшным для тёмных сил, что с его помощью даже браки заключались: жених с невестой вместе прыгали через костёр^[6]. По всей видимости, тут требовалось коротенькое заклинание: нянюшка Ягг не преминула продиктовать Тиффани нужные слова, и они тотчас же запечатлелись в памяти, точно намертво приклеились: многое из того, что рассказывала нянюшка Ягг, оказывалось ужасно липучим.

Но те времена минули. Ныне все сделались ужасно добропорядочными, кроме разве нянюшки Ягг и великана.

В Меловых холмах были и другие изображения. Например, белая лошадь, которая, как считала Тиффани, однажды вырвалась из холма и прискакала ей на помощь. Теперь девушка гадала: а что, если бы то же самое проделал великан? — ведь второпях отыскать пару штанов шести футов в длину куда как непросто. А поторопиться с поисками, как ни крути, очень стоило.

Тиффани похихикала над великаном раз в жизни, и то дело было

давным-давно. На самом деле в мире насчитывается всего четыре разновидности людей: мужчины, женщины, волшебники и ведьмы. Волшебники в большинстве своём живут в университетах — далеко, в больших городах; и ещё им не разрешается жениться; Тиффани в толк взять не могла почему. Как бы то ни было, в здешних краях они редкие гости.

Ведьмы — они, безусловно, женщины, но среди знакомых Тиффани те, что постарше, в большинстве своём о супружестве и не помышляли, главным образом по той причине, что все годные мужья уже достались нянюшке Ягг, но ещё, наверное, потому, что у ведьм просто времени нет. Разумеется, изредка случается и так, что какая-нибудь ведьма возьмёт да и выскочит замуж за какую-нибудь важную шишку, как вот Маграт Чесногк Ланкрская, хотя, по слухам, теперь она разве что лечебными травами занимается. А среди молоденьких ведьмочек Тиффани знала только одну, у которой хватало времени на романтические шуры-муры: это была её лучшая подруга с гор, Петулия. Она специализировалась на свиной магии и вскоре собиралась замуж за очень милого юношу, который в самое ближайшее время унаследует отцовскую свиноферму^[7], — то есть за без пяти минут аристократа.

Но ведьмы не только очень заняты, они ещё и держатся особняком. Это Тиффани усвоила очень рано. Ты — среди людей, но ты не такая, как они. Всегда ощущается своего рода отстранённость, отчуждённость, если угодно. Специально этого добиваться не нужно, оно приходит само собою. Девочки, которых Тиффани знала мало не с рождения, с которыми они когда-то вместе играли и бегали в одних рубашонках, теперь, встречая её на узкой улочке, чуть приседали в реверансе, и даже старики, завидев её, в знак приветствия брались за вихор — ну, или то, что считали вихром.

Причём не просто из уважения, но ещё и в силу некоего страха. У ведьм свои секреты; они всегда приходят на помощь, когда на свет появляются дети. Когда выходишь замуж, очень не помешает заручиться ведьминской поддержкой (даже если не вполне понимаешь, привлекает ли эта ведьма удачу или отводит несчастье); а умрёшь — и здесь тоже без ведьмы не обойтись, она покажет дорогу. У ведьм свои секреты, которыми они никогда не делятся... ну, то есть с тем, кто не ведьма. Между собой-то, собравшись на склоне холма пропустить глоточек-другой (или, в случае госпожи Ягг, глоточек-девятый), они сплетничают как сороки.

Но о настоящих секретах — никогда, никогда о том, о чём не говорят, о сделанном, услышанном и увиденном. Секретов так много, что даже страшно становится, как бы они не просочились наружу. В сравнении с тем, что порой приходилось видеть ведьмам, великан без

штанов — это сущие пустяки, и вспоминать-то не стоит.

Нет, Тиффани не завидовала роману Петулии — роману, в котором наверняка не обошлось без высоких сапог, уродливых прорезиненных фартуков и проливного дождя, не говоря уже о неумолчном «хрю-хрю».

Однако она завидовала благоразумию подруги. Петулия давно всё про себя решила. Она знала, чего хочет от будущего, и закатав рукава трудилась над этим будущим, его приближая, — если надо, то и по колено в хрюканье.

Каждая семья, даже высоко в горах, держала хотя бы одну свинью — летом свинья работала помойным ведром, а во все остальные времена года — свиной, салом, ветчиной и колбасами. Свинья — персона важная; старую бабулю, если ей занедужилось, можно подлечить и скипидаром, но если заболела свинья, то сразу же зовут пороссячью ведьму и платят ей за услуги, и хорошо платят (обычно колбасами).

В придачу Петулия прекрасно умела ускучивать свиней; более того, была чемпионкой года в благородном искусстве свиноускучивания. Лучше просто и не скажешь, думала Тиффани; её подруга подсаживалась к свинье и мягко, спокойно заговаривала с нею о самых что ни на есть занудных вещах, пока в свинье не срабатывал какой-то загадочный механизм: свинья блаженно зевала и валилась на бок и с этого момента переставала быть живой свиньёй, и готовилась стать чрезвычайно важной составляющей семейного рациона на весь год. Вы скажете, для свиньи участь не самая завидная; но, учитывая, как грязно и, хуже того, шумно свиньи умирали прежде, изобретение свиноускучивания, по большому счёту, обернулось великим благом для всех и каждого.

Одна-одинёшенька в огромной толпе, Тиффани не сдержала вздоха. Трудно тебе приходится, если на голове — чёрная остроконечная шляпа. Люди с тобой вроде как осторожничают. Они держатся уважительно, о да, а порою слегка нервничают, словно ждут, что ты заглянешь им в головы, — в сущности, ты вполне на это способна, с помощью надёжных ведьминых подспорьев: Первого Взгляда и Заднего Ума^[8]. Но это же не магия. Любой может этому научиться, будь у него хоть чуточка здравого смысла, но иногда даже чуточки и той не наберётся. Люди обычно так заняты, проживая жизнь, что даже не остановятся поразмыслить, зачем они живут. А ведьмы — остановятся, вот поэтому в них всегда есть нужда — о да, нужда есть, они нужны практически всегда, но только им, очень вежливо и негласно, *не то чтобы всегда* рады.

Здесь вам не горы, где к ведьмам давно привыкли; может, жители Мела и дружелюбны, но они тебе не друзья, на самом-то деле вовсе не друзья.

Ведьма — она другая. Ведьма знает то, чего не знаешь ты. Ведьма — она не то, что прочие. Ведьму злить не стоит. Ведьма не такая, как все.

Тиффани Болен была ведьмой, а стала она ведьмой потому, что люди нуждались в ведьме. Ведьма нужна всем, просто иногда люди об этом не знают.

И у неё получилось! Образ плотоядной колдуньи из сказок постепенно сходил на нет — всякий раз, как Тиффани помогала молодой матери с первенцем или облегчала старику путь к могиле. Тем не менее старые сказки, старые слухи и старые книжки с картинками, похоже, накрепко вросли в память мира.

Дело осложнялось тем, что в Меловых холмах ведьмы ещё не вошли в традицию; ни одна не дерзнула бы там поселиться, покуда была жива матушка Болен. А матушка Болен, как знали все до единого, была женщина мудрая — достаточно мудрая, чтобы не называться ведьмой. В Меловых холмах не происходило ничего такого, чего бы матушка Болен не одобрила, — по крайней мере, не происходило дольше десяти минут.

Так что Тиффани была ведьмой-одиночкой.

И дело не только в том, что больше она не могла рассчитывать на поддержку ведьм с гор, таких как нянюшка Ягг, и матушка Ветровоск, и тётушка Вровень; но и в том, что жители Мела к ведьмам ещё не привыкли. Другие ведьмы, конечно же, придут и помогут, если позвать, но, хотя сами они ничего подобного не скажут, это, скорее всего, будет означать, что ты не справляешься с ответственностью, что ты недотягиваешь, ты в себе не уверена, ты *недостаточно хороша*.

— Простите, госпожа? — раздался боязливый смешок. Тиффани оглянулась: перед ней стояли две девчушки в новеньких выходных платьицах и соломенных шляпках. Девчушки так и буравили её глазами, в которых лишь самую малость проблёскивали озорные искорки. Тиффани поспешно порылась в памяти — и улыбнулась:

— Ах да, Бекки Пардон и Нэнси Честни, верно? Чем я могу вам помочь, девочки?

Бекки Пардон застенчиво вытащила из-за спины букетик и протянула ей. Тиффани, конечно же, сразу его узнала. Она и сама собирала такие букетики для старших девушек, когда была помладше, просто потому, что так полагалось — это входило в ритуал расчистки: нужно было нарвать в холмах диких цветов и перевязать их — и это важно, это магия и есть — травинками, выполотыми для того, чтобы обнажился белый мел.

— Положите его нынче ночью под подушку, и суженый приснится, — промолвила Бекки Пардон очень серьёзно.

Тиффани осторожно взяла из рук девочки чуть подвядший букетик.

— Ну-ка, посмотрим... что у нас тут? — анютины губки, лопотушки душистые, семилистный клевер... это на счастье! — стебелёк львиного зада, отец-и-отчим, ой, и разбитое сердце, и... — Тиффани неотрывно глядела на крохотные бело-красные цветочки.

— Что с вами, госпожа? — встревожились девочки.

— Позабудки!^[9] — отозвалась Тиффани резче, чем собиралась. Но девочки ничего не заметили, так что она с напускной весёлостью продолжила: — Нечасто их здесь встретишь. Должно быть, из чьего-то сада сюда попали. И ещё вы перевязали букетик ситником, сердцевинки которого встарь использовали как фитили для свечей, — ну да вы наверняка это и без меня знаете. Какой чудесный сюрприз! Спасибо большое вам обеим! Надеюсь, вы славно повеселитесь на ярмарке...

Бекки подняла руку.

— Простите, госпожа...

— Что-то ещё, Бекки?

Бекки зарумянилась и торопливо пошептала о чём-то с подружкой. И вновь обернулась к Тиффани: покрасневшись ещё ярче, но тем не менее, твёрдо намеренная узнать правду.

— Спрос не грех, верно, госпожа? Ну, то есть если я просто спрошу, мне ведь ничего не будет?..

Сейчас последует: «А как мне стать ведьмой, когда я вырасту?» — подумала Тиффани, потому что именно об этом её обычно и спрашивали. Девочки помладше видели, как она летает на метле, и думали, что ведьмы только этим и занимаются.

— От меня — точно нет, — заверила она вслух. — Спрашивай на здоровье.

Бекки Пардон уставилась в землю.

— Госпожа, а у вас любовные части есть?

Ещё один талант, ведьме совершенно необходимый, — это ничем не выдавать своих мыслей и, в частности, ни при каких обстоятельствах не каменеть лицом. Недрогнувшим голосом и без тени смущения Тиффани ответила:

— Это чрезвычайно интересный вопрос, Бекки. А можно я полюбопытствую, почему он возник?

Теперь, когда её вопрос был озвучен и перешёл, так сказать, в открытый доступ, девочка явно почувствовала себя куда счастливее.

— Понимаете, госпожа, я спросила бабушку, можно, я стану ведьмой, когда вырасту, а она сказала, ничего хорошего в том нет, что мне самой не

понравится, потому что ведьмы — они не по любовной части.

Под прицелом двух серьёзных, испытующих взглядов Тиффани лихорадочно размышляла. Это ведь фермерские дочери, они наверняка видели, как на свет появляются котята и щенята. Они и окот овец видели, и, скорей всего, как корова телится, — это дело шумное, его не пропустишь. Они знают, о чём спрашивают.

В этот миг вмешалась Нэнси:

— Просто, госпожа, если всё так, можно, мы заберём цветочки, вы ж на них уже посмотрели, а жалко, если они пропадут, не в обиду будь сказано. — И девочка на всякий случай отскочила.

Тиффани расхохоталась, сама себе удивляясь. Как же давно она не смеялась! Люди с интересом заозирались, а Тиффани успела-таки схватить обеих девчушек, не дав им сбежать, и развернула лицом к себе.

— Вы обе просто молодчины, — похвалила она. — Приятно видеть, что не все разучились думать. Никогда не стесняйтесь задавать вопросы. А вот и ответ на ваш: в том, что касается любовных частей, ведьмы устроены точно так же, как и все прочие люди, вот только у ведьм обычно столько дел, что им просто не до того.

Девочки с облегчением выдохнули: выходит, их труды не пропали даром; а Тиффани мысленно подготовилась к очередному вопросу. Задала его снова Бекки:

— Стало быть, у вас есть жених, госпожа?

— Нет, прямо сейчас — нету, — коротко отозвалась Тиффани, овладев собою настолько, чтобы в лице её ровным счётом ничего не отразилось. И повертела в руках букетик. — Но как знать, если вы всё сделали правильно, может, я найду себе кого-нибудь, вот и выйдет, что вы лучшие ведьмы, чем я. — Обе девочки просияли от такой откровенно вопиющей лести, и новых вопросов не последовало.

— А теперь вот-вот начнутся сырные гонки, — напомнила Тиффани. — Вы же не хотите их пропустить!

— Не хотим, госпожа, — хором отозвались девочки. И, уже уходя, исполненная облегчения и сознания собственной значимости Бекки потрепала Тиффани по руке. — С женихами оно всегда непросто, — объяснила она с убеждённой уверенностью человека, прожившего на свете (как совершенно точно знала Тиффани) целых восемь лет.

— Спасибо, — поблагодарила Тиффани. — Буду иметь в виду.

Что до ярмарочных развлечений — например, корчить рожи, просунув голову в лошадиный хомут, или там подраться подушками на скользком бревне, или даже вылавливать ртом лягушек — что ж, Тиффани могла в них

поучаствовать, а могла и нет, на своё усмотрение; и, по правде сказать, предпочитала последнее. Но вот полюбоваться на старые добрые сырные гонки она любила — ну то есть посмотреть, как старый добрый сыр катится себе вниз по склону холма, хотя и не по изображению великана — иначе сыр потом никто и есть бы не стал.

В гонках участвовали твёрдые сыры, иногда сделанные специально для такого случая, а победителю-сыровару, чей сыр скатывался к подножию холма целым и невредимым, доставался пояс с серебряной пряжкой — и всеобщее восхищение.

Тиффани была настоящим мастером-сыроваром, но в гонках никогда не участвовала. Ведьмам в таких состязаниях выступать нельзя, ведь если ты выиграешь — а Тиффани знала, что один-два её сыра непременно победили бы, — все скажут, что это несправедливо, она же ведьма; ну то есть так все подумают, даже если скажут — единицы. А если не выиграешь, люди зафыркают: «Как так, чтоб ведьма — и не умела сварить сыр, который обставил бы самые обыкновенные сыры, сваренные самими обыкновенными людьми вроде нас?»

В преддверии начала сырных гонок толпа чуть всколыхнулась, хотя аттракцион с лягушками по-прежнему собирал огромное количество зрителей — это ведь развлечение смешное и беспроегрышное, особенно для тех, кто сам не участвует. Ко всеобщему сожалению, фокусник, запускающий себе в штаны хорьков (его личный рекорд составлял девять штук), в этом году не явился; люди прямо забеспокоились, уж не утратил ли он былую хватку. Но рано или поздно все постепенно сойдутся к линии старта сырных гонок. Уж такова традиция.

Склон здесь очень круто уходил вниз, а буйное соперничество между владельцами сыров приводило к предсказуемым последствиям: слово за слово, а там, глядишь, начинают друг друга отталкивать, и отпихивать, и лягаться, и не обходится без синяков; а порою и сломанной руки-ноги. Словом, всё шло своим чередом, участники выстраивали свои сыры в одну линию, но тут Тиффани заметила (и, по-видимому, заметила только она одна), как какой-то рискованый сыр сам по себе вкатился вверх по склону: весь чёрный под слоем пыли и обвязанный клочком грязной сине-белой тряпки.

— Ох, нет! — воскликнула она. — Гораций! Где ты, там жди неприятностей!

Тиффани стремительно обернулась, зорко высматривая хоть малейшие признаки того, чего рядом быть не должно.

— А ну-ка послушайте меня, — прошептала она чуть слышно. — Я

знаю, что по крайней мере один из вас где-то рядом. Ярмарка не для вас, это людские дела! Понятно?

Но поздно! Распорядитель Празднества, увенчанный громадной широкополой шляпой с галуном вдоль полей, засвистел в свисток, и сырны гонки, как он выразился, «стартовали» — это ведь звучит куда более торжественно, чем просто «начались». А распорядитель в шляпе с галуном ни за что не воспользуется простым словом, если можно подыскать подлиннее и повнушительнее.

Тиффани боялась даже глядеть в ту сторону. Бегуны не столько бежали, сколько катились кубарем за своими сырами, то и дело оскальзываясь. Но уши-то не заткнешь: оглушительный крик поднимался всякий раз, когда чёрный сыр не только вырывался вперёд, но порою разворачивался и снова вкатывался вверх по холму, чтобы с разгона врезаться в какого-нибудь обыкновенного, ни в чём не повинного собрата. Слышно было, как Гораций тихонько урчит, взлетая на вершину.

Сырны гонщики осыпали его проклятиями, пытались его схватить, колотили по нему палками, но сыр-разбойник пулей пронёсся сквозь толпу и снова приземлился у подножия холма, чуть обогнав жуткую кучу-малу из людей и сыров, что громоздилась всё выше; а затем неспешно откатился обратно наверх и скромно угнезвился там, всё ещё возбуждённо подрагивая.

Внизу, у подножия, то и дело вспыхивали драки между гонщиками, у которых ещё оставались силы ткнуть кого-нибудь кулаком, а поскольку внимание зрителей сосредоточилось на этих потасовках, Тиффани, уловив момент, схватила Горация и затолкала его в свою котомку. В конце концов, это её сыр. Ну, то есть она его сделала, хотя в варево, должно быть, попало что-то странное, поскольку Гораций был единственным на её памяти сыром, который жрал мышей и если не приколотить его к полу гвоздями, то и другие сыры тоже. Не диво, что он так славно поладил с Нак-мак-Фиглями^[10], которые приняли его в почётные члены клана. Такой сыр им прямо родственная душа.

Украдкой, надеясь, что никто не заметит, Тиффани поднесла котомку к губам и прошептала:

— Разве можно так себя вести? Тебе не стыдно?

Котомка качнулась взад-вперёд, но Тиффани отлично знала, что понятие «стыдно» в активный словарный запас Горация не входит, как, впрочем, и любые другие слова. Девушка опустила котомку, отошла немного в сторону от толпы и промолвила:

— Явор Заядло, я знаю, что ты тут.

Он и впрямь был тут — восседал у неё на плече как ни в чём не бывало. Тиффани почуяла знакомый запах. Несмотря на то что Нак-мак-Фигли мыться не привыкли, разве что под дождём, пахли они всегда как слегка поддатые картофелины.

— Кельда послала мя позырить, как те поживается, — сообщил вождь Фиглей. — Ты в кургане к ней вот уж две недели как не суйносила, — продолжал он, — я так думкаю, кельда волнуецца, не стряслонулось ли с тобой каких злей, уж больно непосильно ты тудягаешься.

Тиффани застонала, но про себя. А вслух сказала:

— Очень мило с её стороны. Дел всегда невпроворот; уж кому и знать, как не кельде. И сколько бы я ни работала, работе конца-края нет. Всю не переделаешь. Но беспокоиться не о чем. Со мной всё хорошо. И пожалуйста, не бери больше с собой Гораця в людные места — сам видишь, он перевозбуждается.

— Ваще-то вон там, на вывешалке, грится, что эт всё для народа холмьёв, дык мы ж народ холмьёв и есть! Мы — фольхлорный элемент! А фольхлор — эт святое! А ишшо я думкал зайти поздоровкаться с верзуном без штаньёв. Он у нас мил громазд мал-малец, точняк! — Явор помолчал и тихо добавил: — Так мне ей сказануть, что с тобой всё типсы-топсы, ах-ха? — Фигль явно нервничал, как если бы очень хотел сказать больше, да только знал, что добра с того не будет.

— Явор Заядло, я буду очень признательна, если именно так ты и сделаешь, — отозвалась Тиффани, — потому что, если глаза меня не обманывают, мне нужно срочно заняться пострадавшими.

Явор Заядло с видом мученика, взявшегося за неблагодарное дело, лихорадочно выпалил те роковые слова, что велела ему сказать жена:

— Кельда грит, в море рыбсов ишшо навалом!

На мгновение Тиффани словно окаменела. А затем, не глядя на Явора, тихо произнесла:

— Поблагодари кельду за ценные сведения о рыбной ловле. А у меня срочная работа, извини. Пожалуйста, *не забудь* поблагодарить кельду.

Почти все зрители уже спустились к подножию склона — поглазеть, помочь, может, даже неумело подлечить стонущих сырных гонщиков. Для зевак, понятное дело, всё это было очередным развлечением: в самом деле, часто ли полюбуешься на такую славную кучу-малу из людей и сыров. И — как знать? — вдруг там есть по-настоящему интересные увечья.

Тиффани, радуясь, что ей нашлось дело, поспешила к месту событий; ей даже не пришлось проталкиваться — остроконечная чёрная шляпа заставляла развесёлую толпу расступиться быстрее, чем святой —

неглубокое море. Одним взмахом руки девушка пролагала себе путь; подпихнуть пришлось разве что пару тугодумов. Собственно говоря, выяснилось, что урон в этом году невелик: одна сломанная рука, одна нога, одно запястье и огромное множество синяков, царапин и ссадин, ведь гонцики большую часть пути вниз проехали на чём пришлось, а трава не всегда дружелюбна. В результате несколько явно страдающих юношей со всей категоричностью отказывались обсуждать свои телесные повреждения с дамой — спасибо за заботу, но мы уж как-нибудь сами! — так что Тиффани велела им приложить дома холодный компресс к пострадавшей части тела, уж где бы она ни находилась, и те неверной походкой побрели прочь. Девушка проводила их взглядом.

Она ведь всё правильно сделала, так? Показала своё искусство перед любопытствующей толпой и, судя по тому, что ей довелось услышать краем уха от стариков и женщин, справилась очень даже неплохо. Возможно, ей просто почудилось, что один-двое смущённо замялись, когда старик с бородой до пояса, усмехнувшись, заметил: «Девчонка, которая умеет кости вправлять, без мужа всяко не останется». Но это всё было и минуло, и за неимением других дел люди неспешно побрели вверх по длинному склону... и тут мимо проехала карета, и, что ещё хуже, остановилась.

На дверце красовался герб семьи Кипсек. Из кареты вышел юноша. Он выглядел по-своему привлекательно, но держался чопорно и неестественно прямо — хоть простыни на нём гладь. Это был Роланд. Он не успел сделать и шагу, как довольно неприятный голос из глубины кареты отчитал его за то, что не подождал, пока лакей придержит дверцу, и велел поторапливаться, не до ночи же тут прохлаждаться.

Молодой человек быстро зашагал к толпе, и все тут же встrepенулись, выпрямились, оправились, потому что, в конце концов, это же сын барона, которому принадлежат почти все Меловые холмы и почти все дома на них, и хотя барон, конечно, очень даже порядочный старикан — по-своему, по-старикански, — выказать толику уважения его семье — идея, безусловно, не из худших...

— Что тут случилось? Все ли целы? — осведомился юноша.

Жизнь в Меловых холмах обычно текла довольно благостно, и господа и подданные относились друг к другу со взаимным уважением; однако ж фермеры унаследовали мысль о том, что с властью имущими разговоры лучше не разговаривать: вдруг ляпнешь что-нибудь не к месту. В конце концов, в замке и по сей день есть пыточная камера, пусть даже ею не пользовались вот уже много сотен лет... ну, это, лучше поостеречься, лучше отойти и не отсвечивать, пусть ведьма объясняется. Она, если что,

всегда может улететь прочь.

— Боюсь, на ярмарке без мелких травм не обойтись, — отозвалась Тиффани, остро осознавая, что она единственная из присутствующих женщин не присела в реверансе. — Несколько переломов быстро срастутся, а кто-то просто запыхался. О пострадавших уже позаботились, спасибо за беспокойство.

— Вижу, вижу! Отличная работа, юная барышня, браво!

На мгновение Тиффани так стиснула зубы, что едва их не разжевала. Услышать «юная барышня» от... него? Такое лишь самую малость до оскорбления недотягивает. Но никто, похоже, ничего не заметил. В конце концов, благородные именно так и изъясняются, когда хотят выказать дружелюбие. Он пытается разговаривать с нами, как его отец, подумала Тиффани, но его отец делал это инстинктивно, сам того не сознавая, — и у него отлично получалось. Нельзя говорить с людьми, точно на общественном собрании.

— Покорно благодарю, сэра, — отозвалась она.

Ну что ж, пока всё шло не так уж и плохо... но тут дверца кареты снова распахнулась, и беленькая изящная ножка ступила на кремневый склон. Это она: не то Настурция, не то Форзиция, не то Летиция, какое-то там имечко прямо с клумбы. На самом деле Тиффани отлично знала, что девушку зовут Летиция, но неужто она не может позволить себе крошечку вредности внутри собственной головы? Летиция! Тоже мне, имечко! Не то разнообразие салата, не то кошка чихнула! И вообще, кто она такая, эта Летиция, чтобы не пускать Роланда на расчисточную ярмарку? Его место — там! Его старик-отец был бы там, если бы ему хватило сил! И вы только гляньте! Крохотные беленькие туфельки! Надолго ли таких туфелек хватит, если делом заниматься? Тут Тиффани оборвала себя: повредничала — и хватит.

Летиция оглядела Тиффани и толпу едва ли не в страхе и вымолвила:

— Поедем, пожалуйста, хорошо? Мама уже нервничает...

И вот карета уехала, и шарманщик тоже, к счастью, ушёл, ушло и солнце, а кое-кто остался в тёплой сумеречной тени. И Тиффани полетела домой одна-одинёшенька, на такой высоте, что заглянуть ей в лицо могли только летучие мыши да совы.

Глава 2

ЛЮТАЯ МУЗЫКА

Тиффани поспала где-то с час — и тут начался кошмар.

Из того вечера ей лучше всего запомнилось, как голова господина Пенни глухо стучалась о стену и перила, когда она вытащила его из постели и поволокла за грязную ночную рубашку вниз по лестнице. Он был тяжёлый, громоздкий и полусонный, ну то есть на одну половину сонный, а на вторую — мертвецки пьяный.

Важно было не давать ему времени на размышление, ни единой минуты, пока Тиффани тянула его за собою как мешок. Он был в три раза тяжелее её, но Тиффани умела пользоваться рычагом. Какая ж ты ведьма, если не в силах управиться с кем-то, кто тяжелее тебя? Как иначе перестелить больному простыни? Так что здоровяк съехал по последним нескольким ступенькам в тесную кухоньку — и его вырвало прямо на пол.

Тиффани тому весьма порадовалась: лежать в вонючей блевотине — это самое меньшее, чего господин Пенни заслуживал; но ей необходимо было немедленно взять происходящее под контроль, пока тот не опомнился.

Как только началось избиение, перепуганная госпожа Пенни, обычно тихая как мышка, громко причитая, пробежала по деревенским улицам к пабу, и отец Тиффани тут же послал мальчишку разбудить дочь. Господин Болен был человеком предусмотрительным и, конечно же, знал, что пивной задор после ярмарочного дня способно всех погубить. Уже летя на метле к дому Пенни, Тиффани уловила первые ноты лютой музыки.

Она шлёпнула господина Пенни по щеке.

— Вы это слышите? — спросила девушка, указывая рукой на тёмный проём окна. — Вы слышите? Это звуки лютой музыки, а играют её для вас, господин Пенни, для вас! И у них колья! И камни! Они похватили всё, что под руку подвернулось, а ещё у них кулаки, а ребёнок вашей дочери умер, господин Пенни. Вы так избили дочь, господин Пенни, что ребёнок умер, женщины утешают вашу жену, и вся деревня знает, что вы сделали, — все знают, все до единого.

Тиффани неотрывно глядела в его налитые кровью глаза. Руки господина Пенни машинально сжались в кулаки, потому что он всегда был из тех, кто думает кулаками. Очень скоро он попытается пустить их в ход;

Тиффани знала это заранее, потому что проще ж бить, чем думать. Господин Пенни кулаками прокладывал себе путь в жизни.

Лютая музыка приближалась медленно: ведь очень непросто брести через поля тёмной ночью, когда ты накачался пивом, даже если ты при этом пылаешь гневом праведным. Девушке оставалось только надеяться, что сарай люди обыщут не в первую очередь, потому что тогда господина Пенни вздёрут тут же, на месте. И если просто-напросто вздёрут, это ему ещё очень повезёт. Заглянув в тот сарай и увидев, что совершилось убийство, Тиффани сразу поняла: без неё совершится ещё одно. Она наложила на Амбер заклинание, чтобы забрать её боль, и сейчас удерживала этот сгусток над своим плечом. Боль, понятное дело, была невидима, но перед её мысленным взором пылала оранжевым пламенем.

— Это всё тот пацан, — пробормотал здоровяк; по груди его стекала блевотина. — Явился не запылится, вскружил девке голову, та и слушать не желала ни мать, ни меня. А ей всего-то тринадцать. Позорище какое!

— Вильяму тоже тринадцать, — отозвалась Тиффани, стараясь, чтобы голос её звучал ровно. Это было непросто: ярость выплёскивалась и рвалась наружу. — Вы пытаетесь объяснить мне, что она слишком мала, чтоб влюбиться, но достаточно мала, чтобы избить её до полусмерти, да так, что кровь потечёт, откуда вообще течь не должна?

Тиффани не была уверена, пришёл ли здоровяк в сознание и образумился ли, ведь даже в лучшие времена разума у него было так мало, что поди узнай, есть ли он вообще.

— Накуролесили они будь здоров, — возразил он. — А мужик в доме порядок навести должен, что, не так, что ли?

Тиффани без труда представила себе пылкие речи, гремевшие в пабе, что послужили прелюдией к музыке. В деревнях Меловых холмов оружия, по большому счёту, не водилось, зато были серпы, и косы, и кровельные ножи, и здоровенные тяжёлые молоты. Это всё не оружие — до тех пор, пока ты кого-нибудь им не ударишь. А про дурной нрав старого Пенни знали все; его жена не раз объясняла соседям, что синяк у неё под глазом из-за того, что в дверь не вписалась.

О да, Тиффани отлично представляла себе разговоры в пабе, а тут и пиво подключилось, и люди начали вспоминать, где там по сараям висят все эти штуки, которые не оружие. Каждый мужчина — король в своём маленьком замке. Все об этом знают — по крайней мере, все *мужчины*, так что в чужие замки ты свой нос не суёшь и в тамошние дела не мешаешься, пока из замка не начнёт пованивать, а тогда приходится что-то с этим делать, пока все окрестные замки не обрушились. Господин Пенни был

одним из мрачных секретов округа, но теперь тайное стало явным.

— Я — ваш единственный шанс, господин Пенни, — промолвила Тиффани. — Бегите прочь. Хватайте что сможете и бегите не мешкая. Бегите туда, где про вас никогда не слышали, а потом ещё чуть подальше, на всякий случай, потому что я не смогу их остановить, вы понимаете? Лично мне всё равно, что станется с вашей жалкой тушей, но мне не хотелось бы, чтобы хорошие люди превратились в плохих, запятнав себя убийством, так что улепётывайте-ка вы через поля, а я, так и быть, позабуду, в какую сторону вы двинулись.

— Ты не можешь выставить меня из моего собственного дома, — пробормотал он с пьяным упрямством.

— Вы уже потеряли дом, и жену, и дочь... и внука, господин Пенни. Нынче ночью никто за вас не вступится. Я всего лишь предлагаю вам жизнь.

— Это не я виноват, а пойло! — заорал Пенни. — Это всё по пьяни вышло, госпожа!

— Но вы пили пойло, и снова пили пойло, и снова, и ещё раз, — напомнила Тиффани. — Вы пили пойло весь день на ярмарке, а вернулись только потому, что пойлу захотелось баиньки. — В сердце Тиффани ощущала лишь холод.

— Ну, виноват!

— Этого недостаточно, господин Пенни, этим вы не отделаетесь. Ступайте прочь и исправьтесь, и тогда, может быть, когда вы вернётесь другим человеком, люди, глядишь, не побрезгуют поздороваться с вами или хотя бы кивнуть.

Тиффани неотрывно следила за его взглядом: она знала этого человека. Внутри у него всё кипит. Ему стыдно, он растерян и разобижен, а в таких обстоятельствах все Пенни мира бьют не раздумывая.

— Пожалуйста, не надо, господин Пенни, — предостерегла Тиффани. — Вы вообще представляете, что с вами будет, если вы поднимете руку на ведьму?

«С такими-то кулачищами ты, пожалуй, уложишь меня одним ударом, вот почему я намерена хорошенько тебя запугать», — подумала она про себя.

— Это небось ты на меня лютую музыку натравила?

Тиффани вздохнула.

— Музыкой никто не управляет, господин Пенни, вы сами это знаете. Музыка рождается сама собою, когда люди решают, что сыты по горло. Никто не знает, с чего она начинается. Люди просто переглядываются,

встречаются глазами друг с другом, коротко кивают, а другие люди это видят. *Другие* люди перехватывают их взгляды, и так, очень медленно, начинает звучать музыка, и кто-нибудь хватается за ложку и колотит ею по тарелке, а кто-то ещё уже стучит кувшином по столу, и башмаки притопывают об пол, всё громче и громче. Это звук гнева, этот звук даёт понять: людское терпение иссякло. Вы хотите встретиться с музыкой лицом к лицу?

— Думаешь, ты тут самая умная, да? — прорычал Пенни. — С этой своей метлой и чёрной магией, раскомандовалась тут облаковенными людьми...

Тиффани испытала невольное восхищение. Вот перед нею человек, у которого в целом мире не найдётся ни единого друга, он весь обляпан собственной блевотиной, и — Тиффани принялась: да, точно, низ ночной рубашки пропитан мочой — и однако у него ещё хватает глупости огрызаться.

— Не то чтобы самая умная, господин Пенни, просто поумнее вас. А это не так сложно.

— Да ну? Смотри, не ровен час доумничаешься. Соплюха мелкая, а туда же, в чужие дела нос суёт... Что ты станешь делать, когда музыка придёт за тобой, а?

— Бегите, господин Пенни. Убирайтесь отсюда. Это ваш последний шанс, — убеждала Тиффани. И, скорее всего, не ошибалась: в гвалте уже можно было слышать отдельные голоса.

— Не позволит ли ваше величество человеку хотя бы башмаки надеть? — язвительно осведомился Пенни. Наклонился за ними — башмаки стояли под дверью. Однако прочесть господина Пенни не составляло труда — как малюсенькую книжицу с захватанными страницами, где вместо закладки — кусок сала.

Он выпрямился, размахивая кулаками.

Тиффани шагнула назад, перехватила его запястье — и выпустила боль. Дала ей стечь вниз по руке, оставляя после себя лёгкое покалывание, в сложенную чашечкой ладонь, а из ладони выплеснула в господина Пенни всю боль его дочери за одну секунду. Его швырнуло через кухню и, должно быть, выжгло в нём всё, кроме животного страха. Он врезался в шаткую заднюю дверь, как бык, проломил её и исчез в темноте.

А Тиффани, пошатываясь, побрела обратно в сарай, где горела лампа. Матушка Ветровоск уверяла, что, неся чужую боль, ты её не чувствуешь, но это была ложь. Ложь во спасение. Боль, которую несёшь, очень даже чувствуешь, и поскольку на самом-то деле это не твоя боль, терпеть её как-

то можно — но, расставшись с ней, ты потрясена и обессилена.

Когда с лязгом и гомоном нагрянула толпа, Тиффани тихонько сидела в сарае рядом со спящей девушкой. Шум гремел повсюду вокруг дома, но внутрь не врвался: таково одно из неписанных правил. Трудно поверить, что безвластие лютой музыки подчиняется каким-то правилам, но они есть; лютая музыка может продолжаться три ночи или ограничиться одной, и никто не выходит из дома, пока в воздухе грохочет музыка, и никто не прокрадывается домой и не возвращается под крышу, разве что молить о прощении, понимании или десяти минутах на сборы и бегство. Лютую музыку не подготавливают заранее. Она словно бы приходит на ум всем и каждому одновременно. Она начинает звучать, когда деревня решает, что кто-то слишком сильно избил жену или слишком жестоко — собаку, или если женатый мужчина и замужняя женщина позабыли, что состоят в браке не друг с другом. Были и иные, ещё более мрачные преступления против музыки, но о них в открытую не говорили. Иногда людям удавалось, исправившись, заставить музыку умолкнуть; но чаще они собирали пожитки и съезжали ещё до наступления третьей ночи.

Но Пенни намёка не понял бы, Пенни враскачку вышел бы навстречу толпе. Завязалась бы драка, кто-нибудь натворил бы глупостей, ну, то есть ещё больших глупостей, чем Пенни. А потом об этом узнал бы барон, и люди потеряли бы средства к существованию, им пришлось бы покинуть Мел и, чего доброго, отправиться за десять миль в поисках работы и начинать жизнь заново среди чужаков.

Отец Тиффани обладал врождённой чуткостью; он тихо приоткрыл дверь сарая через несколько минут после того, как музыка притихла. Девушка понимала, что отцу немного неловко: он — человек почтенный, уважаемый, но теперь так уж сложилось, что его дочь — персона более важная, чем он сам. Ведь ведьме никто не указ; и Тиффани знала, что соседи его на этот счёт слегка поддразнивают.

Тиффани улыбнулась, и господин Болен присел на сено рядом с нею, пока лютая музыка искала и не находила, кого избить, забросать камнями или вздёрнуть. Господин Болен и в лучшие-то времена говорил немного. Он оглянулся, задержал взгляд на крохотном свёрточке, поспешно увязанном в солому и мешковину: Тиффани положила его там, где Амбер не увидит.

— Выходит, это правда, она ждала ребёнка?

— Да, пап.

Отец Тиффани глядел словно бы в никуда.

— Хорошо бы Пенни не нашли, — проговорил он, выдержав долгую

паузу.

— Да, — согласилась Тиффани.

— Кое-кто из парней говорит, его вздёрнуть надо. Мы бы их, понятно, остановили, но дурное это дело, когда люди встают друг против друга. Для деревни это всё равно что яд.

— Да.

Они немного посидели молча. Затем её отец перевёл взгляд на спящую девушку.

— Что ты для неё сделала? — спросил он.

— Всё, что в моих силах, — отвечала Тиффани.

— И эту болезабирательную штуку тоже?

Она вздохнула.

— Да, но забрать нужно не только боль. Пап, мне нужна лопата. Я похороню бедняжку в лесу, где никто не увидит.

Отец отвёл глаза.

— Хотелось бы мне, чтобы этим занималась не ты, Тифф. Тебе ж ещё шестнадцати нет, а ты носишься по всей округе, ходишь за больными, нянчишь, перевязываешь, невесть какую ещё работу делаешь. Не тебе бы за всё это братья.

— Да, знаю, — кивнула Тиффани.

— Но *почему*? — снова спросил он.

— Потому что другие не берутся, или не хотят, или не могут, вот почему.

— Но это же не твоё дело, нет?

— Я решила, что моё. Я — ведьма. Это наша работа. Когда никому больше нет дела, значит, это — *моё* дело, — не замедлила с ответом Тиффани.

— Да, но мы-то все думали, ведьмовство — это летать туда-сюда на метле и всё такое, а не старушкам ногти на ногах подстригать.

— Но люди не понимают, что нужно другим, — объясняла Тиффани. — Нет, они вовсе не так уж плохи; просто они не задумываются. Вот взять хоть старую госпожу Чулок, у неё в целом свете никого и ничего нет, кроме кошки и жуткого артрита. Люди частенько приносят ей поесть, что правда, то правда, но никто даже не заметил, что ногти у неё на ногах отросли такие длинные, что загнулись внутри башмаков, и она вот уж год как не могла разуться! В наших местах люди и подкормят, если надо, и букетик цветов нарвут, но чуть дело дойдёт до работы погрязнее, то рядом никого никогда не оказывается. А ведьмы такие вещи замечают. Ну да, носиться туда-сюда на метле приходится, что правда, то правда, но главным

образом — чтобы побыстрее добраться до очередного безобразия.

Отец покачал головой.

— И тебе нравится этим заниматься?

— Да.

— Но почему?

Тиффани размышляла над ответом под испытующим взглядом отца.

— Ну, пап, помнишь, как говорила матушка Болен: «Накорми тех, кто голоден, одень тех, кто гол, вступишь за тех, у кого нет голоса»? Так я думаю, можно и продолжить: «Пособи тем, кто не в силах нагнуться, подай тем, кто не в силах дотянуться, обмой тех, кто не в силах повернуться», так? А ещё потому, что иногда выдаётся хороший день, и он искупает все плохие дни, вместе взятые, и в этот краткий миг слышишь, как вращается мир, — отвечала Тиффани. — Не могу объяснить иначе.

Отец глядел на неё с озадаченной гордостью.

— И тебе кажется, оно того стоит, да?

— Да, папа!

— Тогда я горжусь тобою, джиггат, ты поступаешь по-мужски!

Отец назвал её прозвищем, которое знали только домашние, и Тиффани вежливо поцеловала его за это, не сказав, что вряд ли ему доведётся встретить мужчину, который делает то же, что она.

— А что вы надумали насчёт семьи Пенни? — спросила Тиффани.

— Мы с твоей мамой можем пока приютить госпожу Пенни с дочкой и... — Господин Болен помолчал и посмотрел на дочь как-то странно, так, словно она внушала ему страх. — Всё очень непросто, девочка моя. Сет Пенни был неплохим пареньком в пору нашего детства. Не самый смышлённый поросёнок в помёте, согласен, но — на свой лад неплохой. А вот его папаша был просто двинутый, ну, то есть в те времена с детьми не особо церемонились, станешь озоровать — по ушам огребёшь, но у папаши Сета был толстый кожаный ремень с двумя пряжками, и Сету попадало уже за то, что не так посмотрел. Чистая правда! Пенни-старший говаривал, что его уроки парень по гроб жизни запомнит.

— Похоже, у него получилось, — отозвалась Тиффани, но отец предостерегающе поднял руку.

— А потом ещё Молли, — продолжал он. — Не могу сказать, что Молли и Сет были предназначены друг для друга, потому что, по правде говоря, ни тот, ни другая никому особо не подходили, но, наверное, они были по-своему счастливы вместе. В те времена Сет работал гуртовщиком, перегонял стада — иногда аж до больших городов. В этом деле особой учёности не требуется, и не удивлюсь, если иные овцы были посмышлёнее

его самого, но работу-то делать надо, работа не виновата, он деньги в дом приносил, и кто его осудит? Беда в том, что ему приходилось оставлять Молли одну на много недель подряд, и... — Отец Тиффани смущённо умолк.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — промолвила Тиффани, пытаясь помочь отцу, но тот старательно пропустил её фразу мимо ушей.

— Нет, она была девчонка-то неплохая, — объяснял господин Болен. — Просто толком не понимала, что к чему, и некому было ей объяснить, а в деревне перебивало столько приезжих да путешественников, прямо пруд пруди. И некоторые — очень даже симпатичные.

Тиффани сжалась над отцом: тот сидел с несчастным видом, сконфуженно рассказывая своей маленькой девочке то, что девочкам знать не полагается.

Так что она наклонилась и снова чмокнула отца в щёку.

— Я *понимаю*, пап. Я правда всё понимаю. Амбер на самом деле не его дочь, так?

— Ну, я этого не говорил, верно? Может, и его, — неловко отозвался отец.

«В том-то и беда, не так ли? — думала Тиффани. — Может быть, если бы Сет Пенни знал наверняка, так это или не так, он бы свыкся с этим. Может быть. Кто знает».

Но он не знал, и бывали дни, когда он думал, что знает, и бывали дни, когда он думал самое худшее. А у таких людей, как Пенни, которые думать не привыкли, тёмные мысли катаются в голове туда-сюда, пока не опутают весь мозг. А когда мозг перестаёт думать, в ход идут кулаки.

Отец не спускал с Тиффани глаз.

— Ты и про такие дела знаешь? — спросил он.

— Мы называем это «ходить по домам». Все ведьмы так делают. Пожалуйста, пап, попытайся меня понять. Я всяких ужасов навидалась, и некоторые были особенно ужасны, потому что считались, ну, в порядке вещей. Все эти маленькие секреты за закрытыми дверями, папа. И хорошее, и плохое — всё то, о чём я не хочу тебе говорить. Просто работа у ведьм такая. Ты учишься схватывать на лету.

— Ну, видишь ли, у нас у всех жизнь — не сахар... — начал отец. — Было время, когда...

— Жила одна старушка в горах неподалёку от Ломтя, — перебила его Тиффани. — Она умерла в собственной постели. Ничего особенно плохого в этом не было на самом-то деле; просто жизнь в ней иссякла. Но она пролежала там два месяца, прежде чем кто-либо задумался, а не случилось

ли чего. Там, в Ломте, народ вообще странноватый. А хуже всего то, что её кошки никак не могли выбраться наружу и начали питаться хозяйкой; ну то есть она обожала кошек и, скорее всего, не возражала бы, но одна окотилась прямо у неё в постели. Да-да, в постели. Очень трудно было потом пристроить котят — в тех местах, где этой истории ещё не слышали. А котята такие красивые народились, голубоглазые, прямо чудо.

— Эгм, — начал отец. — Ты говоришь «у неё в постели», то есть ты хочешь сказать...

— Ну да, и она лежала там же, — подтвердила Тиффани. — Да, мне приходится иметь дело с покойниками. В первый раз тебя, скорее всего, немного стошнит, а потом просто понимаешь, что смерть, это, ну, часть жизни. Всё не так плохо, если думать о ней как о списке неотложных дел и делать по одному зараз. Можно и поплакать немножко, но и это тоже часть списка.

— И тебе никто не помог?

— О, помогли две женщины, когда я постучалась к ним в дверь, но, по правде сказать, до старушки никому дела не было. Так порою случается. Люди в одночасье исчезают. — Тиффани помолчала. — Пап, мы ведь старым каменным амбаром так и не пользуемся? Ты не пошлешь ребят его для меня вычистить?

— Конечно, — кивнул отец. — А можно я спрошу зачем?

Тиффани оценила его вежливость: он ведь разговаривал с ведьмой.

— Мне кажется, у меня есть идея, — отозвалась она. — И мне кажется, я могу найти ему хорошее применение. Это пока только мысль, и там ведь в любом случае не помешает прибраться.

— Так вот, я здорово горжусь, когда вижу, как ты носишься по всей округе верхом на этой своей метле, — промолвил отец. — Это ведь магия, правда?

Все хотят, чтобы магия существовала на самом деле, подумала про себя Тиффани, и что на это скажешь? «Нет, магии не бывает»? Или: «Да, магия, но она не то, что ты думаешь»? Все хотят верить в то, что мы способны изменить мир, просто щёлкнув пальцами.

— Их делают гномы, — объяснила девушка. — Понятия не имею, как эти штуки работают. Весь фокус в том, чтобы на такой метле удержаться.

К тому времени лютая музыка уже стихла, возможно, потому, что дела для неё не нашлось, а возможно, потому — и, скорее всего, так оно и было, — что если лютые музыканты вернутся в пивную прямо сейчас, то, пожалуй, успеют хлебнуть ещё пивка до закрытия.

Господин Болен встал.

— Наверное, нужно отнести девочку в дом, так?

— Молодую женщину, — поправила Тиффани, склоняясь над спящей.

— Что?

— Молодую женщину, — повторила Тиффани. — Уж хоть это-то она заслужила. И я думаю, я сперва отвезу её в другое место. Ей требуется больше помощи, чем я в состоянии дать. Ты не мог бы раздобыть где-нибудь верёвку? У метлы, конечно, есть кожаный пристяжной ремень, но, боюсь, его недостаточно.

Сверху на сеновале что-то зашуршало, и девушка улыбнулась. Некоторые друзья, они такие надёжные.

Но господин Болен ушам своим не верил.

— Ты её забираешь?

— Недалеко. Так надо. Но послушай, ты не тревожься. Пусть мама застелет гостевую кровать, я скоро привезу Амбер обратно.

Отец понизил голос:

— Это всё они, верно? Они всё ещё ходят за тобой по пятам?

— Ну, сами они уверяют, что нет, но ты ж знаешь, что эти Нак-мак-Фигли — лгунишки те ещё!

День выдался долгий и не из лучших, иначе бы Тиффани сдержала резкие слова, но, как ни странно, сверху не донеслось ни звука, никто себя не выдал. И внезапно отсутствие Фиглей показалось Тиффани почти таким же огорчительным, как переизбыток.

Но тут, к вящей её радости, раздался тихий голосок:

— Ха-ха-ха, в этот раз она нас не застучала, так, ребя? Мы ж затихарились как мыши! Мал-мала громазда карга ваще ничо не усекла! Ребя? Ребя?

— Туп Вулли, ей-же-ей, у тебя мозговьев не хватит, чтоб носяру сморкануть! Каковску куску в «шоб никто ни мал-мала словца ни сказанул» ты не бумс-бумс? Ох, раскудрить!

За последним восклицанием последовал шум потасовки.

Господин Болен опасливо вскинул глаза к крыше и придвинулся ближе.

— Видишь ли, твоя мама очень за тебя беспокоится. Ты ведь знаешь, она только что снова стала бабушкой. Она всеми ими ужасно гордится. И тобой тоже, конечно, — торопливо добавил он. — Но ведьминские дела, ну, это не совсем то, чего молодой человек ждёт от будущей жены. А теперь, когда ты и молодой Роланд...

Тиффани справилась и с этим. Умение справляться — это же часть ведьмовства. Отец глядел так горестно, что Тиффани с деланой бодростью

промолвила:

— На твоём месте, пап, я бы пошла домой и хорошенько выспалась. Я всё улажу. Собственно, вот и моток верёвки, но теперь он мне, кажется, не понадобится.

Отец облегчённо выдохнул. Нак-мак-Фигли вызывают немалое беспокойство у тех, кто не знает их как следует, хотя, если подумать, даже если ты знаком с ними очень долго, они всё равно вызывают немалое беспокойство: войдя в твою жизнь, Фигли меняют её на «раз-два».

— И вы всё это время там сидели? — воззвала Тиффани, как только отец торопливо вышел за дверь.

В следующее мгновение вниз обрушился дождь из соломинок и Фиглей.

Злиться на Нак-мак-Фиглей — всё равно что злиться на погоду или кусок картона: дело бесполезное. Но Тиффани, тем не менее, попробовала: это уже вроде как вошло в привычку.

— Явор Заядло! Ты обещал за мной не шпионить!

Явор поднял руку.

— Лады, то-то и оно, точняк, но дык енто ж одно из не доразумениев, хозяйка, потому как мы ваше даже не шпиёнствовали, так, ребя?

Над толпой маленьких сине-красных фигурок, что заполонили собою весь пол, загремел дружный хор откровенного вранья и лжесвидетельств.

— Явор Заядло, ну почему ты продолжаешь врать, даже если тебя сцапали с поличным?

— А, ну, дыкс, это дело плёво, госпожа, — отвечал Явор Заядло, формально — глава клана Нак-мак-Фиглей. — Чё толку врать-то, ежели ты ничо дурственного не створил? Короче, я смертно поранен прям в потрох, слухая этаку клеветину на моё добро имище, — широко ухмыльнулся он. — Сколько ж раз я те врал?

— Семьсот пятьдесят три раза, — отозвалась Тиффани. — Всякий раз, когда обещал не вмешиваться в мои дела.

— Ах-ха, ну дыкс ты ж всё ишшо наша громазда мал-мала карга, — возразил Явор.

— Может, так, а может, и нет, — надменно отозвалась Тиффани, — но я уже куда более громазда и значительно меньше мал-мала, чем прежде.

— И куды больше карга, — радостно подхватил чей-то голос. Тиффани и приглядываться не понадобилось, чтобы понять, чей он. Только Туп Вулли мог вот так сесть в лужу по самые уши. Девушка поглядела сверху вниз на его сияющую физиономию. И ведь он вообще никогда не понимает, что делает не так.

Карга! Звучит не слишком-то лестно, но для Фиглей любая ведьма — карга, сколько бы лет ей ни было. Они ничего такого не имели в виду — ну, то есть, наверное, не имели, с Фиглями никогда не знаешь наверняка, — а Явор Заядло порою произносил это слово с ухмылкой. Но ведь это не их вина, что для любого, в ком не шесть дюймов^[11] росту, оно означает страхолюдину, которая причёсывается граблями, а зубы у неё хуже, чем у старой овцы. Если тебя называют каргой в девять лет — это по-своему забавно. А вот когда тебе почти шестнадцать, и день выдался тяжёлый, а поспать почти не удалось, и очень, очень не помешало бы помыться, оно не то чтобы смешно.

Явор Заядло явно это заметил: он обернулся к брату и рявкнул:

— Ты памятуешь, о брат мой, что бывает такой рядь, когда тебе лучше б голову в утятин зад всунуть, чем рот раззявливать?

— Звиняй, Явор. Я тута утятини не узырил.

Глава клана Фиглей опустил взгляд на Амбер, мирно спящую на полу под одеялом, и внезапно серьёзности в мире поприбавилось.

— Будь мы тута, когда ремень в дело пошёл, гад бы свету не взвидел, точнякс, — заверил Явор Заядло.

— Значит, повезло, что вас здесь не оказалось, — нахмурилась Тиффани. — Вы что, хотите, чтобы к вашему кургану заявили люди с лопатами, а? Держитесь от верзунов подальше, вы меня слышите? Вы их нервируете. А когда люди нервничают, они злятся. Но раз уж вы всё равно здесь, можете причинить пользу. Мне нужно отвезти эту бедняжку к кургану.

— Ах-ха, мы смекаем, — отвечал Явор. — Разве ж не сама кельда нас сюда к тебе спослала?

— То есть она об этом знала? Джинни знала об этом?

— Я ни бум-бум, — опасливо отвечал Явор. Говоря о жене, он всегда чувствовал себя беспокойно. Он без памяти любил Джинни, и при одной только мысли о том, что она глянет на него хмуро, колени Явора превращались в желе. Жизнь всех прочих Фиглей сводилась главным образом к дракам, воровству и выпивке, ну и вдобавок ещё приходилось, скажем, добывать еду (её они по большей части тоже воровали) или заниматься стиркой (чего они по большей части не делали). А вот Явор Заядло, как муж кельды, должен был ещё и выдавать Объясняться, а это для Фигля работёнка не из лёгких.

— Вестимо, кельде всё ведомо, — пробормотал Явор, не глядя на Тиффани. Девушке вдруг стало его жаль: наверняка лучше оказаться между молотом и наковальней, чем между кельдой и каргой, размышляла она.

Глава 3

ЧЕЙ СОН ПОТРЕВОЖЕН?

Луна поднялась уже высоко и превратила мир в чётко расчерченную чёрно-серебряную мозаичную картинку. Тиффани и Фигли держали курс на холмы. Нак-мак-Фигли умели двигаться абсолютно беззвучно, если хотели; Тиффани уже случалось перемещаться с их помощью, и всякий раз путешествие было комфортным и даже не лишённым приятности, особенно если за последние пару месяцев им случалось помыться.

Любому пастуху с холмов наверняка хотя бы раз доводилось видеть курган Фиглей. Но никто и никогда о нём не говорил. Есть вещи, о которых лучше не упоминать, например о том, что поблизости от кургана ягнят пропадало куда меньше, чем в более отдалённых областях Мела, однако ж, с другой стороны, там частенько исчезала овца-другая — либо совсем слабые ягнята, либо очень старые матки (Фигли ценили жилистую баранину, которую можно пережёвывать часами). Стада охранялись, и стражи взимали свою плату. Кроме того, совсем неподалёку от кургана находились останки пастушьей кибитки матушки Болей, а эта земля считалась едва ли не священной.

Приблизившись, Тиффани почуяла дым, что просачивался сквозь заросли терновника. Спасибо и на том, что теперь ей не приходится протискиваться внутрь сквозь узкую нору: это забавно, когда тебе девять, но когда тебе почти шестнадцать, то страдают и достоинство, и хорошее платье, и, хотя сама Тиффани этого признавать не хотела, лаз стал ей слишком тесен.

Но вместе с кельдой Джинни в курган пришли перемены. Неподалёку находился заброшенный меловой карьер; к нему вёл подземный туннель. Кельда поручила Фиглям укрепить его с помощью кусков кровельного железа и просмолённой парусины: их Фигли «нашли» тем же оригинальным способом, каким «находили» всё прочее. Он по-прежнему выглядел как самый обыкновенный меловой карьер в холмах, ведь над ним так густо сплетались ежевика, ползучий генри и плетистая бетти, что даже мышь внутрь не прошмыгнула бы. А вот вода туда просачивалась, стекала по железному желобу и заполняла подставленные внизу бочки; кухню значительно расширили, и даже Тиффани могла свободно пробраться внутрь, если не забывала заранее прокричать своё имя, тогда невидимые

руки дёргали за верёвочки — и, словно по волшебству, в непролазных зарослях открывался проход. Здесь, внизу, у кельды была своя личная ванная; сами Фигли мылись только по особым случаям, например при лунном затмении.

Амбер тут же утащили в нору, а Тиффани нетерпеливо ждала у нужного места в зарослях ежевики, пока колючие ветки волшебным образом не расступились.

Кельда Джинни, кругленькая, как футбольный мяч, встретила её, держа под мышкой по младенцу.

— Я очень рада тебя видеть, Тиффани, — произнесла она, и почему-то это прозвучало и чудно, и неуместно. — Я наказала парням сгулять наружу проветриться, — продолжала кельда. — Это женское дело, и не из приятных, ты, верно, согласишься. Её устроили у огня, и я уж начала налагать на неё утешания. Думаю, она поправится в лучшем виде; ты нынче ночью отлично поработала. Эта ваша прославленная госпожа Ветровоск и то бы лучше не справилась.

— Она научила меня забирать боль, — промолвила Тиффани.

— Да что ты гришь? — Кельда посмотрела на Тиффани как-то странно. — Надеюсь, тебе никогда не придётся пожалеть о том дне, когда она оказала тебе эту... любезность.

В этот миг в туннеле, выводящем в главный холм, появилось несколько Фиглей. Они смущённо переводили взгляд со своей кельды на свою каргу, и, наконец, Фигль-глашатай очень неохотно выговорил:

— Не хочется встрясть али там помешавать, дамсы, но мы тут состряпсали мал-мала ужинную пожраксу, и Явор grit поспрошать громазду мал-малу каргу, как насчёт понимать мал-мал вкуснявый кус?

Тиффани принялась. В воздухе разливался узнаваемый запах — тот самый, что обычно возникает, если баранина приходит в тесное соприкосновение с, например, жаровней. «Ладно, — подумала девушка, — мы все знаем, что они это делают, но делать это у меня на глазах по меньшей мере бестактно!»

Фигль-глашатай, должно быть, тоже это понял, потому что, лихорадочно выкручивая край килта обеими руками, как обычно делают Фигли, когда вдохновенно врут, пояснил:

— Ну дыкс, кажись, я чой-то такое слышал, будто одна такая буранина вроде как по нечаянности свалилась прям на разогретую жаровню, мы её, понятно дело, кинулись спасануть, но бураны, они ж туп-туп — она запаниковалась и ну отбрыксиваться. — На этом месте рассказчик выдохнул с явным облегчением, состряпав какое-никакое оправдание, и

устремился к новым высотам художественного вымысла: — Мне думается, бурунина была свици-дальняя, ей же каждый день делать неча было, окромя как траву нямать.

Фигль с надеждой воззрился на Тиффани, проверяя, сработало ли; но тут вмешалась кельда:

— Мал Речист Джок, а ну ступай внутрь скажи, что мал-мала громазда карга не откажется от сандвича с бараниной, да? — Она вскинула глаза на Тиффани. — Не спорь, девочка моя. Как я гляжу, ты с ног валишься, если не поешь горячего, тебе кирдыкс. Я смекаю, что ведьмы заботятся обо всех, кроме себя. Бегмя бегите, ребя!

Тиффани всё ещё ощущала в воздухе некоторую напряжённость. Джинни по-прежнему глядела на неё очень серьёзно... а потом спросила:

— Ты помнишь, что было вчера?

Вопрос прозвучал глупо, но Джинни отнюдь не была глупа. Так что над её словами стоило задуматься, хотя Тиффани прямо изголодалась по куску суицидальной баранины, и по возможности наконец выпасться.

— Вчера — сдаётся мне, теперь это уже позавчера — меня позвали в Пряжку-Наружу, — задумчиво вспоминала она. — Тамошний кузнец недоглядел за горном, горн открылся, и раскалённые угли высыпались ему на ногу. Я его полечила, забрала боль и слила её в наковальню. За всё это мне заплатили двадцать четыре фунта^[12] картошки, три выделанные оленьи кожи, полведра гвоздей, одну старую, но годную на перевязки простыню и баночку ежового жира: кузнецова жена уверяла, что это отличное средство от воспаления дыхательных путей. А ещё я досыта поела жаркого за общим столом. Потом, раз уж я оказалась по соседству, я побывала в Многопряжке и разобралась с небольшой неприятностью господина Гауэра. В разговоре с ним я упомянула ежовый жир, а он сказал, что это замечательное снадобье для кое-чего неназываемого, и обменял баночку на целый окорок. Госпожа Гауэр угостила меня чаем и разрешила набрать полную корзину девицы-в-рассоле: в её саду эти цветы растут гуще, чем где бы то ни было. — Тиффани на мгновение умолкла. — Ах да, и ещё я заглянула в Ума-Тупик, сменить припарку, а потом навестила барона, ну а потом, понятное дело, остаток дня был в полном моём распоряжении, ха! Но в целом денёк выдался не из худших; люди были слишком заняты, предвкушая ярмарку.

— Среди прочих дней минул и этот, — промолвила кельда, — и, без сомнения, день был и хлопотный, и полезный. Но весь день меня одолевали предчувствия касательно тебя, Тиффани Болен. — Тиффани попыталась возразить, но Джинни предостерегающе подняла миниатюрную орехово-коричневую ручку и продолжила: — Тиффани, тебе, конечно, ведомо, что я

за тобой приглядываю. Ты — карга холмов, в конце-то концов, и в моей власти следить за тобою внутри своей головы и не выпускать из виду, потому что кто-то должен это делать. Я знаю, что ты это знаешь, потому что ума тебе не занимать; и я знаю, что ты передо мной притворяешься, будто не знаешь, что я знаю; и я не сомневаюсь, что об этом ты тоже знаешь, так?

— Мне, пожалуй, стоит расписать это всё карандашом по бумаге, — предположила Тиффани, пытаясь свести дело к шутке.

— Не смешно то! Твой образ в моей голове затуманен. Вкруг тебя опасность. А хуже всего, что не видать мне, откуда она идёт. Так быть не должно!

Но не успела Тиффани и рта раскрыть, как с полдюжины Фиглей стремглав пронеслись по туннелю из глубины холма, все вместе таща одну тарелку. Тиффани непроизвольно отметила — ведь ведьмы всегда подмечают то, что могут, — что синий узор по краю тарелки очень напоминает второй лучший сервиз её матери. Остальную часть тарелки закрывал здоровенный кусок баранины с картофелинами в мундире. Пахло это всё божественно, и желудок взял верх над разумом. Ведьма ест там, где удаётся разжиться едой, и радуется, когда что-то да перепало.

Мясо разрезали пополам, хотя половина для кельды оказалась самую малость поменьше, чем половина для Тиффани. Строго говоря, не бывает одной половины меньше, чем вторая, потому что тогда это будет уже не половина, но люди понимают, о чём речь. А у любой кельды аппетит для своего роста всегда преотменный, ведь ей же надо малышей делать.

Как бы то ни было, всем стало не до разговоров. Какой-то Фигль протянул Тиффани нож — собственно, фигльский клеймор*, — а затем подал замызганную жестянку с воткнутой в неё ложкой.

— Соус? — застенчиво предложил он.

Для фиглевской трапезы это было даже уж чересчур шикарно, хотя Джинни, конечно, понемногу приобщала своих подданных к благам цивилизации, насколько возможно цивилизовать Фиглей. По крайней мере, внушала им правильные мысли. Тем не менее Тиффани знала их как облупленных и потому насторожилась.

— А из чего он? — спросила она, понимая, что вопрос это опасный.

— О, всякие вкуснявости, — заверил Фигль, погромыхая ложкой в жестянке. — Яблочко-кислица есть, и горчишное семя, и хрен, и улиты, и дикие травы, и чесночина, и щепоть выскочки зелёной... — Одно из этих слов он произнёс уж больно невнятно, и Тиффани это не понравилось.

— Улитки? — перебила она.

— Ах-ха, точнояс, оченно питательные, сплошь витаминство и минеральство, и ишшо мал-мала протеинства, а самая клёвость в том, что ежели сыпануть побольше чесночины, так на вкус точь-в-точь чесночина.

— А каковы они на вкус, если *не* добавлять чеснока? — спросила Тиффани.

— Как улитки, — объяснила кельда, сжалившись над официантом. — И должна отметить, что еда эта отменная, девочка моя. Парни ночами выпускают их попасть на дикой капусте и пёсьем салате. Они очень даже вкусны, и, сдаётся мне, ты одобришь то, что здесь обошлось без воровства.

«Что ж, отрадно слышать», — признала про себя Тиффани. Фигли и впрямь весело и не покладая рук воровали, тащили и тибрили всё, что плохо лежит, — в том числе и просто из спортивного интереса. С другой стороны, к нужным людям, в нужном месте и в нужное время они умели проявлять редкое великодушие, что, по счастью, как раз сейчас и происходило.

— Чтoб Фигли — и вдруг фермерствовали? — удивилась Тиффани вслух.

— Ох нет, ишшо чего, — запротестовал Фигль-глашатай, в то время как сородичи за его спиною изображали оскорблённое отвращение — звуками «фу», «бюэ» и засовыванием двух пальцев в рот. — Это наэ фермерствование, это гуртование стадов, как оно и пристало тем, хто свободен духом и любит, шоб килт по ветру реял. Они ж, улиты, шоб ты знала, как ломанутся, дык мало не покажется.

— Попробуй малость, ну, пожалуйста, — взмолилась кельда. — Ребятам приятно будет.

На самом деле новая фиговская кухня оказалась очень даже вкусной. Возможно, подумала Тиффани, они правы, уверяя, что с чесноком что угодно съестся. Кроме горчицы.

— Ты на моих парней не заморачивайся, — промолвила Джинни, когда обе наелись досыта. — Времена меняются, и, сдаётся мне, они это знают. И с тобой то ж самое. Ты как себя чувствуешь?

— Ну ты знаешь, как обычно. Устала, расстроена, переволновалась. Всё в таком духе.

— Ты слишком много работаешь, девочка. Мне сдаётся, ты недоедаешь, и я вижу ясно, недосыпаешь ты точно. Когда ты в последний раз спала в нормальной постели, хотелось бы мне знать? А ведь сон тебе ой как нужен; у тебя голова не варит, если не отдохнуть мал-малость. И боюсь я, тебе вскорости потребуется вся твоя сила, сколько есть. Хочешь, я и на тебя наложу утешания?

Тиффани снова зевнула.

— Спасибо, что предложила, Джинни, но сдаётся, они мне ни к чему, не в обиду будь сказано. — В углу грудой валялись грязные овечьи шкуры, что, по-видимому, не так давно принадлежали суицидальным овцам, решившим сказать «прощай» жестокому миру и свести счёты с жизнью. Смотрелись они на диво заманчиво. — Пойду гляну, как там Амбер. — Но ноги Тиффани напрочь отказывались нести её куда бы то ни было. — Впрочем, наверное, в холме Фиглей она в такой же безопасности, как и дома...

— О, наэ, — мягко отозвалась Джинни, едва глаза Тиффани закрылись. — В большей, куда в большей безопасности.

Когда Тиффани уже посапывала, Джинни неспешно вернулась в курган. Амбер свернулась в клубочек у огня, а Явор Заядло расставил вокруг неё Фиглей постарше и помудрее. А всё потому, что уже вовсю кипела вечерняя драка. Нак-мак-Фигли дрались так же часто, как дышали, причём, как правило, делали это одновременно. Это был своеобразный образ жизни такой, ну, некоторым образом. Кроме того, если росту в тебе всего-то навсего несколько дюймов, то драться приходится с целым миром, так что чем раньше начнёшь, тем лучше.

Джинни присела рядом с мужем и некоторое время следила за буянами. Юные Фигли мячиками отскакивали от стен, от дядьёв и друг от друга. Наконец она промолвила:

— Явор, как мыслишь, мы правильно воспитываем наших ребятишек?

Явор Заядло, чуткий к Джиннинному настрою, оглянулся на спящую девушку.

— Ах-ха, ишшо бы, точняк... Эгей, ты это узырила? Мал-мал-помалее-чем-мал-Джок Джок пнул Тупа Вулли прям в фишку! Хорошенный грязный дракс, а в мальце всегой-то три дюйму!

— Однажды он станет великим воином, Явор, это', как пить дать, — подтвердила Джинни, — но...

— А я им завсегда грю, — возбуждённо продолжал Явор Заядло, глядя, как юные Фигли перелетают через головы друг дружки, — если хошь успехнуться, так насыпайся только на тех, кто тебя здорово погромаздее! Важнецкое правилице!

Джинни вздохнула: очередной юный Фигль впечатался в стенку, помотал головой и ринулся обратно в битву. Повредить Фиглю практически невозможно. Верзун, попытавшийся наступить на Фигля, с неизбежностью обнаруживал, что малявка, только что вроде бы расплющенная под подошвой, уже карабкается вверх по его штанине, — и после этого день

переставал быть томным. Кроме того, если вы углядели одного Фигля, так вокруг, скорее всего, ещё много тех, которых вы не заметили, зато они наверняка заметили вас.

Надо думать, у верзунов проблемы покрупнее, потому что сами они крупнее нас, подумала кельда. И вздохнула про себя. Мужу она в этом ни за что не признается, но порою Джинни размышляла: а может, юному Фиглю-другому стоило бы с пользой для себя изучить что-нибудь вроде, ну, счетоводства. Что-нибудь такое, где не нужно постоянно драться и рикошетировать от стен. Но тогда останется ли маленький Фигль — Фиглем?

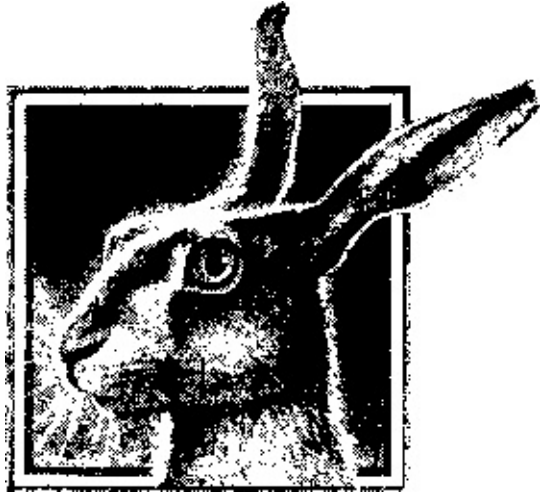
— Страшусь я за мал-громазду каргу, Явор, — промолвила Джинни. — Нелады творятся.

— Она сама хотела стать каргой, девчуря моя, — отозвался Явор. — А теперь ей противу судьбины ходу нету, как и нам. Ты ж бум-бум, она дракс что надо. Она так Зимовея чмокс, что ему кирдыкс; она эльфийскую Кральку сковородской ушандарахнула. И памятью я тот радь, когда ей в балду незыримая тварюка залазила, и карга её заборола и выперла. Она дракс-дракс умеет.

— О, эт мне ведомо, — отозвалась кельда. — Она поцеловала зиму — и вернула весну. То и впрямь было великое деянье, но тады она облеклась в плац лета. Эту силу она на него и обрушила, не только свою. Она хорошо справилась, это так, никого не знаю я, кто справился бы лучше, но ей надо стеречься.

— Да что ж енто за вражина такой, шоб мы заедино с нею ему людей не навешали? — удивился Явор.

— Того не ведаю, — промолвила кельда, — но мне вот как мнится. Когда она поцеловала владыку зимы, меня пробрало насквозь; сдаётся, мир тоже здорово трянуло, и не диво мне, коли что ещё и пробудилось от сна. Ты, Явор, гляди призывай за ней в оба глаза.

Глава 4

НАСТОЯЩИЙ ШИЛЛИНГ*

Тиффани проснулась голодная и услышала смех. Амбер не спала и, вопреки всем ожиданиям, была счастлива.

Частично протиснувшись в узкий туннель, уводящий внутрь холма, Тиффани поняла почему. Девушка всё ещё лежала на боку, свернувшись в клубочек, но её развлекала орава юных Фиглей: они кувыркались, ходили колесом и время от времени шуточно дубасили друг друга.

Смех казался ещё моложе, чем сама Амбер; так хохочет младенец при виде блестящих, разноцветных игрушек. Тиффани понятия не имела, как работают утешания, но они лучше всех ведьминых средств, вместе взятых. Они помогают людям прийти в себя и исцеляют изнутри головы наружу. Они позволяют выздороветь, а главное, позволяют забыть. Порою Тиффани казалось, что кельда говорит про утешания так, словно они живут своей жизнью — быть может, это ожившие мысли или добрые существа, которые каким-то образом забирают и уносят всё плохое.

— Ей получшало, — сообщила кельда, появляясь словно из ниоткуда. — Она поправится. Когда выйдет наружу тьма, начнутся кошмары, утешания ведь не всесильны. Но она уже приходит в себя, начало положено, а это главное.

Было ещё темно, но рассвет уже обозначился каймою на горизонте. А до наступления дня Тиффани предстояло покончить с одним грязным делом.

— Можно, я ненадолго оставлю её тут у вас? — попросила она. — Мне нужно кое-что закончить.

«Не следовало мне засыпать, — думала девушка, выбираясь из мелового карьера. — Надо было сразу возвращаться! Как я могла бросить там бедного малыша!»

Тиффани принялась выпутывать метлу из кустов вокруг холма и вдруг замерла неподвижно. Она затылком чувствовала: за ней наблюдают. Девушка резко обернулась и увидела старуху в чёрном, высокую и статную, но с клюкой в руках. На глазах у Тиффани старуха медленно растаяла, словно слившись с пейзажем.

— Госпожа Ветровоск? — воззвала Тиффани в пространство. Но это же глупо — матушка Ветровоск ни за что не воспользовалась бы тростью.

Краем глаза Тиффани заметила какое-то движение. А когда снова крутнулась на месте, то увидела зайчиху^[13] — присев на задние лапы, та как ни в чём не бывало разглядывала девушку с интересом и без малейшего страха.

Ну да, зайцы — они такие. Фигли на них не охотились, а обыкновенная овчарка из сил выбьется раньше, чем заяц хотя бы запыхается. Заяц не роет тесную нору, где его можно запереть как в ловушке; заяц живёт скоростью — проносится через поле, точно грёза о ветре — и уж, конечно, может себе позволить посидеть и понаблюдать за неспешным движением мира.

А эта зайчиха запылала пламенем. На мгновение ослепительно вспыхнула, а затем, целая и невредимая, метнулась прочь и скрылась с глаз.

«Ну хорошо, — размышляла Тиффани, высвободив ручку метлы, — посмотрим на дело с точки зрения здравого смысла. Земля не обожжена, а зайцы обычно огнём не вспыхивают, так что...» Тиффани замешкалась: в памяти распахнулась крохотная дверца.

Зайчиха бежит в огонь.

Она где-то это прочла? Услышала в какой-то песенке? В детской считалке? При чём тут вообще заяц? Но она — ведьма, и у неё есть обязанности. А таинственные знамения могут и подождать. Ведьмам отлично известно: таинственные знамения — они повсюду. Мир прямо-таки тонет в таинственных знамениях. Нужно просто выбрать то, которое тебе подходит.

Тиффани стремительно неслась по воздуху над спящей деревней; летучие мыши и совы спешно от неё уворачивались. Дом семьи Пенни стоял на окраине. Был при нём и огород. При всех деревенских домах были огороды. По большей части там росли овощи или, если верх брала жена, то поровну — овощи и цветы. Дом Пенни выходил на четверть акра^[14] жгучей крапивы.

Это всегда раздражало Тиффани до самых подошв её деревенских башмаков. Так ли трудно выполоть сорняки и посадить немного картошки? Всего-то и нужно, что навоз, а уж этого добра в деревне, где разводят скот, полным-полно; тут главное — в дом его не натащить. Господин Пенни мог бы приложить хоть малую толику усилий.

Он, похоже, возвращался в сарай, а если не он, то кто-то другой. Мёртвый младенец теперь лежал на куче соломы. Тиффани загодя припасла немного старого, но годного полотна, что уж всяко лучше, чем солома и мешковина. Но кто-то потревожил крохотное тельце и разложил

вокруг него цветы — ну ладно, крапиву. А ещё зажёт свечку в оловянном подсвечнике: такие в каждом доме водятся. Подсвечник. Огонёк. На охапке соломы. В сарае, полном сухой соломы и сена. Тиффани в ужасе глядела на свечу — и тут где-то над головой послышался хрип.

На балке висел человек.

Балка поскрипывала. Медленно оседало облачко пыли и соломенной сечки. Тиффани быстро подставила ладонь и выхватила свечу прежде, чем сверху снова посыплется мякина — и весь сарай вспыхнет пламенем. Она уже собиралась задуть огонёк, как вдруг осознала, что тогда останется в полной темноте наедине с мерно раскачивающимся телом — очень может быть, что и мёртвым. Девушка аккуратно переставила свечу к двери и пошарила вокруг в поисках чего-нибудь острого.

Но это был сарай господина Пенни, и всё, что ни возьми, здесь давно затупилось, кроме пилы.

Наверняка это он там висит! Кому же ещё там быть, как не ему?

— Господин Пенни? — позвала Тиффани, вскарабкавшись на пыльную балку.

Послышался не то всхрап, не то всхлип. К добру ли?

Тиффани как-то умудрилась зацепиться ногой за балку, высвободив одну руку, и взялась за пилу. Проблема в том, что ей не помешали бы ещё две руки. Верёвка крепко обвилась вокруг шеи, а тупые зубья пилы просто скользили по ней, ещё сильнее раскачивая тело. А этот дурень ещё и дёргаться начал, так что верёвка не только качалась, но и закручивалась. Ещё минута — и она, Тиффани, сорвётся вниз.

Воздух всколыхнулся, сверкнуло железо, и Пенни камнем рухнул на пол. Тиффани удержалась ровно настолько, чтобы успеть ухватиться за пыльную балку и не то сползти, не то соскользнуть следом за ним.

Она затеребила ногтями верёвку, натянутую вокруг шеи, но та была тугой, как натянутый барабан... и тут полагалось бы зазвучать фанфарам, потому что словно из ниоткуда перед ней возник Явор Заяadlo. Он воздел крохотный блестящий клеймор и вопросительно воззрился на девушку.

Тиффани мысленно застонала. Да на что ты вообще годишься, господин Пенни? Чего хорошего ты сделал? Ты даже повеситься как следует не можешь. Какая с тебя польза? Не окажу ли я услугу миру и тебе, позволив завершиться тому, что ты начал?

С мыслями оно всегда так. Мысли думаются сами, а потом просачиваются тебе в голову, надеясь, что и ты тоже будешь так думать. Такие мысли нужно прихлопывать сразу; а то они подчинят ведьму себе, только дай им волю. И тогда всё пойдет прахом и не останется ничего,

кроме мерзкого хихиканья.

Говорят, чтоб понять другого, надо пройти мило в его башмаках; для Тиффани это звучало изрядной бессмыслицей, — ведь *после* того, как ты прошёл мило в чужих башмаках, ты, скорее всего, поймёшь одно: за тобой гонятся и обвиняют в краже обуви; с другой стороны, ты почти наверняка сумеешь убежать, ведь преследователь-то босиком! Нет, на самом деле Тиффани отлично понимала, что значит это присловье; а перед ней распростёрся человек, жизнь которого висела на волоске. У неё не было, просто не было выбора. Нельзя обрывать этот волосок — надо дать бедолаге шанс ради букетика крапивы; ведь где-то внутри этой жалкой туши ещё сохранилась малая толика добра. Крохотная искорка, но она есть. И спорить тут не о чем.

В глубине души ненавидя себя за слюнтяйство, Тиффани кивнула Большому Человеку клана Фиглей.

— Ладно, только его не порань.

Лезвие сверкнуло в воздухе и резануло с хирургической точностью, хотя настоящий хирург сперва вымыл бы руки.

Верёвка распалась надвое под острым клинком и змеей скользнула на пол. Пенни задышал так жадно, что пламя свечи у двери на миг словно расплющилось.

Тиффани встала с коленей и отряхнулась.

— Вы зачем вернулись? — осведомилась она. — Что вы искали? И что надеялись найти?

Господин Пенни лежал на полу, хватая ртом воздух. Он даже не заворчал в ответ. Трудно было ненавидеть его сейчас — жалкого, беспомощного.

Ведьме то и дело приходится делать выбор — зачастую такой, который обыкновенные люди делать не хотят, о котором они предпочли бы вообще не знать. Тиффани обтёрла лицо господина Пенни обрывком тряпицы, смочив её под струей воды из насоса снаружи, и завернула мёртвого младенца в полотнище более широкое и чистое, припасенное именно с этой целью. Не лучший из саванов, но вполне приличный. Словно в полусне Тиффани напомнила себе, что надо бы пополнить запасы подручного перевязочного материала, и с запозданием осознала, сколь многим обязана нежданному помощникам.

— Спасибо тебе, Явор, — поблагодарила она. — Думаю, сама бы я не справилась.

— Небось справилась бы, — возразил Явор Заядло, хотя оба знали, что нет. — Просто так уж вышло, что я шлындра́л мимо, агась, и вовсе за тобой

не хвостился. Это, как их там, совпадение такое.

— В последнее время совпадения отчего-то участились, — не удержалась Тиффани.

— Ах-ха, — ухмыльнулся Явор. — Вот те ещё одно совпадение.

Смутить Фигля невозможно. Смущение у них просто в голове не укладывается.

Явор не сводил с неё глаз.

— А таперича чё?

Хороший вопрос, ничего не скажешь. Ведьма должна уметь убедить всех, будто она знает, что делать, даже если это не так. Пенни выживет, а бедное дитя к жизни уже не вернёшь.

— Я обо всём позабочусь, — заверила она. — Это наша работа.

«Вот только нет никаких “мы”, есть только я, — думала Тиффани, летя сквозь утренние туманы к цветнику. — Ах, если бы, если бы рядом был хоть кто-нибудь...»

В ореховой рощице на полянке с ранней весны до поздней осени цвели цветы. Таволга, и наперстянка, и львиный зад, и козлоподхвостник, и дамские чепчики, и трёхцветный чарлик, и сальвия, и полынь, и розовый тысячелистник, и подмаренник, и калужницы, и примулы, и два вида орхидей.

Именно здесь похоронили старуху, которую называли ведьмой. Если знать, куда смотреть, то среди всей этой зелени удавалось разглядеть то небольшое, что осталось от её хижины, а если и впрямь знать, куда смотреть, то и могилу. А если *хорошо* знать, куда смотреть, то отыщется и место, где Тиффани похоронила старухину кошку: здесь росла кошачья мята.

Некогда лютая музыка пришла за старухой и её кошкой, о да, ещё как пришла, и люди, поспешившие на барабанный бой, выволокли старуху в снег, и обрушили ветхую лачугу, и сожгли её книги, потому что в них были картинки со звёздами.

А всё почему? Потому что пропал сын барона, а у госпожи Клацли не осталось ни семьи, ни зубов, и, если совсем честно, она самую малость подхихикивала. Так что все решили, что она ведьма, а жители Мела ведьмам не доверяли, и её вышвырнули в снег, и огонь пожрал соломенную кровлю хижины, страницы со звёздами, одна за другой, потрескивая, сминались и улетали в ночное небо, а старую кошку до смерти забили камнями. Той же зимой старуха умерла в снегу — она напрасно стучалась во все двери, ей так и не открыли, и поскольку надо же было где-то её похоронить, на месте хижины вырыли неглубокую могилу.

Но на самом-то деле старуха никакого отношения не имела к пропаже

баронского сына, так? Ведь вскоре после того Тиффани отправилась в неведомую Волшебную страну, чтобы его вернуть, не правда ли? И теперь о старухе не вспоминали ни словом, верно? Но летом, когда люди проходили мимо этого места, цветы радовали взгляд, а пчёлы расцвечивали воздух медовыми красками.

Об этом не говорили. В конце концов, что тут скажешь? Что на могиле старухи расцветают диковинные цветы, а там, где девочка Болен похоронила кошку, кустится кошачья мята? Это прямо загадка, а может, даже и приговор, хотя чей приговор, и кому, и за что, и почему, лучше даже не задумываться и уж тем более не обсуждать. И, тем не менее, над останками предполагаемой ведьмы растут прекрасные цветы — как это возможно?

Тиффани таких вопросов не задавала. Семена стоили дорого, и лететь за ними пришлось неблизко, аж в Дверубахи, но она поклялась себе, что каждое лето яркая полянка в лесу будет напоминать людям о старухе, которую они затравили до смерти и похоронили здесь. Девушка не вполне понимала, почему это для неё настолько важно, но всем своим существом чувствовала: так надо.

Выкопав глубокую, безотрадную ямку в зарослях любиспеха, Тиффани огляделась по сторонам, не подглядывает ли за нею какой-нибудь прохожий, ранняя пташка, и обеими руками засыпала могилу землёй, раздвигая сухие листья и пересаживая позабудки. Вообще-то позабудки здесь не то чтобы уместны, но они быстро разрастаются, а это важно, потому что... *кто-то за ней наблюдает*. Главное — не оборачиваться. Тиффани знала: увидеть её невозможно. На памяти девушки только одному-единственному человеку удалось превзойти её в умении оставаться невидимой — и это была матушка Ветровоск. Да и туман ещё не развеялся, и шаги на тропе она бы непременно услышала. И это не зверь и не птица. Звери и птицы ощущаются совсем иначе.

Ведьме нет необходимости оглядываться, она ведь и без того всегда знает, кто стоит у неё за спиной. Обычно Тиффани с лёгкостью распознавала чужое присутствие, но сейчас все чувства до единого подсказывали ей, что тут нет никого, кроме Тиффани Болен, и отчего-то странным, непостижимым образом это ощущение казалось ошибкой.

— Слишком много работы и вечный недосып, — вслух произнесла она, и еле слышный голос вроде бы подтвердил: «Да». Словно эхо, вот только отражаться ему не от чего. Тиффани полетела прочь так быстро, как только позволяла метла, то есть на самом деле довольно медленно. Что ж, по крайней мере, бегством это не выглядело, и на том спасибо.

Уж не спятила ли она? Ведьмы об этом почти не говорят, но они постоянно настороже.

Спятить или, точнее, *не* спятить, это ж душа и сердце ведьмовства; и вот как всё устроено. Спустя какое-то время ведьма, которая, по ведьминскому обыкновению, почти всегда работает в одиночестве, почти неизбежно начинает... вести себя странно. Разумеется, многое зависит от того, сколько прошло времени и насколько ведьма сильна духом, но рано или поздно она перестаёт различать, что правильно и что нет, что хорошо и что плохо, и правду, и последствия. А это ведь очень опасно. Так что ведьмам приходится поддерживать друг друга в состоянии нормальности — ну, по крайней мере, в том, что считается нормальным для ведьмы. Многого тут не требовалось: посидеть за чаем, попеть песни, прогуляться по лесу, и всё более-менее налаживалось, и ведьма могла спокойно разглядывать объявления о пряничных домиках в рекламном каталоге строительного подрядчика и не вносить немедленно залог.

Теперь в придачу ко всему прочему Тиффани тревожилась за свой рассудок. Она вот уже два месяца как не летала в горы и три месяца как не виделась с мисс Тик, единственной ведьмой, которая появлялась время от времени здесь, в холмах. А по гостям ходить времени не было. Слишком много работы. Может, в этом-то и фокус, думала про себя Тиффани. Если не сидеть сложа руки, то сходить с ума некогда.

Когда Тиффани вернулась к кургану Фиглей, солнце стояло уже высоко. Её ждало самое настоящее потрясение: Амбер сидела на склоне холма в окружении Фиглей и весело смеялась. Тиффани припарковала метлу в зарослях терновника, а между тем и кельда подоспела.

— Ты, надеюсь, не возражнёшь, — промолвила она, заметив выражение лица Тиффани. — Солнце — великий целитель.

— Джинни, твои утешания просто чудо что такое, но я бы предпочла, чтобы вы поменьше попадались ей на глаза! Она же разболтает другим!

— О, ей это всё помстится вроде как снами благодаря утешаниям, — невозмутимо заверила Джинни, — а кто прислухнется к тому, что мала девчура болтает про феечек?

— Ей уже тринадцать! — возразила Тиффани. — И этого нельзя допускать!

— Разве она не счастлива?

— Ну да, но...

В глазах Джинни блеснула сталь. Она всегда относилась к Тиффани с большим уважением, но уважение требует взаимности. В конце концов, здесь — курган Джинни, и земля, скорее всего, тоже её. Тиффани

ограничилась тем, что напомнила:

— Её мать будет беспокоиться.

— Да ну? — отозвалась Джинни. — И что, её ма сильно обеспокоилась, когда позволила избить бедняжку до полусмерти?

Проницательность кельды здорово действовала на нервы. Тиффани часто говорили, что она уж больно востра, того гляди порежется, но неотрывный взгляд кельдиных серых глаз, пожалуй, искрошил бы и железные гвозди.

— Ну, мать Амбер, она... она не слишком умна.

— Я слыхала, — отозвалась Джинни. — Но у скотов мозга не густо, и однако ж лань с места не стронется, обороняя своего оленёнка, а лиса за своего лисёнка псу горло перервёт.

— У людей всё куда сложнее, — вздохнула Тиффани.

— Похоже на то, — согласилась кельда. В голосе её зазвучали ледяные ноты. — Ну что ж, утешания, похоже, свою работу делают, так что, мож, девчуре и впрямь пора вертаться в ваш сложный мир?

«Где ещё жив её отец, — напомнила себе Тиффани. — Я знаю, что жив. Он весь в синяках, но он дышит и, от души надеюсь, протрезвел. И когда же вся эта история закончится? Надо разобраться с проблемой раз и навсегда! У меня других дел полно! А днём мне нужно навестить барона!»

Отец Тиффани встретил их во дворе фермы; Тиффани обычно оставляла метлу привязанной к дереву снаружи, теоретически — чтобы, пролетая, не распугать кур, но главным образом потому, что так и не научилась приземляться достаточно ловко и не хотела позориться на глазах у зрителей.

Господин Болен переводил взгляд с Амбер на дочь.

— С ней всё в порядке? Выглядит она малость... не от мира сего.

— Ей дали успокоительного, чтоб полегчало, — объяснила Тиффани, — не надо бы ей пока выходить за ворота.

— Её мать вся испереживалась, знаешь ли, — укоризненно продолжал отец Тиффани, — но я ей сказал, Амбер в безопасном месте и ты за ней ухаживаешь.

В словах его явственно прозвучал намёк на: «Ты ведь уверена, что всё делаешь правильно, да?», но Тиффани старательно пропустила его мимо ушей и просто ответила:

— Да, всё верно.

Она попыталась представить себе, как госпожа Пенни переживает, но ничего не получилось. Сколько Тиффани себя помнила, вид у этой женщины всегда был настороженно-оторопелый, как будто жизнь для неё

— штука слишком сложная, только и жди очередного подвоха.

Болен притянул к себе дочь и понизил голос.

— Ночью Пенни вернулся, — прошептал он. — Говорят, его пытались убить!

— Что?

— Не сойти мне с этого места!

Тиффани обернулась на Амбер. Девушка неотрывно глядела в небо, словно надеясь, что вот-вот произойдёт что-нибудь интересное.

— Амбер, — тщательно подбирая слова, произнесла Тиффани, — ты ведь кур кормить умеешь, правда?

— О да, госпожа!

— Так ступай и покорми наших, ладно? Зерно в амбаре.

— Твоя мама их давным-давно покормила, — возразил было отец, но Тиффани быстро оттащила его в сторону.

— Когда это случилось? — спросила она, провожая взглядом девушку: та послушно побрела в амбар.

— Прошлой ночью, не знаю, в каком часу. Мне госпожа Пенни рассказала. Его сильно избили. В том самом хлипком сарае, где мы с тобой вчера сидели.

— Госпожа Пенни к нему вернулась? После всего, что случилось? Да что она в нём находит?

Господин Болен пожал плечами.

— Он ей муж.

— Но все знают, что он её бьёт!

— Ну, наверное, для некоторых женщин такой муж лучше, чем вообще никакого, — не без смущения выговорил отец.

Тиффани открыла было рот, чтобы ответить, встретила взглядом с отцом и поняла правду его слов. Она видела таких женщин в горах, разбитых и вымотанных: детей у них слишком много, денег слишком мало. Конечно, если они водили дружбу с нянюшкой Ягг, хотя бы насчёт детей можно было бы что-то придумать, и всё-таки есть на свете семьи, которые, чтобы поставить на стол еду, иногда вынуждены продавать стулья. И с этим ничего, вообще ничего не поделаешь.

— Пап, господина Пенни никто не бил, хотя, пожалуй, стоило бы. Я нашла его в сарае: он пытался повеситься, и я обрезала верёвку.

— У него сломано два ребра, на нём места живого нет!

— Пап, там очень высоко падать — и он уже хрипел! Что ещё я могла сделать? Оставить его болтаться в петле? Заслуживает он этого или нет, но он выжил! И роль палача не по мне! Там букетик лежал, папа! Сорняки и

крапива! У него от крапивы все руки распухли! В нём ещё теплится малая искорка, заслуживающая того, чтобы жить, ты разве не видишь?

— Но ты унесла ребёнка.

— Нет, папа, я унесла мёртвое тельце. Пап, послушай меня и попытайся понять. Я похоронила младенца, который умер. Я спасла человека, который умирал. Вот что я сделала, папа. Люди могут не понять и начнут выдумывать небылицы. Мне всё равно. Работа есть работа, и нужно её делать.

Послышалось кудахтанье; через двор прошла Амбер, а за ней цепочкой бежали куры. Кудахтающий звук издавала сама Амбер; на глазах у Тиффани и её отца куры промаршировали взад-вперёд, словно по команде сержанта-инструктора по строевой подготовке. Между кудахтаньем девушка посмеивалась про себя; заставив кур торжественно прошагать по кругу, она как ни в чём не бывало оглянулась на Тиффани с отцом и увела птиц обратно в амбар.

Помолчав, отец Тиффани промолвил:

— Я правда видел то, что видел?

— Да, — подтвердила Тиффани. — Сама не понимаю, что это было.

— Я потолковал тут с ребятами, — промолвил отец, — а твоя мама поговорила с женщинами. Мы станем приглядывать за семейкой Пенни. Больно долго мы смотрели сквозь пальцы на то, чего попускать не след. Нельзя всё перекладывать на тебя. Пусть люди не думают, будто ты за них всё уладишь, и, послушай моего совета, ты так тоже не думай. Есть вещи, за которые полагается браться всей деревней.

— Спасибо, пап, — поблагодарила Тиффани. — А теперь я, пожалуй, пойду навещу барона.

Тиффани уже почти и не помнила барона в добром здравии. Никто, по видимому, не знал толком, что с ним не так. Но, как и многие другие больные на её памяти, он как-то держался, жил в подвешенном состоянии и ждал смерти.

Кто-то из поселян сказал о нём: дверь скрипит, да никак не захлопнется. Теперь барону становилось всё хуже; на взгляд Тиффани, ждать, что дверь его жизни захлопнется навеки, оставалось уже недолго.

Но Тиффани могла забрать его боль и даже припугнуть её малость, чтобы боль повременила возвращаться.

Тиффани поспешила в замок. Сиделка, госпожа Лоск, её уже дожидалась. Лицо её было белее простыни.

— Ох, не лучший сегодня у него день, — посетовала она и со смиренной улыбочкой добавила: — Я за него всё утро молилась.

— Очень великодушно с вашей стороны, — отозвалась Тиффани. Она постаралась не подпускать в голос сарказма, но сиделка всё равно одарила её хмурым взглядом.

Тиффани провели в комнату, где пахло так, как обычно пахнет в комнатах больных: слишком даёт о себе знать присутствие людей, а вот воздуха недостаточно. Сиделка встала в дверном проёме, точно на часах. Тиффани затылком чувствовала её неотрывный подозрительный взгляд. Подобное отношение встречалось всё чаще. То и дело объявлялись бродячие проповедники, которые ведьм не любили, и люди к ним прислушивались. Люди порою живут в очень странном мире, думала про себя Тиффани. Каким-то непостижимым образом все знают, что ведьмы воруют младенцев и губят посевы; подобная чушь у всех на слуху. И в то же время, когда нужна помощь, бегут люди не куда-нибудь, а к ведьме.

Барон лежал на смятых простынях; лицо его посерело, волосы совсем поседели, а кое-где и вовсе выпали, оставив розовые проплешины. Однако выглядел он опрятно. Барон всегда отличался чистоплотностью. Каждое утро кто-то из стражников приходил его побрить. Барона это, по всей видимости, взбадривало, но прямо сейчас он смотрел сквозь Тиффани, словно её не видел. Она к этому привыкла; барон был, как говорится, «человеком старой закалки». Гордости не занимать, и характер не из лёгких, но умеет за себя постоять всегда и везде. Для него боль — это драчливый задира, а как поступают с драчливыми задирками? Им дают отпор, потому что тогда они просто убегают, поджав хвост. Но боль этого правила не знала. Наоборот, она задирала и изводила его всё сильнее. Барон лежал, закусив побелевшие губы, и Тиффани прямо-таки слышала, как он не кричит.

Девушка присела на табуретку рядом, размяла пальцы, вдохнула поглубже — и забрала боль, вытягивая её из истощённого тела и вкладывая в невидимый шар у себя над плечом.

— Я, знаете ли, магии не одобряю, — с порога сообщила сиделка.

Тиффани вздрогнула, словно канатоходец, вдруг почувствовавший, что на другом конце ударили палкой по верёвке. Она осторожно, капля по капле, утихомирила поток боли.

— Так я о чём, — продолжала сиделка, — не стану отрицать, ему и впрямь становится лучше, но хотелось бы мне знать, в чём источник этой целительной силы?

— Вероятно, в ваших молитвах, госпожа Лоск, — кротко отозвалась Тиффани и с удовольствием отметила, что лицо сиделки исказилось от ярости.

Но госпожа Лоск была толстокожа как слон.

— Мы должны быть уверены, что не якшаемся с тёмными демоническими духами. Лучше немножечко помучиться от боли в этом мире, нежели страдать вечность!

В горах стоят лесопилки на водяном двигателе, оснащённые громадными циркулярными пилами. Пилы вращаются так быстро, что видно лишь серебристую смазанную кляксу в воздухе... пока какой-нибудь забывчивый растяпа не потеряет бдительность, и тогда диск становится красным, а в воздухе идёт дождь из отрезанных пальцев.

Сейчас примерно так ощущала себя Тиффани. Ей необходимо сосредоточиться, а эта женщина болтает как заведённая, а боль только и ждёт, чтобы ведьма на краткий миг утратила бдительность. Ну что ж, ничего не попишешь... Тиффани швырнула болью в подсвечник у кровати. Тот разлетелся вдребезги, свеча полыхнула пламенем; Тиффани поспешно затоптала огонь. И обернулась к потрясённой сиделке.

— Госпожа Лоск, безусловно, всё, что вы говорите, чрезвычайно интересно, но в общем и целом, госпожа Лоск, мне безразлично ваше мнение о чём бы то ни было. Я не возражаю, чтобы вы тут оставались, госпожа Лоск, но то, что я делаю, очень трудно и опасно для меня, особенно если что-то пойдёт не так, и против этого я решительно возражаю, госпожа Лоск. Уходите, госпожа Лоск, или оставайтесь, но главное — заткнитесь, госпожа Лоск, потому что я только-только начала и боли мне предстоит забрать ещё очень много.

Госпожа Лоск грозно воззрилась на неё.

Тиффани в свой черёд одарила её особым взглядом, а если ведьмы в чём и наострились, так это в особых взглядах.

Дверь за возмущённой сиделкой захлопнулась.

— Говори потише — она подслушивает у двери, — раздался голос барона. Вот только разве это голос? — надтреснутый, срывающийся; повелительные интонации в нём слышались еле-еле, и каждое слово словно умоляло, чтобы хватило времени для следующего.

— Простите, сэр, но мне нужно сосредоточиться, — объяснила Тиффани. — Здесь ни в коем случае нельзя ошибиться.

— Конечно. Я помолчу.

Забирать боль — дело опасное, трудное и изматывающее, но до чего же отраднo было видеть, как посеревшее лицо старика оживает на глазах. Кожа уже слегка порозовела и набирала упругость по мере того, как всё больше боли вытекало из барона через Тиффани в новый невидимый шарик, парящий над её правым плечом.

Равновесие. Всё дело в равновесии. Таково было одно из самых первых заученных ею правил: середина качелей не поднимается и не опускается, взлёты и падения проходят сквозь неё, а она остаётся неподвижна. Нужно стать центром качелей, чтобы боль текла *сквозь* тебя, а не *внутри* тебя. Это очень трудно. Но она это умеет! Тиффани гордилась собой; даже матушка Ветровоск хмыкнула, когда Тиффани в один прекрасный день продемонстрировала ей, как освоила этот фокус. А хмыканье от матушки Ветровоск — всё равно что шквал аплодисментов от любого другого.

Барон заулыбался.

— Спасибо, госпожа Тиффани Болен. А теперь мне бы хотелось пересесть в кресло.

Это было что-то новое; Тиффани призадумалась.

— Сэр, вы уверены? Вы всё ещё очень слабы.

— Да-да, мне все так говорят, — отмахнулся барон. — Можно подумать, я сам не знаю. Помогите мне подняться, госпожа Тиффани Болен, потому что мне нужно поговорить с тобой.

Это оказалось нетрудно. Девушка, способная вытащить из кровати господина Пенни, с бароном управится играючи: она обращалась с ним как с хрупкой фарфоровой статуэткой, на которую он, кстати, весьма походил.

— Не думаю, чтобы мы с тобой, госпожа Тиффани Болен, за всё то время, что ты за мной приглядываешь, хоть раз поговорили толком, а не коротко и по делу, — заявил больной, когда Тиффани устроила его и вручила трость для опоры. Барон был не из тех, кто вальяжно разваливается в кресле, если можно сидеть на самом краешке.

— Ну, да, сэр, наверное, вы правы, — осторожно согласилась Тиффани.

— Прошлой ночью мне приснилось, что у меня тут гости, — сообщил барон, лукаво усмехаясь уголком рта. — Что ты на это скажешь, а, госпожа Тиффани Болен?

— Пока что я не знаю, что и подумать, сэр, — отозвалась Тиффани, твердя про себя: «Только не Фигли! Пожалуйста, только не Фигли!»

— Это была твоя бабушка, госпожа Тиффани Болен. Чудесная была женщина, и красавица редкостная. О да, я здорово расстроился, когда она вышла за твоего деда, но, наверное, всё сложилось к лучшему. Я по ней очень скучаю, знаешь ли.

— Вы? — удивилась Тиффани.

Старик улыбнулся.

— После смерти моей дражайшей супруги только она одна и смела со

мною спорить. Тому, кто облечён ответственностью и властью, нужен кто-то, кто бы одёрнул его, если он поведёт себя как распоследний дурак. Матушка Болен выполняла эту обязанность с похвальным рвением, должен отметить. И спасибо ей большое, потому что я частенько вёл себя как распоследний дурак, которому надо бы надрать задницу, метафорически говоря. Я надеюсь, госпожа Тиффани Болен, что, когда я буду уже в могиле, ты окажешь ту же услугу моему сыну Роланду, который, как ты знаешь, порою слишком много о себе воображает. Ему нужен кто-то, кто надрал бы ему задницу, метафорически говоря, или даже в буквальном смысле, ежели он чересчур зазнается.

Тиффани сдержала улыбку и, улучив момент, поправила крутящийся шарик боли, что по-свойски парил над плечом.

— Спасибо за доверие, сэра, я сделаю всё, что в моих силах.

Барон вежливо кашлянул.

— На самом деле в какой-то момент я питал надежду, что вы с моим мальчиком вступите во... взаимоотношения более личного свойства.

— Мы хорошие друзья, — промолвила Тиффани, тщательно подбирая слова. — Мы всегда были добрыми друзьями, и я надеюсь, мы и впредь останемся... добрыми друзьями. — Тиффани поспешно утихомирила опасно завибрировавшую боль.

Барон кивнул.

— Вот и славно, госпожа Тиффани Болен, но, пожалуйста, будь так добра, пусть узы дружбы не помешают тебе справедливо надрать ему задницу, ежели в том возникнет нужда.

— Я с превеликим удовольствием исполню ваш завет, сэра.

— Ты молодец, юная барышня, — похвалил барон, — и спасибо, что не отчитываешь меня за употребление слова «задница» и не спрашиваешь, что значит «метафорически».

— Нет, сэра, я знаю, что такое «метафорически», а «задница» — это общеупотребительное слово, тут стыдиться нечего.

Барон кивнул.

— Да, ощущается в нём этакая похвальная прямота. А «попу» оставим для старых дев и малышни.

Тиффани покрутила слова на языке и согласилась:

— Да, сэра, мне тоже кажется, что здесь вы в самую точку попали.

— Превосходно. Кстати говоря, госпожа Тиффани Болен, не могу не полюбопытствовать, с какой стати ты нынче не приседаешь передо мной в реверансе. Почему нет?

— Я теперь ведьма, сэра. Мы этого не делаем.

— Но я твой барон, юная барышня.

— Да. А я — ваша ведьма.

— Но там, за дверью, моя стража; солдаты тотчас сбегутся, стоит мне кликнуть. И ты, конечно же, знаешь, что здешний народ ведьм не то чтобы жалуется.

— Да, сэр, я это знаю, сэр. Ведь я — ваша ведьма.

Тиффани внимательно вглядывалась в лицо барона. Его светло-голубые глаза озорно, хитро поблёскивали.

«Худшее, что ты сейчас можешь сделать, — сказала себе Тиффани, — это выказать слабость. Он — как матушка Ветровоск; он проверяет людей на прочность».

Словно прочитав её мысли, барон рассмеялся.

— То есть ты сама себе хозяйка, госпожа Тиффани Болен?

— Не уверена, сэр. Последнее время мне кажется, что я принадлежу всем и каждому.

— Ха, — хмыкнул барон. — Мне рассказывают, ты трудишься не покладая рук.

— Я — ведьма.

— Да, — кивнул барон. — Именно так ты и сказала, чётко, ясно и неоднократно. — Барон упёрся обеими иссохшими руками в трость и поверх них посмотрел на собеседницу. — Стало быть, это правда, да? Что лет семь назад ты, вооружившись железной сковородкой, отправилась куда-то там в волшебную страну и спасла моего сына от королевы эльфов — чрезвычайно неприятной особы, как я понимаю?

Тиффани замялась.

— А вы хотите, чтобы всё было именно так? — спросила она.

Барон усмехнулся и ткнул в её сторону костлявым пальцем.

— Хочу ли я? Право слово! Хороший вопрос, госпожа Тиффани Болен, она же ведьма. Дай-ка подумаю... скажем так... я хочу знать правду.

— Ну, про сковородку всё правда, надо признать, и да, Роланд был здорово не в себе, так что мне, ну, пришлось взять дело в свои руки. Самую малость.

— Самую... малость? — улыбнулся старик.

— Не то чтобы необоснованно большую малость, — быстро поправились Тиффани.

— А почему мне никто не рассказал об этом тогда, скажи на милость?

— Потому что вы — барон, — просто сказала Тиффани, — а мальчикам с мечами полагается спасать девочек. Так во всех сказках говорится. Так сказки устроены. Никто никогда и думать не хотел, что

может быть и наоборот.

— И тебе не было обидно? — Барон не сводил с неё глаз и ни разу не моргнул. Лгать не имело смысла.

— Было, — призналась она. — Самую малость.

— Обоснованно большую малость?

— Наверное, да, так. Но потом я уехала учиться на ведьму и больше об этом не задумывалась. Вот и вся правда, сэр. Простите, сэр, но кто вам об этом рассказал?

— Твой отец, — отвечал барон. — И я ему за это очень признателен. Он навестил меня вчера, пришёл попроситься, поскольку я, как ты сама знаешь, умираю. И это, кстати, тоже правда. И только попробуй устроить ему разнос, юная барышня, ведьма ты там или не ведьма. Обещай, что не будешь.

Тиффани знала, что эта ложь вот уже много лет язвила отца. Ей-то было по большей части всё равно, а вот ему — нет.

— Да, сэр, обещаю.

Барон помолчал мгновение, не сводя с девушки глаз.

— Видишь ли, госпожа Тиффани Болен, которая, если верить последовательным повторам, ещё и ведьма, ныне взор мой затуманен, а вот разум отчего-то видит дальше, чем ты думаешь. Но, наверное, мне ещё не поздно восстановить справедливость. Под моей кроватью стоит окованный медью сундук. Пойди открой его. Ну же! Прямо сейчас.

Тиффани выдвинула сундук из-под кровати; казалось, он наполнен свинцом.

— Внутри ты найдёшь несколько кожаных кошель, — проговорил старик за её спиной. — Вытащи один. В нём лежит пятнадцать долларов. — Барон откашлялся. — Спасибо, что спасла моего сына.

— Послушайте, я не могу принимать... — начала было Тиффани, но барон грохнул тростью об пол.

— Заткнись и, будь так добра, послушай, госпожа Тиффани Болен. Когда ты сражалась с королевой эльфов, ты ещё не была ведьмой, а значит, ведьминское правило не брать денег здесь неприменимо, — резко заявил он. Глаза его сияли ярче сапфиров. — Что до оказанных мне лично услуг, я так понимаю, тебе заплатили едой и чистым подержанным полотном, ношеной обувью и дровами. Я надеюсь, моя экономка была достаточно щедра? Я велел ей не скупиться.

— Что? О, о да, сэр. — И так оно и было. Ведьмы жили в мире одежды с чужого плеча, старых простыней (хороший перевязочный материал), башмаков, в которых ещё сохранилось немного жизни, и, конечно же,

подержанного, поношенного, потрёпанного и в целом видавшего виды добра из вторых, третьих, четвёртых и пятых рук. В таком мире получить доступ к кладовым жилого замка — всё равно что разжиться ключом от монетного двора. Что до денег... Тиффани снова и снова взвешивала кожаный мешочек в руках. Какой тяжёлый!

— А что вы со всем этим барахлом делаете, госпожа Тиффани Болен?

— Что? — рассеянно откликнулась она, всё ещё рассматривая кошель. — Э, гм, меняем одно на другое, отдаём людям, которым оно нужно... ну, всё в таком духе.

— Госпожа Тиффани Болен, ты внезапно сделалась уклончива. Ты, наверное, размышляешь про себя о том, что пятнадцать долларов — это сущая малость за спасение баронского сына, не так ли?

— Нет!

— То есть это было «да», верно?

— То есть это было «нет», сэр! Я — ваша ведьма! — Тиффани, тяжело дыша, обожгла его свирепым взглядом. — И я пытаюсь уравновесить очень непростой шарик боли, сэр.

— Ага, это говорит внучка матушки Болен! Покорно прошу прощения, как мне частенько следовало попросить прощения и у неё. И, тем не менее, будь так добра оказать мне честь и любезность и принять этот кошель, госпожа Тиффани Болен, и воспользоваться его содержимым как сочтёшь нужным в память обо мне. Я уверен, такого количества денег ты в жизни своей не видела.

— Я никаких денег обычно не вижу, — запротестовала потрясённая Тиффани.

Барон снова громыхнул тростью об пол, словно аплодируя.

— Я очень сомневаюсь, что тебе вообще доводилось видеть такие деньги, — весело заметил он. — Потому что, понимаешь ли, хотя в мешочке пятнадцать долларов, это не те доллары, к которым ты привыкла или привыкла бы, если бы имела дело с деньгами. Это — старые доллары, тех давних времён, когда денежную систему ещё не изгадили. В современном долларе, как я понимаю, по большей части медь, а золота там — что в морской воде. А вот этот доллар — настоящий шиллинг, чистейшей воды, да простится мне эта шутка. — Тиффани охотно простила шутку, потому что не поняла. Барон улыбнулся её замешательству. — Короче, госпожа Тиффани Болен, если ты отнесёшь эти монеты честному оценщику, он заплатит тебе, ну, я думаю, где-то около пяти тысяч анк-морпоркских долларов. Не знаю, сколько это в пересчёте на старые башмаки, но, с вероятностью, на эти деньги ты сможешь купить себе

старый башмак величиной с этот замок.

«Я не могу принять этих денег», — подумала Тиффани. Мешочек в её руках вдруг изрядно потяжелел. А вслух она сказала:

— Для ведьмы это слишком много.

— Но за сына — не слишком, — возразил барон. — Не слишком много за наследника, не слишком много за преемственность поколений. Не слишком много за то, чтобы убрать из мира ложь.

— Но на эти деньги мне лишней пары рук не купить и ни единой секунды в прошлом не исправить, — отозвалась Тиффани.

— И тем не менее я настаиваю, чтобы ты их взяла, — повторил барон. — Если не ради себя, то ради меня. Это снимет тяжкое бремя с моей души, и, поверь, прямо сейчас душу эту неплохо бы подчистить, ты не согласна? Я ведь скоро умру, так?

— Да, сэр. Думаю, очень скоро, сэр.

Тиффани стала чуть лучше понимать барона и несколько не удивилась, когда тот рассмеялся.

— Видишь ли, — пояснил он, — большинство людей сказали бы: «Да нет, дружище, ты ещё всех нас переживёшь, мы тебя быстренько на ноги поднимем, ты ещё бодрячком!»

— Да, сэр. Я ведьма, сэр.

— И в нынешних обстоятельствах это значит, что?..

— Я изо всех сил стараюсь не лгать, сэр.

Старик поёрзал в кресле и внезапно стал серьёзным.

— Когда придёт время... — начал было он и замялся.

— Я буду с вами, сэр, если хотите, — отозвалась Тиффани.

Барон облегчённо выдохнул.

— А тебе уже доводилось видеть Смерть?

Тиффани ждала этого вопроса и была к нему готова.

— Обычно я просто чувствую, как он проходит мимо, сэр, но я видела его дважды, так сказать, во плоти, если бы плоть у него была. Он — скелет с косой, в точности как в книгах — собственно, я думаю, он таков именно потому, что так его изображают в книгах. Он учтив, но твёрд, сэр.

— Да уж, не удивлюсь! — Старик немного помолчал и продолжил: — А он... не говорил чего-нибудь насчёт загробной жизни?

— Да, сэр. По всей видимости, там нет горчицы, и у меня сложилось впечатление, что маринадов и солений тоже.

— Правда? Досада какая. Наверное, соусы чатни* тоже исключаются?

— Я не обсуждала тему приправ в подробностях, сэр. У него такая большая коса.

В дверь забарабанили, и госпожа Лоск громко осведомилась:

— Вы в порядке, сэр?

— Лучшего и желать нельзя, уважаемая госпожа Лоск, — столь же громко отозвался барон, а затем заговорщицки понизил голос. — Кажется, наша госпожа Лоск тебя не жалуется, дорогая моя.

— Она считает, я негигиенична, — объяснила Тиффани.

— Никогда не понимал этой чепухи, — фыркнул барон.

— Всё очень просто, — отозвалась Тиффани. — Я просто сую руки в огонь при любой возможности.

— Что? Ты кладёшь руки в огонь?

Тиффани уже пожалела, что обмолвилась, но теперь старик не отступится, пока она ему не покажет. Девушка вздохнула, подошла к очагу, сняла с подставки тяжёлую железную кочергу. Себе самой она призналась, что и впрямь любит иногда похвастаться этим фокусом, а барон — зритель благодарный. Но уместно ли делать это сейчас? Ну да ладно, фокус с огнём не такой уж и сложный, боль надёжно уравновешена, а барону, похоже, уже недолго осталось.

Тиффани зачерпнула ведром воды из небольшого колодца в дальнем конце комнаты. В колодце водились лягушки, а значит, и в ведре, но добрая Тиффани бросила их обратно в колодец. Кому приятно варить лягушек? Без ведра с водой, строго говоря, можно было и обойтись, но и ведру отводилась своя роль. Тиффани театрально откашлялась.

— Видите, сэр? У меня в руках одна кочерга и одно ведро с водой. А теперь... я держу в левой руке кочергу, а правую кладу в самую горячую середину пламени, вот так.

Барон охнул: пламя охватило её кисть, а кончик кочерги в другой руке внезапно раскалился докрасна.

Произведя должное впечатление на барона, Тиффани опустила кочергу в ведро с водой: за клубилось облако пара. Затем она подошла к барону и продемонстрировала правую руку — целую и невредимую.

— Но я своими глазами видел, как взметнулось пламя! — вытаращил глаза барон. — Здорово! Потрясающе здорово! Это какой-то фокус, да?

— Скорее навык, сэр. Я положила руку в огонь и направила жар в кочергу. Просто переместила жар, понимаете? А пламя, которое вы видели, вспыхнуло и сожгло отмершие кусочки кожи, грязь и всех этих гнусных невидимых кусачих тварей, которые кишмя кишат на негигиеничных руках... — Девушка оборвала себя на полуслове. — С вами всё в порядке, сэр? — Барон неотрывно глядел на неё. — Сэр? Сэр?

Старик заговорил, словно зачитывая из невидимой книги:

— «Зайчиха бежит в огонь. Зайчиха бежит в огонь. Огонь принимает её — но не жжёт. Огонь обнимает её — и не жжёт. Зайчиха вбегает в огонь. Огонь её любит, она — свободна...» Я всё вспомнил! Как я вообще мог забыть! Как я посмел позабыть такое?! Я говорил себе, что запомню это навсегда, но время идёт, столько всего надо запомнить и сделать, мир загромождается, посягает на твоё время и на твою память. И то, что важно, то, что настоящее, — забывается...

Тиффани потрясённо глядела, как по лицу барона катятся слёзы.

— Я всё помню, — прошептал он, захлёбываясь рыданиями. — Я помню жар! Я помню зайчиху!

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась госпожа Лоск. То, что произошло дальше, заняло не дольше мгновения, но Тиффани показалось, будто прошли часы. Сиделка поглядела на неё, с кочергой в руке, затем на плачущего старика, затем снова на Тиффани, которая выпустила кочергу из рук, затем снова на старика, затем снова на Тиффани — кочерга упала в очаг с громким лязгом, и по всему миру прокатилось эхо. Госпожа Лоск набрала в грудь побольше воздуха — точно кит перед тем, как нырнуть на дно океана, и завопила:

— Что ты такое с ним делаешь, а? Убирайся прочь, ты, грязная потаскушка!

К Тиффани тут же вернулась способность говорить, а затем и кричать:

— Я — чистая, и я ничего не таскаю!

— Я позову стражу, ты, чёрная полуночная ведьма! — завопила сиделка, выбегая за дверь.

— Сейчас только одиннадцать тридцать! — крикнула ей вслед Тиффани и бросилась к барону, зная не зная, что делать дальше. Боль встрепенулась. Тиффани её чувствовала. Мысли мешались. Того гляди равновесие нарушится. Девушка на мгновение сосредоточилась и, заставляя себя улыбнуться, обернулась к барону:

— Мне страшно жаль, если я вас расстроила, сэр, — начала она и тут же осознала, что барон улыбается сквозь слёзы и всё лицо его словно светится.

— Расстроила? Помилуй, ещё чего, я вовсе не расстроен. — Барон попытался выпрямиться и трясущимся пальцем указал на огонь. — Наоборот, я поправился! Я словно ожил! Я снова молод, дорогая моя госпожа Тиффани Болен! Я помню тот чудесный день! Видишь меня? Внизу, в той долинке? Чудесный, бодрящий сентябрьский денёк. Малыш в твидовой курточке, помню, она ещё такая кусачая была, всё тело зудело, да-да, ужас до чего кусачая, и мочой попахивала! Мой отец распевал

«Жаворонков трели»*, а я пытался подпевать, но, понятное дело, не мог, потому что голосишко у меня был что у кролика; и мы смотрели, как жгут стерню. Повсюду курился дым, огонь катился по полю; мыши, крысы, кролики и даже лисы бежали от пламени нам навстречу. Фазаны и куропатки в последний момент взмывали в небо, как это за ними водится, и вдруг все звуки смолкли, и я увидел зайчиху. Ох, ну и здоровенную же, а ты знаешь, что деревенские считают, будто все зайцы на самом деле зайчихи? — так вот, она просто-напросто сидела на месте и тарасилась на меня, а вокруг падали кусочки сожжённой травы, а за ней бушевало пламя. Она неотрывно смотрела на меня, и я готов поклясться, что, как только она поймала мой взгляд, зайчиха взвилась в воздух — и скакнула прямо в огонь. Я, понятное дело, разревелся — такая она была красивая. А отец подхватил меня на руки и шепнул, что откроет мне один маленький секрет, и научил меня заячьей песне, чтобы я узнал правду и перестал плакать. А потом, уже позже, мы прошлись по пепелищу и никакой мёртвой зайчихи не нашли. — Старик неловко повернул голову к Тиффани и засиял, буквально засиял. Засветился изнутри.

Откуда это? — недоумевала Тиффани. Для бликов огня отсвет слишком золотистый, а шторы задвинуты. Здесь, в комнате, всегда было слишком темно, но сейчас вокруг лучился бодрящий сентябрьский день...

— Помню, когда мы вернулись домой, я нарисовал картинку цветными карандашами, и отец был так горд, что обошёл с ней весь замок, показывая всем и каждому, — продолжал старик с энтузиазмом мальчишки. — Детские каракули, понятное дело, но отец говорил о картинке словно о невесте каком шедевре. С родителями это случается. Я нашёл картинку в отцовских бумагах после его смерти, и, кстати, если тебе интересно, ты её обнаружишь в кожаной папке в том же сундуке с деньгами. Это же, в конце концов, ценная вещица. Я никому больше об этом не рассказывал, — признался барон. — Люди, и дни, и воспоминания приходят и уходят, но это воспоминание всегда было здесь, со мной. И никакими деньгами, госпожа Тиффани Болен, она же ведьма, мне не расплатиться с тобой за то, что ты вернула мне это чудесное видение. Которое я буду помнить вплоть до смертного...

На краткий миг пламя в очаге замерло, и в воздухе ощутимо похолодало. Тиффани никогда не была уверена, что действительно видит Смерть: возможно, каким-то непостижимым образом всё происходило у неё голове. Хотя, где бы он ни был, он, ну, в общем, был здесь.

— КАЖЕТСЯ, МОМЕНТ ПОДХОДЯЩИЙ? — промолвил Смерть.

Тиффани не отпрянула — с чего бы?

— Это ты устроил? — спросила она.

— КАК БЫ МНЕ НИ ХОТЕЛОСЬ ПРИПИСАТЬ ЗАСЛУГУ СЕБЕ, ТУТ ЗАДЕЙСТВОВАНЫ ИНЫЕ СИЛЫ. ДОБРОГО ВАМ УТРА, ГОСПОЖА БОЛЕН.

Смерть ушёл, и барон последовал за ним — маленький мальчик в новёхонькой твидовой курточке, ужасно кусачей и попахивающей мочой^[15], шёл за отцом по дымящемуся жнивью.

Тиффани коснулась ладонью лица покойника и почтительно закрыла ему глаза, в которых уже угасал ответ горячей стерни.

Глава 5

ПРАМАТЕРЬ ЯЗЫКОВ

Здесь должна была настать минута тишины; вместо того настала минута металла. Стражники были уже на подходе: их доспехи громыхали даже больше обычного, потому что ни один толком не подходил по размеру. Вот уже сотни лет ни о каких битвах здесь слыхом не слыхивали, но стражники по-прежнему носили доспехи: ведь в штопке они не нуждаются и снашиваются не скоро.

Дверь распахнул сержант Брайан. В лице его отражалась вся гамма противоречивых чувств. Это было выражение лица человека, которому только что сообщили, будто злая ведьма, которую он знал с детства, убила его господина, а сын господина в отлучке, а ведьма всё ещё в комнате, а сиделка, особа пренеприятная, подпихивает его в зад и орёт: «Чего ты ждёшь, парень? Выполняй свой долг!»

Всё это здорово действовало Брайану на нервы.

Он смущённо глянул на Тиффани.

— Доброе утро, госпожа, у вас тут всё в порядке? — Он уставился на сидящего в кресле барона. — Он, стало быть, умер, да?

— Да, Брайан, умер, — подтвердила Тиффани. — Он умер несколько минут назад, и у меня есть все основания считать, что умер он счастливым.

— Что ж, тогда, выходит, всё хорошо, — пробормотал сержант, и тут лицо его сморщилось, по щекам хлынули слёзы, так что следующие его слова пополам со всхлипами застревали в горле. — Он, знаешь, он был к нам так добр, когда моя бабуся занемогла; каждый день посылал ей горяченького поест, вот прям до самого конца.

Держа Брайана за обмякшую руку, Тиффани осторожно выглянула из-за его плеча. Остальные стражники тоже плакали, и плакали особенно отчаянно, потому что знали: они — крепкие, сильные мужчины, или, по крайней мере, хотят на это надеяться, так что не пристало им нюни распускать. Но барон всегда был тут, был частью их жизни, как рассвет. Что греха таить, может, он и задавал им головомойку, ежели кто уснёт на дежурстве или у кого, скажем, меч затупился (несмотря на то, что ни одному стражнику на памяти нынешнего поколения мечом пользоваться не приходилось, разве только чтобы вскрыть банку варенья); но, в конечном счёте, он же барон, а они — его вассалы, и вот теперь его не стало.

— Спроси её про кочергу! — завизжала сиделка из-за спины Брайана. — Ну же, спроси её про *деньги*!

Лица Брайана сиделка не видела, в отличие от Тиффани. Вероятно, его снова пнули в зад, и он разозлился не на шутку.

— Прости, Тифф... то есть госпожа, но вот эта дама тут говорит, ей кажется, ты совершила убийство и ограбление. — Судя по лицу Брайана, сам он так не думал и отнюдь не искал неприятностей на свою голову, менее всего — от Тиффани.

Тиффани вознаградила его сдержанной улыбкой. Никогда не забывай о том, что ты ведьма, напомнила себе она. Не кричи о своей невинности. Ты сама *знаешь*, что невинна. Тебе не нужно ни о чём кричать.

— Барон по доброте своей дал мне денег за... за то, что я за ним ухаживала, — объяснила Тиффани, — вероятно, госпожа Лоск нечаянно его услышала, и у неё сложилось ложное впечатление.

— Это целая куча денег! — побагровела госпожа Лоск. — Здоровенный сундук под кроватью барона был открыт!

— Всё это правда, — подтвердила Тиффани, — и, по всей видимости, госпожа Лоск нечаянно слушала уже довольно долго.

Кое-кто из стражников прыснул, отчего госпожа Лоск расвирипела ещё больше, если, конечно, такое возможно. Она решительно протолкалась вперёд.

— Ты станешь отрицать, что стояла здесь с кочергой, засунув руку в огонь? — закричала она. Лицо у неё покраснелось, как у индюшки.

— Мне бы хотелось кое-что сказать, если не возражаете, — перебила её Тиффани. — Это очень важно. — Она чувствовала, как нетерпеливая боль рвётся на волю. Руки сделались холодными и влажными.

— Признавайся, ты творила чёрную магию!

Тиффани вдохнула поглубже.

— Я не знаю, что это такое, — промолвила она, — но я точно знаю, что над самым своим плечом я удерживаю последнюю боль барона и мне нужно как можно скорее от неё избавиться, а здесь я от неё избавиться не могу — слишком людно. Будьте так добры, мне нужно открытое пространство, причём прямо сейчас! — Тиффани оттолкнула с дороги госпожу Лоск, а стражники тут же расступились, к вящему раздражению сиделки.

— Не выпускайте её! Она улетит! Ведьмы всегда так делают!

Тиффани хорошо знала внутреннее устройство замка; да кто его не знал-то? Если спуститься по лестнице, попадёшь во внутренний двор — туда-то она и поспешила, чувствуя, как боль вострепелась и расправляет

щупальца. Если хочешь держать боль под контролем, нужно думать о ней как о каком-то звере, но это действует только до определённого момента. Примерно до... вот до этого момента и действует.

Рядом возник сержант, и Тиффани схватила его за руку.

— Подбрось свой шлем вверх, — с трудом выговорила она сквозь сжатые зубы, — и не спрашивай зачем!

У сержанта хватило ума повиноваться приказу: он запустил шлем ввысь, точно суповую тарелку. Тиффани швырнула боль следом, и та обрела свободу: девушка всем своим существом ощущала её жуткую скользкую шелковистость. Шлем замер в воздухе, словно натолкнувшись на невидимую стену, рухнул на булыжную мостовую в облаке пара и согнулся едва ли не вдвое.

Сержант подобрал его и тут же выронил снова.

— Да он к чертям раскалился! — Он вытаращился на Тиффани, которая, прислонившись к стене, хватала ртом воздух. — И ты вот так забираешь боль *изо дня в день*?

Тиффани открыла глаза.

— Да, но обычно мне хватает времени, чтобы куда-нибудь её слить. Вода и камень не слишком-то подходят, а вот металл вполне надёжен. Не спрашивай почему. Если я начну задумываться, как это работает, оно не сработает.

— А я слышал, ты ещё всякие штуки с огнём умеешь делать? — восхищённо спросил сержант Брайан.

— С огнём легко работать, если голова ясная, но вот боль... боль даёт отпор. Боль живая. Боль — это враг.

Сержант снова опасно нагнулся за шлемом, надеясь, что он достаточно остыл.

— Надо будет успеть выпрямить вмятину, пока босс не заметил, — начал он. — Ты ж знаешь, он за порядком бдит в оба глаза... Ох. — Брайан устался в землю.

— Да, — отозвалась Тиффани как можно мягче. — К этому придётся привыкать, верно? — Она молча протянула стражнику свой носовой платок, и тот шумно высморкался.

— Но ты умеешь забирать боль, — начал он, — значит, ты можешь и?..

Тиффани предостерегающе подняла руку.

— Стоп, — приказала она. — Я знаю, о чём ты собираешься попросить, и ответ мой — «нет». Если бы ты оттяпал себе кисть руки, я, наверное, смогла бы юб заставить тебя забыть об этом, пока ты не попытался бы пообедать, но такие вещи, как утрата, горе и печаль? Здесь я

ничем помочь не могу. Я не смею в это вмешиваться. Есть такая штука, как «утешания», но я знаю только одно существо в целом свете, которое такое умеет, и я её даже просить не стану научить меня. Это слишком... глубоко.

— Тифф... — Брайан замялся и огляделся по сторонам, словно ожидая, что из ниоткуда появится сиделка и снова ткнёт его в спину.

Тиффани ждала. «Пожалуйста, не спрашивай, — мысленно твердила она. — Ты знаешь меня всю жизнь. Не думаешь же ты...»

Брайан умоляюще поднял глаза.

— Ты ведь... ничего не брала? — Голос его прервался.

— Нет, конечно же, нет, — ответила Тиффани. — Что за муха тебя укусила? Как тебе такое только в голову пришло?

— Сам не знаю, — смущённо покраснел Брайан.

— Ладно, забудь.

— Наверное, надо известить молодого господина, — заявил Брайан, ещё раз мощно высморкавшись, — но я знаю только, что он уехал в большой город вместе со своей... — И стражник снова смущённо умолк.

— Со своей невестой, — решительно закончила Тиффани. — Никто не запрещал говорить об этом вслух.

Брайан откашлялся.

— Ну, видишь ли, мы думали... ну, то есть мы все думали, что ты и он, в общем, ну, знаешь...

— Мы всегда были добрыми друзьями, — отрезала Тиффани. — И это всё.

Ей стало жалко Брайана, пусть он и слишком часто открывает рот, не успев включить мозг. Тиффани похлопала его по плечу:

— Послушай, давай я слетаю в большой город и разыщу его?

Брайан прямо растаял от облегчения.

— Правда слетаешь?

— Конечно. Я же вижу, у тебя дел полно, а так хоть на душе поспокойнее станет.

На его душе — да, а вот на моей — наоборот, думала Тиффани, торопливо шагая по замку. Новость уже распространилась повсюду. Люди неприкаянно стояли тут и там, плакали, беспомощно озирались по сторонам. Уже у самого выхода к ней метнулась кухарка.

— Что ж мне делать-то? У меня на плите обед для бедолаги стряпается!

— Так снимите его и отдайте кому-нибудь, кому нужно поесть досыта, — не задержалась с ответом Тиффани. Главное, чтобы голос звучал деловито и невозмутимо. Люди потрясены и растеряны. Она ощущала бы

то же самое, будь у неё время, но прямо сейчас важно встряхнуть их, вытолкнуть в мир «здесь и сейчас».

— Слушайте меня, вы, все, — голос Тиффани эхом разнёсся по просторному залу. — Да, ваш барон мёртв, но барон у вас по-прежнему есть! Он скоро будет здесь со своей... избранницей, и к их приезду замок необходимо отдраить от подвалов до крыши! Вы все знаете, кто за что отвечает! Так приступайте!

Вспоминайте старого барона с добром и в память о нём наведите в замке порядок!

Это сработало. Это всегда срабатывает. Голос, который звучит так, словно его владелица знает, что делает, способен горы сдвинуть, особенно если эта самая владелица ещё и при остроконечной чёрной шляпе. Замок внезапно ожил: все засуетились, забегали, закипела работа.

— Ты небось думаешь, тебе всё сошло с рук? — раздался голос за её спиной.

Тиффани выждала мгновение, прежде чем оборачиваться, а когда наконец обернулась, на губах её играла улыбка.

— О, да это госпожа Лоск! Вы всё ещё здесь? Раз так, может, вы могли бы помыть где-нибудь полы?

Сиделка прямо-таки полыхала яростью.

— Я не мою полов, ты, наглая маленькая...

— Верно, госпожа Лоск, вы ничего не моете, не так ли? Я давно это заметила! Так вот, госпожа Зорецвет, которая была здесь до вас, вот она полы мыла на совесть! Она отдраивала пол так, что в него можно было смотреться, как в зеркало — хотя в вашем случае, госпожа Лоск, я понимаю, почему вас это не прельщает. А госпожа Джемпер, которая была здесь до госпожи Зорецвет, отчищала полы песком, белым песком! Она преследовала грязь, как терьер — лисицу!

Сиделка открыла было рот, чтобы возразить, но Тиффани не дала ей и слова вставить.

— Кухарка рассказывала, вы очень набожны, часами на коленях простаиваете, по мне, так и прекрасно, просто замечательно, но вам не приходило в голову взять при этом в руки ведро и тряпку? Людям не нужны молитвы, госпожа Лоск; людям нужно, чтобы вы делали своё дело, госпожа Лоск. И я по горло сыта вами, госпожа Лоск, и в особенности вашим очаровательным белоснежным жакетиком. Думаю, на Роланда ваш чудесный белый жакетик произвёл сильное впечатление, но на меня — нет, госпожа Лоск, потому что вы никогда не возьмётесь ни за какую работу из страха его запачкать.

Сиделка занесла было руку.

— Ох и закатила бы я тебе пощёчину!

— Нет, — твёрдо возразила Тиффани. — Не смогли бы.

Рука застыла в воздухе.

— Меня в жизни так не оскорбляли! — возмущённо взвизгнула сиделка.

— В самом деле? — откликнулась Тиффани. — Я удивлена.

Она развернулась на каблуках, оставив сиделку стоять где стояла, и направилась к молодому стражнику, только что вошедшему в зал.

— Я тебя в замке то и дело вижу. Но не знаю, кто ты. Как тебя зовут?

Начинающий стражник отсалютовал, как смог.

— Престон, госпожа.

— Престон, барона уже отнесли вниз, в усыпальницу?

— Да, госпожа, а я снёс вниз несколько фонарей, запас чистого полотна и ведро тёплой воды, госпожа. — Заметив выражение её лица, Престон усмехнулся. — Моя бабушка обмывала покойников, когда я был совсем мальцом, госпожа. Я могу помочь, если надо.

— А бабушка позволяла тебе помогать?

— Нет, госпожа, — признался юноша. — Она говорила, мужчинам этого нельзя, если они не обучены доктрине.

— Доктрине? — озадаченно подняла брови Тиффани. — Что за доктрина?

— Ну, знаете, госпожа, доктрина — в смысле пилюли, микстуры, отпиливание ног, всё такое.

— А, ты имеешь в виду — докторству, — осенило Тиффани. — Думаю, этого не нужно. Не то чтобы мы пытались его вылечить. Я сама справлюсь, но спасибо за предложение. Это и в самом деле женская работа.

«А почему это женская работа, я понятия не имею», — сказала себе Тиффани, входя в усыпальницу и засучивая рукава. Молодой стражник даже догадался принести вниз миску с землёй и миску с солью^[16]. Молодчина твоя бабушка, подумала Тиффани. Хоть кто-то научил мальчишку чему-то полезному!

Девушка всплакнула немного, приводя старика в «подобающий вид», как говорила матушка Ветровоск. Тиффани всегда плакала. Так надо. Вот только, если ты ведьма, нельзя плакать на людях. Люди этого не ждут. Им будет не по себе.

Тиффани отступила на шаг. Что ж, надо признать, старикан выглядит заметно лучше, чем вчера. В качестве завершающего штриха она достала из кармана два пенни и осторожно положила их на веки умершего.

Таковы были древние обычаи, рассказанные ей нянюшкой Ягг. Но теперь родился новый обычай, известный ей одной. Тиффани одной рукой оперлась о край мраморной плиты и взяла ведро с водой в другую. И постояла неподвижно, пока вода в ведре не закипела, а плита не покрылась инеем. Тогда Тиффани вынесла ведро наружу и вылила его в канаву.

К тому времени, как она закончила, в замке уже дарила суматоха; все занялись своими делами, так что покидала его Тиффани со спокойной душой. На выходе из замка она замешкалась и остановилась подумать. Люди редко останавливаются подумать. Они думают на ходу. А иногда это очень даже неплохая идея: просто перестать двигаться. Ведь как знать, вдруг ты движешься в неправильную сторону.

Роланд был единственным сыном барона и, насколько Тиффани знала, его единственным родственником, или, по крайней мере, единственным родственником, которого подпускали к замку ближе чем на пушечный выстрел. После отвратительной и дорогостоящей судебной грызни Роланду удалось-таки выдворить из замка кошмарных тёток, бароновых сестёр, которых, если честно, даже сам старый барон считал наигнуснейшей парой старых хорьков, которых только можно обнаружить в штанинах своей жизни. Но нужно было известить ещё кое-кого, и этот кое-кто никоим образом не приходился барону роднёй и, тем не менее, имел право узнать столь важную новость как можно скорее. Тиффани направилась к холму Фиглей повидать кельду.

Когда появилась Тиффани, Амбер сидела снаружи и шила что-то в солнечном свете.

— Здравсьте, госпожа, — весело поздоровалась она. — Сейчас схожу скажу госпоже кельде, что вы здесь. — С этими словами Амбер исчезла в дыре проворно, словно змейка, — так когда-то умела и Тиффани.

Зачем Амбер сюда вернулась? — недоумевала Тиффани. Она же сама отвела девушку на ферму Боленов, где ей ничего не угрожало. Зачем она поднялась в Меловые холмы, к кургану? И как ей вообще удалось вспомнить дорогу?

— Прелюбопытный она ребёнок, — раздался голос, и из-под листка высунулся Жаб^[17]. — Ты, никак, чем-то взволнована?

— Старый барон умер, — объяснила Тиффани.

— Ну, этого следовало ожидать. Да здравствует барон, — откликнулся Жаб.

— Он не может здравствовать, он умер.

— Нет, именно так полагается говорить, — проквакал Жаб. — Когда король умирает, нужно тотчас же возвестить миру, что уже есть

следующий. Это важно. Интересно, каким окажется новый барон. Явор Заядло уверяет, будто он — размазня и хлюпик, недостойный лизать тебе башмаки. И что он подло тебя бросил.

Как бы там ни сложились обстоятельства в прошлом, Тиффани не желала слышать ничего подобного.

— Облизывать мне башмаки или что другое я никому не позволю, спасибочки. Как бы то ни было, — добавила ведьма, — он ведь не *их* барон, верно? Фигли гордятся тем, что у них нет господина.

— Совершенно справедливое утверждение, — торжественно подтвердил Жаб. — Но не следует забывать и о том, что Фигли также гордятся своей способностью надираться в стельку по любому поводу, а это, в свою очередь, влечёт за собою некоторую переменчивость взглядов. Барон же со всей определённости считает себя, *de facto*, владельцем всех окрестных земель. И это его притязание имеет юридическую силу. Хотя с сожалением констатирую, что о себе сказать того же не могу: сила, в частности юридическая, более не пребывает со мною. Но так вот, возвращаясь к девочке, с ней всё не так просто. Ты разве не заметила?

«Чего такого я не заметила? — лихорадочно думала Тиффани. — Что я должна была заметить? Амбер ещё совсем ребёнок^[18]; я с ней частенько сталкивалась, не настолько тихоня, чтобы встревожиться, не такая шумная, чтобы вызывать раздражение. Вот, в сущности, и всё». И тут Тиффани вспомнила: куры! Вот что странно.

— Она умеет говорить по-фиглевски! — возвестил Жаб. — И я не имею в виду всякие там «раскудрить!» — это так, жаргон. Я имею в виду серьёзный, древний язык, на котором говорит кельда; язык, на котором они говорили до того, как пришли сюда — уж откуда бы они ни пришли. Прошу прощения, я бы, конечно, удачнее построил фразу, будь у меня время на подготовку. — Жаб помолчал. — Лично я ни слова на фигльском не понимаю, но девчонка его словно на лету схватывает. И ещё одно. Готов поклясться, она пыталась поговорить со мной на жабьем. Сам-то я в нем не силён, но какое-никакое понимание с, э-э-э, изменением формы, так сказать, обрёл.

— Ты хочешь сказать, она понимает незнакомые слова? — уточнила Тиффани.

— Не уверен, — отозвался Жаб. — По-моему, она понимает смысл.

— В самом деле? — удивилась Тиффани. — Мне она всегда казалась несколько простоватой.

— Простоватой? — забавляясь, переспросил Жаб. — Что ж, как законник, скажу тебе одно: то, что кажется совсем простым, может

оказаться чрезвычайно запутанным, особенно когда я работаю на условиях почасовой оплаты. Солнце — простое. Меч — простой. Гроза — простая. Но за простыми вещами тянется громадный хвост сложностей.

Амбер высунула голову из дыры.

— Госпожа кельда зовёт тебя в меловой карьере, — взволнованно сообщила она.

Тиффани осторожно пробралась сквозь тщательно обустроенное прикрытие. Из глубины мелового карьера доносились одобрительные возгласы и аплодисменты.

Карьер ей нравился. Здесь просто невозможно было чувствовать себя по-настоящему несчастной: влажные белые стены баюкали её словно колыбель, а сквозь заросли шиповника пробивался свет ясного дня. В детстве она порою видала, как в меловой карьере всплывает древняя рыбина и снова выплывает наружу: рыбина из тех времён, когда Меловые холмы были землёй под волнами. Вода ушла давным-давно, но души призрачных рыб этого не замечали. Они были закованы в броню словно рыцари и стары, как сам мел. Но с тех пор Тиффани их больше не видала. Вероятно, с годами зрение меняется.

Резко запахло чесноком. На дне карьера кишмя кишели улитки. Фигли осторожно расхаживали между ними и рисовали на раковинах номера. Амбер, обняв руками колени, сидела рядом с кельдой. Если смотреть сверху, больше всего это напоминало овчарочки смотры, только лая было поменьше, а липкости — побольше.

Заметив Тиффани, кельда поднесла крохотный палец к губам и коротко кивнула на Амбер, которая заворожённо наблюдала за происходящим. А потом указала на место по другую сторону от себя и объяснила:

— Мы, стал-быть, глядим, как ребята таврят скотину. — В голосе Джинни послышалась странноватая нотка. Таким голосом взрослый спрашивает у ребёнка: «До чего же весело, правда?» На случай, если ребёнок сам ещё не пришёл к такому выводу. Но Амбер, похоже, и впрямь радовалась от души. Тиффани вдруг пришло в голову, что Амбер счастлива, когда вокруг — Фигли.

А ещё Тиффани показалось, что кельда не в настроении говорить о серьёзных вещах, так что она просто спросила:

— А зачем их таврить? Кому их красть-то?

— Да другим Фиглям, ясно дело. Мой Явор смекает, они уж в очередину выстраиваются угонять наших улиток, стоит их только без призора кинуть.

— Но тогда зачем оставлять их без присмотра? — недоумевала

Тиффани.

— Так мои ж ребя, ясно дело, пойдут тырить *их* скотину. Это древний обычай Фиглей, чтоб всем всласть подракатся, и полямзить, и потырить, и, конечно же, без добра-любима пошла никак. — Кельда подмигнула Тиффани. — Ну, ребя-то радёхоньки, не горюнятся и у нас под ногами не мельтешатся, ясно дело.

Она снова подмигнула Тиффани, потрепала Амбер по коленке и сказала ей что-то на языке, похожем на очень древний вариант фигльского. Амбер ответила на нём же. Кельда многозначительно кивнула Тиффани и указала на противоположный конец карьера.

— Что ты ей только что сказала? — полюбопытствовала Тиффани, оглядываясь на девушку, которая с тем же улыбчивым интересом наблюдала за Фиглями.

— Я сказала, мы с тобой хотим потолковать промеж себя и беседа эта только для взрослых, — перевела кельда, — а она сказала, мальчишки ужасно смешные, и я понятия не имею как, но она переняла Праматерь Языков. Тиффани, я говорю на нём токмо с дочерью и с гоннаглом, ясно дело, и я как раз беседовала с ним в кургане давеча ночью, и тут она возьми и встрянь в разговор! Она переняла язык со слуха! Так не бывает! Она наделена редким даром, точняк. Она, похоже, понимает смысл слов в своей голове, а это магия, девочка моя, всамделишная, и не иначе!

— Как такое могло случиться?

— Кто знает? — покачала головой кельда. — Это дар. Послушайся моего совета, отдай девчуру в обучение.

— А не поздно ли ей начинать? — усомнилась Тиффани.

— Приставь её к ведьмовскому ремеслу иль найди какой ещё выход для её дара. Поверь, девочка моя, я вовсе не пытаюсь внушить тебе, будто избить девчуру мало не до смерти — дело хорошее, но кто знает, как мы выбираем наши пути? Вот она угодила сюда, ко мне. У неё дар понимания. А нашла б она его, сложись всё иначе? Ты отлично знаешь, что смысл жизни — в том, чтоб отыскать свой дар. Найти свой дар — это счастье. Не найти — беда. Ты говоришь, она простовата: подыщи ей наставника, который выявит в ней сложное. Эта девчура выучила непροстой язык со слуха. Миру позарез нужны те, кто такое умеет.

Прозвучало это убедительно. Всё, что говорила кельда, звучало убедительно.

Помолчав, кельда промолвила:

— Мне очень жаль, что барон умер.

— Прости, — покаялась Тиффани. — Я как раз собиралась тебе

рассказать.

Джинни улыбнулась.

— Думаешь, кельде нужно сообщать такие вещи, девочка моя? Он был хорошим человеком, и ты обошлась с ним как должно.

— А теперь мне пора отправляться на поиски нового барона, — промолвила Тиффани. — И мне потребуется помощь твоих ребят. В городе людей тысячи и тысячи, а Фигли здорово наловчились находить всякое-разное^[19]. — Тиффани оглядела небо. Ей до сих пор не доводилось проделывать путь до большого города верхом на метле, и лететь туда в темноте ей вовсе не улыбалось. — Я отправлюсь в путь с первым светом. Но прежде всего, Джинни, мне, наверное, надо отвести Амбер обратно домой. Ты ведь соскучилась по дому, Амбер, правда? — без особой надежды предположила она.

Три четверти часа спустя Тиффани летела на метле обратно в деревню, а в ушах её всё ещё звенели пронзительные вопли Амбер. Возвращаться домой она наотрез отказалась. Более того, своё нежелание покинуть холм изъяснила самым недвусмысленным образом: растопырив руки и ноги, упёрлась в стенки норы и принималась визжать во весь голос всякий раз, как Тиффани мягко тянула её за собой. Когда же та наконец отпустила девушку, Амбер вернулась и снова уселась рядом с кельдой. Что ж, ничего не попишешь. Ты строишь для людей одни планы, а сами люди тем временем строят совсем другие.

С какой стороны ни глянь, но у Амбер есть родители: совершенно ужасные родители, что правда, то правда, и можно ещё добавить, что это вы им польстили. По крайней мере, надо им сообщить, что девушка в безопасности... В конце концов, что дурного может случиться с Амбер под присмотром кельды?

Завидев на крыльце Тиффани, госпожа Пенни с грохотом захлопнула дверь и почти тут же распахнула её снова, заливаясь слезами. В доме дурно пахло — и не только застоявшимся пивным духом и подгорелой стряпнёй, но ещё и беспомощностью и замешательством. Кот, грязнее и паршивее Тиффани в жизни не видела, явно вносил в атмосферу свой посильный вклад.

Госпожа Пенни, перепуганная до потери разума, уж сколько бы его там ни было, рухнула на колени, невнятно о чём-то умоляя. Тиффани заварила ей чашку чая, задача не для брезгливых, учитывая, что вся посуда, что нашлась в хижине, громоздилась в каменной раковине: грязная мутная вода плескалась у самого края и время от времени ещё и пузырилась. Тиффани в течение нескольких минут изо всех сил отдраивала чашку, прежде чем

рискнула ею воспользоваться, а в чайнике между тем что-то побрякивало.

Госпожа Пенни, устроившись на единственном стуле с четырьмя ножками, бормотала что-то насчёт того, что муж её на самом-то деле человек неплохой, всего-то и надо, что ужин подать на стол вовремя да чтоб Амбер вела себя паинькой. Тиффани давно привыкла к такого рода безысходным разговорам, пока «ходила по домам» в горах. Порождал их страх — женщины боялись, что стоит им остаться одним, и им ещё хуже придётся. У матушки Ветровоск тут был свой метод, а именно: внушить всем и каждому страх перед матушкой Ветровоск, но матушка Ветровоск вот уже много лет была, ну, матушкой Ветровоск.

По ходу осторожных, мягких расспросов выяснилось, что господин Пенни спит наверху, и Тиффани просто сообщила госпоже Пенни, что за Амбер присматривает одна очень добрая дама, пока та выздоравливает. Госпожа Пенни снова расплакалась. Это убогое, нищенское жилище действовало Тиффани на нервы, и она пыталась гнать жестокие мысли; но так ли трудно вылить на каменный пол ведро холодной воды и шваброй выгнать её за дверь? Так ли трудно сварить мыла? Из животного жира и древесной золы мыло получается очень даже сносное. И, как говаривала когда-то мама: «Любому бедняку под силу вымыть раму», хотя отец, просто чтобы подразнить жену, иногда переделывал фразу на: «Любому бедняку под силу вымыть даму». А в этой семье с чего прикажете начинать? И что там такое погромыживает в чайнике и явно рвётся наружу?

Деревенские женщины в большинстве своём народ суровый. А как иначе, если приходится поднимать семью на батрачьи заработки? Существовало местное присловье, своего рода рецепт, как справляться с неуживчивым мужем. А именно: «Распекательный пирог, гуляш по двору да битки по рёбрам». То есть неуживчивого мужа запекали вместо ужина, спать выставляли за дверь, а если он поднимал на жену руку, то получал сдачи тяжёлой деревянной скалкой — такая в каждом доме имела. И мужья обычно осознавали свои ошибки ещё до того, как заиграет лютая музыка.

— Может быть, вам следует переехать куда-нибудь ненадолго, отдохнуть от господина Пенни? — предложила Тиффани.

Женщина, бледная как слизень и тощая как метла, в ужасе отшатнулась.

— Ох, нет! — вскричала она. — Он же без меня пропадёт!

И тут... всё пошло не так, ну, то есть ещё хуже, чем было. А ведь начиналось так безобидно... Бедняжка выглядела такой разнесчастной, что Тиффани не удержалась.

— Ну что ж, тогда я хотя бы у вас в кухне приберусь, — весело заявила она. И всё бы ничего, если бы она просто-напросто схватила метлу и взялась за работу, но нет, хватило же у неё ума посмотреть на закопчённый, затянутый паутиной потолок и обронить: — Ладно, я знаю, что вы тут, вы же за мной всегда ходите, так что принесите-ка пользу и отдрайте эту кухню до блеска!

В первые несколько секунд не произошло ровным счётом ничего. Тиффани навострила уши и услышала приглушённое бормотание под самым потолком:

— Вы слышали? Она бум-бум, что мы тут! И как так она завсегда просекает?

— Эт потому, что мы завсегда за нею хвостимся, ты мал-мал дурила! — послышался другой фиглевский голос, лишь самую малость отличный от первого.

— Ах-ха, это-то я кумексаю, но я к чему гну, разве ж мы не мы не давали честна-пречестна словеса не хвоститься за ней больше?

— Ах-ха, самое клятвенное словесо!

— Точнякс, так что я мал-мала грущеваю, что мал-мала громазда карга сумневается в клятвенных словесах. Больно обидственно оно для чуйств.

— Но мы ж клятвенное словесо уже порушили; таков обычай Фиглей.

— Эй, а ну кыкс живеи, чучундры, она уж ноготопсы топсит! — послышался третий голос.

На замызганную кухоньку обрушился смерч^[20]. Вокруг башмаков Тиффани, что и впрямь нетерпеливо притоптывали, взбурлила пенная вода. Надо признать, по части устроить кавардак Фигли не знают равных, но, как ни странно, умеют они и по-быстрому навести порядок, причём даже без помощи синих птиц и разнообразных лесных созданий.

Раковина мгновенно опустела и наполнилась мыльной пеной. Деревянные тарелки и оловянные кружки взмыли в воздух, в очаге вспыхнул огонь. Бум-бум-бум: дровяной ящик заполнился сам собою. Тут и вовсе поднялся дым коромыслом: вилка, подрагивая, воткнулась в стену у самого уха Тиффани. Туманом за клубился пар; из глубины его слышались странные звуки; сквозь непривычно чистое окно хлынуло солнце, заполнив комнату радугами; стрелой пронеслась метла, гоня прямо перед собою остатки воды; закипел чайник; на столе воздвиглась ваза с цветами — правда, некоторые торчали стеблями вверх, — и внезапно кухня засияла чистотой и свежестью и уже не пахла гнилой картошкой.

Тиффани подняла глаза к потолку. Кот, цепляясь за него всеми четырьмя лапами, одарил гостью на диво выразительным взглядом.

Расстроенная кошка способна переглядеть даже ведьму: она непременно одержит верх, тем более уже вися наверху.

Тиффани наконец-то заметила госпожу Пенни: та скорчилась под столом, закрыв руками голову. Когда её удалось выманить наружу, и усадить на удобный, чистенький стул, и уговорить выпить чаю из до блеска отдраенной кружки, она с величайшей готовностью согласилась, что да, так стало гораздо лучше. Хотя позже Тиффани неохотно признала про себя, что та согласилась бы на что угодно, лишь бы гостя убралась наконец восвояси.

Словом, Тиффани не то чтобы добилась впечатляющих успехов, но, по крайней мере, в доме стало заметно чище, и госпожа Пенни наверняка будет ей признательна, когда хорошенько обо всём поразмыслит. Уже выходя из запущенного сада, Тиффани услышала глухой стук и утробный рык: не иначе, кот отцепился-таки от потолка.

На полпути к ферме, с метлой через плечо, Тиффани подумала вслух:

— Наверное, это я сглупила.

— Не изводись, — раздался голос. — Кабы нам времечка достало, так мы бы и хлебца спекли.

Тиффани опустила глаза: разумеется, это был Явор Заяadlo с полудюжиной собратьев, известных как Нак-мак-Фигли, Маленький Свободный Народец, а порою — Подзащитные, Обвиняемые, те, кого разыскивает полиция для допроса и иногда даже «вон тот, второй слева, я клянусь, это был он».

— Вы опять за мной следите! — пожаловалась Тиффани. — Вы всегда обещаете, что больше не будете, и всё равно ходите за мной следом!

— Аххха, но ты запомнила, что на нас гюйс сидает. Ты — карга холмов, и нам должно завсегда быть готовски тебя защитить и подмогнуть тебе, чего б ты там ни грила, — твёрдо объявил Явор Заяadlo. Прочие Фигли быстро-быстро закивали головами, так что во все стороны посыпались огрызки карандашей, крысиные зубы, вчерашний ужин, любопытные камешки с дыркой посередине, жуки, многообещающие сгустки соплей, отложенные для изучения на досуге, и улитки.

— Послушайте, — убеждала Тиффани, — нельзя навязывать людям помощь, не спрашивая, хотят они этого или нет!

Явор Заяadlo почесал в голове, вернул на место выпавшую улитку и откликнулся:

— Чего б нет, госпожа? Ты ж так делаешь.

— Я — нет! — вслух запротестовала Тиффани, но в сердце ей вонзилась невидимая стрела. «Я обошлась жестоко с госпожой Пенни,

да? — размышляла она. — Что правда, то правда, у этой женщины мозг не больше, чем у мыши, и ведёт она себя в точности так же, но пусть её дом зарос грязью и провонял насквозь, это всё-таки её дом, а я ворвалась в него с целой оравой, скажем прямо, Нак-мак-Фиглей, и всё с ног на голову перевернула, пусть беспорядка там и поубавилось. Я вела себя бесцеремонно, и властно, и самоуверенно. Вот моя мама справилась бы куда лучше. Да если на то пошло, наверное, любая другая женщина в нашей деревне справилась бы лучше меня, но я — ведьма, и я всё испортила, всё провалила и напугала её до полусмерти. Я, соплюха малолетняя в остроконечной шляпе».

А ещё, подумала Тиффани, надо бы мне поскорее прилечь, иначе я просто рухну. Кельда была права: она, Тиффани, уже и не помнила, когда в последний раз спала на настоящей кровати; и как раз такая, настоящая кровать ждёт её на ферме. Но, виновато вспомнила Тиффани, ей ещё предстоит рассказать своим родителям, что Амбер Пенни вернулась к Фиглям...

Всегда найдётся что-нибудь, а потом ещё что-нибудь в придачу к чему-нибудь ещё; и этим «что-нибудь» конца-краю не видно. Не удивительно, что ведьмам выдали метлы. Ногами тут не обойдёшься.

Её мать как раз занималась Винвортом, братишкой Тиффани: у того под глазом красовался здоровенный синяк.

— Он подрался со старшими ребятами, — пожаловалась мать. — Вот и синяк схлопотал, так, Винворт?

— Ага, а я зато пнул Билли Дятла прям в очко.

Тиффани с трудом подавила зевок.

— Винни, а что вы не поделили-то? Я думала, ты поумнее будешь.

— Тифф, они говорят, ты ведьма, — объяснил Винворт. И на лице матери появилось какое-то странное выражение.

— Ну да, так и есть, — подтвердила Тиффани. — Работа у меня такая.

— Ага, но я сомневаюсь, что ты делаешь всё то, о чём они говорили, — возразил её брат.

Тиффани встретила взглядом с матерью.

— Что-то плохое, да? — спросила она.

— Ха! Это ещё слабо сказано, — отозвался Винворт. Рубашка его была вся перемазана в крови и соплях.

— Винворт, ступай к себе наверх, — велела госпожа Болен, и Тиффани подумала, что сама матушка Ветровоск не сумела бы добиться столь молниеносного исполнения приказа. Равно как и вложить в него столько подспудной угрозы, наводящей на мысль о том, что промедление смерти

подобно.

Когда башмаки Винворта очень неохотно исчезли за поворотом лестницы, мать обернулась к младшей дочери и, скрестив руки на груди, сообщила:

— Он не первый раз ввязывается в драку.

— Это всё из-за книжек с картинками, — вздохнула Тиффани. — Я пытаюсь убедить людей, что ведьмы — это не сумасшедшие старухи, которые разбрасываются проклятиями направо и налево.

— Когда вернётся твой папа, я велю ему сходить потолковать с папой Билли, — размышляла мать вслух. — Билли на целый фут выше Винворта, но твой па... твой па на два фута выше Биллиного папы. Больше драк не будет. Ты ж знаешь отца. Твой отец, он человек сдержанный, спокойный. На моей памяти он кулаки пустил в ход от силы раза два; но ему и не надо. Он умеет утихомирить буянов. Они сами успокаиваются — не то хуже будет. Но, Тифф, что-то тут не так. Мы все тобой ужасно гордимся, ты же знаешь, и тем, что ты делаешь, и всё такое, но с людьми творится неладное. Они такую чушь несут. И сыры наши продаются всё хуже. А ведь все знают, что лучше твоих сыров нигде не сыщешь. А теперь ещё эта Амбер Пенни. Думаешь, это ничего, что она якшается с этими... ну, с ними?

— Я надеюсь, мам, — отозвалась Тиффани. — Но у неё своя голова на плечах, и упрямства ей не занимать, и, мам, если уж на то пошло, я могу сделать только то, что в моих силах.

Позже той же ночью, засыпая на своей старой кровати, Тиффани слышала, как в комнате внизу тихонько шепчутся родители. И хотя ведьмы плачут нечасто, она с трудом сдержала слёзы.

Глава 6

ПОЯВЛЕНИЕ ЛУКАВЦА

Тиффани ужасно злилась на себя за то, что проспала. Матери даже пришлось чаю ей в постель принести! Но кельда была права. Тиффани давно не высыпалась как следует, и старая, но такая родная кровать прямо-таки вобрала её в себя.

Однако могло быть и хуже, внушала себе Тиффани, когда все наконец-то стартовали. Например, если бы в метле завелись змеи. А Фигли только радовались, как выразился Явор Заядло, «ежели килты ветерком пообдует». Фигли, наверное, лучше змей — во всяком случае, хотелось бы в это верить. Они чего только не вытворяли: бегали по метловищу из конца в конец полюбоваться на разные интересности, над которыми пролетали, а один раз Тиффани, обернувшись через плечо, заметила, как с десяток Фиглей повисли на конце метлы, или, точнее, один из них держался за конец метлы, а другой ухватился за его пятки, а следующий ухватился за пятки второго, и так далее, вплоть до последнего Фигля. Они развлекались от души, захлёбывались смехом, килты их хлопали по ветру. Вероятно, захватывающее ощущение полёта с лихвой искупало и опасность, и недостатки обзора — во всяком случае, такого обзора, что пришёлся бы по душе кому-либо кроме Фиглей.

Один-два Фигля всё-таки не удержались на прутьях и плавно спланировали вбок и вниз, махая братьям и вопя: «Ух тыыы!» Происходящее было для них увлекательной игрой — Фигли при ударе о землю обычно подскакивали как мячики, а вот в почве иногда оставалась вмятина. О том, как они доберутся домой, Тиффани не тревожилась; безусловно, мир кишмя кишит опасными тварями, готовыми напасть на бегущего маленького человечка, но к тому времени, как человек доберётся до кургана, ряды тварей существенно поредеют. Правду сказать, во время полёта Фигли вели себя почти образцово — по меркам Фиглей, разумеется, — и даже не подожгли метлу, пока до города не осталось всего миль двадцать. О досадном происшествии Туп Вулли возвестил негромким «ой-ёи-ёи!» — и виновато попытался загорочить собою пламя.

— Ты снова подпалил метлу, так, Вулли? — сурово спросила Тиффани. — А что мы решили в прошлый раз? Мы не разводим на метле огня без веских причин!

Метла заходила ходуном: Туп Вулли и его братья попытались затоптать огонь. Тиффани разглядывала ландшафт внизу, высматривая, куда бы приземлиться — на что-нибудь мягкое и желательно мокрое.

Но злиться на Вулли было бесполезно; он жил в своём собственном, скроенном по мерке Вулли мирке. Думать приходилось по диагонали.

— Интересно, Вулли, — проговорила Тиффани, когда метла опасно затарахтела, — а не удастся ли нам с тобой, объединив усилия, выяснить, отчего моя метла загорелась? Уж не потому ли, например, что у тебя в руке спичка?

Фигль уставился на спичку так, как будто видел её впервые, спрятал её за спину и воззрился на собственные ноги, что в создавшихся обстоятельствах было очень даже храбрым поступком.

— Ни бум-бум, госпожа.

— Видишь ли, — втолковывала Тиффани, пока ветер швырял их туда и сюда, — если прутьев недостаточно, я не могу как следует управлять метлой, и мы теряем высоту, но, к сожалению, всё равно летим очень быстро. Не сможешь ли ты мне решить эту головоломку, Вулли?

Туп Вулли засунул крохотный палец в ухо и покопался там, словно шаря в собственном мозгу. И тут его осенило:

— Мож, сидаем наземь, госпожа?

Тиффани вздохнула.

— Мне бы очень этого хотелось, Туп Вулли, но, видишь ли, мы движемся очень быстро, а земля — нет. В таких обстоятельствах у нас получится только так называемое крушение.

— Я не грил, что надуть сидануть в грязюку, госпожа, — откликнулся Вулли. — Я смекал, мож, сидануть вон туды?

Тиффани посмотрела туда, куда указывал его палец.

Внизу вилась длинная белая дорога, а на ней, не так уж и далеко, двигалось что-то прямоугольное — почти так же быстро, как сама метла. Тиффани вгляделась — мозг её лихорадочно работал — и наконец кивнула:

— Всё равно придётся немного сбросить скорость...

Вот так вышло, что тлеющая метла с одной перепуганной ведьмой и парой дюжин Нак-мак-Фиглей, что развернули килты, словно паруса, замедляя падение, приземлилась на крышу почтового экспресса «Ланкр-Анк-Морпорк».

Рессоры дилижанса спружинили как надо, и возница очень быстро успокоил лошадей. В наступившей тишине он тяжело слез с облучка. Белая пыль медленно оседала на дорогу. Грузный здоровяк морщился при каждом шаге; в одной руке он сжимал недоеденный сандвич с сыром, в другой —

очень характерный обрезок свинцовой трубы. Он шмыгнул носом.

— Теперь придётся начальству докладывать. Краска сбита, видишь? А ежели повреждение окраски случилось, надо докладную писать. Ненавижу докладные, уж больно у меня со словами туго. А что делать, если окраска повреждена, приходится доложить, хочешь не хочешь. — Сандвич и, что более важно, обрезок трубы вновь исчезли в кармане его просторного пальто, и Тиффани сама поразилась тому, сколько радости ей это доставило.

— Я прошу прощения, — промолвила Тиффани, когда кучер помог ей спуститься с крыши.

— Да я-то что, я тут ни при чём, понимаешь, это всё окраска. Уж я им твержу, твержу, ведь на дороге и тролли, и гномы попадают, а все ж знают, как они водят: зажмурятся — и вперёд, они ж солнца не любят.

Пока возница осматривал карету, оценивая ущерб, Тиффани сидела тише мыши. Но вот наконец он поднял взгляд и заметил остроконечную шляпу.

— Надо же, ведьма, — подвёл итог он. — Ну да всё на свете бывает в первый раз. А знаешь, что у меня тут в багаже, госпожа?

Тиффани перебрала в голове все самые худшие варианты.

— Яйца? — предположила она.

— Ха! — фыркнул возница. — Да если бы! Я везу зеркала, госпожа. Собственно говоря, одно зеркало. И не плоское: это вроде как шар такой. Очень аккуратно и надёжно упаковано; по крайней мере, так меня уверяли — никто ж не знал, что на него сверху с небес кто-то грохнется. — Возница говорил не рассерженно, просто устало, как если бы постоянно ждал от мира очередной пакости. — Гномья работа, — добавил он. — Говорят, стоит эта штуkenция больше тысячи анк-морпоркских долларов, а знаешь, зачем она? Повесить в городском танцевальном зале, там будут вальс танцевать, о котором благовоспитанной юной барышне вроде тебя даже знать не полагается, потому как в газетах пишут, от этих вальсов сплошные развраты и всякие там шуры-муры.

— Ну надо же! — откликнулась Тиффани, полагая, что именно такого ответа от неё и ждут.

— Что ж, пойду-ка гляну, велик ли ущерб, — промолвил возница, с трудом открывая багажное отделение экипажа. Значительную его часть занимал огромный ящик. — Там по большей части солома, — объяснил возница. — Не сможешь мне его вытащить? Если звякнет, мы оба здорово влипли.

Ящик оказался совсем не таким тяжёлым, как ожидала Тиффани. Тем

не менее они вдвоём осторожно опустили его на дорогу, возница пошарил среди соломы и достал зеркальный шар, держа его на вытянутой руке как редкостный драгоценный камень — да именно так зеркало и выглядело. Оно наполняло мир искристым светом, слепило глаза и рассыпало во все стороны потоки сверкающих лучей. И тут... возница завопил от боли, выронил шар, зеркало разлетелось на миллионы осколков, на мгновение заполнив небо миллионами отражений Тиффани. Кучер, скорчившись, рухнул на дорогу, подняв новый столб белой пыли, и остался лежать там, тихонько постанывая, а повсюду вокруг него дождем осыпались кусочки стекла.

Чуть быстрее чем в мановение ока хныкающего бедолагу кольцом обступили Фигли, вооружённые до зубов (уж сколько бы тех зубов ни осталось) клейморами, ещё клейморами, дубинами, топорами, кистенями и по меньшей мере ещё одним клеймором. Тиффани понятия не имела, где они до сих пор скрывались; Фигль способен и за волоском спрятаться.

— Не трогайте его! — закричала она. — Он не собирался меня обижать! Он очень болен! Лучше займитесь чем-нибудь полезным, соберите осколки, например! — Девушка присела на корточки и взяла кучера за руку. — И давно у вас смещение костей, сэр?

— Ох и настрадался я от них за последние лет двадцать, я прямо мученик, госпожа, как есть мученик, — простонал возница. — Это всё из-за тряской кареты, видишь ли. Уж эти мне подвески — от них никакого толку нет! Мне ж выспаться удаётся в одну ночь из пяти от силы, госпожа, верь слову; только-только начинаю задрёмывать, переворачиваюсь с боку на бок, вот как ты, и тут — щёлк! — и кааак скрутит, прям свету не взвижу от боли!

Если не считать нескольких точек на самом краю видимости, вокруг не было ни души, кроме, понятное дело, оравы Нак-мак-Фиглей, которые, вопреки здравому смыслу, довели до совершенства искусство прятаться друг за друга.

— Что ж, думаю, я смогу вам помочь, — проговорила Тиффани.

Иные ведьмы используют путанку, чтобы заглянуть в настоящее или, если повезёт, в будущее. В дымном полумраке Фиглевского кургана кельда совершала то, что называла *таинствиями*, — ты творишь их сам и передаёшь дальше, но передаёшь скрытно. Кельда всей кожей ощущала заинтересованный взгляд Амбер. «Странный ребёнок, — думала она. — Амбер видит, и слышит, и понимает. Чего бы мы не отдали за мир, в котором полным-полно таких людей, как она?» Кельда установила котёл [\[21\]](#) и развела под кожей небольшой огонь.

Кельда закрыла глаза, сосредоточилась и прочла воспоминания всех кельд, что когда-либо были и будут. Миллионы голосов беспорядочно плыли в её сознании, иногда еле слышные, неизменно приглушённые, зачастую маняще недоступные. То была удивительная библиотека разнообразных сведений, вот только все книги пребывали в беспорядке, все страницы перемешались, а указатель отсутствовал. Кельде приходилось отслеживать нити, угасающие по мере того, как она вслушивалась. Она напрягалась изо всех сил: тихие отзвуки, крохотные проблески, подавленные вскрики, течения смыслов дёргали её внимание из стороны в сторону... И вот оно, наконец, прямо перед нею, как будто всегда здесь было, и проступает всё отчётливее.

Кельда открыла глаза, уставилась в потолок и промолвила:

— Я ищу громазду мал-малу каргу, и что же такое я вижу?

Она взгляделась в туманы воспоминаний, древних и новых, и вдруг запрокинула голову, едва не сбив с ног Амбер, а та с интересом уточнила:

— Безглазого человека, да?

— Что ж, думаю, я смогу вам помочь, господин, э-э...

— Ковёрщик, госпожа. Вильям Глотталь Ковёрщик.

— Ковёрщик? — удивилась Тиффани. — Но вы же возница.

— Ну да, это прямо анекдот, госпожа. Видишь ли, Ковёрщик — это фамилия такая. Мы не знаем, откуда она у нас, потому что, видишь ли, никто из нас *не соткал ни одного ковра!*

Тиффани сочувственно улыбнулась.

— И?..

Господин Ковёрщик озадаченно воззрился на неё.

— Что «и»? Это весь анекдот. — Он засмеялся было и тут же снова вскрикнул: какая-то кость опять сместилась.

— Ах да, — отозвалась Тиффани. — Простите за бестолковость. — Она потёрла ладони друг о друга. — А теперь, сэр, давайте-ка разберёмся с вашими костями.

Лошади с молчаливым интересом следили, как Тиффани помогла вознице подняться на ноги, поддержала, пока тот снимал просторное пальто (покряхтывая и тихо вскрикивая), и велела упереться руками в стенку кареты.

Тиффани сосредоточилась, ощупала спину страдальца сквозь тонкую рубашку, и — да, вот она, смещённая кость.

Девушка отошла к лошадям и шепнула по словечку в каждое прядящее ухо — так, на всякий случай. А затем вернулась к господину Ковёрщику: тот терпеливо ждал, не смея пошевелиться. Тиффани уже

закатала рукава — и тут он спросил:

— Ты ведь не станешь меня превращать в гадость какую-нибудь, правда, госпожа? Только не в паука! Я их, пауков, боюсь до смерти, да и одёжка моя вся пошита на человека двуногого.

— С чего вы взяли, будто я собираюсь вас во что-то превращать, господин Ковёрщик? — удивилась Тиффани, осторожно проводя ладонью по его спине сверху вниз.

— Ну так, при всём уважении к тебе, госпожа, я думал, ведьмы только этим и занимаются — превращают людей во всякую пакость вроде уховёрток и тому подобного.

— Кто вам сказал?

— В точности не вспомню, — задумался возница. — Это, ну... об этом все и так знают.

Тиффани тщательно прощупала спину, отыскала смещённую кость, предупредила: «Будет немножко больно» — и втолкнула кость на место. Возчик пронзительно вскрикнул.

Лошади попытались было сорваться с места, да только ноги их не послушались, ведь нужное слово ещё звенело в их ушах. Год назад Тиффани разжилась «лошадиным словом», её ещё тогда ужасно мучила совесть; но, с другой стороны, старый кузнец, которому она помогла умереть легко и без боли, он же тоже мучился совестью, что ему нечем заплатить ведьме за её добросовестную работу, а ведьме обязательно платят, точно так же, как и перевозчику душ. Так что кузнец шепнул ей на ухо «лошадиное слово», с помощью которого можно подчинить себе любую лошадь. Слово это нельзя ни купить, ни продать, но можно отдать просто так и всё же сохранить при себе, и даже будь оно из свинца, оно бы стоило своего веса в золоте. Прежний владелец шёпотом добавил: «Я обещал, что не назову этого слова никому из себе подобных, так себе подобному я и не назвал!» Умер он, усмехаясь про себя; его чувство юмора было чем-то сродни Ковёрщикову.

А ещё господин Ковёрщик был довольно грузен; он медленно сполз вниз по стенке кареты, и тут...

— *Почто ты мучишь несчастного старца, зловредная ведьма? Ты разве не видишь, как ему больно?!*

Откуда он только взялся? Какой-то человек кричит во всё горло, лицо побелело от бешенства, одежда темна, как замураванная пещера или... Тиффани внезапно вспомнила нужное слово: как крипта. Вокруг не было ни души, это точно, и никого — по обе стороны дороги, разве что какой-нибудь случайный фермер наблюдал, как жгут стерню, расчищая поле.

Но лицо незнакомца вдруг оказалось от неё совсем близко, всего-то в нескольких дюймах. Он был настоящий, не чудище какое-нибудь, потому что у чудовищ лацканы слюной не забрызганы. И тут Тиффани почувствовала: от незнакомца смердит, да как! Ничего гаже она в жизни не нюхала. Зловоние было осязаемым, точно железный прут; Тиффани казалось, будто она вдыхает его не носом, а разумом. В сравнении с этим смрадом обыкновенный сортир благоухал как роза.

— Отойдите, пожалуйста, будьте так добры, — промолвила Тиффани. — Мне кажется, вы стали жертвой заблуждения.

— *Уверяю тебя, адская тварь, что я всегда и во всём прав! И потому я отправлю тебя прямиком в гнусный зловонный ад, тебя извергший!*

Ясно, сумасшедший, подумала Тиффани, но если он...

Слишком поздно! Незнакомец потряс пальцем у самого её носа — и внезапно пустынную дорогу заполнили бессчётные Нак-мак-Фигли — этакого запаса до конца жизни хватит и ещё останется! Чёрный человек замахал на них руками, но с Фиглями такой номер не проходит. Невзирая на стремительную атаку Фиглей, он успел-таки прокричать:

— *Прочь, гнусные бесенята!*

При этих словах все Фигли с надеждой заозирались.

— Ах-ха, — воскликнул Явор Заядло. — Если тут бесята рыщут, так мы, ребя, им быстро люлей накидаем! Твой ход, мистер! — Фигли напрыгнули на врага и повалились беспорядочной кучей на дорогу позади него, пролетев насквозь. Кое-как поднявшись на ноги, они непроизвольно принялись тужить друг друга, ведь если уж случилась такая славная драка, главное — не сбавлять темпа.

Незнакомец в чёрном скользнул по ним взглядом и более не обращал на Фиглей никакого внимания.

А Тиффани неотрывно глядела на его сапоги. Они блестели в солнечном свете, и это было неправильно. Она сама и нескольких минут не простояла в дорожной пыли, как её башмаки уже посерели. И что-то было явно не так с землёй под ногами у незнакомца. Очень, очень не так — в такой жаркий, безоблачный день. Девушка оглянулась на лошадей. Слово удерживало их на месте, но они дрожали от страха, точно кролики под взглядом лисы. Тиффани зажмурилась, посмотрела на чёрного человека Первым Взглядом и увидела. И сказала:

— Ты не отбрасываешь тени. Я знала, тут что-то не так.

А потом она заглянула незнакомцу прямо в глаза, почти закрытые широкополой шляпой, и... у него... не было... глаз. Осознание накатило на неё, точно лёд растаял... Вообще никаких глаз, ни самых обычных, ни

слепых, ни глазниц... просто две дыры в голове; Тиффани различала сквозь них тлеющую стерню. Того, что произошло в следующий миг, она никак не ожидала.

Незнакомец в чёрном снова ожёг её ненавидящим взглядом и прошипел:

— Ты — ведьма. Та самая. Куда бы ты ни пошла, я тебя отыщу.

И он исчез. В пыли осталась только куча-мала из дерущихся Фиглей.

Тиффани почувствовала, как на её башмак приземлилось что-то тяжёлое. Она опустила глаза: заяц, что, по-видимому, удирает от волны огня, встретил её взгляд. Секунду они неотрывно смотрели друг на друга, затем заяц скакнул в воздух, точно лосось в прыжке, и унёсся прочь через дорогу. Мир полон знаков и предвестий, а ведьма должна уметь выбрать те, что действительно важны. Но с чего же ей начать?

Господин Ковёрщик ждал, тяжело привалившись к карете: он-то ровным счётом ничего не понял, как и сама Тиффани, но уж она непременно выяснит, в чём дело.

— Вы можете встать, господин Ковёрщик, — промолвила она.

Возница поднялся на ноги — очень-очень осторожно, заранее скривившись в ожидании того момента, когда в спину молнией ударит боль. Неуверенно потоптался, чуть подпрыгнул в пыли, как будто давил муравья. Вроде получилось; он рискнул подпрыгнуть ещё раз, широко раскинул руки, заорал: «Урааа!» — и закружился как балерина. Шляпа отлетела в сторону, подбитые гвоздями сапоги впечатывались в пыль; бесконечно счастливый господин Ковёрщик вертелся волчком, подскакивал и приплясывал, почти прошёлся «колесом», а когда понял, что «колесо» провернулось только наполовину, откатился обратно, вскочил на ноги, подхватил изумлённую Тиффани и закружил её по дороге, громко крича: «Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три!» — пока та, хохоча, не вырвалась на свободу.

— Нынче вечером мы с жёнушкой пойдём куда-нибудь поразвлечься, барышня, и ох уж повальсируем так повальсируем!

— А мне казалось, от вальсов сплошные развраты? — удивилась Тиффани.

— Это уж как повезёт! — подмигнул ей возница.

— Вы, главное, не переусердствуйте, господин Ковёрщик, — предостерегла Тиффани.

— По правде сказать, госпожа, я как раз намерен переусердствовать, если не возражаете. После всех этих скрипов, и стонов, и бессонниц, думается мне, я с удовольствием чуточку переусердствую, а по

возможности и не чуточку! Ох ты, умница, даже о лошадках подумала, — добавил он. — Верно, сердце у тебя доброе.

— Вижу, настроение у вас улучшилось. Я так рада, господин Ковёрщик!

Возница крутнулся волчком посреди дороги.

— Да я на двадцать лет помолодел! — Он просиял улыбкой, а затем по лицу его скользнула лёгкая тень. — Эгм... сколько я тебе должен?

— Сколько я вам должна за повреждение окраски? — вопросом на вопрос ответила Тиффани.

Взгляды их встретились, и господин Ковёрщик признал:

— Что ж, я с тебя ничего не могу требовать, госпожа, учитывая, что зеркальный шар-то грохнул я сам.

Что-то тихонько звякнуло. Тиффани обернулась.

Зеркальный шар, по-видимому целый и невредимый, плавно вращался в воздухе — на некотором расстоянии от земли, если приглядеться.

Тиффани опустила на колени в пыль, где не осталось ни осколка, и произнесла, словно бы ни к кому не обращаясь:

— Вы что, снова его собрали?

— Ах-ха, — радостно подтвердил Явор Заядло из-за шара.

— Но он же разлетелся вдребезги!

— Ах-ха, дыкс дребезги — это ж раз плюнуть! Зырь, чем крохотулучнее мал-мала кусочки, тем лучше они пригоняются друг к дружке. Ты их только мал-мала подтыкнёшь, и мал-мала мали-кули враз вспомнят, где им место, и вдругорядь слипнутся, нае проблемо. И неча тут дивоваться, мы не только ломать да рушить моём.

Господин Ковёрщик вытаращился на неё.

— Это ты сделала, госпожа?

— Ну, вроде того, — кивнула Тиффани.

— Ну надо же! — расплылся в улыбке господин Ковёрщик. — Так я скажу: *quid pro quo*, услуга за услугу, око за око, баш на баш, долг платежом красен, ты — мне, я — тебе. — Он подмигнул. — Так что мы квиты, а компания может засунуть все свои бумажки туда же, куда мартышка — свою прыгалку, что ты на это скажешь, а? — Он плюнул на ладонь и протянул руку.

«Ох ты ж, — подумала Тиффани, — смазанное плевком рукопожатие намертво скрепляет договор! Хорошо, что у меня есть почти чистый платок!»

Девушка безмолвно кивнула. Только что шар был разбит, а теперь словно сам собою починился. Стояла жара, незнакомец с дырами вместо

глаз исчез в никуда... С чего же начать? Бывают дни, когда ты подстригаешь ногти на чьих-то ногах, вынимаешь занозы и пришиваешь ноги, а бывают такие дни, как сегодня.

Тиффани и возница обменялись довольно влажным рукопожатием, а метлу запихнули в кучу свёртков позади возницы. Тиффани вскарабкалась на козлы рядом с ним, и карета покатила дальше, по пути поднимая тучи пыли: эти клубы приобретали до странности неприятные очертания, прежде чем снова осесть на дорогу.

Спустя какое-то время господин Ковёрщик осторожно поинтересовался:

— Эгм, а эту свою чёрную шляпу ты и дальше собираешься носить?

— Ну да.

— Просто, ну, на тебе такое миленькое зелёное платьице, и, не в обиду будь сказано, зубки у тебя такие ровные и белые, прям загляденье. — Возница, похоже, ломал голову над неразрешимой загадкой.

— Я их каждый день чищу солью и сажей. Очень рекомендую, — отозвалась Тиффани.

Разговор становился всё менее приятным. Возница, похоже, пришёл про себя к некоему выводу.

— То есть на самом деле ты вовсе не ведьма? — с надеждой уточнил он.

— Господин Ковёрщик, вы меня боитесь?

— Я боюсь такого вопроса, госпожа.

А ведь он прав, подумала Тиффани. А вслух сказала:

— Послушайте, господин Ковёрщик, к чему вы клоните?

— Эх, понимаешь ли, госпожа, раз уж ты спросила, у нас тут в последнее время много чего рассказывают. Ну, знаешь, про украденных младенцев, про сбежавших детишек и всё такое. — Возница малость оживился. — Но, наверное, во всём виноваты злые старые... ну, сама знаешь, с этими, крючковатыми носами, и бородавками, и в зловещих чёрных платьях, а вовсе не милые девушки вроде тебя. Да-да, от *таковских* всего ожидать можно. — Решив эту головоломку, к вящему своему удовлетворению, возница до конца пути всё больше помалкивал, хотя насвистывал без умолку.

Что до Тиффани, то она сидела тихонько. Во-первых, она здорово встревожилась, а во-вторых, краем слуха слышала, как Фигли, угнездившись между мешками с почтой, читают друг другу чужие письма^[22]. Оставалось надеяться, что Фигли уберут их обратно, не перепутав конверты.

Известная песенка гласила: «Анк-Морпорк! Удивительный город! Тролль и гном в нём и счастлив, и молод! Здесь — не то, что в норе под землёй!* Анк-Морпорк! Ты навеееек город мооооой!»

На самом деле всё было не совсем так.

В прошлом Тиффани довелось побывать здесь только один раз, и большой город ей не слишком-то понравился. В нём дурно пахло, в нём было слишком много людей и слишком много разных мест. А зелень просматривалась только на поверхности реки, которую называли грязной лишь потому, что слово более точное в печать бы не пропустили.

Возница притормозил снаружи у главных ворот, хотя они и стояли открытыми.

— Послушай моего совета, госпожа, сними лучше шляпу и войди так. Метла сейчас всё равно больше похожа на хворост для растопки. — Он нервно усмехнулся. — Удачи тебе, госпожа!

— Господин Ковёрщик, — громко произнесла Тиффани, отлично понимая, что вокруг — люди. — Я надеюсь, что, когда вы услышите, как рядом с вами обсуждают ведьм, вы не забудете упомянуть, что лично знаете одну из них, она вылечила вам спину и, по всей вероятности, помогла сохранить работу. Спасибо, что подвезли!

— Да-да, я непременно всем расскажу, что познакомился с доброй ведьмой, — заверил кучер.

Высоко держа голову, или, по крайней мере, так высоко, насколько оно уместно, если тащишь на плече свою собственную испорченную метлу, Тиффани вошла в город. Один-двое прохожих покосились на остроконечную шляпу, а кое-кто насупился и сдвинул брови, но по большей части люди на девушку и не смотрели. В деревне любой встречный — это либо твой знакомый, либо чужак, о котором надо бы разузнать побольше. А здесь людей тьма-тьмущая, рассматривать каждого — пустая трата времени, да в придачу, пожалуй, что и опасно.

Тиффани нагнулась к самой земле.

— Явор, ты ведь знаешь Роланда, баронского сына?

— Ах-ха, мал-мала прыщ на ровённом месте, — отозвался Явор Заядло.

— И тем не менее, — откликнулась Тиффани. — Ты ведь умеешь находить людей; я хочу, чтобы ты пошёл и отыскал его для меня, будь так добр.

— Ты не возражнешь, коли мы глотанем мал-мала поддавона, пока шаримся? — уточнил Явор Заядло. — Тута от жажды того гляди кирдыкснешься. Прям и не упомяну, шоб я хде не застрянул заради мал-мал

одной-десяти капелюх!

Тиффани понимала, что отвечать «да» или «нет» в равной степени глупо, и довольствовалась компромиссом:

— Хорошо, но только одну каплю. Когда его отыщете.

За её спиной послышалось легкое «шух!» — и Фигли как сквозь землю провалились. Впрочем, проследить их путь труда не составит: надо только прислушаться, не бьётся ли где стекло. О да, бьётся и само собою склеивается. Ещё одна загадка: Тиффани очень внимательно рассмотрела зеркальный шар, пока его укладывали обратно в ящик, — и не нашла ни трещинки.

Девушка скользнула взглядом по башням Незримого Университета, битком набитым мудрыми мужами в остроконечных шляпах, или как минимум мужами в остроконечных шляпах. Но был и ещё один адрес, хорошо знакомый ведьмам и в своём роде ничуть не менее волшебный: «Магазин увеселительных товаров “Боффо”, 10-я Яичная ул., д.4». Тиффани в жизни там не была, но иногда получала по почте каталог.

Стоило Тиффани свернуть с центральных улиц и оказаться в жилых кварталах, и на неё стали обращать больше внимания. Идя по булыжной мостовой, она ощущала, как чужие взгляды так и впиваются в неё. Нет, не то чтобы люди были злы или недружелюбны. Они просто... наблюдали, словно решали про себя, что с ней делать, и Тиффани оставалось только надеяться, что это будет, скажем, не жаркое.

Над дверью магазина увеселительных товаров «Боффо» колокольчика не висело. Зато висела подушка-пердушка, а в глазах большинства потенциальных покупателей магазина подушка-пердушка, да ещё и щедро политая бутафорской блевотиной, считалась последним писком развлекательности — что, к сожалению, чистая правда.

Но и настоящие ведьмы порою нуждались в боффо. Бывают моменты, когда просто необходимо *выглядеть* как ведьма, а не у каждой ведьмы это получается; кроме того, ведьмы зачастую слишком заняты, чтобы приводить в беспорядок волосы. А «Боффо» — это такое место, где запросто можно купить накладные бородавки, и парики, и нелепые тяжёлые котлы, и искусственные черепа. А если повезёт, то ещё и разжиться адресом гнома, который сумеет починить метлу.

Тиффани вошла внутрь, восхитившись низким горловым басом подушки, кое-как обошла (или, скорее, пробралась сквозь) нелепый бутафорский скелет со светящимися красными глазами, достигла прилавка — и тут кто-то пискнул в неё пицалкой. Пицалка тут же исчезла, уступив место физиономии озабоченного коротышки, который поинтересовался:

— Как вам кажется, это хотя бы чуть-чуть забавно или вообще без шансов?

Судя по голосу, ответа он ждал отрицательного, и Тиффани не видела причин разочаровывать коротышку.

— Со всей определённостью нет, — подтвердила она.

Коротышка вздохнул и убрал несмешную пищалку под прилавок.

— Увы, все так говорят, — признал он. — Видимо, я что-то где-то делаю не так. Ну ладно, чем я могу вам служить, госпожа... Ого! — да вы настоящая, так? Я с первого взгляда вижу, правда-правда!

— Послушайте, — отозвалась Тиффани, — я у вас вообще ничего никогда не заказывала, но я раньше работала с госпожой Вероломной, и она...

Коротышка не слушал, а просто проорал в дыру в полу:

— Мам? У нас тут настоящая!

Спустя секунду-другую у самого уха Тиффани послышался шёпот:

— Дерек иногда ошибается, а метлу ты могла и на улице найти. Ты ведьма, говоришь? Докажи!

Тиффани исчезла. Исчезла не подумав — или, скорее, думая так стремительно, что мысли её не успевали даже дружески помахать ей, проносясь мимо. И только когда коротышка, по-видимому Дерек, уставился в никуда, открыв рот, Тиффани осознала, что растаяла в воздухе так быстро, потому что послушаться *этого* голоса из-за спины было бы в высшей степени неразумно. Позади неё стояла ведьма: да, со всей определённостью ведьма, и притом весьма опытная.

— Очень хорошо, — одобрительно заметил голос. — Очень, очень хорошо, барышня. Я тебя, конечно же, всё равно вижу, потому что я-то наблюдала крайне внимательно. Ну надо же, и впрямь настоящая.

— Я сейчас обернусь, чтоб вы знали, — предупредила Тиффани.

— Не помню, чтобы я тебе это запрещала, милочка.

Тиффани развернулась и оказалась лицом к лицу с ведьмой из ночных кошмаров: потрёпанная шляпа, поросший бородавками нос, руки-когти, почерневшие зубы и — Тиффани опустила глаза — да, конечно, здоровенные чёрные сапожищи. Не нужно было изучать каталог «Боффо» от корки до корки, чтобы понять: собеседница пустила в ход все аксессуары из набора «Ведьма На Скорую Руку» («Ведь вы ни на что не годны!»)*.

— Думаю, мы продолжим разговор у меня в мастерской, — предложила кошмарная ведьма, проваливаясь сквозь пол. — Просто встань на крышку люка, когда она снова поднимется, ладно? Дерек, свари нам кофе!

Очутившись в подвальном этаже — люк сработал на удивление гладко, — Тиффани увидела ровно то, что ожидаешь увидеть в мастерской компании, изготавливающей всё необходимое для ведьмы, которая поняла, что немножко боффо в жизни не помешает. На верёвке висели целые ряды довольно жутких ведьминских масок, на скамейках громоздились яркие пузырьки и бутылочки, на стеллажах сохли бородавки, и разные завывающие штуки говорили «уууу» в огромном котле у очага. Котёл тоже выглядел как надо^[23].

Кошмарная ведьма трудилась над чем-то на верстаке; слышалось мерзкое хихиканье. Ведьма обернулась, держа в руках квадратную деревянную коробочку, из-под крышки которой свисал шнурок.

— Первокласное хихиканье, ты не находишь? А всего-то и надо, что нитка, да немного канифоли, да отражатель звука, потому что, если честно, хихиканье — дело очень утомительное, правда? Наверное, я смогу и заводную игрушку сделать. Когда оценишь шутку, дай мне знать.

— Вы кто? — выпалила Тиффани.

Ведьма отложила коробочку на верстак.

— Вот те на, — охнула она, — где ж мои хорошие манеры?

— Прямо не знаю, — съязвила Тиффани, которой всё это начинало слегка действовать на нервы. — Наверное, завод кончился.

Ведьма ухмыльнулась, оскалив почерневшие зубы.

— А, ехидничаем! Ценное умение для ведьмы, главное — не перегибать палку. — Она протянула когтистую лапу. — Госпожа Пруст.

К вящему удивлению Тиффани, лапа оказалась не такой уж и липкой.

— Тиффани Болен, — представилась девушка. — Как поживаете? — И чувствуя, что от неё ждут чего-то ещё, добавила: — Я прежде работала у госпожи Вероломны.

— Да-да, очень талантливая ведьма, — похвалила госпожа Пруст. — И хорошая покупательница. Её интересовали главным образом бородавки и черепа, как я припоминаю. — Она улыбнулась. — Сомневаюсь, что ты собираешься изображать ведьму на развесёлой вечеринке, так что вынуждена заключить, ты нуждаешься в помощи. Моё предположение подтверждает тот факт, что в твоей метле осталась от силы половина прутьев, необходимых для аэродинамической устойчивости. Кстати, ты шутку уже оценила?

Что на это ответить?

— Мне кажется, да.

— Так говори.

— Не скажу, пока не буду абсолютно уверена, — откликнулась

Тиффани.

— Очень мудро, — похвалила госпожа Пруст. — Что ж, давай-ка займёмся твоей метлой. Нам понадобится немного пройтись, так что на твоём месте я бы оставила чёрную шляпу тут.

Тиффани машинально вцепилась в поля шляпы.

— Почему?

Госпожа Пруст нахмурилась, отчего её нос едва не воткнулся в подбородок.

— Потому что ты, чего доброго, обнаружишь... Нет, я знаю, что мы сделаем. — Она пошарила на верстаке и, не спросив разрешения, прилепила что-то на шляпу Тиффани точнёхонько сзади. — Вот, — возвестила она. — Теперь никто даже внимания не обратит. Извини, но прямо сейчас ведьмы не слишком популярны. Давай же отремонтируем эту твою палку как можно скорее, на случай, если тебе придётся покидать город в спешке.

Тиффани стянула с головы шляпу и проверила, что там госпожа Пруст засунула под шляпную ленту. Это оказался яркий кусочек картона на верёвочке, и надпись на нём гласила:

— Это ещё что такое? — возмутилась Тиффани. — Вы её даже зловещими блёстками присыпали!

— Это маскировка, — объяснила госпожа Пруст.

— Что? По-вашему, уважающая себя ведьма выйдет на улицу в такой шляпе? — рассердилась Тиффани.

— Конечно, нет, — отозвалась госпожа Пруст. — Лучшая маскировка

для ведьмы — это дешёвенький маскарадный костюм ведьмы! Разве настоящая ведьма станет покупать одежду в лавке, которая всю торгует приколами из серии «Пёсьи проказы», домашними фейерверками, потешными театральными париками, и — наша лучшая, самая прибыльная линия! — гигантскими надувными розовыми фаллосами, в самый раз для девичников! Такое просто немыслимо! Это боффо, дорогая моя, чистейшее, незамутнённое боффо! Наш девиз — маскировка, уловки, одурачивание! Всё это — наши лозунги. И «дёшево и сердито» — тоже наш девиз. «Проданный товар ни при каких обстоятельствах обратно не принимается» — тоже девиз очень важный. А наша политика по отношению к магазинным воришкам — борьба не на жизнь, а на смерть. Ах да, есть ещё девиз касательно курения в лавке, но он не из самых главных.

— Что? — переспросила Тиффани: до глубины души потрясённая: она не расслышала полного списка девизов, потому что вытаращилась на розовые «надувные шарики» под потолком. — Я думала, это хрюшки!

Госпожа Пруст потрепала её по руке.

— Добро пожаловать в большой город, детка! Ну что, пошли?

— А почему ведьмы сейчас настолько непопулярны? — спросила Тиффани.

— И чем только люди не забивают себе головы, — вздохнула госпожа Пруст. — В общем и целом я нахожу разумным затаиться и подождать, пока проблема куда-нибудь не денется. Просто надо соблюдать осторожность.

И Тиффани подумала, что осторожность ей и впрямь не помешает.

— Госпожа Пруст, — промолвила она, — кажется, теперь я поняла, в чём соль шутки.

— Да, милочка?

— Я сперва решила, что вы — настоящая ведьма, которая маскируется под ведьму мнимую...

— Да, милочка? — повторила госпожа Пруст сладким, как патока, голосом.

— Что было бы само по себе очень даже забавно, но мне кажется, тут есть ещё одна шутка, на самом-то деле не то чтобы смешная...

— Так что же это, милочка? — осведомилась госпожа Пруст, и теперь в голосе её слышался хруст леденцов из пряничного домика.

Тиффани вдохнула поглубже.

— Это ведь ваше настоящее лицо, правда? Маски, которыми вы торгуете, все слеплены с вас?

— Точно подмечено! Очень точно подмечено, милочка! Вот только на

самом-то деле ты не то чтобы подметила, ты почувствовала, когда пожимала мне руку. И... Но пойдём же, надо отнести твою метлу гномам.

Когда они вышли за дверь, первое, что Тиффани увидела, — это двух мальчишек. Один из них нацелился было швырнуть камнем в витрину. Но тут заметил госпожу Пруст — и наступила зловецая пауза. Наконец ведьма промолвила:

— Кидай, мальчик мой!

Мальчишка вытаращился на неё как на сумасшедшую.

— Я сказала, кидай, мальчик, или хуже будет.

Решив, что и впрямь имеет дело с сумасшедшей, мальчишка кинул камень, а витрина тут же поймала его и отбросила обратно, сбив озорника с ног. Тиффани всё своими глазами видела. Видела, как из витрины высунулась стеклянная рука и схватила камень. И швырнула им в мальчишку. Госпожа Пруст наклонилась над обидчиком — приятель его уже дал дёру — и промолвила:

— Хммм... всё заживёт. А вот если я увижу тебя здесь ещё раз, то не надейся. — Она обернулась к Тиффани. — Непроста жизнь мелкого лавочника! — промолвила она. — Пойдём, нам сюда.

Тиффани слегка занервничала. Не зная, как продолжить беседу, она сделала выбор в пользу безобидной реплики вроде:

— А я и не знала, что в городе есть настоящие ведьмы.

— О, нас тут несколько, — отвечала госпожа Пруст. — Вносим свою скромную лепту, помогаем людям, чем можем. Вот как, например, этому пареньку: теперь он научится не лезть в чужие дела, и у меня прямо на душе теплеет при мысли о том, что я, возможно, на всю жизнь излечила его от вандализма и неуважения к чужой собственности, которые, помяни моё слово, со временем обеспечили бы ему новёхонький пеньковый воротник за счёт палача.

— А я и не знала, что в городе вообще бывают ведьмы, — призналась Тиффани. — Мне когда-то рассказывали, что ведьмой можно стать только на твёрдом камне, а все говорят, будто город построен на слякоти и липкой грязи.

— И на каменной кладке, — весело добавила госпожа Пруст. — На граните, и мраморе, на кремневом сланце и разнообразных осадочных породах, дорогая моя Тиффани. На скалах, что скакали, и прыгали, и текли, когда мир рождался в огне. А видишь бульжную мостовую? На каждый из этих камней когда-то пролилась кровь. Повсюду, куда ни глянь, скала и камень! Повсюду, куда ни проникает взгляд, — камень и скала! Представляешь себе, каково это — всеми костями ощутить внизу, под

тобою, живые камни? И что же мы делаем из этого камня? Дворцы, замки, и мавзолеи, и надгробия, и роскошные особняки, и городские стены, да мало ли что! И не только в этом городе. Город возводится на себе же самом и на всех городах, что были до него. Ты можешь вообразить, каково это — прилечь на древние плиты и ощутить, как мощь скалы поднимает тебя и удерживает на плаву, сколько бы ни тащил к себе мир? И сила эта — моя, я вольна ею воспользоваться, всею, до последней капли, каждым камешком, тут-то и начинается колдовство. Эти камни живут своей жизнью, и я — её часть.

— Да, — кивнула Тиффани, — я знаю.

Внезапно лицо госпожи Пруст придвинулось к ней совсем близко, страшный крючковатый нос едва не касался её собственного, тёмные глаза пылали огнём. Матушка Ветровоск умела внушать страх, но, по крайней мере, матушка Ветровоск была по-своему красива. А вот госпожа Пруст — ни дать ни взять злая ведьма из волшебных сказок: лицо словно проклятье, голос — лязг железной печной заслонки, захлопнувшейся за ребёнком. Все заполняющие мир ночные страхи, вместе взятые.

— Ах, ты знаешь, юная ведьмочка в миленьком платьице, вот, значит, как? И что же ты такое знаешь? Что ты знаешь на самом деле? — Госпожа Пруст отступила на шаг и моргнула. — Выходит, больше, чем я ожидала, — проговорила она, смягчаясь. — Земля под волной. В самом сердце мела — кремень. Да, верно.

Тиффани в жизни не встречала в Меловых холмах ни одного гнома, а вот в горах они попадались на каждом шагу, обычно — с тачкой. Они покупали и продавали, а для ведьм мастерили мётлы. Очень дорогие мётлы. С другой стороны, ведьмы покупали их крайне редко. Мётлы передавались по наследству, через поколения, от ведьмы к ведьме; иногда требовалось заменить рукоять или поставить новые прутья, но всё равно это была та же, прежняя метла.

Тиффани получила свою от госпожи Вероломны. Метла была неудобная, небыстрая, а под дождём иногда норовила полететь задом наперёд. При виде неё гном, начальник в лязгающей, гулкой мастерской, покачал головой и со всхлипом втянул воздух сквозь зубы, словно один вид этой штуки непоправимо испортил ему день и бедняге, того гляди, придётся уйти и хорошенько выплакаться.

— Так это ж вяз, — возвестил гном равнодушному миру. — Низинное дерево, этот ваш вяз, тяжёлое, неповоротливое, а тут ещё эти жуки-древоточцы, как же без них. Этот ваш вяз, он древоточцам ужас до чего подвержен. Молния ударила, значит? Кто б удивился, это ж вяз! Вяз их,

молнии, вроде как притягивает. И сов тоже, если на то пошло.

Тиффани кивала, усиленно делая вид, что и сама не лыком шита. Удар молнии она придумала, потому что правда, пусть и ценная штука сама по себе, звучала слишком уж глупо, постыдно и невероятно.

Рядом со своим коллегой материализовался ещё один гном, похожий на первого как две капли воды.

— Надо было ясень брать.

— Точно, — мрачно отозвался первый гном. — С ясенем не прогадаешь. — Он ткнул в злополучную метлу пальцем и снова вздохнул.

— Похоже, в основании гриб-трутовик завёлся, — предположил второй гном.

— Вот уж не удивлюсь — от этого вашего вяза чего угодно ждать можно, — подтвердил первый.

— Послушайте, вы можете её просто подлатать на скорую руку, чтобы я смогла добраться до дома? — воззвала Тиффани.

— Мы ничего не «латаем», — высокомерно заявил первый из гномов (ну то есть вышину мерки следовало воспринимать в метафорическом смысле). — Мы работаем по индивидуальным заказам.

— Да мне только несколько новых прутьев поставить, — в отчаянии воскликнула Тиффани и, напрочь позабыв о том, что собиралась утаить правду, взмолилась: — Ну, пожалуйста! Я же не виновата, что Фигли подожгли метлу!

Вплоть до этого момента на заднем плане в гномьей мастерской было достаточно шумно: несколько десятков гномов трудились за своими верстаками, к разговору особенно не прислушиваясь. Но внезапно повисла тишина, и в тишине этой на пол с грохотом упал один-единственный молот.

— Когда вы говорите «Фигли», вы ведь имеете в виду не Нак-мак-Фиглей, госпожа? — уточнил первый гном.

— Именно их.

— Этих, безбашенных?., а говорят ли они... «раскудрить»? — медленно переспросил он.

— Да практически через слово, — подтвердила Тиффани. И, подумав, что надо бы внести в разговор чуть больше ясности, добавила: — Они мои друзья.

— Ах, вот как? — отозвался гном. — А сейчас кто-нибудь из ваших маленьких друзей здесь присутствует?

— Ну, вообще-то я велела им пойти отыскать одного моего знакомого молодого человека, — объяснила Тиффани. — Но думаю, сейчас они в пабе. А в городе много пабов?

Двое гномов переглянулись.

— Ну, сотни три, наверное, — промолвил второй гном.

— Так много? — удивилась Тиффани. — Тогда, думаю, они явятся за мной никак не раньше, чем через полчаса.

И тут первый гном прямо-таки взбурлил весёлым доброжелательством.

— Куда подевались наши хорошие манеры? — воскликнул он. — Для подружки госпожи Пруст — всё, что угодно! Я вам вот что скажу: мы с превеликим удовольствием предоставим вам экспресс-сервис даром и безвозмездно, включая прутья и смазку, причём совершенно бесплатно!

— «Экспресс-сервис» означает, что сразу после вы отсюда уйдёте, — решительно заявил второй гном. Он стянул железный шлем, обтёр изнутри носовым платком и вновь водрузил на голову.

— О да, именно, — подхватил первый гном. — Сразу и безотлагательно; «экспресс-сервис» означает именно это.

— Ты, значит, с Фиглями дружишь? — промолвила госпожа Пруст, как только гномы спешно занялись метлой Тиффани. — Друзей у них немного, я так понимаю. Но, раз уж речь зашла о друзьях, — продолжила она, внезапно переходя на светский тон, — ты ведь уже познакомилась с Дерекком, верно? Это, между прочим, мой сын. Я повстречалась с его отцом в танцевальном зале, где освещение оставляло желать. Господин Пруст был человеком добрым; он всегда любезно уверял, что целоваться с дамой без бородавок — всё равно что есть яйцо без соли. Он упокоился двадцать пять лет назад, от хризмов. Мне страшно жаль, что я не смогла ему помочь. — Лицо её прояснилось. — Но, к вящему моему счастью, у меня есть Дерек, отрада моей... — она замялась, — моих зрелых лет. Юноша многих достоинств, милочка. И, скажу я тебе, повезёт той девушке, которая попытает удачи с юным Дерекком. Он всецело предан работе, а уж как внимателен к деталям! Представляешь, он каждое утро сам, своими руками, настраивает все подушки-пердушки — и если что не так, ужасно переживает. Такой добросовестный! Когда мы занимались разработкой нашей преуморительной коллекции бутафорских собачьих какашек «Жемчужины мостовой» — она вот-вот в продаже появится, — Дерек неделями ходил за городскими собаками с блокнотом, совком и таблицей цветов, ни одной породы не пропустил, лишь бы всё воспроизвести в точности. Очень дотошный юноша, чрезвычайно опрятный, и зубы все свои. И с кем попало не общается... — Госпожа Пруст с надеждой и не без робости глянула на Тиффани. — Что, не сработало?

— Ой, это так заметно?

— Я расслышала проговорки, — объяснила госпожа Пруст.

— А что такое проговорки?

— А ты не знаешь? Проговорка — это слово, которое едва не слетело с языка. На мгновение такие слова словно повисают в воздухе, но остаются невысказанными, — и да будет мне позволено заметить, в случае с моим сыном Дерекотом то, что ты не сказала их вслух, только к лучшему.

— Мне правда очень жаль, — вздохнула Тиффани.

— Моё дело предупредить, — отозвалась госпожа Пруст.

Пять минут спустя они уже выходили из мастерской и Тиффани тащила за спиной на буксире отлично работающую метлу.

— По правде сказать, — заметила госпожа Пруст по пути, — если задуматься, эти твои Фигли очень напоминают Чокнутого Крошку Артура. Несгибаемые как гвозди и размера примерно такого же. Хотя никогда не слышала, чтобы он говорил «раскудрить!». Он полицейский, в Страже служит.

— Ох, ну надо же, Фигли вообще-то терпеть не могут служителей закона, — возразила Тиффани, но почувствовала, что надо как-то смягчить это утверждение, и добавила: — Но они очень преданны, довольно услужливы, добродушны, если рядом нет спиртного, благородны до определённой степени, и, в конце концов, именно они познакомили мир с жареным горностаем.

— Что такое горностаи? — удивилась госпожа Пруст.

— Ну, э... вы представляете себе, что такое куница? Горностаи почти такой же.

Госпожа Пруст изогнула брови.

— Милочка, я горжусь своим неведением относительно горностаев и, безусловно, куниц. По мне, это всё звучит ужасно по-деревенски. Терпеть не могу провинцию. От избытка зелени у меня жёлчь разливается, — добавила она, скользнув взглядом по платью Тиффани и передёрнувшись.

В этот самый миг, словно по подсказке свыше, издали донеслось «раскудрить!» и неизменно популярный (по крайней мере, среди Фиглей) звук бьющегося стекла.

Глава 7

ПЕСНИ В НОЧИ

Когда Тиффани с госпожой Пруст подоспели к источнику воплей, улица уже была усыпана довольно эффектным слоем разбитого стекла и кишмя кишела озабоченными людьми в доспехах и шлемах, из которых при необходимости суп есть можно. Один из стражников возводил баррикаду. Прочие явно жалели, что не находятся по другую её сторону, тем более что в этот самый момент из одного из пабов, занимающих почти всю сторону улицы, вылетел чрезвычайно крупный блюститель порядка. Вывеска возвещала, что паб этот называется «Голова Короля», но, судя по всему, прямо сейчас у королевской головы приключилась мигрень.

Стражник заодно прихватил с собой и остатки стекла. Он приземлился на мостовую, и шлем, в котором супа хватило бы на большую семью и всех друзей-знакомых, с дзынь-дзыньканьем покатился по улице.

— Они сержанта уделали! — заорал его собрат по оружию.

С обоих концов улицы уже бежали новые стражники. Госпожа Пруст похлопала Тиффани по плечу и умильно попросила:

— Расскажи-ка мне ещё про их положительные качества!

«Я здесь для того, чтобы отыскать осиротевшего юношу и сообщить ему о смерти отца, — напомнила себе Тиффани. — А не затем, чтобы вытаскивать Фиглей из очередной передраги!»

— Сердца у них добрые, — промолвила она.

— Ни минуты не сомневаюсь, — заверила госпожа Пруст, от души наслаждаясь происходящим. — А вот зато задницы — все в битом стекле. О, а вот и подкрепление подоспело.

— Не думаю, что это поможет, — отозвалась Тиффани, и, как ни странно, ошиблась.

Стражники рассредоточились, освобождая проход к дверям паба. Тиффани внимательно пригляделась и увидела, как по проходу решительно прошагала крохотная фигурка. Очень похожая на Фигля, но только... Тиффани, не дыша, уставилась во все глаза... Да-да, на этом существе — шлем стражника чуть покрупнее крышки солонки: невероятно! Законопослушный Фигль? Как такое может быть?!

Тем не менее существо дошло до двери и заорало:

— Вы, чучундры, все арестованы! Теперича, слышь, за вами выбор:

либо по-плохецки, либо... — Он на мгновение задумался. — Нае, эт' усё, ах-ха, — докончил он. — Как по-другому, я ни бум-бум. — И с этими словами он прыгнул в проём.

Фигли дрались везде и всегда. Для них драка была и хобби, и спортом, и развлечением, три в одном.

В знаменитой книге о мифологии профессора Вьюркоу Тиффани прочла, что у многих древних народов существовало поверье: герои после смерти отправляются в некий пиршественный зал, где проводят вечность в битвах, застольях и попойках.

Про себя Тиффани думала, что это всё надоест дня через два на третий, но Фигли, конечно, будут в восторге. Однако, чего доброго, даже легендарные герои вышвырнут их за дверь спустя полвечности, причём сперва потрясут хорошенько, чтоб вернуть столовое серебро. Нак-мак-Фигли и впрямь были бойцы свирепые и грозные, если бы не один маленький (с их собственной точки зрения) недостаток — стоило им ввязаться в драку, и уже через несколько секунд они так увлекались, что в упоении принимались дубасить друг друга, окрестные деревья и, если другой мишени не подворачивалось, то самих себя.

Стражники, приведя в чувство сержанта и отыскав его шлем, уселись ждать, пока не утихнет шум. Казалось, прошло не более двух минут, когда крохотный стражник снова вынырнул из пострадавшего здания, волоча за ногу Громазда Йана, великана среди Фиглей: сейчас тот, похоже, крепко спал. Бросив его на мостовой, полицейский снова вернулся в паб и вышел, таща на одном плече бесчувственного Явора Заядло, а на другом — Тупа Вулли.

Тиффани глядела на происходящее открыв рот. Такого просто быть не может! Фигли всегда побеждают! Фиглям всё нипочём! Остановить их невозможно! Но вот вам пожалуйста, они остановлены, причём остановлены существом таким крохотным, что он на солонку без парной перечницы смахивает.

Когда Фигли закончились, коротышка опять вбежал в паб и так же быстро появился снова, таща какую-то женщину с морщинистой, как у индюшки, шеей. Женщина всё норовила стукнуть его зонтиком — напрасный труд, поскольку он со всей осторожностью удерживал свою ношу над головой. Следом, вцепившись в объёмистый саквояж, вышла трепещущая юная служанка. Коротышка аккуратно поставил женщину рядом с грудой Фиглей и, пока та пронзительно требовала от стражников арестовать негодяя, снова вернулся внутрь и вышел, балансируя тремя тяжёлыми чемоданами и двумя шляпными коробками.

Тиффани узнала женщину, и узнавание её не обрадовало. Это была герцогиня, мать Летиции, по правде сказать, жуткая особа. Роланд вообще понимает, во что ввязывается? Сама Летиция ещё ничего, это уж кому что нравится, но в венах её маменьки, по видимости, течёт столько голубой крови, что ей давно полагалось бы лопнуть, и прямо сейчас, кажется, этот миг почти настал. По иронии судьбы, Фиглей угораздило разгромить именно тот паб, где обосновалась мерзкая старая кошёлка. Вот уж повезло так повезло! А между прочим, Роланд и его акварельная наречённая остались в здании наедине — и что теперь подумает герцогиня?

На этот вопрос ответ нашёлся очень быстро: коротышка уже вытаскивал обоих из паба, ухватившись за края очень дорогой одежды. Роланд щеголял в смокинге, ему самую малость великоватом; а Летиция просто утопала в облаке воздушных рюшечек-оборочек: на взгляд Тиффани, такой наряд для никчёмной бездельницы в самый раз. Ха!

Прибывали всё новые стражники: по-видимому, им уже доводилось иметь дело с Фиглями, и у них хватало здравого смысла к месту преступления не бежать, а идти. Лишь один из них — высоченный, больше шести футов ростом, рыжеволосый, в ослепительно надраенных доспехах, — невозмутимо снимал свидетельские показания с владельца паба, звучавшие как затяжной вопль на тему «стражники, сделайте что-нибудь, я хочу развидеть этот кошмар!».

Тиффани обернулась и оказалась лицом к лицу с Роландом.

— Ты? Здесь? — с трудом выговорил он. На заднем плане Летиция ударилась в слёзы. Ха, чего ещё от неё ждать!

— Слушай, мне нужно сообщить тебе нечто очень...

— Пол обвалился, — проговорил Роланд точно во сне, не успела она закончить фразы. — Вот прямо взял и прямо обвалился!

— Послушай, я должна... — начала Тиффани снова, но на сей раз перед нею внезапно воздвиглась мать Летиции.

— Я тебя знаю! Ты — его ведьминская подружка, так? Не вздумай отрицать! Как ты смеешь нас преследовать?!

— А как они пол обрушили? — не отступал Роланд. В лице его не осталось ни кровинки. — Как ты обрушила пол? Ну, отвечай!

И тут вдруг накатила вонь: точно сверху упал тяжёлый молот. Невзирая на потрясение и ужас, Тиффани почувствовала что-то ещё: смрад, тяжёлый дух, порчу в мыслях, омерзительную и беспощадную, навоз из чудовищных представлений и прогнивших дум, так что ей вдруг захотелось вытащить мозг и отмыть его хорошенько.

«Это он: безглазый незнакомец в чёрном! А уж запах! В сортире для

страдающих поносом хорьков и то пахло бы лучше! В прошлый раз смрад показался мне чудовищным, но, оказывается, это были ещё цветочки!» Тиффани в отчаянии заозиралась по сторонам, надеясь вопреки всему, что не увидит того, что высматривает.

Летиция зарыдала громче; её всхлипывания пренеприятным образом смешивались со стонами и проклятиями: это Фигли понемногу приходили в себя.

Будущая тёща ухватила Роланда за лацкан.

— Отойди от неё сию секунду, она — всего лишь...

— *Роланд, твой отец умер!*

Все разом умолкли — и Тиффани оказалась в гуще пристальных взглядов.

Ох, право слово, всё должно было произойти совсем не так, подумала она.

— Мне страшно жаль, — с трудом выговорила девушка в угрожающей тишине. — Я ничего не могла сделать. — В лице Роланда понемногу проступали краски.

— Но ты же за ним ухаживала, — промолвил Роланд, словно пытаюсь решить какую-то непростую задачу. — Почему ты перестала поддерживать в нём жизнь?

— Всё, что я могла, — это лишь забирать его боль. Мне так ужасно жаль, но это всё, что я могу. Прости!

— Но ты ведь ведьма! Я думал, ты всё можешь, ты же ведьма! Почему он умер?

— *Что эта мерзавка с ним сделала? Не доверяй ей! Она ведьма! Ворожеи не оставляй в живых!**

Тиффани не слышала этих слов, но чувствовала: они ползли по её разуму, точно мерзкий слизень, за которым тянется липкий след. Позже девушка задумалась: а в скольких ещё головах наследил этот слизень? — но прямо сейчас госпожа Пруст крепко ухватила её за руку. Лицо Роланда перекопилось от ярости; Тиффани тут же вспомнила визжащую фигуру на дороге, не отбрасывающую тени в ярком свете дня, изрыгающую брань, точно рвоту. Фигуру, оставившую по себе тошнотворное ощущение того, что ей, Тиффани, никогда уже не отмыться дочиста.

У людей вокруг вид был встревоженно-загнанный, как у кроликов, почуявших лису.

И тут Тиффани увидела того, кого искала. Едва различимо, на самом краю толпы. Там-то он и был, или, точнее, не был. Две дыры на миг уставились на неё из воздуха — и тут же исчезли. Не знать, куда он делся,

было ещё страшнее.

— Что это такое? — обернулась она к госпоже Пруст.

Ведьма открыла было рот, собираясь ответить, но тут вперёд вышел высокий стражник.

— Прошу прощения, дамы и господа, точнее, господин. Я — капитан Моркоу, и поскольку сегодня вечером я исполняю обязанности дежурного офицера, сомнительное удовольствие разбираться с этим досадным происшествием выпало мне, так что... — Он открыл блокнот, вытащил карандаш и подкупающе улыбнулся. — Кто первый поможет мне разгадать эту маленькую головоломку? Для начала мне бы очень хотелось узнать, что делает в моём городе орава Нак-мак-Фиглей, помимо того, что постепенно приходит в себя?

Блеск доспехов слепил глаза. А ещё от него крепко пахло мылом: превосходная рекомендация в глазах Тиффани.

Девушка уже подняла было руку, но госпожа Пруст решительно вцепилась в неё и удержала силой. Это заставило Тиффани ещё более решительно высвободиться и объявить голосом куда более железным, чем ведьминская хватка:

— Я, капитан.

— А вы, значит, будете?..

«Уносить отсюда ноги как можно скорее», — сказала себе Тиффани, но вслух ответила:

— Тиффани Болен, сэра.

— На девичник, вижу, собрались?

— Нет, — отрезала Тиффани.

— Да! — быстро вставила госпожа Пруст.

Капитан склонил голову набок.

— То есть на девичник идёт только одна из вас? — проговорил он. — Похоже, толком повеселиться не удастся. — Карандаш завис над страницей.

Герцогиня, по-видимому, решила, что с неё довольно. Она наставила обвиняющий палец на Тиффани; палец дрожал от ярости.

— Всё очевидно — очевидно, словно нос на вашем лице, господин офицер! Эта... эта... эта ведьма знала, что мы едем в город покупать драгоценности и подарки, и вне всякого сомнения — я повторяю, *вне сомнения*, сговорила с этими своими бесенятами, чтобы нас ограбить!

— Ничего подобного! — заорала Тиффани.

Капитан предостерегающе поднял руку, как будто имел дело не с герцогиней, а с транспортной колонной.

— Госпожа Болен, вы в самом деле подстрекали Фиглей явиться в город?

— Ну, в каком-то смысле да, но на самом-то деле я не собиралась, всё вышло вроде как неожиданно. Я не хотела...

Капитан снова поднял руку.

— Помолчите, пожалуйста. — Он потёр нос. Затем вздохнул. — Госпожа Болен, я вас арестовываю по подозрению в... ну, в общем, я сегодня ужасно подозрительный. Кроме того, мне отлично известно, что Фигля, который не желает сидеть под замком, запереть невозможно. Если они вам друзья, то я надеюсь, — капитан многозначительно оглянулся, — они не станут навлекать на вас *новые* неприятности, и, если повезёт, все мы нынче ночью сможем спокойно выспаться. Моя коллега, капитан Ангва, проводит вас в участок. Госпожа Пруст, вы не будете так добры пройти вместе с ними и объяснить вашей юной подруге положение дел?

Капитан Ангва выступила вперёд: она оказалась красавицей блондинкой, и... ощущалось в ней нечто странное.

Капитан Моркоу повернулся к её светлости.

— Мадам, мои офицеры сочтут за честь сопроводить вас в любую другую гостиницу либо на постоянный двор по вашему выбору. Я вижу, ваша горничная держит в руках весьма надёжный с виду саквояж. Не в нём ли хранятся упомянутые вами драгоценности?

В таком случае нельзя ли нам удостовериться, что они *не были* украдены?

Её светлость такому предложению не обрадовалась, но приветливый капитан этого не заметил — с профессионализмом истинного полицейского, который обычно не видит того, чего не хочет видеть. Впрочем, не приходилось сомневаться, что он в любом случае поступит так, как сочтёт нужным.

Не кто иной как Роланд открыл саквояж и извлёк покупку. Осторожно освободил её от папиросной бумаги — и в сиянии фонарей что-то вспыхнуло и заискрилось так ярко, словно не только отражало свет, но и порождало его где-то в глубине лучезарных камней. Настоящая диадема! Кто-то из стражников громко ахнул. Рональд приосанился. Летиция мило засмушалась. Госпожа Пруст вздохнула. А Тиффани... на долю секунды перенеслась в прошлое. В эту долю секунды она снова стала маленькой девочкой и снова читала истрёпанную книгу волшебных сказок, ту самую, что до неё перечитали все её сёстры.

Но Тиффани разглядела то, чего не разглядели они: она видела книгу насквозь. Книга лгала. Ну, хорошо, не то чтобы лгала, но сообщала правду,

которую ты знать не хочешь: принц и сверкающая корона достаются только голубоглазым блондинкам. Так уж устроен мир. Всё зависит от цвета волос. Рыжим и брюнеткам в сказках иногда перепадают роли не только в массовых сценах, но если у тебя волосы этакого мышино-коричневого оттенка, всё, ничего не попишешь: будешь ходить в служанках до конца своих дней.

Или ты можешь стать ведьмой. Да! Застреть в сказке совсем не обязательно. Сказку можно изменить, и не только для себя, но и для других людей. Историю можно переписать одним взмахом руки.

И всё равно Тиффани не сдержала вздоха: драгоценная диадема — она ведь такая прекрасная! Но здравомыслящая ведьминская часть её сознания тут же возразила: «И как часто ты бы её надевала? Раз в сто лет? Да такая дорогушая штуковина всю жизнь пролежит в сейфе!»

— Выходит, ничего не украдено, — радостно возвестил капитан. — Вот и замечательно! Госпожа Болен, думаю, вам стоит попросить ваших маленьких приятелей следовать за вами, не поднимая лишнего шума, так?

Тиффани поглядела вниз, на Нак-мак-Фиглей: те потрясённо молчали. Конечно, когда десятка три смертельно опасных воинов спасовали перед одним-един-ственным малявкой, сохранить лицо непросто — и маломальски пристойное оправдание так вот сразу не выдумаешь.

Явор Заядло пристыжённо поднял глаза — редкое зрелище, что и говорить.

— Звиняй, хозяйка. Звиняй, хозяйка, — повторял он. — Мы, стал-быть, поддавона чуток перебрали. А, ясно дело, чем больше поддавона хлебнёшь, тем больше поддавона надоть, пока не кувыркснёшься, — вот тогда, ясно дело, скумексаешь, что поддавонном уже нахрюксался. Кстати, а что за штука энтот крем-де-менте?^[24] Приятственно зеленушный такенный, я, кажись, цельное ведрище выжрал! Я так смекаю, звиняться да грить, как нам жалестно, бесполезняк? Но узырь, мы ж тебе сыскнули энтото соплюха безнужного.

Тиффани оглядела то, что осталось, от «Головы Короля». В неверном свете факелов казалось, будто от здания уцелел только скелет. Прямо на её глазах затрещала громадная балка и сконфуженно рухнула на грудку поломанной мебели.

— Я просила найти его, но не говорила, что надо двери с петель срывать, — напомнила Тиффани. Она скрестила руки на груди, и маленькие человечки испуганно сбились в кучу; следующая стадия женского гнева — притопывание ног — обычно приводила к тому, что Фигли раздражались слезами и натыкались на деревья. Теперь, впрочем, они

послушно выстроились в линеечку позади неё, госпожи Пруст и капитана Ангвы.

Капитан кивнула госпоже Пруст и заявила:

— Надеюсь, мы все согласны с тем, что наручники не понадобятся — так, дамы?

— Капитан, вы ж меня знаете, — отозвалась госпожа Пруст.

Капитан Ангва сощурилась.

— Да, но вот про вашу юную подругу я не знаю ровным счётом ничего. Госпожа Пруст, будьте так добры, понесите метлу.

Тиффани понимала: спорить бесполезно. Она беспрекословно передала метлу старшей ведьме. И дальше все пошли молча, если не считать сдавленного бормотания Нак-мак-Фиглей.

Спустя какое-то время капитан промолвила:

— Не лучшее сейчас время, чтобы разгуливать в чёрной остроконечной шляпе, госпожа Пруст. Стало известно ещё об одном случае — там, на равнинах. В унылом захолустье, куда вы бы и не сунулись. Избили старуху: у неё якобы нашли книгу заклинаний.

— Нет!

Все обернулись к Тиффани — и Фигли врезались в её лодыжки.

Капитан Ангва покачала головой.

— Мне очень жаль, госпожа, но это правда. Книга оказалась всего-навсего сборником клатчской поэзии. А всё эти буквы с завитушками! Наверное, и впрямь похоже на заклинания — в глазах тех, кто склонен думать в таком ключе. Пострадавшая умерла.

— Всею виной «Таймс», — заявила госпожа Пруст. — Когда такое печатают в газетах, у людей появляются разные нездоровые идеи.

Ангва пожала плечами.

— Судя по тому, что я слышала, те, кто это сделал, не отличаются любовью к печатному слову.

— Вы должны положить этому конец! — выпалила Тиффани.

— Как, госпожа? Мы — *городская* Стража. За пределы стен города наша юрисдикция не распространяется. Там, в глухомани, среди лесов есть местечки, о которых мы, пожалуй, никогда и не слышали. Понятия не имею, откуда вся эта дрянь идёт. Прямо как будто с неба свалилась. — Капитан потёрла руки. — Конечно, в городе никаких ведьм нет, — добавила она. — Зато девичники очень популярны, так, госпожа Пруст? — И капитан подмигнула. В самом деле подмигнула, Тиффани ни на миг в этом не усомнилась. Равно как не усомнилась и в том, что капитану Моркоу герцогиня не слишком понравилась.

— Что ж, думаю, настоящие ведьмы скоро положат этому конец, — заявила Тиффани. — В горах так уж непременно, госпожа Пруст.

— Да, но у нас тут в городе настоящих ведьм *нет*. Ты же слышала, что сказала капитан. — Госпожа Пруст свирепо зыркнула на Тиффани и прошипела: — Мы никогда не спорим в присутствии обычных людей. А то они начинают нервничать.

Они остановились перед огромным зданием с синими фонарями по обе стороны двери.

— Добро пожаловать в полицейский участок, дамы, — промолвила капитан Ангва. — Так вот, госпожа Болен, мне придётся запереть вас в камере, но там чисто, никаких мышей — ну, почти, — и если госпожа Пруст согласится составить вам компанию, тогда, скажем так, я по забывчивости оставлю ключ в замке, понимаете? Пожалуйста, не покидайте здания, потому что на вас будут охотиться. — Она в упор посмотрела на Тиффани. — Никто ни за кем охотиться не должен. Это ужасно, когда за тобой охотятся.

Капитан Ангва провела задержанных через всё здание и вниз, туда, где рядами располагались камеры, удивительно уютные с виду, — и жестом пригласила занять одну из них. Дверь за ней с лязгом захлопнулась, и капитан удалилась по каменному коридору. Стук сапог затих в отдалении.

Госпожа Пруст подошла к двери и просунула руку сквозь прутья. Звякнул металл, она втащила руку обратно — уже с ключом. Вложила ключ в скважину с внутренней стороны — и повернула.

— Ну вот, — промолвила старая ведьма, — теперь мы вдвойне в безопасности.

— Ох, раскудрить! — воскликнул Явор Заядло. — Ты таперича на нас и не зыркнешь? В каталажку вляпались!

— Сызнова! — подхватил Туп Вулли. — Прямо ни бум-бум, как я таперя себе в физию позырю!

Госпожа Пруст присела и вопросительно воззрилась на Тиффани.

— Ладно, деточка, и что же такое мы видели? Глаз нет, как я заметила. Нет окон в душу. Может, и души тоже нет?

Тиффани подавленно вздохнула.

— Я не знаю! Я с ним по дороге сюда столкнулась. Фигли прошли прямо сквозь него! Он что-то вроде призрака. И воняет! Вы почувствовали запах? А толпа уже готова была броситься на нас! Что плохого мы сделали?

— Я не уверена, что он — это он, — размышляла госпожа Пруст. — Очень может быть, что он — это оно. Скажем, какой-нибудь демон... но я в них плохо разбираюсь. Вот мелкорозничная торговля — дело другое. Нет,

порою и в ней бывает нечто демоническое...

— И даже Роланд смотрел на меня, как на врага, — пожаловалась Тиффани. — А ведь мы всегда были... друзьями.

— Ага! — усмехнулась госпожа Пруст.

— Оставьте эти ваши «ага» при себе! — рявкнула Тиффани. — Да как вы смеете мне «агакать»? Я-то хотя бы не расхаживаю по улицам, выставя ведьм на *посмешище*!

Госпожа Пруст отвесила ей пощёчину. Ощущение было как от удара резиновым карандашом.

— Сопливая нахалка, вот ты кто! Я, между прочим, забочусь о *безопасности* ведьм!

В тени под потолком Туп Вулли ткнул в бок Явора Заядло.

— Мы разве ж стерпим, чтоб шмяксали нашу малу громазду каргу, э, Явор?

Явор Заядло поднёс палец к губам.

— Нае, когды женщины цапаются, ты встревывать не моги, дыкс! Послухай меня как женатикса, от женцинных препираков держись подальше! Ежели кто в женцинные препираки посуиносит, так секундовины не пройдёт, как обе на него так и напрыгнут — тады ой! И я не про крещенье рук, и не про поджамканье губей, и не про ноготопсы. Я про шмяксанье от такенной скалкой.

Ведьмы потрясённо глядели друг на друга. Тиффани вдруг почувствовала, что совершенно растеряна и сбита с толку, как будто дошла от «А» до «Я», случайно пропустив все остальные буквы алфавита.

— Это в самом деле случилось, деточка? — спросила госпожа Пруст.

— Ещё как случилось, — резко подтвердила Тиффани. — До сих пор больно.

— Почему мы так себя повели? — недоумевала госпожа Пруст.

— По правде сказать, я вас возненавидела, — объяснила Тиффани. — На краткое мгновение. Меня это напугало. Мне вдруг захотелось, чтобы вас не было. Вы казались...

— Средоточием зла? — предположила госпожа Пруст.

— Да, точно!

— Ага, — кивнула госпожа Пруст. — Раздор. Нападки на ведьм. Это ведьмы во всём виноваты. Откуда это идёт? Что ж, кажется, мы с тобой выяснили. — Её безобразное лицо обратилось к Тиффани. — А когда ты стала ведьмой, деточка?

— Думаю, мне тогда было около восьми, — отвечала Тиффани. И рассказала про госпожу Клацли, старушку из ореховой роци.

Госпожа Пруст внимательно выслушала и поудобнее устроилась на соломе.

— Мы знаем, такое иногда случается, — промолвила она. — Раз в несколько сотен лет или около того все внезапно решают, что ведьмы — зло. Никто не знает почему. Просто это происходит — ни с того ни с сего. А ты в последнее время не делала ничего такого, что могло бы привлечь внимание? Какую-нибудь сильную магию не творила часом?

Тиффани задумалась, перебирая в уме события прошлого.

— Ну, была история с роителем. Но он на самом деле оказался не такой уж и плохой. А ещё до того была Королева эльфов, но с тех пор столько воды утекло! Как вспомню — ужас что такое, но, наверное, ничего удачнее, чем стукнуть её по голове сковородкой, я в то время придумать просто не могла! Ах, ну да, наверное, стоит признаться, пару лет назад я поцеловала зиму...

Госпожа Пруст, до сих пор слушавшая с открытым ртом, наконец выговорила:

— Так это была *ты*?

— Да, — подтвердила Тиффани.

— Ты уверена? — уточнила госпожа Пруст.

— Да. Это я.

— И каково оно было?

— Холодно, а потом сразу сыро. Мне этого не хотелось. Мне очень стыдно, и хватит об этом!

— Около двух лет назад? — размышляла госпожа Пруст. — Как любопытно. А знаешь, неприятности, по-видимому, начались примерно тогда же. Ничего особенного, просто люди вдруг словно перестали нас уважать. Будто бы в воздухе носится что-то такое... Взять хотя бы этого паренька с камнями нынче утром. Так вот, год назад он бы в жизни на такое не осмелился. В те дни, повстречавшись со мной на улице, люди приветливо кивали. А теперь — хмурятся. Или осеняют себя таким незаметным знаком, на всякий случай, вдруг я приношу несчастье. Мне и другие ведьмы о таком рассказывали. А в твоих родных краях тоже так?

— Точно не скажу, — задумалась Тиффани. — Люди меня слегка побаиваются, ну да я со многими в родстве, так что, в общем, ничего страшного. И всё-таки что-то странное ощущается. Но я думала, так и надо, я ведь поцеловала зиму, и все это знают. Честное слово, об этом до сих пор болтают. Ну то есть это же было один-единственный раз!

— Что ж, здесь люди живут чуть более кучно. А у ведьм память долгая. Я хочу сказать, не отдельные ведьмы, конечно, но все ведьмы,

вместе взятые, могут вспомнить по-настоящему скверные времена. Когда за то, что на тебе остроконечная шляпа, в тебя камнем швыряли, если не что похуже. А если заглянуть ещё дальше в прошлое... Это вроде болезни, — объясняла госпожа Пруст. — Зараза распространяется незаметно. Её переносит ветер — от человека к человеку. Отрава проникает туда, где ей рады. Ведь всегда найдётся повод швырнуть камнем в странноватую старушку, правда? Обвинить другого проще, чем себя. А как только назовёшь кого-то ведьмой, так просто диву даёшься, сколько всего можно поставить ей в вину.

— Они забили камнями её кошку, — пробормотала себе под нос Тиффани.

— А теперь тебя преследует какой-то человек без души. И воняет от него так, что даже ведьмы начинают ненавидеть ведьм. Ты ведь, часом, не подумываешь о том, чтобы меня поджечь, а, госпожа Тиффани Болен?

— Нет, ну что вы, — заверила Тиффани.

— Или расплющить на земле под грудой камней?

— Что вы такое говорите?

— Кидаться камнями — это ещё полбеды, — продолжила госпожа Пруст. — Считается, что ведьм жгут на кострах, но, сдаётся мне, настоящие ведьмы попадали на костёр нечасто, и разве что по недоразумению; я думаю, по большей части это были нищие старухи. Ведьмы обычно слишком водянистые; глупо хорошие дрова зря переводить! Зато так просто опрокинуть старуху на землю, придавить её амбарной дверью на манер сэндвича и навалить сверху камней, пока старуха не перестанет дышать. Вот тогда-то зло уйдёт навсегда. Хотя на самом-то деле — нет. Потому что в мире много чего происходит, ну так и старух на свете хватает. А когда старухи закончатся, настанет черёд стариков. И чужаков. Всегда найдётся какой-нибудь изгой. А потом, однажды, толпе подвернёшься ты сам. И на этом безумие иссякнет. Когда никого больше не останется, сходить с ума будет некому. А ты знаешь, Тиффани Болен, что я почувствовала, как ты поцеловала зиму? Да все, в ком есть хотя бы капля магического дара, что-то почувствовали. — Госпожа Пруст помолчала и сощурилась. — Что же ты такое пробудила, Тиффани Болен? Что за лютая тварь открыла несуществующие глаза и задумалась о том, кто ты? Что ты навлекла на нас, госпожа Тиффани Болен? *Что ты натворила?*

— Вы думаете, что... — Тиффани замялась. — Что он ищет *меня*?

Она зажмурилась, чтобы не видеть осуждающего лица собеседницы, и вспомнила тот день, когда поцеловала Зимовея. Был ужас, и жуткое предчувствие, и странное ощущение тепла в окружении льда и снегов. А

что до самого поцелуя, что ж, он был лёгок и невесом — точно шёлковый платок упал на ковёр. Вплоть до того мига, когда она влила весь жар солнца в губы зимы — и растопила зиму. Лёд в огонь. Огонь ко льду. Она всегда умела управляться с огнём. Огонь всегда был ей другом. А зима вовсе даже не умерла; с тех пор были ещё зимы, но уже не такие суровые, о нет. И, между прочим, она не просто так целовалась. Она сделала то, что нужно, в нужный час. Так полагалось. А почему полагалось? Потому что всё произошло по её вине; потому что она послушалась госпожу Вероломну и вступила в танец, который был не просто танцем, но поворотной точкой в смене времён года...

«Когда же всё закончится? — в ужасе думала Тиффани. — Ты совершаешь глупость, потом пытаешься её исправить, а когда исправляешь одно, ломается что-то другое. Где же всему этому конец?» Госпожа Пруст заворожённо глядела на неё.

— Я всего-навсего немножко потанцевала, — вздохнула Тиффани.

Госпожа Пруст положила руку ей на плечо.

— Думаю, милочка, потанцевать тебе ещё придётся. Можно, я подскажу, как тебе разумнее всего поступить, Тиффани Болен?

— Да, — кивнула девушка.

— Послушай моего совета, — промолвила госпожа Пруст. — Обычно я секретов не выдаю, но я прямо развеселилась душой, поймав наконец негодника, который постоянно бил мне окна. Так что я в настроении для хорошего настроения. Есть одна дама, которая наверняка захочет потолковать с тобой. Она живёт в городе, но ты её ни за что не найдёшь, сколько ни пытайся. Зато она тебя в мгновение ока отыщет, так что мой тебе совет: когда это случится, выслушай внимательно всё, что она скажет.

— Так как же мне её найти? — спросила Тиффани.

— Ты полна жалости к себе, и ты меня не слушаешь, — упрекнула госпожа Пруст. — Она сама тебя найдёт. И ты об этом узнаешь. О да, узнаешь, не сомневайся. — Госпожа Пруст запустила руку в карман, извлекла круглую жестяную коробочку, поддела чёрным ногтем крышку. У Тиффани защипало в носу. — Понюшку? — спросила она, предлагая жестянку Тиффани. — Грязная привычка, что правда, то правда, но зато сосуды прочищает и помогает думать. — Она взяла щепоть коричневого порошка, высыпала на тыльную сторону руки и вдохнула порошок с таким звуком, с каким всасывает воздух осипший гудок. Откашлялась, проморгалась и пояснила: — Ну да, бурые сопли не всем по вкусу, но по мне, так для облика злобной ведьмы — самое то. Кстати, скоро и ужин принесут.

— Нас ещё и накормят? — удивилась Тиффани.

— Ну да, они тут народ порядочный, хотя вино в прошлый раз, на мой взгляд, оставляло желать, — отозвалась госпожа Пруст.

— Но мы же в тюрьме.

— Нет, дорогуша, мы — в полицейском участке. И хотя никто не говорит об этом вслух, но нас здесь заперли ради нашей же безопасности. Понимаешь, остальные-то заперты по ту сторону двери, и хотя стражники иногда изображают из себя болванов, на самом деле ума им не занимать, иначе — никак. Они отлично понимают, что людям нужны ведьмы; а им самим нужны неофициальные лица, которые понимают разницу между «хорошо» и «плохо», и когда «хорошо» — это плохо, и когда «плохо» на самом деле хорошо. Миру нужны люди, работающие на самой грани. Нужны люди, умеющие сглаживать неровности и неудобства. И справляться с мелкими проблемами. В конце концов, почти все мы — только люди. Почти всё время. И почти каждое полнолуние капитан Ангва приходит ко мне за лекарством от чумки.

Из кармана вновь появилась табакерка. Повисла долгая пауза.

— Но чумкой болеют только собаки, — наконец выговорила Тиффани.

— И вервольфы.

— О. Мне сразу почудилось в ней что-то странное.

— Она, между прочим, отлично справляется, — сказала госпожа Пруст. — Делит спальню с капитаном Моркоу и никого не кусает, хотя, если задуматься, капитана Моркоу она с вероятностью покусывает, ну да это их дело, свечку-то никто не держал, так ведь? Порою то, что законно, — не обязательно хорошо, и порою, чтобы распознать разницу, нужна ведьма. А иногда и коп, если это правильный коп. Умные люди это понимают. Глупые — нет. А беда в том, что глупцы ужас до чего любят умничать. Да, кстати, милочка, твои шумные маленькие друзья сбежали.

— Да, знаю, — кивнула Тиффани.

— И как им только не стыдно, они же торжественно пообещали страже, что никуда не денутся? — Госпожа Пруст со всей очевидностью гордилась репутацией вредины.

Тиффани откашлялась.

— Ну, наверное, Явор Заядло сумел бы вам объяснить, что есть время держать обещания и есть время нарушать обещания и только Фигль умеет распознать разницу.

Госпожа Пруст широко ухмыльнулась.

— Прямо можно подумать, что ты родилась в городе, госпожа Тиффани Болен!

Если нужно посторожить то, что сторожить необязательно, потому что никто в здравом уме этого не сопрёт, то капрал Шноббс — вот нужный вам человек (за неимением лучшего слова и в отсутствие весомых биологических свидетельств обратного). В данный момент он стоял среди тёмных, похрустывающих под ногами руин «Головы Короля», дымя отвратительной сигаретой: он загодя закатал все вонючие бычки предыдущих сигарет в свежую папиросную бумагу и теперь затягивался мерзкой смесью до тех пор, пока не закурился дымок.

Он не заметил, как чья-то рука сдёрнула с него шлем, и едва почувствовал мастерский удар по лбу, и уж, конечно, не ощутил, как мозолистые ручонки снова водрузили на него шлем и уложили бесчувственное тело на землю.

— Ок, — хрипло прошептал Явор Заяadlo, озирая почерневшие балки. — Времени у нас мал-мала, ясенный пень, так что...

— Ну-ну, я так и знал, что вы, угрязки паршивые, сюды возвернётесь, если подождать подольше, — раздался голос в темноте. — Как пёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою, а преступник возвращается на место преступления!*

Стражник, известный под именем Чокнутый Крошка Артур, чиркнул спичкой, которая отлично заменяла ему факел. Металлическая пластина, которая служила ему щитом, а стражнику-человеку — значком, звякнув, упала на мостовую. — Это шоб вы узырили, что я не при исполнении, ок? Нету бляхи, нету и копа, ах-ха? Просто хотел поглянуть, с чего б вы, чучундры негодные, грите как надо, навроде меня, потому как, ясно дело, я-то не Фигль!

Фигли дружно обернулись на Явора. Тот пожал плечами и осведомился:

— Ну а кто ты таковский, по-твоему?

Чокнутый Крошка Артур взъерошил пальцами волосы, но оттуда ничего не посыпалось.

— Ну дык мои мамка с папкой грили, я лепрекон, навроде их...

Он умолк, потому что Фигли восторженно завопили и затикали, от избытка восторга похлопывая себя по ляжкам, а веселье это обычно продолжается довольно долго.

Чокнутый Крошка Артур терпел сколько мог, но наконец не выдержал и завопил:

— По мне, так не смешняво ни разу!

— Ты чё, себя не слушаешь, что ли? — отозвался Явор Заяadlo, утирая глаза. — Ты ж гришь на фигльском, точняк! Тебе разве ж мамка с папкой не

сказанули? Мы, Фигли, с рожденьства как надо грить могём! Раскудрить! Это вроде как собаксы знают, как гавксать! Лепрекон, сказанёт тож! Ты ишшо брякни, что ты пикси!

Чокнутый Крошка Артур уставился вниз на свои башмаки.

— Эти башмаксы сварганил мне мой па. Я так и не смогнул сказануть ему, что мне в башмаксах ходить мерзяво. Вся семья тачала и чинила обутку сотни годов, так? — а мне башмачество ну никакс не давалось, и вот в один распрекрасный день старейшины племени все прикликали меня к себе и рассказнули, что я потеряшка-найдёныш. Они переставляли лагерь на новое место и наткнулись на меня — мал-мала дитёнка на обочине дороги, рядом с ястребом, которого я придушнул: он меня из колыбелечки скрал — небось тащил в гнездо своим цыплям скормить. А старые лепрекены вместе пораскинули мозговьями и сказанули так: они, конечно, мне всяко рады, тем паче что я лису до смерти загрызить могу и всё такое, но, пожалуй, пора мне отправиться в громадный мир и дознаться, кто моя родня.

— Что ж, парень, ты её нашел! — заорал Явор Заядло, хлопая его по спине. — Прав ты был, что послушал компашу старых башмачников! Они мудрственно тебе сказанули, точняк.

Явор на миг замялся, но тут же продолжил:

— Однако ж мал-мала трудноасто выходит, что ты — тока без обид! — коп. — Явор на всякий случай отпрыгнул чуть подальше.

— Вернякс, — удовлетворённо подтвердил Чокнутый Крошка Артур. — А вы — орава воровастых негодяйных забулдыгов и злоумышлителей, законов ни в жисть не уважухающих!

Фигли радостно закивали, а Явор Заядло добавил:

— А можно ишшо добавить словей «нарушители порядка в нетрезвом состоянии»? А то ребя обижукуются, что их вроде как недооценивают!

— А как насчёт улистокрадства, Явор? — обрадованно вклинился Туп Вулли.

— Ну, э, факто-практически улистокрадство покамест находится на ранней стадии развития, — отозвался Большой Человек.

— А положительных качеств у вас никаковских напрочь нет? — в отчаянии воззвал Чокнутый Крошка Артур.

Явор Заядло озадаченно нахмурился.

— Мы вроде как думкали, это они и есть, наши типа положительные качества, но если уж дотошничать, так мы не лямзим у тех, у кого лямзить неча, у нас сердцевины золотые, хотя, мож, ну, лады, почти завсегда золото это потыренное, и ишшо мы измыслили жаренного во фруктюре горностая.

А это чего-нить да стоит!

— И чего в том достоинственного?

— Ну, дык, какому-нить другому бедолаге его измышлять не придётся. Енто вроде как взрыв вкуса;кусишь малость, распробуешь — и тут оно каак взорванётся!

Чокнутый Крошка Артур не сдержал улыбки.

— У вас, ребя, совсем стыдища нет?

Явор Заядло в долгу не остался — его ухмылка стоила Артуровой.

— Не скажу доподлинственно, — отвечал он, — но если и есть, стал-быть, мы его стырили.

— А как же эта бедолажная мала громазда девчура, запёртая в караулке? — спросил Чокнутый Крошка Артур.

— О, так до утра с ней ничего не стряснётся, — заявил Явор Заядло со всей возможной в данных обстоятельствах уверенностью. — Она, шоб ты знал, изрядно мудрастая карга.

— Ты думкаешь? Вы, чучундры малые, цельный паб ухайдокали вдрызг! Как такое возможно исправить?

На сей раз, прежде чем ответить, Явор Заядло одарил собеседника долгим и задумчивым взглядом.

— Что ж, господин Коп, выходит так, что ты и Фигль, и коп. Что ж, так оно, стал-быть, в мире поверчено. Но главный мой вопрос к вам обоим-двум: вы ведь не ябедники и не стучалы?

В участке сменялись с дежурства. Кто-то вошёл и застенчиво вручил госпоже Пруст огромное блюдо с мясным ассорти и соленьями и бутылку вина с двумя стаканами. Нервно оглянувшись на Тиффани, стражник шепнул что-то госпоже Пруст, одним неуловимым движением она извлекла из кармана крохотный свёрточек и вложила ему в руку. А затем вернулась и снова присела на солому.

— Ага, вижу, у него хватило воспитанности открыть бутылку и дать вину малость подышать, — похвалила она и, поймав взгляд Тиффани, добавила: — У младшего констебля Хопкинса есть одна проблемка, которую он предпочёл бы скрыть от своей матушки, а моё притирание ему неплохо помогает. Я, понятное дело, денег с него не беру. Рука руку моет, хотя в случае с юным Хопкинсом я надеюсь, что руку эту он сперва отдраил с песочком.

Тиффани никогда в жизни не пробовала вина; дома пили лёгкое пиво или сидр, в которых как раз достаточно алкоголя, чтобы убить всех вредоносных невидимых крохотных кусачих тварей, но недостаточно, чтобы сподвигнуть тебя на серьёзные глупости.

— Надо же, — промолвила она, — я и не думала, что в тюрьме так бывает!

— В тюрьме? Я же сказала тебе, милочка, это никакая не тюрьма! Если хочешь знать, что такое тюрьма, загляни в Таити. Вот где тьма кромешная, если угодно! Здесь стражники не плюют в твою жрачку — по крайней мере, у тебя на глазах, — и уж в мою-то точно никогда, ручаюсь. В Таити жизнь не малина; принято считать, что тот, кого туда упекли, не дважды, а больше подумает, прежде чем натворить что-нибудь этакое и угодить туда снова. Сейчас там малость навели порядок, и не всякий, кто туда попадает, выходит наружу в сосновом ящике, но стены и по сей день безмолвно взывают к тем, кто способен услышать. Я вот их слышу. — Госпожа Пруст снова щёлкнула табакеркой. — А что ещё страшнее безмолвного крика, так это пение канареек в крыле «Д», где держат преступников, которых даже повесить боятся. Эти сидят в отдельных камерах, и для компании им выдают по канарейке*. — Госпожа Пруст вдохнула табака, да так резко и в таком количестве, что Тиффани удивилась, отчего зелье не полезло у неё из ушей.

Крышка табакерки захлопнулась.

— Заметь, эти люди — не рядовые убийцы, о нет, они убивали из любви к искусству, или во имя какого-нибудь бога, или за неимением лучшего занятия, или потому, что день не задался. Они делали много чего и похуже убийства, но убийством обычно всё заканчивалось... Вижу, ты к говядине не притронулась?.. Ну ладно, если ты точно не хочешь... — Госпожа Пруст поддела ножом изрядный кус щедро приправленного маринадами нежирного мяса, помолчала и продолжила: — Вот забавная штука: эти кровожадные злодеи заботливо ухаживали за своими канарейками и даже плакали, если птичка умирала. Стражники, бывалоча, твердили, что это всё притворство; говорили, у них от такого лицемерия прям мороз по коже, а я вот в этом не уверена. В молодости я была на посылках у надзирателей и видела эти громадные тяжёлые двери, и слышала птичек, и гадала про себя, в чём же разница между хорошим человеком и человеком настолько плохим, что ни один палач города — даже мой папа, а уж он-то если выволочет преступника из камеры, так через семь с половиной секунд тот уж будет мертвее мёртвого, — не дерзал накинуть такому на шею верёвку. А то вдруг злодей сбежит из адского пламени и вернётся мстить. — Госпожа Пруст умолкла и передёрнулась, словно стравивая с себя воспоминания. — Такова городская жизнь, деточка моя; это тебе не клумба с душистыми примулами, как в деревне.

Тиффани отнюдь не порадовалась тому, что её снова называли деточкой,

но были вещи и похуже.

— Душистые примулы, говорите? — ощетижилась она. — На днях я вынимала из петли повешенного — это вам не душистые примулы. — И ей пришлось рассказать госпоже Пруст всё: и про господина Пенни, и про Амбер. И про крапивный букетик.

— А про избиение тебе рассказал твой отец? — уточнила госпожа Пруст. — Рано или поздно всё упирается в душу.

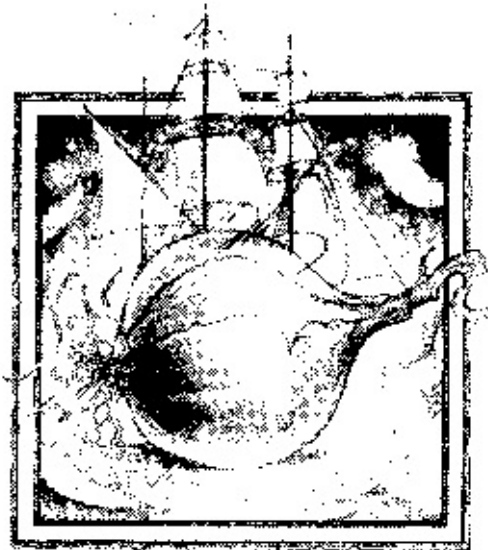
Ужин оказался вкусным, вино — на удивление крепким. А солома — куда чище, чем можно было ожидать. День выдался долгим и трудным, завершая собою череду других таких же.

— А давайте мы немного поспим, ну, пожалуйста? — взмолилась Тиффани. — Мой папа всегда говорит: утро вечера мудренее.

Повисла пауза.

— Поразмыслив, я думаю, что на сей раз твой отец ошибётся, — отозвалась госпожа Пруст.

Тиффани тонула в облаках усталости. Ей снились поющие во тьме канарейки. И, может, ей это просто почудилось, но, на миг проснувшись, она увидела перед собою тень пожилой дамы. Это была никак не госпожа Пруст: та жутко храпела. Тень тут же исчезла. Но Тиффани помнила: мир полон знамений и ты выбираешь те, что кажутся тебе подходящими.

Глава 8

КОРОЛЕВСКИЙ ЗАТЫЛОК

Разбудил Тиффани скрип открываемой двери. Девушка села и огляделась. Госпожа Пруст всё ещё спала и храпела так, что аж нос ходил ходуном. Поправка: госпожа Пруст казалась спящей. Тиффани прониклась к старой ведьме настороженной приязнью, но можно ли ей доверять? Иногда прямо-таки кажется, что госпожа Пруст... читает её мысли.

— Мыслей не читаю, — заявила госпожа Пруст, переворачиваясь на другой бок.

— Госпожа Пруст!

Госпожа Пруст села и принялась вынимать из одежды соломинки.

— Мыслей *не* читаю, — повторила она, стряхивая солому на пол. — На самом деле я обладаю впечатляющими, но отнюдь не сверхъестественными способностями, отточенными до предельного совершенства, и не забывай об этом, пожалуйста. От души надеюсь, нам принесут горячий завтрак.

— Нае проблема — чё вам надыбать-то?

Ведьмы, как по команде, вскинули головы: под потолком, на балке, весело болтая ногами, расселись Фигли.

Тиффани вздохнула.

— Если я спрошу вас, что вы делали прошлой ночью, вы мне соврёте?

— Ни в коем разе, клянёмся честью Фиглей, — заверил Явор Заяadlo, прикладывая руку туда, где, по его представлениям, находилось сердце.

— Что ж, звучит убедительно, — промолвила госпожа Пруст, поднимаясь на ноги.

Тиффани покачала головой и снова вздохнула.

— Нет, всё не так просто. — Она подняла глаза к балке: — Явор Заяadlo, ты только что сказал мне правду? Я тебя спрашиваю как карга холмов.

— Ах-ха.

— А сейчас?

— О, ах-ха.

— А сейчас?

— О, ах-ха.

— А сейчас?

— Ох... ну, всего лишь крохотулечную мал-малу враку, нды? — даже и не враку, просто кой-чо, чего тебе лучшей не знать.

Тиффани обернулась к госпоже Пруст: та усмехалась от уха до уха.

— Нак-мак-Фигли считают, что правда слишком ценна и ею не стоит лишний раз разбрасываться, — оправдываясь, объяснила девушка.

— Хм, этот народец мне по сердцу, — усмехнулась госпожа Пруст и тут же, опомнившись, добавила: — Ну то есть был бы, если бы сердце у меня было.

Послышалась поступь тяжёлых сапог; звучала она с каждой секундой всё ближе, но ничуть не легче. Как оказалось, сапоги принадлежали высокому, тощему стражнику: он поздоровался с госпожой Пруст, учтиво коснувшись шлема, а Тиффани просто кивнул.

— Доброе утро, дамы! Я — констебль Пикша, мне поручено сообщить вам, что вас отпускают, с вынесением предупреждения, — промолвил он. — Хотя должен сказать, что, насколько мне известно, никто толком не знает, о чём вас предупреждать, так что на вашем месте я бы просто посчитал себя предупреждёнными в общем и целом, так сказать, без какой-либо конкретики, и, хотелось бы верить, полученный опыт вас вразумил, ничего личного и без обид. — Он кашлянул и продолжил, нервно оглянувшись на госпожу Пруст: — А командор Ваймс попросил меня довести до вашего сведения, что лица, в совокупности своей известные как Нак-мак-Фигли, должны покинуть этот город ещё до заката.

Из-под потолка раздался протестующий хор: на взгляд Тиффани, Фигли преуспели в потрясённом негодовании не хуже, чем в пьянстве и воровстве.

— Оххх, мал-малюху всяк норовит обидеть!

— Эт' не мы! Эт' громазд паря делов натворнул и слинячил!

— Меня там не было! Вон у них спросите! Их там тоже не было!

И прочие оправданствия того же пошибу, тока так.

Тиффани несколько раз постучала оловянной тарелкой по прутьям камеры, пока Фигли не смолкли. И в наступившей тишине заявила:

— Я прошу прощения, констебль Пикша. Я уверена, им всем очень стыдно из-за паба... — начала девушка, но констебль только отмахнулся.

— Мой вам совет, госпожа, уезжайте тихо-мирно, а про паб никому ни слова.

— Но, послушайте... мы все знаем, что они разнесли «Голову Короля» вдребезги!

Констебль снова остановил её.

— Нынче утром я проходил мимо «Головы Короля», и паб со всей

определённостью был целёхонек. Более того, его осаждали толпы людей. Все жители города до единого рвутся на него поглазеть. Паб «Голова Короля» ровно таков же, как прежде, насколько я могу судить, за исключением одной-единственной крохотной детали, а именно: теперь он развёрнут навыверт.

— Что значит «навыверт»? — удивилась госпожа Пруст.

— Я хочу сказать, он задом наперёд стоит, — терпеливо объяснил полицейский, — я только что там побывал, и, уж будьте уверены, «Головой Короля» его больше не называют.

Тиффани свела брови.

— То есть... теперь его называют «Затылок Короля»?

Констебль Пикша улыбнулся.

— Вижу, вы барышня воспитанная, госпожа, потому что большинство собравшихся называют его «Королевская...».

— Я тут похабщины не потерплю! — сурово отрезала госпожа Пруст.

«Да ну? — подумала про себя Тиффани. — Это ведь у тебя полвитрины забито розовыми надувными как-бишь-их-тамами и другими загадочными предметами, которых я и рассмотреть-то толком не успела? Странен был бы мир, если бы все люди как две капли воды походили друг на друга, а тем более — на госпожу Пруст».

А под потолком бурно пшушукались Нак-мак-Фигли, причём Туп Вулли шумел больше обычного.

— А я вам грил, грил или нет, я ж сказанул, что эта заведения задом вперёд встряла, вот так и сказанул, но нет, вы ж не послушали! Я, мож, и туп, но я ж не дурак!

Паб «Голова Короля», или какую бы уж часть королевской анатомии он теперь собою ни воплощал, находился неподалёку, но уже за сотню ярдов^[25] до него ведьмам пришлось проталкиваться сквозь бесчисленные скопища людей, многие из которых держали в руках пинтовые кружки. И на госпоже Пруст, и на Тиффани были подбитые гвоздями башмаки — весомое преимущество, когда требуется по-быстрому проложить путь через толпу. И вот, прямо перед ними, слава небесам, воздвиглась, за неимением лучшего слова (хотя Фигли иное слово охотно бы использовали, причём ни минуты не колеблясь), «Спина Короля». Ведьмы облегчённо выдохнули. Перед задней дверью, что ныне исполняла обязанности, некогда возложенные на парадный вход, обнаружился сам хозяин, господин Уилкин: одной рукою он подавал кружки с пивом, а другой сгребал деньги. Выглядел он — точь-в-точь кот в тот день, когда вместо дождя с неба посыпались мыши.

В самый разгар своих трудов праведных он умудрялся-таки выкроить минутку-другую и сказать несколько слов щуплой, но очень целеустремлённой даме, которая всё заносила в блокнот.

Госпожа Пруст ткнула Тиффани в бок.

— Глянь-ка туда! Это мисс Резник из «Таймс», а вон там, — она указала на высокого стражника в форме, — вон, видишь, тот, с кем она разговаривает, — это командор Ваймс из городской стражи. Человек он порядочный, всегда смотрит сердито, шуток не терпит. А ведь дело принимает интересный оборот: он, видишь ли, очень не любит королей. Его предок отрубил голову нашему последнему монарху.

— Какой ужас! А король этого заслуживал?

Госпожа Пруст, помявшись немного, заверила:

— Ну, если рассказы о том, что именно обнаружилось в его личных застенках, не врут, то ответ — «да», причём большими буквами. Но предок командора всё равно предстал перед судом, потому что безнаказанно рубить королям головы, по-видимому, нельзя: всегда найдутся недовольные. Оказавшись на скамье подсудимых, он сказал только: «Будь у чудища сотня голов, я бы не знал покоя, пока не отсёк бы их все до последней». Это засчитали за признание себя виновным. Его вздёрнули, а потом, много позже, поставили ему памятник, что говорит о людях куда больше, чем хотелось бы о них знать. Прозвище у него было — Старина Камнелиц, и, как ты сама видишь, это черта семейная.

Да, Тиффани это видела, а всё потому, что командор целенаправленно шёл к ней, и выражение его лица недвусмысленно говорило о том, что дел у него невпроворот и каждое отдельно взятое дело куда важнее того, чем ему предстоит заняться прямо сейчас. Он почтительно кивнул госпоже Пруст и попытался смягчить свирепый взгляд, обращённый на Тиффани, но без особого успеха.

— Это ваша работа?

— Нет, сэр!

— А вы знаете чья?

— Нет, сэр!

Командор нахмурился.

— Юная барышня, если грабитель совершает кражу со взломом, а позже возвращается и всё похищенное кладёт по местам, преступления это не отменяет, оно всё равно уже совершилось, понимаете? И если зданию вместе со всем его содержимым был нанесён серьёзный ущерб, а на следующее утро обнаруживается, что оно целёхонько и новёхонько, правда, развёрнуто задом наперёд, все, кто в этом замешан, тем не менее являются

преступниками. *Вот только я понятия не имею, как это преступление классифицировать, и, если честно, предпочёл бы раз и навсегда избавиться от этого проклятущего дела.*

Тиффани заморгала. Последней фразы она не услышала, ну то есть не то чтобы уловила с помощью слуха, но всё равно запомнила. Это, должно быть, проговорка! Девушка оглянулась на госпожу Пруст, та радостно кивнула, и в голове Тиффани звякнуло коротенькое: «Да». Ещё одна проговорочка!

А вслух госпожа Пруст промолвила:

— Командор, мне сдаётся, ничего страшного не произошло, тем более что, если глаза меня не обманывают, торговля господина Уилкина в «Спине Короля» идёт полным ходом, так что он сам вряд ли порадовался бы возвращению «Головы Короля».

— Золотые слова! — подтвердил трактирщик, сгребая монеты в кошель.

Командор Ваймс хмурился. Тиффани уловила слова, которые прямо-таки подрагивали на кончике его языка. «Пока я здесь, возвращению короля не бывать».

— Так, может, пусть впредь так и называется — «Затылок Короля»? — снова встряла госпожа Пруст. — Тем более что у короля этого, по всей видимости, перхоть, сальные волосы и здоровенный чирей на шее?

К восторгу Тиффани, выражение лица командора осталось всё таким же каменным, но на языке его затрепетала проговорка — торжествующее «Да!». В этот самый момент госпожа Пруст, убеждённая, что железо надо ковать, пока горячо, снова вмешалась:

— Мы ж в Анк-Морпорке, господин Ваймс; здесь летом, бывает, река загорается, выпадали дожди из рыбы и остовов кроватей, так что, в масштабах вселенского замысла, что не так с пабом, если даже он и вращается вокруг своей оси? Большинство его посетителей делают то же самое! Кстати, как ваш парнишка?

Невинный вопрос, похоже, положил командора на обе лопатки.

— О! Он... ох, я... с ним всё в порядке. Да-да, в полном порядке. Вы были правы. Всё, что ему было нужно, — это глотнуть шипучки да срыгнуть хорошенько. Можно мне перемолвиться с вами словечком в частном порядке, госпожа Пруст? — Он покосился на Тиффани, давая понять, что она в частный порядок не входит, так что девушка осторожно пробралась сквозь толпу развесёлых, порою избыточно развесёлых зевак, жаждущих увековечиться на фоне «Затылка Короля», и растворилась на их фоне, прислушиваясь к тому, как Явор Заядло командует своим воинством

— прочие Фигли ему, так и быть, внимали, если дела поинтереснее не находилось.

— Тыкс вот, — негодовал Большой Человек, — это который из вас, чучундр, удумал на вывешалке настоящу шеяку к бошке прималевать? Вроде обнаковенно таковского не делается.

— Эт' Вулли, — наябедничал Громазд Йан. — Он решил, люди дум-дум, так оно и было. Он же тупитла, ясенный пень.

— Иногда тупость только на пользу, — промолвила Тиффани. Она оглянулась вокруг... Вот он, безглазый человек, *идёт сквозь толпу*, точно люди — это призраки, и однако ж видно, что они каким-то образом чувствуют его присутствие: один провёл ладонью по лицу, словно нащупывая муху, другой хлопнул себя по уху. А после того люди... менялись. При виде Тиффани они недобро сощуривались, а человек-тень направлялся прямо к ней, и вся толпа постепенно превращалась в одну гигантскую неодобрительную гримасу. И тут накатила вонь, она тянулась за фантомом, словно шлейф, и солнечный свет рядом с ним становился серым и мутным. Вроде как на дне пруда, где всё, что умерло, гниёт веками.

Тиффани в отчаянии заозиралась по сторонам. Пируэт «Головы Короля» вокруг своей оси собрал бесчисленное количество зрителей: улицу заполнили любопытствующие и жаждущие. Те, кто просто шёл по своим делам, оказались зажаты между толпой впереди и толпой сзади, и, конечно же, не обошлось без молодцов с подносами и тележками, что кишмя кишат в городе и пытаются что-нибудь впарить любому, кто простоит неподвижно дольше двух секунд. Тиффани ощущала опасность, разлитую в воздухе, на самом деле больше, чем опасность, — ненависть; она росла, как трава после дождя, а чёрный человек подходил всё ближе. Ей стало страшно. Конечно, с ней Фигли, но Фигли обычно вытаскивают тебя из неприятностей, втягивая в новые.

И тут под нею разверзлась земля. Послышался металлический скрежет, и дно мира провалилось, но всего-то футов на шесть. Пока Тиффани пыталась удержаться на ногах в крошечной тьме под мостовой, её оттеснили в сторону с бодрим: «Прошу прощения!» Снова слышались непонятные металлические звуки, и круглое отверстие у неё над головой исчезло во мраке.

— Это нам крупно повезло, — прозвучал вежливый голос. — В первый и последний раз за сегодня, я думаю. Пожалуйста, постарайся не впадать в панику, пока я не зажгу аварийный фонарь. А потом — на твоё усмотрение, паникуй, если хочешь. Только держись поближе ко мне и,

когда я прикажу: «Задержи дыхание и шагай быстрее», делай, как я говорю, ради собственного душевного здоровья, глотки и, возможно, жизни. Мне всё равно, понимаешь ты или нет, — просто слушайся меня, потому что времени у нас, скорее всего, немного.

Вспыхнула спичка. Раздался тихий хлопок, в воздухе прямо перед Тиффани повисло сине-зелёное свечение.

— Просто чуточка болотного газа, — сообщила невидимая собеседница. — Ничего страшного, беспокоиться пока не о чем, но помни: держись как можно ближе ко мне!

Сине-зелёный огонёк стремительно рванулся вперёд; Тиффани пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать, а это было непросто, ведь земля под её ногами становилась то гравием, то грязью, а время от времени чем-то жидким — чем именно, пожалуй, лучше было не знать. Тут и там, вдалеке, мерцали и другие загадочные искорки вроде блуждающих огней над трясиной.

— Не отставай! — велел голос впереди.

Очень скоро Тиффани потеряла всякое ощущение направления, а заодно и времени.

Но вот что-то щёлкнуло, и на фоне дверного проёма обрисовалась фигура: проём, с виду самый обыкновенный, тем не менее представлял собою арку, так что дверь в верхней своей части сужалась, сходясь в одну точку.

— Пожалуйста, как следует вытри ноги о коврик по ту сторону двери: здесь, внизу, лишние предосторожности не помешают.

Позади туманного призрака сами собою зажглись свечи и наконец-то высветили фигуру в тяжёлой, плотной одежде, громадных сапогах и стальном шлеме на голове. На глазах у Тиффани незнакомка осторожно стянула шлем и встряхнула собранными в «конский хвост» волосами: «хвост» вроде бы свидетельствовал о молодости, но волосы были седые — как в глубокой старости. Тиффани подумала, что её проводница — из тех, кто выбирает себе образ по своему вкусу и после уже не меняется до самой смерти. И ещё морщинки... вид у незнакомки был озабоченный, как если бы она пыталась думать о нескольких вещах сразу; судя по выражению лица — так обо всём на свете. В комнате обнаружился накрытый столик, а на нём — чайник, чашки и груда кексиков.

— Заходи, пожалуйста, — пригласила женщина. — Добро пожаловать! Но где мои хорошие манеры? Меня зовут госпожа... Смит, до поры до времени. Надеюсь, госпожа Пруст обо мне упоминала? А ты сейчас находишься в Объекте Движимости, с вероятностью, в самом

нестабильном месте мира. Чаю хочешь?

Жизнь вроде как налаживается, когда мир перестаёт стремительно вращаться, а перед тобой — чашка с горячим чаем, даже если стоит она на старом упаковочном ящике.

— Прости, здесь, конечно, не дворец, — промолвила госпожа Смит. — Я здесь дольше, чем на несколько дней, никогда не задерживаюсь, но мне нужно быть поближе к Университету, причём мне требуется полное уединение. Видишь ли, когда-то это был маленький домик под университетскими стенами, и волшебники просто-напросто сбрасывали на него весь свой мусор; спустя какое-то время разнообразные фрагменты магических отходов стали реагировать друг с другом непредсказуемым — иного слова даже не подберу — образом. Ну вот, тут и крысы заговорили, и брови у людей отрастали до шести футов в длину, и башмаки сами по себе расхаживали, — наконец все окрестные жители разбежались, и их башмаки — тоже. А поскольку больше никто не жаловался, волшебники спокойно продолжали выбрасывать мусор через стену. Волшебники — они в этом отношении как кошки: нагадил, отошёл — и вроде бы и не нагадил.

Разумеется, тогда это место превратилось во всеобщую свалку, кто угодно приходил сюда и выбрасывал всё, что угодно, и по-быстрому убегал; башмаки частенько кидались в погоню, но догоняли не всегда. Не хочешь ли кексик? Не тревожься, я их купила завтра у вполне уважаемого кондитера, так что они совсем свежие, а здешнюю магию я по большей части укротила год назад. Это было несложно, на самом-то деле: магия — главным образом вопрос равновесия, ну да ты, конечно же, и без меня это знаешь. Как бы то ни было, в результате коттедж укутал такой плотный волшебный туман, что, думаю, даже боги сквозь него ничего не видят. — Госпожа Смит изящно откусила полкекса и пристроила вторую половинку на блюдце. А затем наклонилась к самому уху Тиффани. — И что же ты почувствовала, госпожа Тиффани Болен, когда поцеловала зиму?

Тиффани во все глаза уставилась на неё.

— Послушайте, да я его просто легонько чмокнула, и всё! Не взасос! — И уточнила: — Вы ведь — та самая дама, которая, как говорила госпожа Пруст, меня непременно отыщет, верно?

— Да, — кивнула госпожа Смит, — мне казалось, это очевидно. Я могла бы прочесть тебе длинную заумную лекцию, — бесцеремонно продолжила она, — но лучше расскажу одну историю. Я знаю, что тебя обучает матушка Ветровоск, так вот, она тебе скажет, что мир состоит из историй. И лучше я предупрежу тебя сразу, что эта — не из приятных.

— Я, знаете ли, ведьма, — напомнила Тиффани. — Я много чего

неприятного повидала!

— Это ты так думаешь, — парировала госпожа Смит. — А теперь вообрази, что дело происходит больше тысячи лет назад, и представь себе человека, ещё довольно молодого. Он ведьмознатец, он жжёт книги, он — пыточных дел мастер, потому что люди постарше его и гораздо хуже его внушили ему, что именно этого требует Великий Бог Ом. В один прекрасный день он выследил девушку, и девушка эта — ведьма, и она красива, ослепительно красива, что среди ведьм — редкость, по крайней мере, в те времена...

— Он в неё влюбился, так? — перебила Тиффани.

— Конечно, — кивнула госпожа Смит. — Парень встречает девушку, а это — один из могущественнейших двигателей сюжетной каузальности в множественной вселенной, или, как скажут иные, «так было суждено». И мне бы хотелось продолжить этот дискурс без того, чтобы меня перебивали на каждом слове, если не возражаешь.

— Но ему ведь придётся убить её, так?

Госпожа Смит вздохнула.

— Совсем не обязательно, если на то пошло. Он думает, что если он спасёт её и они сумеют добраться до реки, то у него будет шанс. Он сбит с толку и растерян. Он никогда ничего подобного не чувствовал. Впервые в жизни ему приходится думать своей головой. Лошади ждут неподалёку. Стражников — несколько, тут же и другие пленники, а в воздухе клубится дым, потому что горят книги, и у всех слезятся глаза.

Тиффани подалась вперёд, выискивая подсказки, пытаясь заранее угадать, чем всё кончится.

— Тут же — несколько его помощников, а также и старейшины Омнианской церкви: они пришли понаблюдать за казнью и изречь своё благословение. И, наконец, жители ближайшей деревни: они громко радуются и веселятся от души, поскольку убивать-то собираются не их, а кого-то другого, и в общем и целом с развлечениями у них не густо. На самом-то деле это вроде как очередной рабочий день, рутина, вот только эта девушка, пока её привязывали к столбу его же помощники, поймала его взгляд и теперь следит за ним очень внимательно, не произнося ни слова, и даже не кричит — пока ещё нет.

— А меч у него есть? — спросила Тиффани.

— Да, есть. Можно, я продолжу? Спасибо. Так вот, он подходит к ней. Она неотрывно глядит на него, не кричит, просто смотрит, а он про себя думает... что? Он думает: «Смогу ли я уложить обоих охранников? Подчинятся ли мне мои помощники?» Он подходит ближе, гадая про себя,

а удастся ли добраться до лошадей под прикрытием дыма. И это — мгновение, навек застывшее во времени. Великие события ожидают его решения. Одно простое действие — так или иначе, — и история изменится, и ты, конечно, думаешь, всё зависит от того, что он предпримет. Но, видишь ли, то, что думает он, это совсем неважно, потому что она-то знает, кто он такой, и что он натворил, и сколько зла причинил, и чем славится, и, пока он идёт к ней, шаг за шагом, сомневаясь в себе, она-то знает, каков он, даже если он про себя мечтает всё изменить, и вот она просовывает руки сквозь прутья плетёной клетки, куда её поместили, чтобы стояла прямо, и обнимает его, и крепко держит, — а в это самое мгновение факел падает на политые маслом дрова, и взрывается пламя. Она не сводит с него глаз — и не ослабляет хватки... Ещё чаю?

Тиффани заморгала, разгоняя дым, и пламя, и потрясение.

— А вам-то откуда об этом известно, скажите, пожалуйста?

— Я там была.

— Тысячу лет назад?

— Да.

— Как вы туда попали?

— Пешком, — отозвалась госпожа Смит. — Но не в этом суть. Суть в том, что так случилась смерть — и рождение — той твари, что мы называем Лукавцем. Поначалу он ещё был человеком. Он, конечно же, сильно пострадал. И очень долго приходил в себя. А розыск ведьм продолжался — да с размахом! И не скажу доподлинно, кого прочие ведьмознатцы боялись больше — ведьм или гнева Лукавца, если ему не находили тех ведьм, которых он требовал, — и, уж поверь мне, если тебе в спину дышит Лукавец, ты отыщешь столько ведьм, сколько ему нужно, о да!

А сам Лукавец ни одной ведьмы не пропускал. Просто диву даёшься. Вот взять какую-нибудь тихую захолустную деревушку, где все друг с другом неплохо ладят и где ведьм никто никогда не замечал. А стоит появиться Лукавцу — и внезапно ведьмы обнаруживаются повсюду, они прямо кишмя кишат, вот только, к сожалению, недолго. Лукавец считал, что во всех на свете бедах виноваты ведьмы — это они воруют младенцев, это они подговаривают жён сбегать от мужей, это из-за них молоко скисает. Мне лично больше всего нравится история о том, что ведьмы выходят в море в яичной скорлупке, чтобы топить честных моряков. — Госпожа Смит подняла руку. — Нет, не говори мне, что даже самая миниатюрная ведьма в скорлупку не влезет, а, напротив, её раздавит — это то, что мы, ведьмы, называем логическим аргументом, а значит, никто из тех, кому хочется

верить, будто ведьмы топят корабли, во внимание его не примет.

Понятное дело, так не могло продолжаться до бесконечности. Людям случается повести себя глупо, людей нетрудно запугать, но порою встречаются люди и неглупые, и храбрые, так что Лукавец был изгнан из мира. Вышвырнут как мусор, — да он мусор и есть.

Вот только покончить с ним не удалось. Его ненависть ко всему, что он почитал ведьмовством, оказалась так могуча и так страшна, что он каким-то образом сумел выжить, пусть и лишился в конце концов тела. Такая ярость обуревала его, что, даже не имея ни кожи, ни костей, он продолжал жить — как призрак. А время от времени он находил кого-нибудь, кто его впустит. Ведь в мире полным-полно людей, чьё отравленное сознание для него открыто. А есть и те, кто предпочёл бы оказаться скорее за спиною у зла, чем лицом к лицу со злом, и один из таких написал для него книгу под названием «Костёр ведьм»*.

Но когда он завладевает чужим телом — и поверь мне, в прошлом находились неприятные люди, полагавшие, что их страшным честолюбивым устремлениям это только на пользу, — владелец тела очень скоро обнаруживает, что всякий контроль он утратил. Эти люди тоже становились частью Лукавца. И слишком поздно осознавали, что спасения и освобождения нет. Кроме как через смерть...

— Отрава проникает туда, где ей рады, — промолвила Тиффани. — Но похоже, что просочиться отравка может куда угодно, неважно, рады ей или нет.

— Прости, но я всё-таки скажу: «Молодчина!» — похвалила госпожа Смит. — Ты в самом деле так сильна, как о тебе говорят. В Лукавце уже не осталось ничего материального. Ничего такого, что можно увидеть. Ничего такого, чем можно завладеть. И хотя он зачастую убивает тех, кто великодушно впустил его, он, тем не менее, по-прежнему процветает и благоденствует. Не имея собственного тела, он дрейфует по ветру и, я так понимаю, вроде как спит. А если и впрямь спит, то я знаю, что ему снится. Ему снится прекрасная юная ведьма, самая могущественная из всех ведьм. И он думает о ней с такой ненавистью, что, согласно теории эластичных струн, эта ненависть облетает всю вселенную кругом и возвращается с другой стороны, так что оборачивается своего рода любовью. Он мечтает увидеть эту ведьму снова. И тогда она почти наверняка умрёт.

Были ведьмы — настоящие, из плоти и крови, которые сражались с ним и побеждали. Были и такие, что гибли. А затем, в один прекрасный день, девочка по имени Тиффани Болен послушалась старших — и поцеловала зиму. Чего, надо сказать, никто прежде не делал. И Лукавец

вновь пробудился. — Госпожа Смит отставила чашку. — Как ведьма, ты ведь понимаешь, что не должна ничего бояться?

Тиффани кивнула.

— Так вот, Тиффани, ты должна найти в себе место для страха, страха, который держишь под контролем. Мы считаем, что голова очень важна, что мозг по-королевски восседает на троне тела. Но и тело могущественно, и мозгу без тела не выжить. Если Лукавец завладеет твоим телом, не думаю, что ты сможешь дать ему бой. С таким врагом ты ещё не сталкивалась. Угодить в его власть — значит в конце концов умереть. Но что ещё хуже, перед этим ты станешь его орудием. И смерть покажется долгожданным избавлением. Вот такие дела, госпожа Тиффани Болен. Он пробудился, он скользит по ветру, он ищет её... Он ищет *тебя*.

— Ну, мы её хотя бы сыскнули, — заявил Явор Заядло. — Она где-то тутс, в этой вонявой отбросной кучище.

Фигли, открыв рты, стояли перед пузырящимся, гниющим месивом Объекта Движимости. Под завалами мусора что-то загадочно побулькивало, вертелось и взрывалось.

— Туда суйносить — всё равно что на верную смерть, — заявил Чокнутый Крошка Артур. — На верную смерть, грю! Вы все обрычены!

— Ах-ха, мы и так все обрычены, ранее или попозже, — весело заверил Явор Заядло. Он принялся. — Что ишло за хренищная вонизма такая?

— Звиняй, Явор, энто я, — пригорюнился Туп Вулли.

— Ых, наэ, твою вонизму я бум-бум, — возразил Явор. — Но, знатца, нюхивал я такое прежде. Тот идучий вражина, которого мы на дороге унюхали. Нды? Весь в чёрном. Огромная недостача по части глазевых яблоков. Как выгребенная ямина вонявал, и в выгребенную ямину ему дорога. И памятуется, вякал он разные гадственные словья о нашей мал-малой громаздой карге. Моя Джинни грит, надыть нам держаться к мал-малой громаздой карге поближе, и думкаю я, этой чучундре пованниться не помешает.

Чокнутый Крошка Артур ненароком ускорил события.

— Дыкс ты, Явор, разве не в курсах, что туда соваться запрещено законом, ыть? — Он указал на древний, полурасплавленный знак, на котором едва разборчиво проступали слова:

Явор Заяadlo так и впился в знак глазами.

— Ых, вот теперча ты мне выбора не оставкал, — заявил он. — Да ишшо напомним, что мы ужo мертвяки^[26]. *Вперёд!*

На языке у Тиффани вертелись десятки вопросов, но на самый верх пробился главный:

— А что будет, если Лукавец меня настигнет?

Госпожа Смит мгновение глядела в потолок. А потом ответила:

— Ну, наверное, с его точки зрения, это будет что-то вроде свадьбы. А с твоей точки зрения, это всё равно что быть мёртвой. Нет, хуже, поскольку ты-то окажешься внутри, наблюдая за тем, что он способен сотворить, вооружённый всеми твоими способностями и могуществом, с твоими близкими и знакомыми. Кажется, где-то ещё оставался последний кексик?

«Я не стану бояться», — твердила себе Тиффани.

— Рада это слышать, — вслух произнесла госпожа Смит.

Тиффани в ярости вскочила со стула.

— Не смейте этого делать, госпожа Смит!

— Уверена, где-то был ещё один кексик, — откликнулась госпожа Смит. И тут же добавила: — Так держать, госпожа Тиффани Болен.

— Я, между прочим, справилась с роителем. Я в состоянии о себе позаботиться.

— А о своей семье? Обо всех, кого ты знаешь? Ты защитишь их от атаки, которую они даже не заметят? Ты не понимаешь. Лукавец — это не

человек, хотя когда-то им был, а ныне он даже не призрак. Он — идея. И, к сожалению, для этой идеи пришло время.

— Ну, по крайней мере, я чувствую его приближение, — задумчиво промолвила Тиффани. — Он него невыносимо воняет. Даже хуже, чем от Фиглей.

Госпожа Смит кивнула.

— Да, это разит от его сознания. Это запах порчи — порчи в делах и в мыслях. Твой разум её улавливает, не знает, что с ней делать, и регистрирует как «вонь». Все предрасположенные к магии эту порчу чувствуют; а вот когда с нею сталкиваются обычные люди, порча их меняет, отчасти уподобляя Лукавцу. Так что, куда бы он ни направился, беда следует за ним по пятам.

Тиффани знала в точности, о какой беде идёт речь, хотя воспоминания рывком перебросили её в прошлое, ещё до пробуждения Лукавца.

Мысленным взором она видела, как обугленные по краям обрывки бумаги порхают туда-сюда; мысленным слухом слышала обречённые вздохи ноябрьского ветра, а хуже всего, о да, всего хуже, мысленным носом чувала резкую, едкую вонь полусожжённой старой бумаги. В памяти Тиффани клочки трепетали на безжалостном ветру, точно раздавленные, искалеченные мотыльки, которые, тем не менее, всё ещё отчаянно пытаются взлететь.

И на этих клочках были звёзды.

Люди вышли строем под звуки лютой музыки и грубо выволокли из дому помешанную старуху, чьё единственное преступление, насколько могла судить Тиффани, заключалось в том, что зубов у неё не осталось и от неё пахло мочой. Люди швырялись камнями, расколотили окна, убили кошку — это всё творили хорошие люди, милые люди, знакомые Тиффани люди, с которыми она сталкивалась каждый день, — они всё это совершили и с тех пор никогда не заговаривали о случившемся. Тот день каким-то образом выпал из календаря. В тот день, набрав полный карман опалённых звёзд, не зная сама, что делает, но исполненная решимости сделать то, что нужно, она стала ведьмой.

— Вы сказали, какие-то ведьмы сражались с ним и победили? — спросила Тиффани у госпожи Смит. — А как им это удалось?

— Последний кексик наверняка лежит в пакете с именем кондитера. Ты на нём не сидишь, часом? — Госпожа Смит откашлялась. — Удалось благодаря тому, что это были очень могущественные ведьмы, они понимали, что значит быть могущественной ведьмой, они пользовались случаем, пускали в ход все уловки и, как я подозреваю, угадывали мысли

Лукавца ещё до того, как он угадает их мысли. Я проделала долгий путь сквозь время, чтобы узнать о Лукавце побольше, — добавила она, — и одно скажу точно: убить Лукавца можно только с помощью лукавства. Тебе придётся его перелукавить.

— Не очень-то он и хитёр, если ему потребовалось столько времени, чтобы меня найти, — возразила Тиффани.

— Да, меня это озадачивает, — промолвила госпожа Смит. — И тебя тоже должно озадачить. Я бы предположила, что ему понадобится гораздо больше времени. Уж всяко не два года. Либо он стал умнее — а, признаться, умничать ему особо нечем, мозгов-то нет, — либо что-то привлекло к тебе его внимание. Что-то — или, вероятнее, кто-то, наделённый магической силой. У тебя есть недоброжелатели среди ведьм?

— Совершенно точно нет, — заверила Тиффани. — А не осталось ли в живых хоть кого-нибудь из тех ведьм, которые его побеждали?

— Осталось, да.

— Я вот думаю — может быть, мне встретиться с кем-нибудь из них и спросить, как им это удалось?

— Я же тебе объяснила, он — Лукавец. С какой стати ему дважды попадать в одну и ту же ловушку? Тебе придётся придумать свой собственный способ. Те, что тебя учили, на меньшее и не рассчитывают.

— Это, случайно, не очередное испытание какое-нибудь? — спросила Тиффани и тут же смутилась: до того неуклюже это прозвучало.

— Ты разве не помнишь, что постоянно твердит матушка Ветровоск? — промолвила госпожа Смит.

— «Всё, что с тобой происходит, на самом деле — испытание», — хором произнесли они, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Раздалось тихое кудахтанье. Госпожа Смит приоткрыла дверь, в комнату вошла белая курочка, с любопытством огляделась по сторонам — и взорвалась. На её месте осталась луковица с мачтой и полным парусным вооружением.

— Извини, я-то надеялась, обойдётся, — посетовала госпожа Смит. Она вздохнула. — Боюсь, такое здесь постоянно происходит. Объект Движимости, видишь ли, не статичен. Вся магия перемешивается, обрывки одних заклинаний переплетаются с другими, и рождаются заклинания совершенно новые, которые прежде никому и в голову не приходили... словом, получается куча-мала. А она в случайном порядке порождает невесть что. Вот вчера, например, я нашла книгу о выращивании хризантем, отпечатанную медью по воде. Казалось бы, строчкам полагалось размазаться, но нет, книга каким-то образом держалась до тех

пор, пока магия не иссякла.

— Не повезло курочке, — нервно заметила Тиффани.

— Ну, я могу гарантировать, что ещё две минуты назад курицей она не была, — утешила госпожа Смит, — а теперь ей, наверное, приятно побыть немного мореходным овощем. Понимаешь, почему я не задерживаюсь здесь надолго? Был у меня один неприятный случай с зубной щёткой, который я не скоро забуду. — Она приоткрыла дверь чуть шире, и Тиффани увидела путанку.

Путанку ни с чем не спутаешь^[27]. Ну то есть в первый момент с каждым может случиться: Тиффани ненароком приняла её за грудку мусора.

— Просто диву даёшься, что отыщется в карманах, когда ты на магической свалке, — невозмутимо заметила госпожа Смит.

Тиффани снова вытаращилась на гигантскую путанку.

— Это ведь лошадиный череп^[28], да? А вон там — неужели ведро с головастиками?

— Ну да. Без чего-то живого не обойтись, верно?

Тиффани сощурилась.

— Но вот это — посох волшебника, так? А мне казалось, посох перестает работать, если за него берётся женщина!

Госпожа Смит улыбнулась.

— Ну, я-то владею своим посохом с колыбели. На нём даже отметины от молочных зубов есть, если знать, где искать. Это *мой* посох, и он прекрасно работает, хотя, надо признаться, он заработал ещё лучше, когда я сняла с него набалдашник. От набалдашника никакого проку, а равновесие нарушается. Да сколько можно на меня пялиться, открыв рот?

Тиффани послушно сомкнула челюсти, но рот тут же открылся снова. До неё наконец дошло — причём путь был пройден немалый.

— Так вы — она, да? Вы наверняка она, вы она и есть! Эскарина Смит, правильно? Единственная женщина, ставшая волшебником!*

— Где-то внутри себя я думаю, что да, но это было так давно, и, знаешь, я никогда не чувствовала себя настоящим волшебником и поэтому не тревожилась о том, что другие скажут. В любом случае у меня был мой посох, и этого у меня не отнимешь. — Эскарина на мгновение замялась, но тут же продолжила: — Вот чему я научилась в Университете: быть собой, просто собой, и не беспокоиться на этот счёт. Это знание — само по себе незримый магический посох. Слушай, на самом-то деле, давай сменим тему. Не хочу ворошить прошлое.

— Простите, пожалуйста, — промолвила Тиффани. — Я просто не

удержалась. Мне страшно жаль, если я ненароком пробудила страшные воспоминания.

Эскарина улыбнулась.

— О, страшные-то — не проблема! Вот с хорошими справиться куда труднее.

Путанка тихо щёлкнула. Эскарина встала и подошла к ней.

— Вот те на! Разумеется, прочесть путанку может только та ведьма, что её сделала, но ты ведь мне поверишь, если я скажу, что, судя по тому, как развернулся череп, и судя по положению игольницы относительно оси прялки, Лукавец очень близко. Прямо-таки над нами. Возможно, здешняя хаотичная магия сбивает его с толку, ему кажется, что ты везде — и нигде, так что он скоро уйдёт и попытается взять след в другом месте. И, как я уже упоминала, по пути он поест. Он заберётся в голову какому-нибудь идиоту, и на какую-нибудь старушку или девчонку, которая обвешалась опасными культовыми символами, даже не задумываясь о том, что они значат, внезапно объявят охоту. Будем надеяться, она быстро бегаёт.

Тиффани ошеломлённо заозиралась.

— И в этом будет моя вина?

— Это нытьё маленькой девочки или риторический вопрос ведьмы, опекающей вверенный ей удел?

Тиффани начала было отвечать и тут же умолкла.

— Вы ведь умеете перемещаться во времени, правда? — уточнила она.

— Да.

— Тогда вы и так знаете, что я отвечу?

— Ну, не всё так просто, — отозвалась Эскарина, словно бы слегка смутившись, к вящему изумлению и, надо признать, восторгу Тиффани. — Я знаю, что ты можешь дать — дай-ка прикину — пятнадцать вариантов ответа, но пока ответ не прозвучал, я не знаю, какой ты выберешь. Так работает теория эластичных струн.

— Тогда я скажу только: спасибо вам большое, — отозвалась Тиффани. — Простите, что злоупотребила вашим временем. Но мне пора: у меня столько дел. Вы время не знаете?

— Знаю, — кивнула Эскарина, — это способ описания одного из познаваемых измерений четырёхмерного пространства. Но для твоих целей — примерно без пятнадцати одиннадцать.

«Какой необычайно замысловатый ответ на поставленный вопрос», — подумала про себя Тиффани. Но едва она открыла рот, чтобы сказать об этом, путанка обрушилась, дверь распахнулась, и внутрь ворвалась орава куриц, которые, впрочем, взрываться не стали.

Эскарина схватила Тиффани за руку и закричала:

— Он нашёл тебя! Не знаю как, но нашёл!

Одна из куриц не то вспрыгнула, не то вспорхнула, не то шлёпнулась на обломки путанки и закукарекала:

— Ку-ка-ре-краскудрыть!

Курицы лопнули — и превратились в Фиглей.

В общем и целом большой разницы между курами и Фиглями не было: и те и другие носились кругами и орали. Главное отличие состояло в том, что куры обычно безоружны. А вот Фигли, напротив, всегда вооружены до зубов. Как только они стряхнули с себя остатки перьев, то принялись сражаться друг с другом — от смущения, ну, и чтобы время скоротать.

Эскарина оглянулась на них, пнула стену позади себя, открыв узкий лаз, сквозь который едва можно было протиснуться, и приказала Тиффани:

— Ступай! Уводи его отсюда! Как можно скорее садись на метлу и улетай! За меня не беспокойся! И не переживай, ты справишься! Просто помоги себе сама.

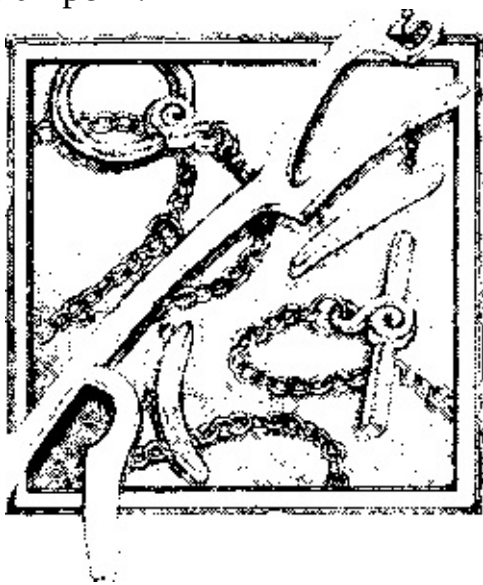
Густой, тошнотворный дым постепенно заполнял комнату.

— Что вы имеете в виду? — с трудом выговорила Тиффани, борясь с метлой.

— *Уходи!*

Сама матушка Ветровоск не сумела бы так основательно подчинить себе ноги Тиффани.

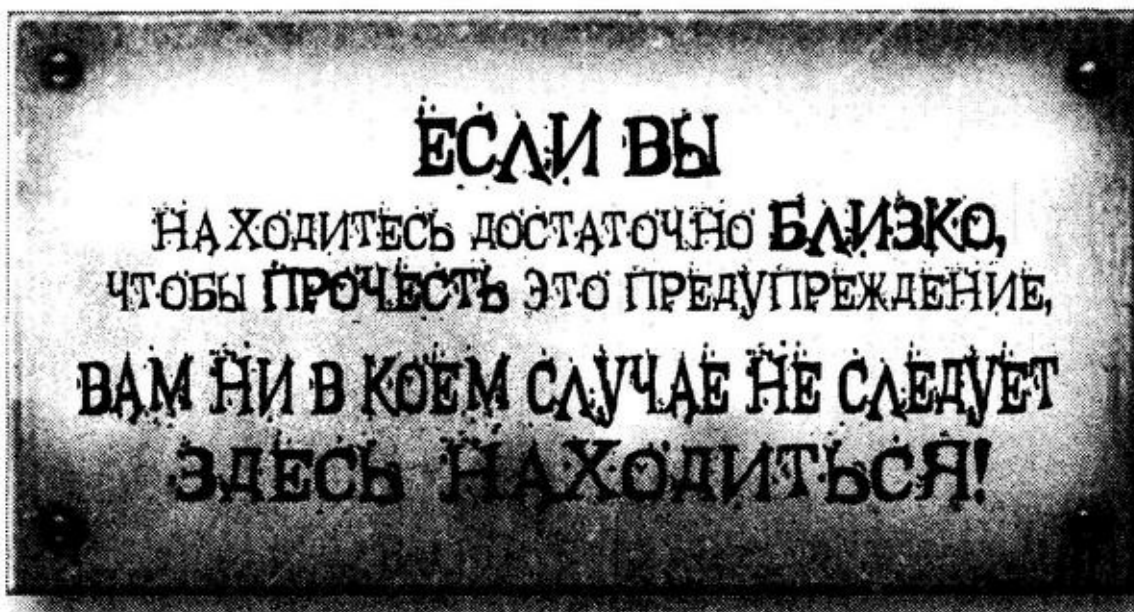
Девушка поспешила прочь.

Глава 9

ГЕРЦОГИНЯ И КУХАРКА*

Летать Тиффани любила. Чего она терпеть не могла, так это подниматься в воздух сколько-нибудь выше собственного роста. Однако волей-неволей приходилось: в ведьмовском деле и глупо, и неприлично летать так низко, что башмаки верхушки муравейников задевают. Люди смеются, а то и пальцами показывают. Но сейчас, прокладывая курс сквозь разрушенные дома над мрачными, побулькивающими заводами, она отчаянно тосковала по открытому небу. С превеликим облегчением Тиффани выскользнула наконец из-за груды разбитых зеркал в ясный солнечный свет, пусть даже и рядом с табличкой, на которой значилось:

Это стало последней каплей. Тиффани развернула метлу почти вертикально, так что конец её прочертил бороздку в грязи, и ракетой взмыла вверх, отчаянно вцепившись в поскрипывающий ремень безопасности, чтобы не сорваться. Раздался тонкий голосок:

— Мы впёрлись в зону турбулентности, позырьте налево-направо, где аварийные выходы ваще не расположены.

Другой голос возразил:

— Дыкс, Явор, у метлы ж аварийные выходы повсюду, куды ни зырь.

— Ах-ха, — подтвердил Явор Заядло, — но надо ж, шоб всё было стильно, по понятиям, агась? Мы ж не тупитлы безмозговые, чтоб пождать,

пока об землю мал-мала шмякнемся, а тады и выпираться.

Тиффани крепко держалась за метлу, стараясь не прислушиваться и борясь с искушением стукнуть Фигля-другого, которые вообще не понимали, что такое опасность, искренне полагая, что самое опасное здесь — это они сами.

Наконец метла выровнялась, и Тиффани отважилась посмотреть вниз. Перед «Головой Короля» — или во что бы уж «Голову» ни переименовали, — по-видимому, кипела драка, но госпожи Пруст видно не было. Ну да городской ведьме смекалки не занимать, верно? Госпожа Пруст вполне способна сама о себе позаботиться.

Именно это госпожа Пруст и делала — заботилась о себе, то есть убегала со всех ног. Едва почуяв опасность, она, ни секунды не мешкая, нырнула в ближайший переулок — и вокруг неё сгустился туман. В городе постоянно клубились и дым, и пар, и чад; сноровистая ведьма с ними управлялась играючи. Это же дыхание города, причём довольно зловонное; госпожа Пруст умела играть на дымах, как на туманном пианино. Она прислонилась к стене, чтобы отдышаться самой.

Она чувствовала, как угроза нарастает, точно гроза собирается, и это — в городе, где все друг с другом уживались на удивление мирно. Любая женщина, хоть сколько-то смахивающая на ведьму, становилась мишенью. Оставалось только надеяться, что все прочие безобразные старухи в такой же безопасности, как и она сама.

Мгновение спустя из тумана вырвались двое мужчин, один — с увесистой палкой, а второй в палке не нуждался, такой громила — сам себе дубина.

Злоумышленник с палкой кинулся к ведьме, и госпожа Пруст топнула о мостовую. Камень под ногой бегущего встал торчком, тот споткнулся, рухнул вниз, благополучно приземлился на собственный подбородок, послышалось «хрясь!», и палка откатилась в сторону.

Госпожа Пруст скрестила руки на груди и свирепо воззрилась на громилу. Тот оказался поумнее приятеля, но кулаки его непроизвольно сжимались и разжимались; ведьма понимала, что дальнейшее — лишь вопрос времени. Не дожидаясь, пока противник расхрабрится, она снова топнула ногой о камни.

Громила как раз прикидывал про себя, чего ждать, но он и заподозрить не мог, что конная статуя^[29] лорда Альфреда Ржава, знаменитого тем, как храбро и доблестно он проигрывал все до одного сражения, галопом вылетит из тумана и лягнет его бронзовым копытом промеж ног с такой силой, что он опрокинется назад, ударится головой о фонарный столб и

плавно съедет на землю.

Тут госпожа Пруст узнала в громиле покупателя, который время от времени приобретал у Дерека чесоточный порошок и взрывающиеся сигары; а покупателей убивать не стоит. Она подняла постанывающего бедолагу за волосы и прошептала ему на ухо:

— Тебя здесь не было. Меня тоже. Ничего не случилось, и ты ничего не видел. — Госпожа Пруст минуту подумала и, поскольку бизнес есть бизнес, добавила: — А когда вы в следующий раз окажетесь рядом с «Магазином увеселительных товаров “Боффо”», вы непременно заинтересуетесь широким ассортиментом забавнейших розыгрышей для всей семьи и хитом недели, новыми «Пёсьими проказами» из коллекции «Жемчужины мостовой» для истинных ценителей, которые к смеху подходят со всей серьёзностью. Будем рады обслужить вас по высшему разряду. P. S. Наша новая линия взрывающихся сигар «Гром и молния» рассмешит вас до колик, а также непременно попробуйте наш преуморительный резиновый шоколад. Загляните на минутку в наш отдел полезных мелочей для джентльменов: там представлено всё лучшее в категории фабр для натирания усов, чашек с защитой для усов, опасных бритв, превосходных нюхательных Табаков, триммеров из черного дерева для стрижки волос в носу и наших неизменно популярных тубулярных брюк (поставляются в простой обёрточной бумаге, не больше одной пары в руки).

Очень собою довольная, госпожа Пруст выпустила голову потенциального клиента. С неохотой признав, что, лёжа без сознания, люди ничего не покупают, она переключилась на бывшего владельца палки. Тот тихо стонал. Ну да, конечно, во всём виноват безглазый незнакомец, думала она, допустим, это может послужить оправданием, — но госпожа Пруст снисходительностью не славилась. «Отрава проникает туда, где ей рады», — напомнила она себе. Ведьма щёлкнула пальцами, взобралась на бронзового коня и удобно устроилась на холодных металлических коленях покойного лорда Ржава. Лязгая и поскрипывая, бронзовый конь зашагал прочь в мгlistую пелену — причём туман этот следовал за госпожой Пруст до самой лавки.

А в переулке словно бы повалил снег — впрочем, очень скоро стало понятно: то, что падает с неба на бесчувственные тела, ещё недавно находилось в желудках тех самых голубей, которые теперь слетались к месту событий со всего города по зову госпожи Пруст. Заслышав шум крыльев, она мрачно улыбнулась.

— Наш соседский дозор не просто следит и бдит! — удовлетворённо

заявила она*.

Когда дым и чад города наконец-то остались позади, Тиффани почувствовала себя лучше. Да как они вообще живут в такой вони? Это хуже, чем Фиглев спог, право слово!

Но теперь внизу расстилались поля, и хотя дым от горящей стерни поднимался ввысь, в сравнении с запахом внутри городских стен он казался дивным благоуханием.

А Эскарина Смит там жила... ну, хорошо, жила время от времени!

Эскарина Смит! Она всамделишная, она настоящая! Мысли неслись в голове Тиффани почти так же стремительно, как метла в небе. Эскарина Смит! Все ведьмы о ней что-нибудь да слышали, но среди версий не было двух одинаковых.

Мисс Тик рассказывала, что Эскарина — та самая девочка, которой по ошибке достался посох волшебника!

Самая первая из учениц матушки Ветровоск! Матушка пропихнула её в Незримый Университет, раздала — нет, не Эскарину! — раздала под орех тамошних волшебников. А уж разделять она умела, если верить отдельным историям, в том числе и рассказам о магических битвах.

Тётушка Вровень заверила Тиффани, что Эскарина — персонаж из волшебной сказки.

Госпожа Вероломна предпочла сменить тему.

Нянюшка Ягг заговорщицки поднесла палец к носу и шепнула: «Слово — серебро, молчание — золото».

А Аннаграмма надменно убеждала всех юных ведьмочек, что да, Эскарина когда-то существовала, но давно умерла.

Однако была одна история, которую со счетов не спишешь: она обвилась вокруг правды и лжи, точно жимолость. История эта возвещала миру о том, что юная Эскарина повстречала в Университете юношу по имени Саймон, которого боги, по-видимому, прокляли, наделив всеми мыслимыми болезнями и недугами рода человеческого. Но поскольку у богов есть чувство юмора, пусть и странное, ему даровали способность понимать — ну, всё на свете. Он и ходил-то с трудом, зато был настолько гениален, что умудрялся держать в голове всю Вселенную.

Волшебники с бородами до полу приходили послушать, как он рассуждает о пространстве, времени и магии, как будто всё это — части единого целого. А юная Эскарина его кормила, умывала, помогала ему передвигаться и училась у него — опять же, всему на свете.

По слухам, она узнала тайны, рядом с которыми величайшая магия — не больше, чем карточные фокусы. И, стало быть, эта история правдива!

Ведь Тиффани разговаривала с историей и угощалась у истории кексиками; значит, в самом деле существует женщина, умеющая ходить сквозь время и отдающая времени приказания. Ух ты!

Да, а ещё ощущалось в Эскарине нечто странное — как будто она не совсем здесь, но каким-то непостижимым образом одновременно здесь и везде... В этот миг на горизонте показались Меловые холмы, сумрачные и загадочные, точно выброшенный на берег кит. До холмов было ещё далеко, но сердце у девушки забило часто-часто. Там — её земля; она знает в ней каждый дюйм; часть её души всегда там. Там она любого врага встретит лицом к лицу. Разве сможет Лукавец, этот обветшавший призрак, победить её на её же собственной территории? У неё там семья, и бесчисленная родня, и друзей больше, чем... ну, ладно, сейчас, когда она стала ведьмой, друзей осталось не слишком много, но так уж в мире повелось.

Тиффани почувствовала, как кто-то карабкается вверх, цепляясь за её платье. Сейчас-то никакой беды в этом не было; ведьма, конечно же, не носить платья не может, но если ты собираешься летать на метле, то уж всенепременно потратишься на хорошие плотные панталоны, желательно ещё и на подкладке. Зад при этом заметно потолстеет, зато ему будет теплее, а в ста футах над землёй удобство имеет приоритет над модой.

Девушка покосилась вниз и увидела Фигля в полицейском шлеме, склёпанном, по-видимому, из крышки старой солонки, в таком же крохотном нагруднике кирасы, и невероятно, но в штанах и сапогах. Обувь Фигли обычно не носят.

— Ты — Чокнутый Крошка Артур, так? Я тебя в «Голове Короля» видела! Ты ведь полицейский!

— Ах-ха! — Чокнутый Крошка Артур ухмыльнулся типично фиглевской ухмылкой. — В Страже жизнь шикарная, и платят неплохо. Пенни — это здорово много, если на него жраксы на неделю закупаешь!

— Значит, ты перебираешься к нам, приглядеть, чтоб наши ребята не безобразничали? Ты навсегда останешься?

— Да нет, это навряд ли. Я ж город люблю, дыкс. Я люблю кофе, который не из мал-мала желудёнков, я в театру хожу, и в ёперу, и на балет.

Метла чуть вильнула в сторону. Тиффани про балет слышала и даже картинки в книжке видела, но это слово ну никак не вписывалось во фразу, в которой уже содержалось слово «Фигль».

— Балет? — с трудом выговорила девушка.

— Ах-ха, балет — мощная штука! На той неделе я зырил «Лебедяку на раскалённом озере», така переработка традиционного сюжета одним из наших перспективных молодых перформанщиков, а ровно день спустя в

ёпере давали новую версию «Летучей чуши»; а в Королевском музее изячных искусств всю неделю шла выставка фырфора, и всем хересу на халяву мал-мала наливали. Ах-ха, это город культмультиурный, точнякс.

— Ты уверен, что ты Фигль? — заморожённо прошептала Тиффани.

— Так они мне грят, госпожа. Дыкс нету такого закону, чтоб мне к культмультиуру не приобщнуться, так? Я обещал ребя, когда возвернусь, я их тоже на балетку свожу, пусть своими глазами позырят.

Какое-то время метла летела сама по себе. Тиффани неотрывно глядела в пустоту — или, скорее, на рождённую воображением картину: Фигли в театре. Сама она в театре никогда не была, но видела иллюстрации, и мысль о Фиглях среди балерин показалась настолько невероятной, что девушка предпочла просто от неё заслониться, а потом и вовсе выкинуть из головы. Тут Тиффани очень вовремя вспомнила, что метлу пора выводить на посадку, и аккуратно спустилась к самому кургану.

И, к вящему своему ужасу, увидела под курганом людей. Мало того — стражников.

Тиффани глядела и не могла поверить. Стража барона никогда не поднималась в холмы. Никогда! В жизни о таком не слышали! И — у Тиффани в глазах потемнело от гнева — *один из стражников сжимал в руке лопату!*

Девушка спрыгнула с метлы так проворно, что метла ещё какое-то время скользила над травой, расшвыривая маленьких пассажиров во все стороны, пока не ткнулась в преграду и не сбросила с себя последних, самых цепких Фиглей.

— Придержи лопату, Брайан Робертс! — пронзительно закричала она сержанту. — Если только лопата коснётся дёрна, ты очень пожалеешь! Как ты посмел? Что вы тут забыли? Нет, *никто никого* рубить в капусту не будет, вы меня поняли?!

Этот последний приказ был адресован Фиглям: они уже окружили стражников плотным кольцом крохотных, но очень острых мечей. Фиглевский клеймор так остёр, что человек даже не поймёт, что ему ноги оттяпали, пока не попытается пройтись. Судя по их виду, стражники внезапно осознали, что да, они, конечно, большие и сильные, но того и другого им сейчас явно недостаточно. Они, конечно, слышали эти байки — ну да, кто ж в Меловых холмах не наслышан про Тиффани Болен и её крохотных... помощников. Но это же только байки, правда? Так и было — вплоть до этого мига. А сейчас байки того гляди заберутся тебе в штаны и поползут вверх...

В потрясённой тишине Тиффани огляделась, тяжело дыша. Все глаза

были устремлены на неё, а это всяко лучше, чем всеобщее побоище, верно?

— Очень хорошо, — проговорила она, как школьная учительница, которая почти довольна шумным классом. И хмыкнула, что обычно переводится как «Не забывайте, *почти* довольна». Она хмыкнула ещё раз. — Итак, кто мне объяснит, что здесь происходит?

Сержант даже руку поднял.

— Можно мне с тобой перемолвиться словечком наедине, госпожа?

Тиффани поразило, что он вообще способен говорить: его разум из всех сил пытался осмыслить то, что сообщали глаза.

— Хорошо, следуй за мной. — Она резко развернулась, и стражники и Фигли аж подпрыгнули. — А пока нас не будет, никто — я говорю, *никто!* — даже не подумает раскапывать чужой дом или отрезать чужие ноги, это понятно? Я спрашиваю: это понятно?!

В ответ раздалось невнятное бормотание, состоящее из «да» и «ах-ха»; в хоре этом недоставало только одного-единственного голоса, на владельца которого Тиффани смотрела сверху вниз. Явор Заядло весь дрожал от ярости и уже припал к земле, изготовясь к прыжку. — Ты меня слышал, Явор Заядло?

Он свирепо зыркнул на Тиффани. Глаза его полыхали огнём.

— На этот счёт я те, госпожа, ничо не стану обещать, хоть ты и карга! Где моя Джинни? Где все остальные? Эти чучундры с мечами притопали! А зачем им мечи? Я жду ответа!

— Послушай меня, Явор, — начала было Тиффани, но тут же умолкла. По лицу Явора струились слёзы, он отчаянно дёргал себя за бороду, сражаясь с воображаемыми ужасами. Война казалась неизбежной.

— Явор Заядло! Я — карга этих холмов, и я налагаю на тебя гейс не убивать этих людей до тех пор, пока я тебе не повелю. Понятно?

Послышались грохот и треск: один из стражников без чувств повалился навзничь. Теперь девчонка ещё и разговаривает с этими тварями! О том, как их, стражников, убить! Они к такому не привыкли. До сих пор событий более волнующих, чем вторжение свиней в огород, в их жизни не случалось.

Большой Человек клана Фиглей замешкался: его мозг лихорадочно переваривал услышанный приказ. Да, этот приказ не подразумевал убить кого-нибудь прямо сейчас, но в нём, по крайней мере, крылась возможность сделать это в самом ближайшем будущем, так что в голове Явора прояснилось: кошмарные видения потускнели. Это было всё равно что удерживать голодного пса на поводке из паутинки. Но, по крайней мере, Тиффани выиграла время.

— Обрати внимание, к кургану никто не прикасался, — напомнила Тиффани, — так что, чего бы уж эти люди ни замышляли, сделать они ничего не сделали. — Она вновь повернулась к побелевшему как полотно сержанту и заявила: — Брайан, если ты хочешь сохранить своим ребятам руки-ноги, ты им сейчас же прикажешь очень медленно и осторожно сложить оружие на землю. Ваши жизни зависят от порядочности одного-единственного Фигля, а он с ума сходит от ужаса. Делай как я велю!

К вящему облегчению Тиффани, Брайан отдал приказ, и стражники, радуясь, что сержант велит им сделать *в точности* то, чего требует каждая клеточка тела, выронили оружие из трясущихся пальцев. Один даже поднял руки в общепринятом жесте, означавшем «Сдаюсь!». Тиффани оттащила сержанта чуть в сторону от негодующих Фиглей и зашептала:

— Ты что такое творишь, идиот ты непрошибаемый?

— Приказ барона, Тифф.

— Барона? Но ведь барон...

— Жив, госпожа. Вот уже три часа как вернулся. Говорят, ехал всю ночь без остановок. И в народе чего только не болтают. — Сержант устался на собственные сапоги. — Нас... нас... ну, в общем, нас сюда послали отыскать девочку, которую ты эльфам отдала. Прости, Тифф.

— Отдала? *Отдала?*

— Тифф, не я это сказал, — запротестовал сержант, попятившись. — Но ты ж знаешь, какие сказки сказывают. Ну то есть нет дыма без огня, верно?

Сказки, подумала Тиффани. Ну да, жила-была в стародавние времена злая старуха-ведьма...

— И значит, сказки эти про меня, да? Так я уже в огне или пока только дымлюсь?

Сержант неуютно потоптался и сел.

— Слышь, я ж только сержант, верно? Молодой барон мне приказал, так? А его слово — закон, разве нет?

— Там, внизу, может, и закон. А здесь, в холмах, решаю я. Посмотри туда. Да-да, туда! Что видишь?

Сержант поглядел туда, куда указывала Тиффани, и резко побледнел. Из земли торчали ржавые литые железные колёса и печурка с короткой трубой, отчётливо различимые, хотя вокруг, как всегда, безмятежно паслось стадо овец. Брайан вскочил на ноги, как будто невзначай присел на муравейник.

— Да, — не без удовольствия отметила Тиффани. — Могила матушки Болен. Помнишь её? Люди называли её мудрой женщиной, но им хотя бы

хватало порядочности складывать о ней сказки подобнее! Взрезать дёрн, говоришь? Удивляюсь, что матушка Болен не восстала из земли и не укусила тебя за задницу! А теперь отведи своих солдат чуть подальше вниз по склону, а я тут всё улажу, ясно? Ещё не хватало натворить глупостей на горячую голову!

Сержант покивал. Не то чтобы у него был выбор.

Солдаты отошли, волоча за собою бесчувственного собрата по оружию и усиленно делая вид, что они, стражники, всего-навсего неспешно удаляются прочь, а вовсе не удирают со всей доступной скоростью. Тиффани опустила на колени рядом с Явором и понизила голос.

— Послушай, Явор, я знаю про потайные туннели.

— Какой угрызок болтанул тебе про потайные туннели?

— Я — карга холмов, Явор, — примирительно промолвила Тиффани. — Как мне не знать про туннели? Вы же Фигли, а какой Фигль согласится спать в доме с одним выходом, а?

Явор понемногу успокаивался.

— Ах-ха, тут ты дело гришь.

— Тогда могу я попросить тебя сходить и привести юную Амбер, пожалуйста? Курган никто и пальцем не тронет.

Мгновение поколебавшись, Явор Заядло впрыгнул во входной лаз — и исчез. Вернулся он не сразу, за это время Тиффани успела сходить и собрать с помощью сержанта брошенное стражниками оружие, чему весьма про себя порадовалась, а когда Явор вынырнул на свет снова, его сопровождало ещё множество Фиглей и кельда. За ними с явной неохотой следовала Амбер: она нервно заморгала в ярком свете дня и пробормотала:

— Ох, раскудрить!

Тиффани, сама понимая, сколько фальши в её улыбке, промолвила:

— Амбер, я пришла забрать тебя домой.

«Ну, по крайней мере, у меня хватает ума не ляпнуть что-нибудь в духе “Ты ведь рада, деточка?”» — утешила она себя.

Амбер обожгла её свирепым взглядом.

— Я тудыть не возвернусь, — объявила она, — и могёшь свои словеса запхнуть туда же, куда маргышка — прыгалку.

«И я тебя не виню, — думала про себя Тиффани, — но сейчас я изображаю из себя взрослую, и мне приходится говорить разные взрослые глупости...»

— Но у тебя же есть родители, Амбер. Они наверняка по тебе очень соскучились.

Девушка глянула на неё так презрительно, что Тиффани

непроизвольно поморщилась, словно от боли.

— Ах-ха, старый угрязок по мне соскучавкался, точнякс, небось уж и люлей припас!

— А давай сходим к тебе домой вместе и попробуем помочь ему исправиться? — предложила Тиффани, сама себя презирая. Но перед её мысленным взором всё маячили толстые пальцы в ожогах от того жутковатого крапивного букетика — и образ этот упорно не таял.

Амбер расхохоталась в голос.

— Звиняй, хозяйка, но кельда грит, у тебя вроде с мозговьями всё типсы топсы.

«Что там говорила когда-то матушка Ветровоск? “Зло — это когда ты начинаешь смотреть на людей как на вещи”. Прямо сейчас так и выйдет, если ты станешь думать: есть такая вещь, как отец, и такая вещь, как мать, и такая вещь, как дочь, и такая вещь, как дом, и скажешь себе, что если это всё сложить вместе, то получится такая вещь, как счастливая семья».

А вслух Тиффани сказала:

— Амбер, я хочу, чтобы ты сходила со мной к барону и он убедился, что с тобой всё в порядке. После этого ты поступишь так, как сама захочешь. Я тебе обещаю.

По башмаку Тиффани тихонько постучали; она посмотрела вниз и увидела озабоченное лицо кельды.

— Могу я перемолвиться с тобой мал-мал словечком? — попросила Джинни. Амбер сидела рядом с кельдой на корточках, не желая выпускать её руку.

Джинни заговорила снова, если только это была речь, а не песня. Но как такое можно пропеть, чтобы мелодия застыла в воздухе, а каждая новая нота обвивалась вокруг неё? Что за песня вдруг покажется живым звуком и сама собою пропоётся тебе в ответ?

И тут песнь смолкла, оставив по себе лишь пустоту и ощущение утраты.

— Это песня кельды, — объяснила Джинни. — Амбер слышала, как я её пою малышам. Это часть утешаний, и, Тиффани, она её понимает! Она сама всё поняла, я ей ни мал-мала не подмогнула! Я знаю, что Жаб тебе уже рассказал. Но знаешь, что я тебе сейчас сказану? Она распознаёт смысл и постигает его. Насколько это вообще возможно для человека, она — почти кельда. *Она — сокровище, каким не разбрасываются!*

Кельда, чья речь всегда звучала спокойно и мягко, произнесла последние слова с непривычной для неё силой. И Тиффани восприняла их как должно: как важные сведения и, при всей их безобидности, как своего

рода угрозу.

Даже дорога вниз по склону холма всем далась непросто: договориться между собой удалось далеко не сразу. Сначала Тиффани, держа Амбер за руку, прошла мимо ожидающих стражников и зашагала дальше, к вящему замешательству сержанта. Ведь если уж вас послали привести кого-то, то вы будете выглядеть довольно глупо, когда они возьмут и приведут себя вроде как сами. Но, с другой стороны, если Тиффани с Амбер пойдут позади стражников, то получится, что погонщики здесь — они; в конце концов, это край овцеводов, и все знают, что овцы трусят впереди, а пастухи идут сзади.

Наконец сошлись на чрезвычайно неудобном способе перемещения: все продвигались вперёд, то и дело разворачиваясь, возвращаясь и перетаптываясь, точно в деревенской кадрили. Амбер заливисто хихикала; Тиффани чего только не делала, чтобы её успокоить.

Было и впрямь смешно. Ах, если бы смешная часть этой истории продлилась подольше!

— Послушай, мне велели только девочку привести, — в отчаянии воззвал сержант уже в замковых воротах. — Тебе идти не обязательно. — В словах его звучало невысказанное: «Пожалуйста, ну пожалуйста, не врывайся ты в замок, не позорь меня перед новым начальством». Но мольба эта осталась без ответа.

В замке, как говаривали прежде, дым стоял коромыслом, то есть все были ужасно заняты: взмыленные люди, сталкиваясь друг с дружкой во всеобщей неразберихе, мельтешили туда-сюда во всех направлениях, кроме как вертикально вверх. Ожидались похороны, а потом свадьба; два таких грандиозных события, причём одно за другим, грозили исчерпать ресурсы замка до дна, тем более что гости, приехавшие издалека на первое мероприятие, скорее всего, останутся и на второе, экономя своё время, но задавая дополнительную работу всем вокруг. Тиффани порадовалась отсутствию госпожи Лоск: вот уж пренеприятная особа, и в придачу рук пачкать не любит.

А потом ещё вечная проблема рассадки гостей. Ведь это в большинстве своём аристократы, так что чрезвычайно важно никого из них не усадить ненароком рядом с тем, чей дальний родственник убил кого-то из предков первого гостя когда-нибудь в далёком прошлом. Прошлое — понятие растяжимое, а учитывая, что любые предки традиционно пытались перебить чужих предков из-за земли, денег или развлечения ради, требовалась очень сложная, детально продуманная схема, чтобы избежать очередной резни ещё до того, как гости доедят суп.

Ни на Тиффани, ни на Амбер, ни на стражников слуги особого внимания не обращали. Но в какой-то миг девушке померещилось, будто кто-то осенил себя одним из тех неприметных знаков, которые люди используют, полагая, что нуждаются в защите от зла, — *и это здесь, в её уделе!* И, кажется, внимания на них не обращали довольно-таки прицельно, словно смотреть на Тиффани вредно для здоровья. Когда Тиффани с Амбер ввели в кабинет барона, тот тоже решил проигнорировать гостей. Роланд сосредоточенно склонился над бумажным листом, расстеленным по всему столу, сжимая в руке ворох цветных карандашей.

Сержант кашлянул, но даже предсмертный хрип не заставил бы барона отвлечься. И тогда Тиффани громко рявкнула: «Роланд!» Тот стремительно обернулся, побагровев от смущения, а в придачу ещё и от ярости.

— Я бы предпочёл обращение «милорд», госпожа Болен, — резко заявил он.

— А я бы предпочла обращение «Тиффани», Роланд, — невозмутимо отозвалась Тиффани, зная, как злит его такое спокойствие.

Карандаши со стуком запрыгали по столу.

— Прошое в прошлом, госпожа Болен, мы оба изменились. И нам обоим не стоит об этом забывать, тебе так не кажется?

— Прошое было только вчера, — выпалила Тиффани, — и тебе не стоит забывать о том времени, когда я звала тебя Рональд, а ты меня — Тиффани, тебе так не кажется? — Она потянулась к шее и сняла подвеску с серебряной лошадкой — давний Роландов подарок. Казалось, с тех пор прошла сотня лет, но подвеска так много для неё значила! Из-за этой лошадки Тиффани даже с матушкой Ветровоск поругалась! А теперь девушка держала её в руках, точно обвинение предъявляла. — О прошлом нужно помнить. Если ты не знаешь своих истоков, ты не знаешь, где ты и кто ты, а если не знаешь, где ты и кто ты, то не знаешь и куда ты идёшь.

Сержант переводил взгляд с Роланда на Тиффани и обратно. Инстинкт выживания, который развивается у каждого солдата к тому времени, как он дослужится до сержанта, подсказывал: неплохо бы покинуть кабинет ещё до того, как в воздухе замелькают тяжёлые предметы.

— Я, пожалуй, пойду займусь... эгм... разными неотложными занятиями, если не возражаете? — пробормотал сержант, открывая и закрывая дверь так быстро, что захлопнулась она уже на последнем слоге.

Роланд поглядел стражнику вслед, а затем обернулся.

— Я знаю, где я и кто я, госпожа Болен. Я заступил на место моего отца, а отец мой мёртв. Я управляю именем вот уже много лет, но всё, что я делал прежде, я делал от его имени. Почему он умер, госпожа Болен? Он

был не так уж и стар. Я думал, ты умеешь творить магию!

Тиффани оглянулась на Амбер: девушка с интересом прислушивалась.

— Может, об этом мы поговорим чуть позже? — отозвалась она. — Ты приказал своим людям привести к тебе эту девочку: вот она, живая и невредимая, и душой, и телом. Я не отдавала её никаким эльфам, как ты выразился: она гостила у Нак-мак-Фиглей, которые не раз приходили тебе на помощь. А вернулась она туда по собственной воле. — Тиффани внимательно взгляделась в лицо Роланда. — Ты их совсем не помнишь, да?

Конечно, он не помнил, но подсознательно чувствовал: есть что-то такое, о чём ему помнить явно полагается. Он побывал в плену у Королевы эльфов, сказала себе Тиффани. Забвение — благословенный дар, но как знать, что за ужасы воскресли в его сознании, когда чета Пенни пожаловалась ему, что я отдала их девочку Фиглям? *Эльфам*. Я ведь даже представить себе не могу, что он в этот миг испытал.

Голос Тиффани чуть смягчился.

— Ты помнишь эльфов, но очень смутно, так? Ничего страшного тебе на ум не приходит, я надеюсь, но всё как в тумане, словно ты прочёл что-то такое в книге или ещё в детстве сказку услышал. Я права?

Роланд сердито зыркнул на собеседницу, но проговорка, так и не сорвавшаяся с его губ, подтвердила правоту Тиффани.

— Это часть утешаний: её ещё называют «последним даром», — объяснила девушка. — К последнему дару прибегают, когда для всеобщей пользы человеку лучше бы забыть пережитые ужасы — или то, что слишком прекрасно и дивно. Я говорю тебе это, *милорд*, потому что Роланд всё ещё где-то там, внутри тебя. К завтрашнему дню ты позабудешь и эти мои слова. Не знаю, как это работает, но срабатывает почти для всех.

— Ты отняла ребёнка у родителей! Они пришли ко мне спозаранку, не успел я вернуться в замок. Этим утром ко мне кто только не приходил! Ты убила моего отца? Ты украла у него деньги? Ты пыталась задушить старого Пенни? Ты отхлестала его крапивой? Ты наводнила его хижину демонами? Поверить не могу, что только что задал тебе такой вопрос, но госпожа Пенни отчего-то в это верит! Лично я не знаю, что и думать, тем более что какая-то фейка, похоже, устраивает путаницу у меня в мыслях! Ты меня понимаешь?

Пока Тиффани подбирала слова для мало-мальски внятного ответа, Роланд рухнул в старинное кресло перед рабочим столом и вздохнул.

— Мне рассказали, будто ты, нагнувшись над моим отцом, грозила ему кочергой и требовала денег, — удручённо признался Роланд.

— Это неправда!

— А будь это правдой, разве ты мне призналась бы?

— Нет! Потому что никакого «будь» не было и быть не могло! Я бы в жизни такого не сделала! Ну да, я, наверное, и впрямь наклонилась над ним...

— Ага!

— Не смей мне «агакать», Роланд, не смей! Послушай, я понимаю, что тебе наболтали невесть что, но это всё ложь.

— Но ты признаёшь, что склонялась над моим отцом, так?

— Он просто попросил показать ему, почему у меня всегда чистые руки! — Тиффани тут же пожалела о сказанном. Да, это правда, но какое это имеет значение? Звучит-то подозрительно! — Послушай, я понимаю, что...

— И кошель с деньгами ты не крала?

— Нет!

— И про кошель с деньгами ты ничего не знаешь?

— Знаю: твой отец попросил меня взять один из кошель из металлического сундука. Он хотел...

— Где сейчас эти деньги? — перебил её Роланд. Голос его звучал тускло и невыразительно.

— Понятия не имею, — отозвалась Тиффани. И, не давая Роланду снова открыть рот, закричала: — Нет! Ты меня выслушаешь, ясно? Сиди и слушай! Я ухаживала за твоим отцом почти два года. Я привязалась к старику, я бы ни за что не стала вредить ни ему, ни тебе. Он умер, когда пришёл его срок. Когда приходит срок, с этим никто и ничего поделать не в силах.

— Тогда зачем нужна магия?

Тиффани покачала головой.

— То, что ты называешь магией, облегчило его боль, и даже думать не смей, будто такие вещи даром даются! Я на умирающих нагляделась и даю тебе слово, твой отец умер легко, вспоминая о счастливых днях.

По лицу Роланда струились слёзы. А ещё он злился на себя, злился по-глупому, что его застали в минуту слабости, как будто слёзы не пристали мужчине и уж тем более барону.

— А ты можешь забрать моё горе? — пробормотал он.

— Прости, — тихо отозвалась Тиффани. — Меня все спрашивают. Но я не стала бы этого делать, даже если бы знала как. Горе принадлежит тебе. Уменьшить его могут лишь слёзы да время; для этого они и нужны.

Тиффани выпрямилась и взяла Амбер за руку: девушка не сводила с барона внимательных глаз.

— Я отведу Амбер к нам домой, — заявила Тиффани. — А тебе, по моему, нужно хорошенько выспаться.

Ответа не последовало. Роланд словно окаменел в кресле и, как загипнотизированный, глядел в свои бумаги. «Треклятая сиделка, — подумала Тиффани. — Вот так я и знала, что от неё жди неприятностей. Отравы проникает туда, где ей рады, а в случае госпожи Лоск отраву приветствуют ликующие толпы, и, пожалуй, без духового оркестра тоже не обошлось. О да, сиделка охотно впустила бы Лукавца. Она — ровно тот человек, который его впустит и даст ему власть — власть ревнивую, горделивую, завистливую. Но я же знаю, что ничего дурного не сделала, — напомнила себе Тиффани. — Или сделала? Я вижу свою жизнь только изнутри, а изнутри, наверное, все всегда и всё делают правильно. Ох, пропади оно пропадом! Все несут свои беды к ведьме! Но ведь нельзя поставить Лукавцу в вину всё, что люди наболтали! Как же хочется поговорить хоть с кем-нибудь — ну, помимо Джинни, — кто не обращает внимания на остроконечную шляпу! Так, ну и что же теперь делать? Да, что тебе теперь делать, госпожа Болен? Что ты посоветуешь, госпожа Болен, ты ведь мастер решать за других? Ну что ж, я бы посоветовала тебе тоже как следует выспаться. Прошлой ночью ты толком и не заснула — госпожа Пруст храпит так, что мало не покажется, — а с тех пор ещё столько всего произошло. Кроме того, не помню, когда ты в последний раз досыта ела, — а ещё не премину отметить, что ты разговариваешь сама с собой!»

Роланд, ссутулившись в кресле, глядел в никуда.

— Я говорю, я пока забираю Амбер к нам домой.

Роланд пожал плечами.

— Я ведь тебе вряд ли смогу помешать, так? — саркастически отозвался он. — Ты же ведьма.

Мать Тиффани безропотно постелила для Амбер постель, а Тиффани рухнула на свою кровать в противоположном конце просторной спальни и тут же заснула.

Проснулась она в огне. Пламя заполняло всю комнату, оно переливалось оранжево-алым, но пылало ровно, точно кухонная плита. Ни дыма, ни копоти; и хотя в комнате было тепло, на самом-то деле ничего не горело. Казалось, будто огонь просто-напросто заглянул с дружеским визитом, а не по делу. Багряные языки тихо шуршали.

Тиффани заворожённо поднесла палец к пламени и приподняла его: крохотный язычок казался безобиднее птенца. Он начал было потухать, но Тиффани подула — и огонёк снова ожил.

Тиффани осторожно выбралась из полыхающей постели. Если это сон, то сон этот мастерски воспроизводит дребезжание и поскрипывание старой кровати. В другом конце комнаты Амбер мирно спала под огненным одеялом; на глазах у Тиффани девушка перевернулась на другой бок, и пламя сместилось вместе с нею.

Ведьма не станет с воплями бегать туда-сюда только потому, что кровать объята пламенем. В конце концов, пламя это не простое и вреда не причиняет. Значит, оно в моей голове, решила Тиффани. Огонь, который не жжётся. *Зайчиха бежит в огонь...* Кто-то пытается дать мне подсказку.

Пламя безмолвно погасло. За окном что-то неуловимо мелькнуло, и Тиффани не сдержала вздоха. Фигли никогда не сдаются. С тех пор как ей исполнилось девять, Фигли стерегли её сон. Стерегут и по сей день, вот почему мылась она в сидячей ванне, завесившись простынёй. Вряд ли у неё есть что-то такое, что представляло бы занимательное зрелище в глазах Нак-мак-Фиглей, но так оно как-то спокойнее.

Зайчиха бежит в огонь... Это наверняка послание, которое необходимо расшифровать, но от кого? От загадочной ведьмы, которая за ней приглядывает? Знамения — это прекрасно, но в некоторых случаях хватило бы и обычной записки, чёрным по белому! Впрочем, к таким вещам всегда стоит прислушаться: к отголоскам мыслей и совпадениям, к неожиданным воспоминаниям и прихотям. Зачастую они оказываются некоей частью твоего сознания, которое изо всех сил пытается донести до тебя что-то важное — то, чего ты упорно не замечаешь за повседневными хлопотами. Но за окном уже сиял белый день, а загадки могли и подождать. В отличие от многого другого. И начинать надо было с замка.

— Мой па меня избил, да? — спросила Амбер скучным голосом, по пути к серым каменным башням. — Мой ребёнок умер?

— Да.

— О, — отозвалась Амбер так же невыразительно.

— Да, — подтвердила Тиффани. — Мне страшно жаль.

— Я вроде как что-то помню, но смутно, — промолвила Амбер. — Всё как... в тумане.

— Это утешения так работают. Джинни тебя полечила.

— Понимаю, — кивнула девушка.

— Правда? — удивилась Тиффани.

— Да, — подтвердила Амбер. — Но мой па... у него будут неприятности?

«Будут, если я расскажу, в каком состоянии нашла тебя», — подумала про себя Тиффани. Женщины об этом позаботятся. В деревнях мальчишек

драли почём зря, ведь мальчишка по определению — сорванец и шkodник, как же его не приструнить, но бить девочку, да ещё смертным боем? Нехорошо. — Расскажи мне лучше про своего милого, — вслух попросила Тиффани. — Он ведь портной, да?

Амбер просияла — этой улыбки хватило бы, чтобы осветить весь мир.

— Ох, да! Его дед многому его научил, пока был жив. Он из ткани что хочешь сошьёт, мой Вильям, он такой. Все говорят, его надо в подмастерья отдать, и через пару лет он сам мастером станет. — Девушка дёрнула плечом. — Но мастерам за науку платить надо, а его мать денег на ученичество в жизни не наскребёт. Ох, а у моего Вильяма пальцы-то какие ловкие да чуткие, он матери помогает шить корсеты и уж такие свадебные платья раскрасивые! То есть он и с атласом умеет работать, — гордо объясняла девушка. — А маму Вильяма все хвалят: уж больно стежок у неё тонкий да ровный! — Амбер лучилась гордостью — не за себя, за любимого. На её сияющем лице, невзирая на все утешания кельды, до сих пор проступали синяки.

Итак, её парень — портной, размышляла Тиффани. В глазах дюжих здоровяков вроде господина Пенни портной — это вообще не мужчина: белоручка, неженка, работает на дому. А если он ещё и на дам шьёт, так это ж вообще стыд и срам для злополучной семьи!

— А что ты хочешь делать теперь, Амбер?

— Я бы маму повидала, — тут же ответила девушка.

— А если с отцом столкнёшься?

Амбер обернулась к ней.

— Тогда я всё пойму... пожалуйста, не делай с ним ничего плохого, ну, там, в свинью не превращай, ладно?

Побудет денёк свиньёй — глядишь, вести себя научится, подумала Тиффани. Но в том, как Амбер сказала: «Тогда я всё пойму», было что-то от кельды. Эта девушка — луч света во тьме мира.

На памяти Тиффани ворота замка запирались только на ночь. А при свете дня там находилось место и для сельского схода, и для мастерской плотника, и для кузни, и детишкам поиграть было где, если дождь начался, и, если уж на то пошло, замок служил заодно и временным хранилищем для сена и пшеницы, когда амбары всего урожая не вмещали. Даже в самых больших домах было тесновато; если хочешь покоя и тишины, если тебе необходимо уединиться и подумать или потолковать с кем-нибудь, ступай напрямиком в замок. И не ошибёшься.

Переполох, поднявшийся по возвращении барона, уже улёгся, но замок по-прежнему бурлил жизнью, хотя и несколько приглушённо, и все

разговоры словно бы попритихли. Вероятно, причиной тому была герцогиня, будущая Роландова тёща: она рассказывала по парадному залу и то и дело тыкала в кого-нибудь тростью. В первый раз Тиффани глазам своим не поверила, но вот вам пожалуйста, это повторилось снова! — своей блестящей чёрной тростью с серебряным набалдашником герцогиня ткнула горничную, которая тащила корзину с выстиранным бельём. Только сейчас Тиффани заметила будущую невесту: она следовала за матерью, чуть приотстав и словно стыдясь подойти ближе к женщине, которая тычет в людей тростью.

Тиффани уже собиралась возмутиться, но тут её разобрало любопытство. Она огляделась по сторонам, отошла на несколько шагов — и исчезла. Этим трюком она овладела блестяще. Она не делалась невидимкой, нет, просто люди переставали обращать на неё внимание. Никем не замеченная, она подобралась поближе — послушать, о чём эта парочка разговаривает, или, по крайней мере, что говорит мать и чему внемлет дочь.

Герцогиня негодовала и жаловалась:

— ...Везде развал и упадок! Без капитального ремонта тут не обойтись! Пораспустили всех! Твёрдая рука — вот что нужно этому замку! И о чём только эта семейка думала!

Речь в нужный момент была подкреплена смачным ударом по спине очередной горничной, что пробежала мимо, сгибаясь под тяжестью бельевой корзины, — и, видимо, пробежала недостаточно быстро.

— Ты должна неукоснительно выполнять свой долг: следить, чтобы слуги столь же неукоснительно выполняли свой, — поучала герцогиня, оглядывая зал в поисках новой жертвы. — Попустительству нужно положить конец. Ты видишь? Видишь? Они уже учатся. Нельзя ни на миг терять бдительность в борьбе с неряшливостью и нерадивостью, как в делах, так и в поведении. Не допускай неуместной фамильярности! Это, безусловно, и улыбок касается. Ты, вероятно, думаешь: что плохого в счастливой улыбке? Но невинная улыбка так легко переходит в понимающую усмешку, словно шутки у вас общие. Ты меня слушаешь или нет?!

Тиффани не помнила себя от изумления. В одиночку, безо всякой посторонней помощи герцогиня заставила её сделать нечто, казалось бы, невыполнимое: посочувствовать невесте, что стояла перед матерью, точно провинившийся ребёнок.

Её увлечением и, по всей вероятности, единственным в жизни занятием было писать акварели, и хотя Тиффани, вопреки худшим своим

инстинктам, пыталась быть снисходительной, не приходилось отрицать, что Летиция и сама изрядно смахивала на акварельный набросок — причём у художника случилась недостача красок, зато воды нашлось в избытке, так что Летиция вышла не только бесцветной, но и довольно мокрой. А ещё её было так мало, что под ветром того гляди сломается. Оставаясь невидимой, Тиффани испытала *легчайший* укол совести и перестала изобретать новые мысленные гадости. Кроме того, сострадание заявляло о себе всё громче, будь оно неладно!

— А теперь, Летиция, прочти ещё раз стишок, которому я тебя научила, — велела герцогиня.

Невеста, не просто краснея, но прямо-таки тая от смущения и стыда, озиралась по сторонам, точно пойманная с поличным мышь посреди огромного зала, не зная, куда бежать.

— «Если рвать...» — раздражённо подсказала мать и ткнула её тростью.

— «Если рвать... — с трудом выговорила девушка. — Если рвать крапиву робко, жжёт крапива как огонь. Если храбро сжать крапиву — ляжет, словно шёлк, в ладонь. Так за доброту строптивец непокорством воздаёт. Но сожми крапиву крепче — покоряется народ»*.

Звонящий слезами голосок смолк. В зале воцарилась гробовая тишина. Все взгляды обратились на Летицию. Тиффани понадеялась про себя, что кто-нибудь забудется и заплодирует, хотя тогда, скорее всего, наступит конец света. Но невеста только глянула на открытые рты и, зарыдав, убежала так быстро, как только могли нести её дорогие, но крайне непрактичные туфельки. Каблучки лихорадочно простучали вверх по лестнице — и дверь с грохотом захлопнулась.

Тиффани медленно побрела прочь — не более чем тень в воздухе для любого, кто не даст себе труда приглядеться. Она покачала головой. Зачем ему это? Зачем, ради всего святого, Роланд это делает? Он мог бы жениться на ком угодно! Ну, конечно, не на самой Тиффани, но почему он выбрал эту — хорошо, постараемся не слишком вредничать! — эту тощую, кожа да кости, девчонку?

Отец её был герцог, мать — герцогиня, а сама она — непонятно что, гадкий утёнок, — ладно, будем великодушны, но она же *действительно* переваливается на ходу, как утка. Ну что поделаешь, если это правда? Если приглядеться, видно, как она ступни наружу выворачивает.

И если на то пошло, так жуткая мамаша и плакса-дочка *превосходят* Роланда знатностью! Они официально имеют право унижать и третировать его!

Вот старый барон был совсем другим человеком. Ну да, ему нравилось, когда при встрече с ним дети кланялись или приседали в реверансе, зато он их всех знал по именам, помнил, когда и у кого день рождения, и был неизменно вежлив. Тиффани до сих пор не забыла, как барон однажды остановил её и промолвил: «Пожалуйста, будь так добра, попроси отца ко мне зайти». Для человека настолько могущественного это прозвучало на диво учтиво и мягко.

Отец и мать, случалось, спорили о нём, полагая, что Тиффани мирно спит в своей кровати. В симфонию матрасных пружин вклинивались родительские голоса — мама с папой не то чтобы ссорились, но были к тому очень близки. Отец говорил что-нибудь в духе: «Можешь твердить о его великодушии сколько угодно, только вот не говори мне, что его предки не выжимали из бедняков все соки!» А мать парировала: «В жизни не видела, чтоб он откуда-нибудь сок выжимал! В любом случае это было в незапамятные времена. Нам ведь нужен кто-то, кто мог бы нас защитить! Это же ясно как день!» А отец отвечал что-нибудь в духе: «Защитить от кого? От ещё одного дядьки с мечом? Сдаётся мне, мы бы и сами справились».

К тому моменту спор уже сходил на нет, ведь родители до сих пор очень любили друг друга, уютно, по-домашнему. На самом-то деле ни мать, ни отец и не хотели ничего менять.

Оглядывая зал, Тиффани подумала про себя, что выжимать все соки из бедняков нет никакой необходимости, если приучить их делать это самостоятельно.

Это осознание так потрясло девушку, что у неё прямо голова закружилась, но мысль намертво впечаталась в мозг. Стражники — они же все местные ребята или женаты на здешних девушках; а что будет, если вся деревня соберётся вместе и объявит новому барону: «Послушай, мы позволим тебе здесь остаться, можешь даже спать в большой спальне, и накормить мы тебя, конечно, накормим, да и пыль, так и быть, смахнём раз-другой, но эта земля теперь наша. Ты понял?» Интересно, сработает ли?

Возможно, что и нет. Но она не забыла о том, что просила отца вычистить старый каменный амбар. Надо же с чего-то начинать. У неё на этот амбар обширные планы.

— Эй, ты, там! Да-да, ты! Там, в уголке! Никак, лентяя празднуем?

Тиффани очнулась. Глубоко задумавшись, она утратила сосредоточенность и перестала казаться невидимой. Девушка вышла из тени, а это значит, что вместе с нею на свет явилась и остроконечная шляпа. Герцогиня сердито уставилась на неё.

Тиффани решила, что пора сломать лёд — пусть даже для льда такой толщины потребуется топор.

— Я не знаю, как празднуют лентяев, мадам, но я сделаю всё, что в моих силах, — очень вежливо промолвила она.

— *Что-что?! Как ты меня назвала?*

Обитатели замка учились быстро: все, кто был в тот момент в зале, бросились врассыпную, спеша убраться подальше. В голосе герцогини прозвучало штормовое предупреждение, а кому же хочется угодить в шторм?

Тиффани почувствовала ярость. Казалось бы, она ровным счётом ничего дурного не сделала, с какой стати на неё так орут?

— Простите, мадам, но я никак вас не называла, насколько мне известно, — промолвила она.

Но это не помогло. Герцогиня недобро сощурилась:

— О, да я тебя помню. Ты ведьма — та наглая чертовка, что выследила нас в городе, замышляя невесть какое зло! О, в моих родных краях мы ведьм знаем как облупленных! Везде суют свой нос, сеют сомнения и раздор, порочные, развращённые до мозга костей, да ещё и шарлатанки в придачу!

Герцогиня с достоинством выпрямилась и торжествующе воззрилась на Тиффани, как будто только что одержала решающую победу. Мало того, она ещё и тростью об пол постукивала.

Тиффани ничего не сказала — и до чего же трудно было оставить это «ничего» при себе! Она ведь чувствовала: слуги подсматривают из-за колонн и штор и подслушивают у дверей. Эта особа самодовольно ухмылялась, и срочно требовалось стереть ухмылку с её лица, ведь Тиффани от имени всех ведьм просто обязана была продемонстрировать миру: с ведьмами так не обращаются. С другой стороны, если Тиффани сейчас выскажет всё, что думает, герцогиня наверняка выместит злость на слугах. Надо бы подобрать слова поделикатнее. Но поделикатнее не получилось: старая перечница гнусно хихикнула и любопытствовала:

— Ну, дитя? Ты разве не попытаешься превратить меня во что-нибудь неопишимо мерзкое?

Тиффани старалась, правда. Она очень, очень старалась. Но бывают моменты, когда удержаться просто невозможно. Она вдохнула поглубже.

— Думаю, я могу и не утруждаться, мадам, вы сами отлично справляетесь!

Повисла гробовая тишина, и тем не менее тут и там реяли тихие отзвуки: стражник за колонной прикрыл рот ладонью, сдерживая

потрясённый смех; из-за шторы донеслось сдавленное бульканье — это едва совладала с собою горничная. Но Тиффани запомнилось другое: тихий щелчок дверного замка где-то наверху. Это Летиция? Она всё слышала? Впрочем, какая разница; герцогиня злорадствовала — ведь теперь Тиффани у неё в руках.

Не следовало опускаться до глупых оскорблений, уж кто бы там ни подслушивал. Теперь эта особа с превеликим удовольствием примется отравлять жизнь и Тиффани, и тем, кто рядом, и, очень вероятно, вообще всем, кого она, Тиффани, знает.

По спине девушки струился холодный пот. Никогда такого не случалось — ни с Зимовеем, ни с Аннаграммой в самые худшие времена, ни даже с Королевой эльфов, а уж она-то как никто умела измываться над людьми. Но герцогиня превзошла их всех: она — злобная тиранка, из тех, кто доводит свою жертву до отчаяния, вынуждая огрызнуться, а это немедленно становится оправданием для новых, ещё более гадких издевательств. Попутно и ни в чём не повинным сторонним наблюдателям перепадёт, причём вину за то, что им доставили несколько неприятных минут, обидчица опять-таки возложит на жертву.

Герцогиня оглядела полутёмный зал.

— Тут есть хоть один стражник? — Она подождала в злобном предвкушении. — Я точно знаю, где-то здесь должен быть стражник!

Послышались нерешительные шаги: из тени выступил начинающий стражник Престон и, явно нервничая, направился к Тиффани с герцогиней. Кому здесь и быть, как не Престону, подумала Тиффани; все остальные стражники слишком опытны, чтобы рисковать огрести щедрую порцию герцогининого гнева. Улыбался юноша тоже нервно и делал это, конечно же, зря. Не стоит улыбаться, когда имеешь дело с такими, как герцогиня. Ну, по крайней мере, у него хватило ума отсалютовать ей, а по меркам тех, кого воинскому приветствию никогда специально не учили и кто ещё толком не натренировался за ненадобностью, отсалютовал он очень даже неплохо.

Герцогиня поморщилась.

— Ну и чего мы ухмыляемся, молодой человек?

Престон обдумал вопрос со всех сторон.

— Солнышко светит, мадам, а я так люблю свою работу.

— Молодой человек, не смей мне ухмыляться! Улыбки ведут к фамильярности, чего я ни в коем случае не потерплю. Где барон?

Престон переступил с ноги на ногу.

— Он в усыпальнице, мадам, прощается с отцом.

— Не смей называть меня «мадам»! Так обращаются к женам лавочников! И «миледи» меня тоже не смей называть, так обращаются к жёнам рыцарей и прочему сброду! Я — герцогиня, так что изволь именовать меня «ваша светлость». Ты понял?

— Да... мад... ваша светлость! — Престон снова отсалютовал — на всякий случай, из самозащиты.

На миг герцогиня вроде бы осталась довольна, но миг этот был из числа кратких.

— Превосходно. А теперь заberi отсюда эту тварь, — она махнула рукой в сторону Тиффани, — и запри в темницу. Ты меня понял?

Престон потрясённо обернулся к Тиффани, словно прося совета. Девушка подмигнула — ну, просто чтобы подбодрить бедолагу. Престон снова развернулся к герцогине.

— Это вот её, стало быть, запереть в темнице?

Герцогиня свирепо воззрилась на него.

— Я так и сказала!

Престон нахмурился.

— Вы уверены? Это ведь коз выгонять придётся!

— Молодой человек, меня совершенно не волнует, что будет с козами! Я приказываю немедленно отвести эту ведьму в тюрьму! А теперь иди исполняй, или я позабочусь о том, чтоб тебя уволили!

Престон уже произвёл сильнейшее впечатление на Тиффани, но теперь он заслужил медаль, никак не меньше.

— Не могу, — бодро заявил он, — а всё из-за хариуса с усатым карпом. Сержант мне про хариуса всё обсказал подробно. Ну, знаете, хариус? Хариус карп-ус*. Это значит, никого нельзя просто так взять и запереть в тюрьму, если они закона не нарушили. Хариус карп-ус. Там всё прописано чёрным по белому. Хариус карп-ус, — услужливо повторил он.

Подобное неповиновение ввергло герцогиню не просто в ярость — её сковал гипнотический ужас. Этот прыщеватый мальчишка в доспехах с чужого плеча дерзит ей, бросаясь какими-то дурацкими словами. Никогда прежде такого не случалось. Это как столкнуться с говорящей лягушкой. Очень любопытно, кто бы спорил, но рано или поздно говорящую лягушку придётся раздавить.

— Изволь сдать доспехи и оружие и тотчас же покинуть этот замок, тебе ясно? Ты здесь больше не служишь. Ты уволен, и я непременно позабочусь о том, чтобы в стражу тебя больше никуда не приняли, молодой человек.

Престон покачал головой.

— Не выйдет, ваша светлость миледи. А всё из-за хариуса с усатым карпом. Сержант мне так и сказал: «Престон, держись хариуса с карпом. Хариус карп-ус — твой лучший друг. Хариус карп-ус обязателен к соблюдению — стой на этом, и не прогадаешь».

Герцогиня злобно зыркнула на Тиффани, а поскольку молчание девушки, похоже, раздражало её куда больше, чем любые слова, юная ведьмочка улыбнулась и ничего не сказала, в надежде, что герцогиня лопнет от злости. Но вместо того герцогиня предсказуемо обрушилась на Престопа.

— Как ты смеешь мне перечить, прохвост! — Она занесла блестящую трость с набалдашником. Но трость словно застряла на полпути.

— Вы его не ударите, мадам, — невозмутимо произнесла Тиффани. — Если попытаетесь, я сделаю так, что у вас рука сломается. В этом замке людей бить не принято.

Герцогиня зарычала, дёрнула трость, но ни трость, ни рука с места не сдвинулись.

— Спустя минуту трость освободится, — промолвила Тиффани. — Но если вы ещё раз попытаетесь кого-нибудь ударить, сломаю её надвое. Пожалуйста, примите к сведению, это не предупреждение — это предсказание.

Герцогиня попробовала испепелить Тиффани взглядом, но, видимо, в лице девушки читалось нечто такое, перед чем спасовала даже герцогинина упрямая дурость. Пальцы разжались — и трость упала на пол.

— Ты обо мне ещё услышишь, сопливая ведьма!

— Просто ведьма, мадам. Просто ведьма, — поправила Тиффани. Герцогиня, напыжившись, стремительно вышла из зала.

— У нас будут неприятности? — тихо спросил Престон.

Тиффани дёрнула плечом.

— Я позабочусь, чтобы у тебя их не было, — заверила она. И добавила про себя: «Сержант тоже вступится. Я его заставлю». Девушка обвела глазами зал: любопытные слуги поспешно отворачивались, словно в страхе. «Это же ненастоящая магия, — думала Тиффани. — Я просто стояла на своём и не сдавала позиций. Ни за что нельзя сдавать позиции, потому что они же твои».

— Я всё ждал, что ты превратишь её в таракана и раздавишь каблуком, — задумчиво произнёс Престон. — Я слышал, ведьмы такое умеют, — с надеждой докончил он.

— Что ж, я не скажу, что это невозможно, — отозвалась Тиффани. — Но ни одна ведьма так делать не станет. Кроме того, тут есть проблемы

чисто практического свойства.

Престон понимающе кивнул.

— Ну да, конечно, — рассуждал он. — Во-первых, разная масса тела, из чего следует, что либо получится один громадный таракан ростом с человека, и он, как мне кажется, рухнет под собственной тяжестью, либо десятки или даже сотни крошечных человекообразных тараканчиков. Но, мне кажется, беда в том, что мозг у них не заработает как надо; хотя, конечно, если правильно подобрать заклинания, наверное, можно все лишние куски человека, которые не влезли в таракана, сложить с помощью магии в большое ведро, чтобы тараканы могли снова ими воспользоваться, когда им надоеет быть маленькими. Опасность в том, что однажды, чего доброго, ведро забудут накрыть крышкой, а мимо пробежит голодная собака. Вот это будет незадача. Прости, я что-то не так сказал?

— Э-э, да нет, — помотала головой Тиффани. — Хм, Престон, а тебе не кажется, что для стражника ты слишком умный?

Престон пожал плечами.

— Ну, ребята считают, что я вообще ни на что не гожусь, — жизнерадостно отозвался он. — Они думают, если ты способен произнести слово «эвфемизм», с тобой явно что-то не так.

— Но, Престон... я вижу, ты очень сообразителен и достаточно эрудирован, чтобы знать, что такое «эрудированный». Зачем ты то и дело притворяешься идиотом — ну, эта твоя «доктрина» и «хариус карп-ус»?

Престон усмехнулся.

— Я, к сожалению, родился умником, госпожа, так что быстро усвоил, что умничать — идея не из лучших. Неприятностей не оберёшься.

Прямо сейчас Тиффани решила, что не лучшая из идей — это задержаться в парадном зале ещё хоть на минуту. Вряд ли эта кошмарная особа сможет сильно навредить им — ведь правда не сможет? Но Роланд в последнее время ведёт себя так странно, как будто они никогда не были друзьями, как будто он верит всем обвинениям против неё... Раньше он таким никогда не был. Ну да... он скорбит об отце, но он просто... сам на себя не похож. А теперь ещё эта жуткая старая перечница побежала докучать ему, пока Роланд прощается с отцом в холодной усыпальнице, пытаюсь найти и произнести слова, для которых раньше так и не нашлось времени, пытаюсь искупить затянувшуюся немоту, пытаюсь вернуть прошлое и гвоздями приколотить его к настоящему.

Все так делают. Тиффани часто приходилось дежурить у смертного ложа; иногда бывало почти весело, когда какой-нибудь славный старикан мирно сбрасывал с плеч бремя лет. Но порою всё завершалось трагично;

Смерти приходилось нагнуться, чтобы собрать свою дань; а порою, ну, обыкновенно — печально, но ожидаемо, словно огонёк мигнул и погас в небе, усыпанном звёздами. А Тиффани всё размышляла про себя, заваривая чай, утешая осиротевших, выслушивая душераздирающие истории о старых добрых временах: люди всегда сокрушались, что не успели договорить каких-то важных слов, а теперь вот поздно. Наконец Тиффани решила, что в прошлом этих слов просто не было, а возникали они только здесь и сейчас.

— А что ты думаешь о слове «дилемма»?

Тиффани вытаращила глаза на Престона во все глаза.

В мыслях её по-прежнему теснились невысказанные кем-то слова.

— Что такое ты спросил? — нахмурилась она.

— Слово «дилемма», — услужливо повторил Престон. — Когда ты произносишь это слово, не представляется ли тебе, будто это дремлет, свернувшись кольцом, медно-красная змея?

«В такой день кто угодно, кроме ведьмы, отмахнулся бы от этого вопроса, как от несусветной глупости, а значит, я не отмахнусь», — подумала про себя Тиффани.

Престон был одет хуже всех в замковой страже: с новенькими всегда так. Ему выдали кольчужные штаны все в дырках^[30]: эти штаны, вопреки всему, что мы знаем о моли, заставляли заподозрить, что моль и сталь тоже проедает. Ему, не кому другому, выдали шлем, который, независимо от размеров головы, всегда сползал вниз, так что оттопыривались уши; а в придачу он унаследовал ещё и нагрудник кирасы, пробитый в стольких местах, что эта деталь доспехов очень пригодилась бы на кухне — процеживать суп.

Зато зоркий взгляд Престона всё подмечал — настолько, что люди начинали чувствовать себя неуютно. Престон смотрел по сторонам. Действительно смотрел — смотрел так внимательно, что все стороны наверняка чувствовали себя обсмотренными должным образом. Тиффани понятия не имела, что происходит у юноши в голове, но мыслям там явно было тесно.

— Ну, по правде сказать, о слове «дилемма» я никогда не задумывалась, — медленно проговорила Тиффани, — но да, ощущается в нём что-то металлическое и скользкое.

— Я люблю слова, — признался Престон. — Вот, например, «прощение» — правда, уже одно его звучание передаёт смысл? Как будто шёлковый платок мягко падает на пол? А взять, допустим, «шушуканье»: сразу представляются обсуждаемые шёпотом заговоры и мрачные тайны...

Прости, что-то не так?

— Да, сдаётся мне, что-то и в самом деле не так, — отозвалась Тиффани, вглядываясь в обеспокоенное лицо юноши. «Шушуканье» было её любимым словом; но до сих пор она не встречала никого, кто бы хоть раз его произнёс. — Престон, почему ты служишь в страже?

— Овцы мне не слишком нравятся, для пахаря у меня силёнок маловато, в портные я не гожусь — руки не из того места растут, и в матросы идти не хочу — боюсь утонуть. Мама научила меня читать и писать, хоть отец и возражал, а поскольку это означало, что к нормальной работе я теперь непригоден, меня отрядили в послушники к священникам Омнианской церкви. Там жилось неплохо: я столько интересных слов узнал! Но меня выгнали за то, что слишком много вопросов задавал, вроде: «Это взаправду, что ли?» — Престон пожал плечами. — Вообще-то в страже мне нравится. — Он вытащил из нагрудника книгу (в этот нагрудник, пожалуй, вместились бы небольшая библиотека). — Если не попадаться на глаза, то читать можно сколько влезет, а метафизика — прелюбопытная штука.

Тиффани заморгала.

— Боюсь, Престон, здесь я тебя не совсем понимаю.

— Правда? — удивился юноша. — Ну, например, на ночном дежурстве, когда кто-нибудь приближается к воротам, я должен спросить: «Кто идёт, друг или враг?» На что правильным ответом будет «да».

Тиффани потребовалась целая минута на то, чтобы осмыслить услышанное. Она начинала понимать, почему у Престона того гляди возникнут проблемы с работой. А тот как ни в чём не бывало продолжал:

— Дилемма состоит в том, что если человек скажет: «Друг», как знать, может, он лжёт. Но ребята, которым приходится по ночам выходить за ворота, преизобретательно придумали свой собственный шибболет* для ответа на мой вопрос, а именно: «Престон, да отложи ты, наконец, книгу ипусти нас сейчас же!»

— А «шибболет» — это?... — Юноша её завораживал. На свете не так много людей, способных вложить в бессмысленное сочетание звуков столько чудесного смысла.

— Что-то вроде тайного пароля, — объяснил Престон. — Строго говоря, «шибболет» — это слово, которое твой враг произнести неспособен. Например, в случае герцогини разумно было бы выбрать слово «пожалуйста».

Тиффани с трудом сдержала смех.

— Однажды, Престон, твой ум доведёт тебя до беды.

— Ну, хоть на что-то сгодится.

Из кухни в глубине замка донёлся душераздирающий вопль, а люди отличаются от животных, в частности, тем, что, услышав крик о помощи, бегут к нему, а не *от* него. Тиффани отстала от Престона лишь на пару секунд, не больше, но они подросли не первыми. Вокруг кухарки, госпожи Кобль, уже суетилась пара служанок, та безутешно рыдала, сидя на табурете, а одна из девушек бинтовала ей руку кухонным полотенцем. От пола поднимался пар; чёрный котёл лежал на боку.

— Говорю вам, они там сидели! — с трудом выговаривала кухарка между всхлипами. — И все извивались и дёргались! До смерти этого не забуду. Прямо вот бултыхались и пищали: «Мама!» Я эти мордахи по гроб жизни запомню! — И кухарка снова зарыдала — бурно, безудержно, того гляди задохнётся. Тиффани поманила к себе ближайшую посудомойку, но та повела себя странно: съёжилась, будто её ударили.

— Послушайте, — промолвила Тиффани, — не объяснит ли мне кто-нибудь, будьте так добры... *Зачем* тебе ведро? — Этот вопрос был адресован третьей служанке, которая как раз тащила из погреба ведро.

От резкого окрика в придачу ко всеобщему переполоху она выронила ношу, и по всему полу разлетелись осколки льда. Тиффани набрала в грудь побольше воздуха.

— Дамы, к ожогу лёд не прикладывают, пусть на первый взгляд это и кажется разумным. Остудите немного чая — не до конца, пусть останется чуть тёплым, — и сделайте примочку на руку, на четверть часа самое малое. Всё поняли? Отлично. А теперь рассказывайте, что случилось!

— Там кишмя кишели лягушки! — завизжала кухарка. — Я пудинги варить поставила, открываю, а там лягушата, и все пищат: «Мама, мама!» А я говорила, я говорила всем и каждому! Свадьба и похороны под одной крышей — это к несчастью! Это всё чёрное ведьмовство, вот что это такое! — Женщина охнула и зажала себе рот здоровой рукой.

Тиффани не изменилась в лице. Она заглянула в котёл, осмотрела пол. Лягушек — ни следа, зато на дне котла обнаружили два громадных пудинга, завернутые в холст и ещё горячие. Тиффани достала их и переложила на стол, произвольно отмечая, что посудомойки от них так и шарахнулись.

— Превосходные плам-пудинги*, — весело сообщила она. — Беспокоиться ровным счётом не о чем.

— Я часто подмечал, — вклинился Престон, — что при определённых обстоятельствах кипящая вода очень странно бурлит и побулькивает, а над самой поверхностью прыгают и лопаются крохотные пузырьки. Да

позволено мне будет предположить, что это — одна из причин, почему госпоже Кобль примерещились лягушки? — Престон придвинулся ближе к Тиффани и прошептал: — А вторая причина — это, по всей вероятности, вон та бутылка первосортного сливочного хереса на полке (как я вижу, она почти пуста), — вкуче с одиноким стаканом, отчётливо различимым в тазике для мытья посуды.

Тиффани поразились до глубины души: стакана она не заметила.

Все взгляды обратились к ней. Молчание грозило затянуться, но поскольку никто другой нарушать его не собирался, говорить пришлось Тиффани.

— Понятно, что все мы очень расстроены из-за смерти барона, — начала она, но не закончила: кухарка резко выпрямилась на табурете и наставила на неё трясущийся палец.

— Все, кроме тебя, ты, тварь! — обвиняюще завопила она. — Я тебя видела, да-да, видела! Все плакали, рыдали и причитали, но только не ты! О нет! Ты расхаживала, задрал нос — фу-ты, ну-ты! — да командовала теми, кто тебя постарше да почище будет! В точности как твоя бабка! Да все всё знают! Ты по уши втюрилась в молодого барона, а когда он тебя бросил, ты убила его старого отца — ему назло! Тебя видели! Да-да, а теперь бедный паренёк вне себя от горя, а невеста его льёт слёзыньки и из комнаты не выходит! А ты небось хохочешь про себя! Люди говорят, свадьбу-то отложить придётся! А тебе только того и надо, да? Это тебе лишнее перо в чёрную шляпу, да какое пышное-то! Я ж тебя ещё вот этаким малявкой помню, а потом ты взяла да уехала в какие-то горы, где люди живут странные, совсем они в своей глуши одичали, спроси кого хочешь! — а кто вернулся обратно? Да-да, кто вернулся обратно? Что за тварь такая вернулась — всё-то она знает, нос задирает, нас за людей не считает, мы точно грязь под ногами, молодому барону жизнь загубила! И это ещё не всё! Вы госпожу Пенни расспросите, люди добрые! И не говорите мне про лягушек! Я лягушку ни с чем не спутаю, мне ли не знать лягушек? — их-то я и видела! Лягушек! Они небось...

Тиффани вышла из тела. О да, она здорово наловчилась проделывать этот фокус. Иногда она тренировалась на животных, а их обычно обмануть непросто: даже если рядом ощущается одно только сознание, они пугаются и убегают. Но люди? Людей дурачить несложно. Если тело осталось на прежнем месте, моргает, дышит, и с ног не валится, и проделывает всё то, на что способны тела, то даже если тебя внутри нет, то другие люди думают, ты там.

Теперь же Тиффани заскользила к пьяной кухарке, пока та вопила,

брюзжала и повторялась, изрыгая обидные глупости, жёлчь и ненависть, а также брызги слюны, оседавшие на нескольких её подбородках.

Вот теперь Тиффани почувствовала вонь. Совсем слабый, еле уловимый запах, но он тут. «А если я сейчас обернусь, не увижу ли я лицо с дырами вместо глаз?» — гадала она. Нет, всё не настолько плохо. Может, он просто о ней думает. Не убежать ли? Нет. Чего доброго, окажется, что бежит она не *от* него, а *к* нему! Он может быть где угодно! Но, по крайней мере, она попытается прекратить это безобразие.

Тиффани старалась не проходить *сквозь* людей, хотя вообще-то могла: теоретически она становилась бесплотной, как мысль, но пройти *сквозь* человека — это всё равно как по болоту брести: вязко, неприятно и темно.

Она миновала посудомоек: те застыли, словно загипнотизированные; когда выходишь из тела, время всегда течёт медленнее.

Да, бутылка из-под хереса почти пуста, а вот и *ещё* одна пустая бутылка, торчит из-за мешка с картошкой. От госпожи Кобль хересом разило на всю кухню. Она всегда питала слабость к капельке хереса, а где одна капелька, там и две; вероятно, среди кухарок это профессиональное заболевание такое, наряду с тремя трясущимися подбородками. Но вся эта мерзость — откуда она взялась? Это её собственные тайные мысли, которые кухарка всегда мечтала облечь в слова — или всё, что она наговорила, вложил ей в уста чёрный человек?

«Я ничего дурного не сделала, — повторила себе Тиффани. — Мне следует накрепко это запомнить. Но глупостей я натворила немало, и об этом тоже не стоит забывать».

Кухарка всё ещё гипнотизировала посудомоек своими обличительными тирадами. До чего ж она безобразна в этом мире замедленного движения: злобная физиономия побагровела, изо рта дурно пахнет, между нечищеными зубами застрял кусочек пищи. Тиффани скользнула чуть в сторону. А что, если попробовать просунуть незримую руку в это безмозглое тело и остановить биение сердца? Вдруг получится?

Никогда прежде ей не приходили в голову подобные мысли: находясь вне тела, схватить что-либо в мире вещей невозможно, это непреложный факт; но не удастся ли оборвать тоненькую струйку, погасить крохотную искорку? Даже такую дебелую, жирную, мерзкую тушу, как кухаркина, может погубить ничтожнейшее недомогание: и тогда по тупому раскрасневшемуся лицу пройдёт дрожь, и вонючее дыхание прервётся, и гнусная пасть захлопнется...

Здравый смысл, Задний Ум, Дальний Умысел и чрезвычайно редкий Ещё Более Дальний Умысел — все выстроились в её голове в очередь,

точно планеты, и хором закричали: «Это не мы! Следи за тем, что думаешь!»

Тиффани ворвалась в собственное тело, едва не потеряв равновесия: Престон, стоявший за её спиной, вовремя успел её поддержать.

Быстро! Вспомни, что госпожа Кобль только семь месяцев назад потеряла мужа, твердила себе Тиффани, вспомни, что, когда ты была совсем маленькой, она угощала тебя печеньем, вспомни, что она разругалась с невесткой и давно уже не видится с внуками. Вспомни это всё, и ты увидишь перед собою несчастную старуху, которая выпила лишнего и лишнего наслушалась — от этой мерзкой госпожи Лоск, например. Помни об этом, потому что если ты ударишь её в ответ, ты очень сможешь чёрному человеку! Помни — и больше не впускай его в свою голову!

Из-за её спины Престон, крикнув, заметил:

— Я знаю, что дамам такие вещи не говорят, но ты вспотела, как свинья!

Тиффани, пытаясь собрать воедино обрывки мыслей, пробормотала:

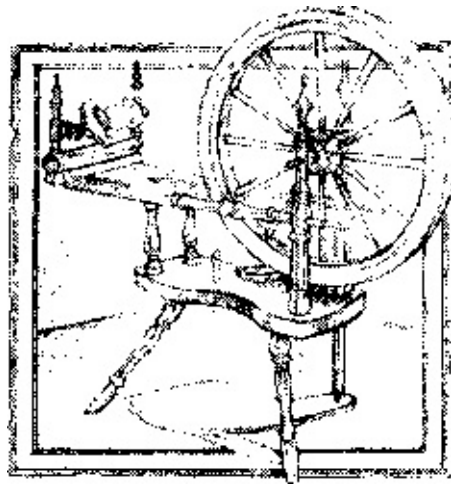
— Моя мама всегда утверждала, что потеют — лошади, мужчины покрываются испариной, а дамы — рдеют румянцем...

— Ах вот как? — жизнерадостно откликнулся Престон. — Что ж, значит, ты рдеешь румянцем, как свинья!

Посудомойки, ещё не вполне пришедшие в себя после кухаркиных обличений, дружно захихикали. Их смех был всяко лучше её брани; и Тиффани вдруг пришло в голову, что Престон именно этого и добивался.

Госпожа Кобль с трудом поднялась на ноги и погрозила Тиффани пальцем. Впрочем, кухарку так шатало из стороны в сторону, что, в зависимости от того, куда её вело, грозила она также и Престону, одной из посудомоек и сырам на полке.

— Меня ты не проведёшь, зловедная девка! — возгласила кухарка. — Все знают, что барона убила ты! Сиделка всё видела! Как ты вообще смеешь показываться в замке? Ты нас всех в могилу сведёшь одного за другим, а я этого не потерплю! Надеюсь, земля разверзнется и поглотит тебя! — прорычала госпожа Кобль и качнулась назад. Послышался глухой стук, скрип и — на краткое мгновение, пока звук не оборвался, — самое начало вопля: кухарка провалилась в погреб.

Глава 10

ТАЮЩАЯ ДЕВУШКА

— Госпожа Болен, я вынужден просить тебя покинуть Меловые холмы, — объявил барон. Лицо его превратилось в каменную маску.

— И не подумаю!

Выражение лица барона не изменилось. Да, на Роланда и раньше такое порой накатывало, вспомнила Тиффани, а сейчас стало только хуже. Герцогиня настояла на том, чтобы тоже присутствовать при разговоре, а заодно прихватила с собою двух своих стражников — в придачу к ещё двоим из замкового гарнизона. В результате свободного места в тесном кабинете не осталось вообще, а две пары стражников пепелили друг друга взглядами в извечном профессиональном соперничестве.

— Это моя земля, госпожа Болен.

— У меня тоже есть права! — заявила Тиффани.

Роланд по-судейски покивал.

— Это чрезвычайно важный момент, госпожа Болен, ведь, к сожалению, никаких прав у тебя нет. Ты не арендатор, не издольщик и не землевладелец. Короче говоря, у тебя нет ничего, подкрепляющего какие-либо права. — Роланд проговорил всё это, не поднимая глаз от листа писчей бумаги в своих руках.

Тиффани вскочила, проворно выхватила листок у него из пальцев и снова уселась на стул, прежде чем стража успела вмешаться.

— Как ты смеешь говорить такое, не глядя мне в глаза! — Но она понимала, о чём идёт речь. Её отец арендует ферму. У отца есть права. А у неё — нет. — Послушай, — произнесла она, — ты не можешь взять и выгнать меня. Я ничего дурного не сделала.

Роланд вздохнул.

— Госпожа Болен, я надеялся на твоё благоразумие, но раз ты заявляешь о полной своей невиновности, я вынужден озвучить следующие факты. Пункт первый: ты сама созналась, что забрала ребёнка по имени Амбер Пенни у её родителей и отвела её к волшебному народу, который живёт в земляных норах. По-твоему, юной барышне там место? Мои люди уверяют, там улитки кишмя кишат.

— Роланд, погоди...

— Изволь обращаться к моему будущему зятю «милорд», — встряла

герцогиня.

— А если я не послушаюсь, вы ударите меня тростью, ваша светлость? «Если крепко сжать крапиву...»

— Как ты смеешь! — сверкнула глазами герцогиня. — Роланд, ты позволишь оскорблять твоих гостей?

По крайней мере, замешательство Роланда выглядело вполне искренним.

— Я вообще не понимаю, о чём речь, — признался он.

Тиффани указала пальцем на герцогиню, герцогинины телохранители схватились за оружие, замковая стража тоже выхватила мечи, чтобы не остаться в стороне. К тому времени, как кучу-малу из клинков аккуратно разобрали и мечи снова вложили туда, где им и место, герцогиня уже ринулась в контратаку.

— Подобное неповиновение терпеть нельзя, молодой человек! Ты — барон, и ты отдал приказ этой... этой твари убраться с твоей земли. Её пребывание здесь не способствует общественному порядку, а если она по-прежнему упорствует и уезжать отказывается, должна ли я напоминать тебе, что её родители арендуют у тебя ферму?

Тиффани кипела яростью — её ведь назвали «тварью»! — но, к вящему её изумлению, молодой барон покачал головой:

— Нет, я не стану наказывать честных арендаторов только за то, что у них непослушная дочь.

«Непослушная»? Да это ещё хуже «твари»! Как он только смеет!.. Её мысли смешались. Он не осмелится. Он никогда не осмеливался ни на что подобное за всё то время, что они друг друга знали, за всё то время, когда она была просто Тиффани, а он просто Роландом. Это были странные отношения — главным образом потому, что никакие не отношения на самом-то деле. Их друг к другу не влекло, их друг к другу подталкивало — так само собою получалось. Она была ведьмой, а значит, по умолчанию не такой, как деревенские дети; а он был сыном барона, что по умолчанию значило: он тоже не такой, как они.

С их стороны было бы ошибкой поверить в то, что если двое стоят особняком, значит, они непременно сродни друг другу. Постепенно выяснялось, это не так, и обоим пришлось непросто, и о кое-каких словах оба впоследствии жалели. Между ними ничего не закончилось, потому что ничего и не начиналось на самом-то деле. Так что для обоих всё обернулось к лучшему. Разумеется. Безусловно. Да.

Но за всё это время Роланд никогда таким не был, никогда не держался так холодно, никогда не вёл себя так глупо и с такой мелочной

дотошностью, — и, как Тиффани того ни хотелось, возложить всю вину на злополучную герцогиню не получалось. Нет, тут происходило что-то совсем другое. Ни в коем случае нельзя терять бдительности. И, наблюдая за тем, как наблюдают за нею, Тиффани вдруг поняла, как можно повести себя умно и глупо одновременно.

Она взяла свой стул, аккуратно придвинула его к рабочему столу, присела, сложила руки и произнесла:

— Я прошу прощения, милорд. — Она развернулась к герцогине, опустила голову и промолвила: — И у вас тоже, ваша светлость. Я временно забылась. Этого больше не повторится. Спасибо.

Герцогиня всхрюкнула. Нет, пасть в глазах Тиффани ещё ниже она не могла, но — всхрюк, и только? После такого её самоуничужения? Победа над нахальной юной ведьмой заслуживала куда большего — какой-нибудь шпильки, настолько острой, чтобы до кости проткнула. Честное слово, могла бы хоть постараться.

Роланд глядел на Тиффани, не помня себя от изумления — да что там себя, он и про всех вокруг на минуту забыл. Девушка смутила молодого барона ещё больше, протянув ему смятый листок бумаги и поинтересовавшись:

— Вы не хотите перейти к следующим пунктам, милорд?

Роланд попытался взять себя в руки, как можно аккуратнее расправил листок на столе, разгладил его ладонью и сказал:

— Следующий пункт — это смерть моего отца и кража денег из его сундука.

Тиффани одарила его ободряющей улыбкой, отчего Роланд занервничал ещё сильнее.

— Что-нибудь ещё, милорд? Вы ведь ничего не забыли?

— Роланд, она что-то замышляет, — встряла герцогиня. — Будь настороже. — Она махнула охране. — И вы, стража, тоже будьте настороже, слышите?

Стражники, не вполне понимая, как можно быть ещё больше настороже, когда они от волнения уже насторожились как никогда, вытянулись в струнку, пытаясь казаться выше, чем были на самом деле.

Роланд откашлялся.

— Эгхм, потом ещё стоит вопрос о гибели покойной кухарки: она, по видимому, оскорбила тебя и тут же провалилась в погреб и расшиблась насмерть; а такое совпадение наводит на определённые мысли. Тебе понятны эти обвинения?

— Нет, — покачала головой Тиффани.

На миг воцарилась тишина.

— Гм, а почему нет?

— Потому что это не обвинения, милорд. Вы же не утверждаете, что я украли деньги и убила вашего отца и кухарку. Вы просто размахиваете этой идеей у меня под носом в надежде, что я расплачусь. Но ведьмы не плачут, поэтому я требую того, чего ни одна ведьма, пожалуй, ещё никогда не требовала. Я требую суда. Суда по всем правилам. А это подразумевает доказательства. Это подразумевает свидетелей, то есть болтунам придётся повторить свои слова перед всеми. Это подразумевает коллегию присяжных, в которую войдут те, кто мне ровня, то есть такие же люди, как я, и это подразумевает *habeas corpus*, большое спасибо. — Тиффани встала и повернулась к двери, которую загородили собою, толкаясь и пихаясь, вооружённые стражники. Девушка оглянулась на Роланда и чуть присела в реверансе. — И если вы не настолько в себе уверены, чтобы всё-таки арестовать меня, милорд, то я уйду.

Она подошла к стражникам. Все глядели на неё с открытыми ртами.

— Добрый вечер, сержант, добрый вечер, Престон, добрый вечер, джентльмены. Я вас не задержу и на минуту. Прошу прощения, будьте так добры подвинуться, я уйду. — Она протиснулась мимо Престонова меча, — юноша подмигнул ей, и за её спиной стражники рухнули на пол беспорядочной грудой.

Тиффани прошла по коридору в зал. Там в громадном очаге, что вполне мог бы сойти за отдельную комнату, горел почти столь же громадный огонь. Топливом служил торф. Прогреть весь зал никогда не удавалось, даже в разгар лета теплее не становилось, но зато у огня было так уютно, а если и вдохнёшь дыма, то ведь торфяной дым — штука полезная. Дым уходил вверх по трубе и со всех сторон тёплым туманом обволакивал окорок, подвешенный наверху для копчения.

Всё того гляди опять усложнится, но сейчас Тиффани просто присела отдохнуть и, пока отдыхает, наорать на себя за глупость. Сколько яда Лукавец способен влить в людские головы? А много ли ему надо?

В том-то и проблема с ведьмовством: похоже, ведьмы нужны всем, но сама эта мысль вызывает ненависть, а ненависть к мысли и ненависть к факту отчего-то перерастают в ненависть к ведьме. Люди начинают задумываться: а кто ты такая, что столько всего умеешь? С чего ты взяла, будто ты лучше нас? Но Тиффани вовсе не считала себя лучше кого-либо. В ведьмовстве она лучше многих, это верно, но она не умеет даже носка связать, не знает, как подковать лошадь, и хотя делает превосходные сыры, хлеб, о который зубы не обломаешь, выпекает разве что с третьей попытки.

Каждый в чём-то да хорош. И очень скверно не распознать вовремя, в чём именно.

Пол у очага устилала мелкая пыль: от торфа всегда такая остаётся. На глазах у Тиффани в пыли проступили крохотные следы.

— Ну ладно, чего вы со стражниками-то сделали? — полюбопытствовала Тиффани.

На скамейку рядом с нею градом посыпались Фигли.

— Дыкс лишно я им бы морду шлифанул, курганокопакам мерзавым, тоже мне, Кромвеля выискались*, но шоб тебе жизнью мал-мала не усложнивать, мы им просто зашнурки посвязнули. Мож, они смекнут, шо виновасты мал-мала мыхи.

— Слушай, не надо никого обижать, ладно? Стражники обязаны исполнять приказы.

— Наэ, ишшо чего, — презрительно бросил Явор. — Не пристало воину сполнять, шо ему сказанули. А что б они с тобой сотворнули, сполняя, что сказано? Старукса тёща на тебя уж больно недобро пялилась — глазья что клейморы, выгребенная ямина ей место! Ха! Позырим, как ей нынче ввечеру ванниться пондравится!

Уловив характерные интонации, Тиффани насторожилась.

— Не вздумай никому вредить, ты меня слышишь? Вообще никому, Явор.

— Ах-ха, госпожа, я твои словеса загрузил в трюм, — проворчал Большой Человек.

— А ты мне поклянёшься честью Фигля, что не скинешь их за борт, стоит мне повернуться к тебе спиной, а?

Явор Заядло снова заворчал и забурчал, используя хрусткие фиглевские словечки, каких Тиффани прежде и не слышала. Звучали они как проклятия, а пару раз вместе с ними изо рта вырвались дым и искры. А ещё Явор топотал ногами: верный знак того, что Фигль дошёл до точки.

— Они пришли, вооружённые вострой сталью, шоб взрыть мой дом, и мой клан, и мою семью, — проговорил он, и слова его прозвучали ровно и тихо, а оттого ещё более угрожающе. Явор сплюнул короткую фразу в огонь; едва слова коснулись пламени, оно полыхнуло зелёным. — Я не ослухнусь каргу холмов, но грю тебе твердей твёрдого, если я в другой рядь узырю вблизих моего кургана Лопатину, так я эту Лопатину хозяину под килт запхну черенком вперёд, чтоб он все руки искровянил, её вытащивая. И это ишшо его проблемсам только самое начало выйдет. И если тут какая расчистка приключнётся, так клянусь своим слогом, зачищать будем мы! — Явор топнул ещё раз-другой и добавил: — А чё

такое мы услухнули, будто ты требуешь суда? Мы с судами да законом не дружимся.

— А как же Чокнутый Крошка Артур? — возразила Тиффани.

Сконфузить Фигля практически невозможно, но Явор Заядло смешался так, что, казалось, того гляди скажет: «Тю!»

— Ох, это ж ужаси кошмаренные, чего с ними лепреконы сотворнули, — удручённо посетовал Явор. — Сечёшь, он каждый день физию намывает? Ну то есть оно ничё, когда грязюка уже кусманами отваливается, — но каждый день? Как этакое ваше стерпеть mogenно, ыть?

Фигли только что были здесь — и тут раздалось тихое «шух!», и последовала острая недостача Фиглей, — а в следующее мгновение образовался некоторый избыток стражи. По счастью, это были сержант и Престон. Они промаршировали «стой, раз-два!» — и вытянулись по стойке «смирно».

Сержант шумно откашлялся.

— Я говорю с госпожой Тиффани Болен? — осведомился он.

— Мне сдаётся, что да, Брайан, — отозвалась Тиффани, — но тебе, конечно, видней.

Сержант быстро оглянулся по сторонам и наклонился ближе.

— Тифф, ну пожалуйста, — шепнул он, — нам здорово влетит, если что. — Он тут же выпрямился и громче, чем требовала необходимость, возвестил:

— Госпожа Тиффани Болен! Милорд барон приказал мне поставить тебя в известность, что он повелевает тебе оставаться на тири-таре замка...

— Где? — удивилась Тиффани.

Воздев глаза к потолку, сержант молча вручил ей пергаментный свиток.

— А, ты хотел сказать, на *территории*, — промолвила девушка. — Территория — это сам замок и его окрестности, — услужливо пояснила она. — А мне казалось, барон меня выгоняет?

— Слушай, Тифф, я просто читаю, что тут написано. И ещё мне приказано запереть твою метлу в темнице.

— Тебе доверена непростая миссия, сержант. Метла стоит вон там, у стены; ни в чём себе не отказывай.

Сержант облегчённо выдохнул.

— Так ты не будешь... поднимать шума?

Тиффани покачала головой.

— Никоим образом, сержант. Я не в обиде на человека, который

просто-напросто исполняет свой долг.

Сержант опасливо подошёл к метле. Эта метла была всем отлично знакома: едва ли не каждый день жители Мела видели, как она пролетает над головой (обычно не выше!). Но служитель закона нерешительно задержал руку в нескольких дюймах от деревянной рукояти. — Эгм, а что будет, если я до неё дотронусь? — уточнил он.

— О, тогда метла будет готова к полёту, — объяснила Тиффани.

Очень медленно сержант отвёл руку подальше от метлы — можно даже сказать, с территории метлы.

— Но меня она с собой не утащит, правда? — простонал он голосом, исполненным мольбы и предчувствия воздушной болезни.

— Ну разве что недалеко и невысоко, — заверила Тиффани, не оборачиваясь. Все знали, что у сержанта начинает кружиться голова, стоит ему на стул вскарабкаться. Девушка подошла к бедолаге и взяла метлу в руки. — Брайан, а какой приказ тебе отдан на случай, если я откажусь повиноваться твоим приказам, если понимаешь, о чём я?

— Я должен арестовать тебя!

— Что? И запереть меня в темницу?

Сержант поморщился.

— Сама знаешь, мне это не по вкусу, — признался он. — Некоторым из нас есть за что тебя благодарить, и все мы знаем, что бедняжка госпожа Кобль упилась в стельку, мир праху её.

— Хорошо, не буду доставлять тебе лишних неприятностей, — кивнула Тиффани. — Давай я просто отнесу метлу, которая тебя так пугает, вниз, в подземелье, и запру её там. Тогда и я никуда не денусь, верно?

На лице сержанта отразилось небывалое облегчение. По пути в темницу, уже спускаясь по каменным ступеням, он, понизив голос, пожаловался:

— Ты ж понимаешь, это не я, это всё они, там, наверху. Похоже, теперь здесь всем заправляет её светлость.

За свою недолгую жизнь Тиффани повидала не так уж много тюрем, но люди говорили, что темница замка по тюремным стандартам очень даже неплоха, и, если кто-нибудь вздумал бы написать путеводитель «Темницы класса “люкс”», эта получила бы не меньше пяти цепей с ядром. Темница была просторная, сухая, с проложенным посередине удобным сточным жёлобом: жёлоб предсказуемо уходил в круглую дыру, откуда пахло не так уж и гадко — в общем и целом.

То же можно было сказать и о козах: они отделились от своих уютных соломенных лежаков и утащились на Тиффани глазами-щёлочками: не

последует ли что-нибудь интересное, например кормление. Жевать при этом козы не переставали: они уже по второму разу ели свой обед, как это у них, у коз, водится.

В темнице было две двери. Одна выводила прямо наружу: вероятно, в давние времена именно через него затаскивали пленников — в конце концов, не волочь же их через парадный зал, пачкая пол кровью и грязью!

Сейчас темница использовалась главным образом как козий хлев, а на полках под самой крышей — так высоко, чтобы козы не добрались, кроме разве самых упорных, — хранились яблоки.

Тиффани пристроила метлу на нижней из полок с яблоками, пока сержант почёсывал козу, стараясь не смотреть вверх, чтобы голова не закружилась. Вот почему его и застали врасплох: Тиффани неожиданно вытолкнула сержанта в дверной проём, вытащила ключи из замка, метнулась обратно в темницу и заперлась изнутри.

— Прости, Брайан, но, понимаешь, ты сам виноват. Не только ты, конечно, и не ты — в первую очередь, и с моей стороны немножко нечестно воспользоваться ситуацией, но если со мной обращаются как с преступницей, то я и вести себя буду точно так же.

Брайан покачал головой.

— У нас, между прочим, запасной ключ есть.

— Он мало на что годен, если мой ключ торчит изнутри, — отозвалась Тиффани, — но подумай сам: всё не так плохо. Я сижу под замком, чего, как я понимаю, некоторым людям и хотелось, а всё остальное — уже мелочи. Мне кажется, ты смотришь на дело не с той стороны. В темнице я в безопасности. И это не я заперта от вас, это вы все заперты от меня... — Брайан глядел на неё так, словно вот-вот расплачется, и Тиффани подумала: «Нет. Я не могу с ним так поступить. Он всегда был ко мне добр. Он и сейчас пытается. Нельзя, чтобы он потерял работу только потому, что я умнее его. Кроме того, я уже знаю, как отсюда выбраться. Так оно всегда и бывает с хозяевами темниц: сами они слишком редко в них заглядывают». И Тиффани протянула сержанту ключи.

Брайан облегчённо заулыбался.

— Разумеется, тебе принесут и воды, и еды, — заверил он. — Нельзя же питаться только яблоками.

Тиффани присела на солому.

— А знаешь, тут очень даже уютно. Занятно, от козьей отрыжки становится вроде как теплее и по-домашнему. Нет, яблоками я питаться не буду, но их надо бы перевернуть, а не то загниют, так что я, пожалуй, об этом позабочусь, раз уж я здесь. Но, конечно, пока я тут заперта, я не могу

одновременно находиться снаружи. Я не могу составлять снадобья, не могу подрезать ногти на ногах. Не могу никому помочь. Как там нога твоей старушки-мамы? Заживает, надеюсь?

А теперь не мог бы ты уйти, будь так добр, а то мне хотелось бы воспользоваться дырой в полу.

Шаги сержанта затихли на лестнице. Ну да, немного жестоко вышло, а что делать? Тиффани огляделась и приподняла ворох грязной, прогнившей соломы, которую давным-давно не убирали. Из-под соломы побежали, поползли и запрыгали разные мелкие твари. Повсюду вокруг, убедившись, что опасность миновала, повысовывали головы Фигли, отряхиваясь от соломенного крошева.

— Я хочу видеть своего адвоката, — весело объявила Тиффани. — Думаю, ему понравится здесь работать.

Жаб проявил похвальное рвение — для адвоката, который знает, что заплатят ему жуками.

— Думаю, мы начнём с неправомерного ареста. Судьям такие вещи не нравятся. Если кого-то нужно упечь в тюрьму, они предпочитают сделать это сами.

— Эгм, вообще-то я сама себя заперла, — напомнила Тиффани. — Это считается?

— Прямо сейчас я бы на этот счёт не тревожился. Это произошло под принуждением, тебе ограничили свободу передвижения, тебя запугали.

— Ещё чего, запугали! Я ужасно *разозлилась!*

Жаб прихлопнул лапой удирающую сороконожку.

— Тебя допрашивали двое представителей аристократии в присутствии четырёх вооружённых стражников, правильно? Никто не предупредил тебя? Никто не зачитал тебе твои права? И ты говоришь, барон, по всей видимости, верит, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, что ты убила его отца и кухарку и украла некую сумму денег?

— Думаю, Роланд изо всех сил старается этому не верить, — вздохнула Тиффани. — Кто-то сказал ему неправду.

— Тогда мы должны это оспорить, всенепременно должны! Он не имеет никакого права выступать с голословными обвинениями в убийстве, которые ни на чём не основаны. Это дело подсудное, знаешь ли!

— Ох, — запротестовала Тиффани, — я не хочу, чтобы он пострадал!

Улыбку Жаба распознать непросто, так что Тиффани о ней скорее догадалась, нежели заметила.

— Что такого смешного я сказала?

— На самом деле ничего смешного, равным счётом ничего, но оно по своему печально и странно, — отозвался Жаб. — «Странно» в данном случае подразумевает смешанные чувства. Этот молодой человек выдвигает против тебя обвинения, которые, если будут доказаны, обернутся для тебя смертным приговором в большинстве городов и стран этого мира, и однако ж ты не хочешь доставлять ему неудобств?

— Это всё сантименты, я понимаю, но герцогиня его постоянно подзуживает, а девчонка, на которой он собрался жениться, та ещё плакса... — Тиффани умолкла на полуслове. На каменной лестнице, той, что вела в подземелье из парадного зала, послышались шаги — причём явно не тяжёлая поступь подбитых гвоздями сапог замковой стражи.

Это была Летиция — наречённая невеста, вся в белом и вся в слезах. Она вцепилась в решётку камеры и с плачем повисла на ней — не рыдая в голос, нет, но то и дело всхлипывая, шмыгая носом и шаря в рукаве в поисках кружевного платочка, уже и без того мокрого насквозь.

Девушка даже глаз не поднимала на Тиффани — просто плакала в её сторону:

— Мне так стыдно! Прости меня, прости! Что ты теперь обо мне подумаешь?

В таких случаях, именно в таких, понимаешь, как невыгодно быть ведьмой. Вот перед нею стоит особа, которая самым фактом своего существования одним непрекрасным вечером заставила Тиффани задуматься, а не повтыкать ли булавок в восковую куклу. Нет, делать этого Тиффани, конечно, не стала, потому что делать такое нельзя, потому что ведьмы такого крайне не одобряют, потому что это жестоко и опасно, а главным образом потому, что булавок под рукой не нашлось.

И теперь это никчёмное создание в полном отчаянии и плачет так безутешно, что и скромность, и достоинство — всё смыто бесконечным потоком липких слёз. Как же им не смыть заодно и ненависть? И, по правде говоря, ненависти-то почти и не было, скорее обида. Тиффани всегда знала, что знатной дамы из неё не выйдет, ведь без длинных золотых локонов — никак. Это противоречит всем законам волшебных сказок. Просто ей, Тиффани, непросто оказалось с этим вот так сразу взять и примириться.

— Я не хотела, не хотела, чтобы так вышло! — давилась рыданиями Летиция. — Мне стыдно, мне так стыдно! Я сама не знаю, что на меня нашло! — А слёзы всё бежали и бежали по дурацкому кружевному платью, и — о нет! — на безупречном носике повисла безупречная сопля.

Тиффани, словно загипнотизированная, в ужасе наблюдала, как рыдающая девушка с шумным бульканьем высморкалась, и — о нет, только

не это, она ведь этого не сделает, правда? Ещё как сделает! Сделает-сделает... Летиция отжала насквозь промокший платок на камни, уже и без того отсыревшие от нескончаемых слёз.

— Послушай, наверняка не всё так плохо? — откликнулась Тиффани, пытаясь не слушать, как на пол с мерзким чваканьем падают капли. — Если только ты перестанешь рыдать хоть на минуту, мы попробуем всё уладить, в чём бы это всё ни заключалось, правда.

Слёзы хлынули пуще, и ещё подключились самые настоящие, давно вышедшие из моды рыдания, такие, каких в обычной жизни никто и никогда не слышал — ну, по крайней мере, вплоть до сего момента. Тиффани знала: когда люди плачут, они говорят «буу-ху-хуу», по крайней мере, так этот звук передаётся в книгах. Но в обычной жизни никто и никогда не говорит «буу-ху-хуу». А вот Летиция именно так и рыдала, и брызги разлетались во все стороны. Но не только брызги: Тиффани уловила ещё и разлетающиеся проговорки, и прочла их, очень даже отчётливые, пусть и немного хлюпкие, и сохранила в памяти.

«Вот, значит, как?» — подумала она. Но не успела она и слова вымолвить, как на лестнице снова послышались торопливые шаги. Вниз сбежали Роланд, герцогиня и один из стражников, а следом поспешал Брайан: явно недовольный тем, что по его родным каменным ступеням топчут чужие стражники, он тоже рвался внести свой вклад в очередное топотание.

Роланд, поскользнувшись на отсыревшем камне, обнял Летицию, недвусмысленно давая понять, что защитит её от любой опасности; та хлюпнула и выжала из себя ещё немного влаги. Герцогиня грозно нависла над юной четой, так что стражникам нависать было уже негде, и они довольствовались тем, что пепелили друг друга взглядами.

— Что ты с ней сделала? — загремел Роланд. — Как ты её сюда заманила?

Жаб откашлялся, и Тиффани бесцеремонно пнула его носком башмака.

— Молчи, ты, амфибия, — прошипела девушка. Он, конечно, её адвокат, но если герцогиня увидит, что за юридической консультацией Тиффани обращается к *жабе*, будет только хуже.

Однако, не увидев Жаба, герцогиня взбеленилась ещё пуще:

— Ты слышал? Да её наглости предела нет! Она назвала меня *амфибией*!

Тиффани уже собиралась сказать: «Я не про вас, я про другую амфибию», но вовремя прикусила язык. Она села, незаметно прикрыв Жаба соломой, и обернулась к Роланду:

— На какой из вопросов мне не ответить первым?

— Мои люди заставят тебя заговорить! — бросила герцогиня из-за плеча Роланда.

— Говорю я и так, спасибо, — отозвалась Тиффани. — Наверное, она пришла просто... позлорадствовать, но... тут всё поплыло.

— Она ведь отсюда не выберется, правда? — уточнил Роланд у сержанта.

Сержант лихо отсалютовал.

— Нет, сэр. Ключи от обеих дверей у меня, вот тут, в кармане, сэр. — Он самодовольно глянул на герцогининою стражника, всем своим видом показывая: «А вот *некоторым* задают очень важные вопросы и получают быстрые и чёткие ответы, так-то!»

Всё испортила герцогиня, заявив:

— Он дважды обратился к тебе «сэр», а не «милорд», Роланд. Ты не должен терпеть подобную фамильярность от представителей низших сословий. И я тебе об этом уже говорила.

Тиффани охотно пнула бы Роланда в задницу за то, что не одёрнул гостью. Брайан учил его ездить верхом, и фехтовать на мечах, и охотиться. Наверное, Брайану следовало заодно поучить баронского сына хорошим манерам.

— Прошу прощения, а мне здесь до скончания века сидеть? — резко осведомилась она. — Если так, то мне понадобятся чистые носки, пара запасных платьев и несколько сменных неназываемых.

Услышав про «неназываемые», молодой барон сконфузился не на шутку. Но тут же взял себя в руки.

— Мы, эгм... то есть я, эгм... считаю, что тебя необходимо держать под строгим надзором, хотя и в гуманных условиях, там, где ты не сможешь никому причинить вреда, вплоть до свадьбы. В последнее время ты то и дело оказываешься в центре всевозможных бедствий. Мне страшно жаль.

Тиффани не рискнула открыть рот, потому что после такого помпезно-идиотского заявления расхохотаться было бы просто невежливо.

— Мы создадим тебе все удобства и, разумеется, выгоним коз, если хочешь, — продолжал Роланд, пытаясь изобразить улыбку.

— Если вам всё равно, я бы предпочла, чтобы козы остались, — ответила Тиффани. — Мне начинает нравиться их общество. Вопрос можно?

— Да, конечно.

— Прялки, надеюсь, здесь ни при чём? — любопытствовала

Тиффани. В конце концов, куда ещё может завести этот глупый разговор?

— Что? — оторопел Роланд.

Герцогиня торжествующе расхохоталась.

— Да-да, разумеется, эту самоуверенную, дерзкую барышню хлебом не корми, дай похвастаться своими коварными планами! Роланд, сколько у нас в замке прялок?

Юноша вздрогнул — как всегда, когда к нему обращалась будущая тёща.

— Эгм, не знаю. Кажется, одна есть у экономки, потом в башне всё ещё стоит мамина прялка... наверное, найдётся ещё несколько. Отец любит... любил, чтобы все были при деле. И... ну, право, не знаю.

— Я прикажу слугам обыскать замок и уничтожить прялки все до единой! — заявила герцогиня. — Я выведу негодяйку на чистую воду! Можно подумать, кто-то не знает сказку про злую ведьму и прялку! Стоит уколоть палец — и мы все заснём на сто лет!

Летиция, до сих пор шмыгавшая носом, пробормотала:

— Мама, ну ты же никогда не позволяла мне даже притронуться к прялке!

— И ты к прялке не притронешься — никогда в жизни, слышишь, Летиция? Это занятие для низших сословий. Прядут — служанки. А ты — леди.

Роланд покраснел до ушей.

— Моя мама любила пряхть, — медленно произнёс он. — Я, помню, засиживался в башне допоздна, всё смотрел, как мама прядёт. Прялка была такая красивая, инкрустированная перламутром... Её никто не тронет и пальцем.

Тиффани наблюдала за Роландом сквозь решётку, думая про себя, что возразить на это хоть что-нибудь дерзнёт только бессердечный, недобрый и крайне неблагоприятный человек. Но благоразумием герцогиня не отличалась, ну, хотя бы потому, что о чьём-либо благе не помышляла.

— Я настаиваю... — начала было она.

— Нет, — сказал Роланд. Сказал очень тихо, но это негромкое слово прогремело звучнее крика; оно заключало в себе подтексты и скрытые смыслы, что остановили бы на бегу стадо слонов. Или даже одну герцогиню. Однако та одарила будущего зятя взглядом, недвусмысленно обещающим, что она ему всё припомнит, как только у неё дойдут руки.

— Послушай, насчёт прялок это я просто иронизировала, — сочувственно проговорила Тиффани. — Такое сейчас уже не происходит. Да и в прежние времена происходило вряд ли. Люди засыпают на сотню

лет, а все деревья и кусты разрастаются и заполняют собою дворец? Ну как, по-твоему, это работает? А почему тогда растения не погружаются в сон заодно с людьми? Опять же, разрастаясь, ежевика забила бы спящим в ноздри, а от такого кто угодно проснётся. А если зимой снег пойдёт, тогда что? — Рассуждая вслух, Тиффани внимательно следила за Летицией: та едва не выкрикивала чрезвычайно любопытную проговорку. Тиффани взяла эти слова на заметку, чтобы обдумать на досуге.

— Ну что ж, я вижу, ведьма и впрямь сеет раздор везде, где окажется, — подвела итог герцогиня. — Так что ты останешься здесь, пока мы не решим тебя выпустить, и обходиться с тобой будут куда мягче, чем ты того заслуживаешь.

— Роланд, а что ты скажешь моему отцу? — ласково спросила Тиффани.

Роланд задохнулся, точно от удара кулаком: надо думать, именно это его и ждёт, если господин Болен узнает о случившемся. Молодому барону понадобится целый отряд телохранителей, если только господину Болену станет известно, что его младшую дочку заперли в темнице вместе с козами.

— А знаешь что, — предложила Тиффани. — Давай мы скажем, что меня задержали в замке важные дела? Можно поручить это дело сержанту: он ведь передаст отцу всё, что нужно, и не станет волновать его попусту? — Тиффани произнесла эту фразу с вопросительной интонацией, Роланд кивнул, но герцогиня, как всегда, не сдержалась:

— Твой отец — арендатор барона и будет делать то, что ему говорят!

Роланд смущённо поёжился. Когда господин Болен работал на старого барона, эти двое, умудрённые многолетним опытом, пришли к разумной договоренности, а именно: господин Болен будет делать то, что прикажет ему барон. При условии, что барон прикажет господину Болену ровно то, что господин Болен сам захочет или сочтёт нужным сделать.

Это и есть *верноподданство*, как-то раз объяснил ей отец. То есть все честные люди работают на совесть, когда знают свои права и обязанности и уважают достоинство других. А люди тем более дорожат своим достоинством, если это, в сущности, всё, чем они богаты, — ну, плюс-минус постельное бельё, горшки-сковородки, ложки-вилки да рабочий инструмент. Такую договорённость не надо даже обсуждать вслух, потому что все здравомыслящие люди понимают, как она действует: пока ты хороший хозяин, я буду хорошим работником; я предан тебе, пока ты предан мне, и покуда этот замкнутый круг не разорван, так всё и будет идти своим чередом.

А Роланд того гляди разорвёт этот круг или, по крайней мере, позволит герцогине сделать это за него. Его семья правила в Меловых холмах вот уже несколько сотен лет, и это подкреплялось соответствующими документами. Но не существовало никаких документов, повествующих, как в Меловые холмы пришёл первый Болен: в ту пору бумагу ещё не изобрели.

Прямо сейчас люди ведьм не жалуют, люди растеряны и сбиты с толку, но Роланду, в придачу ко всему прочему, не хватало только, чтобы его призвал к ответу господин Болен. Пусть в волосах господина Болена и серебрится седина, вопросы он умеет задавать очень неприятные. «А мне просто необходимо остаться в замке, — думала про себя Тиффани. — Я наконец отыскала ниточку, а за ниточки нужно тянуть». Вслух она завершила:

— Я не против здесь посидеть, правда. Зачем нам лишние проблемы?

Роланд облегчённо выдохнул, но герцогиня повернулась к сержанту.

— Ты уверен, что ведьма надёжно заперта?

Брайан выпрямился; он и без того стоял, вытянувшись в струнку, так что, наверное, теперь он приподнялся на цыпочки.

— Да, ма... ваша светлость, я ж сказал, от каждой двери есть только по одному ключу, и оба здесь, у меня в кармане. — Он похлопал правой рукой по карману; внутри звякнуло. По-видимому, звяканье герцогиню удовлетворило.

— Ну тогда, полагаю, нынче ночью мы уснём спокойно, — промолвила она. — Пойдём, Роланд, и позаботься, пожалуйста, о Летиции. Боюсь, ей нужно опять принять лекарство: кто знает, что эта негодница ей наговорила!

Тиффани проводила их взглядом, остался только сержант, и, надо отдать ему должное, вид у него был пристыжённый.

— Сержант, подойди сюда, будь так добр.

Брайан вздохнул и шагнул чуть ближе к решётке.

— Тифф, ты ведь не станешь доставлять мне лишних неприятностей, правда?

— Конечно, нет, Брайан, и я полагаю и надеюсь, что и ты не попытаешься доставить лишних неприятностей мне.

Сержант зажмурился и простонал:

— Ты что-то замышляешь, верно? Я так и знал!

— Я тебе так скажу, — объявила Тиффани, прислоняясь к решётке. — Как ты думаешь, велика ли вероятность, что я просижу в камере всю ночь?

Брайан похлопал себя по карману.

— Не забывай, что ключи у... — Лицо его жалко сморщилось, точно мордочка щенка, получившего строгий выговор. — Ты влезла ко мне в карман! — Сержант умоляюще воззрился на узницу, точно щенок, ожидающий чего-то похуже выговора.

К благоговейному изумлению сержанта, Тиффани с улыбкой снова протянула ему ключи.

— Ты ведь не думаешь, что ведьме нужен ключ? И я тебе обещаю, что вернусь к семи утра. Надеюсь, ты согласишься, что в сложившихся обстоятельствах это очень даже выгодная сделка, тем более что я выкрою время сменить повязку на ноге твоей матушки.

Выражение его лица было достаточно красноречивым. Брайан благодарно схватил ключи.

— Наверное, нет смысла спрашивать, как ты отсюда выберешься? — с надеждой поинтересовался он.

— Думаю, в сложившихся обстоятельствах тебе не следует задавать таких вопросов, верно, сержант?

Брайан замялся и тут же улыбнулся.

— Спасибо, что подумала про ногу моей мамы, — поблагодарил он. — А то она малость распухла да покраснела.

Тиффани вдохнула поглубже.

— Беда в том, Брайан, что о больной ноге твоей мамы думаем только ты да я. Там, снаружи, ждут старики, которым нужно помочь принять ванну. Нужно готовить пилюли и настойки и отвозить их людям в самые что ни на есть медвежьи углы. Вот взять господина Прыгги: он еле ходит, если я не разотру его мазью. — Тиффани вытащила на свет свой дневник, весь перевязанный верёвочками и резинками, и помахала им перед самым носом сержанта. — Здесь у меня расписаны разные неотложные дела, я ведь ведьма. Если я ими не займусь, то кто займётся? Молодой госпоже Троллоп вот-вот подойдёт срок, а она носит двойню, я уверена, я слышу, как бьются два крохотных сердца. А ведь у неё первые роды. Она и без того перепугана до смерти, а единственная повитуха живёт в десяти милях отсюда и, что греха таить, немного близорука и в придачу забывчива. Ты, Брайан, человек военный. А военные — люди изобретательные. Так что, когда бедная роженица попросит о помощи, ты ведь будешь знать, что делать, — я в тебя верю.

Тиффани с удовольствием отметила, что сержант побелел как полотно. Не успел он пробормотать ответ, как она уже продолжила:

— Понимаешь, я-то никому помочь не смогу, потому что злая ведьма должна сидеть под замком, а не то, чего доброго, прялку заколдует! Сидеть

под замком — и всё из-за глупой сказки! А беда в том, что кто-нибудь может и умереть. А если я допущу, чтобы умирали люди, значит, я плохая ведьма. Но получается, я — плохая ведьма в любом случае... Наверное, так и есть, раз ты меня запер в темнице.

На самом деле Тиффани Брайану сочувствовала. Он стал сержантом не для того, чтобы решать подобные проблемы; его тактический опыт требовался главным образом для поимки сбежавшей свиньи. «Могу ли я винить его за то, что он всего-навсего исполняет приказ? — размышляла Тиффани. — В конце концов, молоток же не винят за всё то, что делает плотник. Но ведь у Брайана есть мозги, а у молотка — нет. Может, Брайану пора поучиться ими пользоваться».

Тиффани дождалась, пока стук его сапог затихнет вдали, подтверждая: сержант совершенно правильно рассудил, что нынешним вечером разумнее всего будет держаться от камеры на почтительном расстоянии, а заодно и малость поразмыслить о своём будущем. Кроме того, изо всех щелей уже вылезали Фигли, а уж они-то нутром чувствуют, как не попасться на глаза чужим.

— Не следовало тебе красть ключи у него из кармана, — пожурела Тиффани.

Явор Заядло сплюнул огрызок соломинки.

— Н-ды? Он же тебя запёртать хочет!

— Ну да, но человек-то он неплохой. — Тиффани признавала: звучит это на редкость глупо, и Явор Заядло, конечно же, тоже это понимает.

— Дыкс ах-ха, точнякс, неплохой человек запёртает тебя, послухав енту фуфыристую старуксу? — прорычал он. — А как насчёт той громаздой мал-малой соплявой малюхи в белых кружавчах? Я уж тумкал, надо под ней сточну канавину рыть.

— Это водярная нимфа была, дыкс? — спросил Туп Вулли, но большинство Фиглей сошлось на том, что девушка сделана из льда и почему-то начала таять. У самой нижней ступеньки в луже барахталась мышь, пытаясь выплыть на сушу*.

Почти машинально Тиффани запустила левую руку в карман, вытащила кусок бечёвки и временно набросила его Явору на голову. Снова пошарила в кармане и достала любопытный ключик, найденный на обочине дороги три недели назад, пустой пакетик из-под цветочных семян и камешек с дыркой. Тиффани всегда подбирала камешки с дыркой (считалось, они приносят удачу) и носила их в кармане до тех пор, пока камень не протирал в ткани отверстие и не вываливался наружу — только дырка и оставалась. Для путанки на скорую руку этого вполне хватало, вот

только обычно ещё требовалось что-нибудь живое. Жабий обед из жуков и сороконожек давно исчез, главным образом внутри Жаба, так что Тиффани подхватила своего адвоката и осторожно добавила его к сложной конструкции, невзирая на все жабы угрозы возбудить судебный иск.

— Почему ты Фиглей не используешь? — негодовал Жаб. — Им это даже нравится!

— Да, но тогда в половине случаев путанка указывает на ближайшую пивную. Ну, потерпи немного, ладно?

Пока Тиффани двигала путанку туда-сюда, выискивая подсказку, козы продолжали жевать. Летиция раскаивалась — глубоко, мокро раскаивалась. Что до последней её проговорки, эти слова девушка не осмелилась произнести вслух, но и удержать не успела. А проговорилась она фразой: «Я нечаянно!»

Никто не знает, как работает путанка. Работает — и ладно. Вероятно, она просто заставляет тебя задуматься. Или даёт, на чём остановить глаз, пока ты размышляешь, а размышляла Тиффани вот о чём: «Под этой крышей есть ещё кто-то, наделённый магическим даром». Путанка заходила ходуном, Жаб протестующе пискнул, и сквозь Второй Взгляд заструилась серебристая нить уверенности. Девушка подняла глаза к потолку. Серебристая нить замерцала, и Тиффани поняла: под этой крышей кто-то *использует* магию. И очень об этом жалеет.

Возможно ли, что вечно бледная, вечно плаксивая, безнадёжно акварельная Летиция на самом деле — ведьма? Это же невыносимо! Ну да что толку гадать, если можно просто пойти и выяснить?

Отрадно было думать, что бароны Меловых холмов за много лет научились хорошо ладить с людьми и напрочь позабыли, как пользоваться подземельем по прямому назначению. Теперь в темнице держали коз, а разница между тюрьмой и козым хлевом состоит в том, что в хлеву не нужно разводить огня: козы и сами отлично согреются. А вот в тюрьме — нужно, если вы хотите, чтобы вашим узникам было тепло и славно — ну, или если вы от ваших узников не в восторге, вы разводите огонь, чтобы вашим узникам было тепло и скверно. Прямо-таки смертельно жарко. Матушка Болен как-то рассказывала Тиффани, что во времена её детства в подземелье хранились всевозможные жуткие металлические приспособления, предназначенные главным образом для того, чтобы разбирать людей на части, по кусочку зараз. Но подходящего злодея давно не находилось. И, если на то пошло, никто в замке вообще не желал ими пользоваться: ещё палец застрянет, чего доброго, ежели зазеваешься. Так что весь этот хлам отправили в кузню и переплавили на предметы куда

более полезные, как, например, лопаты или ножи. Осталась только «железная дева»: в ней хранили репу до тех пор, пока верхняя часть не отваливалась.

А поскольку никто в замке подземельем особо не интересовался, все напрочь позабыли про дымовую трубу. Вот почему Тиффани подняла глаза и увидела высоко над головой клочок синевы: узник назвал бы его небом, а вот она, как только достаточно стемнеет, собиралась назвать его выходом.

Воспользоваться этим выходом оказалось чуть труднее, чем девушка надеялась. Труба была слишком узкой, чтобы взлететь по ней, сидя на метле. Тиффани пришлось уцепиться за прутья — метла потащила её вверх, а она упиралась в стенки ногами.

Но, по крайней мере, оказавшись на крыше, Тиффани знала, что тут и где. Все дети это знали. Не было в Меловых холмах такого мальчишки, что не нацарапал бы своего имени на свинцовой кровле, с вероятностью рядом с именами своего отца, дедов, прадедов и даже прапрадедов — а дальше надписи почти стёрлись под слоем новых.

Весь смысл замка в том, что никто не должен проникнуть внутрь без приглашения, так что единственные окна находились на самом верху, и там же — лучшие комнаты. Роланд давным-давно перебрался в отцовскую спальню: Тиффани об этом знала, потому что помогала ему перетаскивать вещи, когда старый барон наконец-то признал, что слишком болен и взбираться по лестнице ему уже не под силу. Герцогине наверняка отвели просторные гостевые покои на полпути между комнатой Роланда и Девичьей башней — она правда так называлась! — где, скорее всего, спит Летиция. Никто не говорил об этом открытым текстом, но такое размещение гостей означало, что мать невесты обосновалась в комнате между женихом и невестой и, надо думать, неусыпно бдит днём и ночью, прислушиваясь, не случатся ли какие шуры или, чего доброго, муры.

Тиффани тихонько прокралась сквозь мрак и, заслышав шаги на лестнице, затаилась в нише. Это оказалась горничная: она несла кружку на подносе и чуть не расплескала питьё со страху, когда дверь в комнату герцогини резко запахнулась и сама герцогиня свирепо воззрилась на неё — просто проверяя, всё ли в порядке. Горничная двинулась дальше, Тиффани пошла следом, безмолвно и, как это она умела, незримо. Стражник, сидящий у двери, с надеждой поднял глаза на поднос и тут же получил суровую отповедь: ступай, мол, вниз и сам раздобудь себе поужинать. Горничная вошла в комнату, поставила поднос у широкой кровати и ушла, на миг задумавшись, не обманывают ли её глаза.

Казалось, Летиция спит под покрывом свежеевыпавшего снега. Портило

впечатление лишь то, что при ближайшем рассмотрении снег оказался смятыми бумажными платками. Да ещё и использованными к тому же. В Меловых холмах бумажные платки были редкостью, стоили дорого, и, если уж у тебя они есть, вовсе не считалось дурным тоном подсушить их у очага для повторного использования. Отец Тиффани рассказывал, что в детстве ему приходилось сморкаться в мышку, но, наверное, он просто дразнил дочь, она ведь так потешно верещала!

Прямо сейчас Летиция с трубным звуком высморкалась — настоящей леди издавать такие звуки точно не подобает! — и, к удивлению Тиффани, подозрительно оглядела комнату. И даже шепнула: «Эй? Есть здесь кто-нибудь?», но от такого вопроса, если подумать здраво, вообще никакого толку.

Тиффани скользнула поглубже в тень. Ей даже матушку Ветровоск удавалось, если очень повезёт, одурачить; так с какой стати слезливой принцессочке чувствовать её присутствие?

— Я закричу, так и знайте, — предупредила Летиция, озираясь по сторонам. — Под моей дверью дежурит стражник!

— Вообще-то он пошёл вниз ужинать, — сообщила Тиффани, — что я, положив руку на сердце, считаю абсолютно непрофессиональным. Ему следовало дожидаться, когда его сменят с дежурства. Но лично мне кажется, что твоя мать больше озабочена их внешним видом, чем тем, что у них в головах. Даже юный Престон, и тот стражничает лучше. Порою и не подозреваешь, что он здесь, рядом, пока он не похлопает тебя по плечу. А ты знаешь, что люди очень редко поднимают крик, пока с ними разговаривают? Сама не понимаю почему. Наверное, потому, что в нас с детства воспитывают вежливость. А если ты прикидываешь, не начать ли кричать сейчас, позволь заметить, что, если бы я замышляла какую-нибудь пакость, так уже сделала бы всё, что хотела, ты не находишь?

На вкус Тиффани пауза слишком затянулась.

— Ты имеешь полное право сердиться, — наконец произнесла Летиция. — Ты ведь сердишься, да?

— Сейчас — нет. Кстати, а ты разве не выпьешь своё молоко, пока оно не остыло?

— Вообще-то я всегда выливаю его в уборную. Я знаю, выбрасывать еду очень дурно и на свете полно бедных детей, которые охотно выпили бы глоточек тёплого молока на ночь, но моего они не заслуживают, потому что мама велит горничным подмешивать в молоко снотворное.

— Зачем? — не веря ушам своим, спросила Тиффани.

— Считает, мне оно на пользу. На самом деле нет. Ты просто не

представляешь, каково мне. Всё равно что в тюрьме!

— Думаю, что тюрьму я теперь очень хорошо представляю, — отозвалась Тиффани. Девушка в постели снова начала всхлипывать, и Тиффани шикнула:

— Тише!

— Я не думала, что дойдёт до такого, — каялась Летиция, трубя носом в салфетку, словно в охотничий рог. — Мне просто не хотелось, чтобы Роланд был к тебе так привязан. Ты и вообразить не можешь, каково это — быть мной! Самое большее, что мне дозволяется, — это писать картины, и, если на то пошло, только акварели. И никаких набросков углём!

— Удивительно, — рассеянно отвечала Тиффани. — Роланд когда-то переписывался с дочерью лорда Ахваланга, Йодиной, и она тоже всё время писала акварели. Я ещё думала, может, это наказание такое.

Но Летиция не слушала.

— Тебе-то не приходится целыми днями сидеть и писать акварели, — жаловалась она. — Ты повсюду летаешь! Говоришь людям, что делать, занимаешься разными интересными вещами! Когда я была маленькой, я мечтала стать ведьмой. Но мне не повезло: у меня длинные золотые локоны, бледная кожа и очень богатый отец. Ну куда это годится? Такие девочки ведьмами не бывают!

Тиффани улыбнулась. Они уже близки к правде, теперь главное — дружелюбие и отзывчивость, иначе плотина снова прорвётся и всех затопит.

— А у тебя в детстве была книга волшебных сказок?

Летиция снова высморкалась.

— О да!

— Случайно, не та, где на седьмой странице нарисован ужасно страхолюдный гоблин? Я даже зажмурилась, когда до этой страницы долистывала.

— Я его зарисовала чёрным карандашом, — шёпотом призналась Летиция, словно, поделившись давним страхом, испытала несказанное облегчение.

— Ты меня невлюбила. И решила применить против меня магию... — произнесла Тиффани совсем тихо, потому что Летиция казалась очень хрупкой. Девушка пошарила вокруг в поисках нового платка, но рыдания временно иссякли: увы, лишь временно.

— Мне так стыдно! Если бы я только знала, я бы никогда...

— Наверное, мне стоит сказать тебе, — продолжала Тиффани, — что мы с Роландом всегда... ну, дружили. Других друзей ни у него, ни у меня

не было. Но в каком-то смысле это была неправильная дружба. Мы не то чтобы сблизились: разные события подтолкнули нас друг к другу. А мы этого не понимали. Он был сыном барона, а всем окрестным детям строго-настрого объяснили, как себя вести с баронским сыном, и поговорить Роланду вдруг оказалось не с кем. И была я. Девочка достаточно смышлённая, чтобы стать ведьмой; а надо сказать, эта работа для светской жизни времени почти не оставляет. Если угодно, два одиноких человека решили, что они — родственные души. Теперь мне это ясно. К сожалению, Роланд понял это первым. Вот тебе правда как есть. Я — ведьма, а он — барон. А ты станешь баронессой, и тебе не стоит беспокоиться, если ведьма и барон, ради всеобщего блага, будут неплохо ладить друг с другом. Вот и всё, что было, но на самом-то деле не было ничего — и поэтому слово «было» здесь вообще неуместно.

По лицу Летиции разлилось облегчение — словно солнце взошло.

— А раз я сказала тебе всю правду, барышня, мне бы в свой черёд хотелось услышать правду от тебя. И, послушай, мы можем перебраться куда-нибудь в другое место? Я боюсь, в любой момент может ворваться стража, и тогда меня попытаются запереть там, откуда мне уже не сбежать.

Тиффани кое-как усадила Летицию на метлу позади себя. Девушка беспокойно заёрзала и восхищённо ахнула: метла плавно соскользнула вниз с зубчатой стены замка, проплыла над деревней и приземлилась в поле.

— Ты летучих мышей разглядела? — спросила Летиция.

— А, эти? Они часто носятся вокруг метлы, если лететь не слишком быстро, — объяснила Тиффани. — Казалось бы, им стоит держаться подальше, а вот поди ж ты. А теперь, барышня, когда мы обе оказались вдали от замка и на помощь никто не примчится, расскажи, что ты такого сделала, чтобы люди меня возненавидели.

На лице Летиции отразилась паника.

— Да не сделаю я тебе ничего плохого, не бойся, — заверила Тиффани. — Если бы хотела, так давным-давно бы сделала. Но мне нужно навести порядок в собственной жизни. Расскажи, что ты натворила.

— Я использовала страусиный фокус, — не задержалась с ответом Летиция. — Ну знаешь, это называется несимпатическая магия*: мастеришь куколку, похожую на твоего врага, и втыкаешь её головой вниз в ведро с песком. Мне правда очень, очень стыдно...

— Да, ты уже говорила, — отмахнулась Тиффани. — Но я про такой фокус впервые слышу. Я не понимаю, как он может сработать. Это же бессмысленно.

«Но он сработал, — напомнила себе Тиффани. — Девчонка не ведьма,

этот её фокус — никакое не заклинание, но на меня почему-то сработал».

— Если это магия, так смысла и не требуется, — с надеждой предположила Летиция.

— Какой-то смысл всё равно должен быть, — возразила Тиффани, глядя в небо, где уже зажигались первые звёзды.

— Ну, если тебе это поможет — я взяла рецепт из книги «Любовные заговоры» Анафемы Зюзник, — сообщила Летиция.

— Это, часом, не та, где на обложке изображена сама авторша верхом на метле? — уточнила Тиффани. — Кстати, сидит она задом наперёд. И ремень безопасности не пристёгнут. И я в жизни не видела, чтоб ведьма щеголяла в лётных очках. А уж ещё и кошку рядом с собой посадить — такое вообще немыслимо. И на обложке не настоящее имя, а псевдоним. Видела я эту книгу — в каталоге «Боффо». Чушь несусветная. Не в обиду будь сказано, но это всё для наивных дурочек, которые всерьёз верят: для того чтобы творить магию, достаточно просто купить дорожную волшебную палочку с полудрагоценным камнем. С тем же успехом можно выдернуть прутик из изгороди и назвать его волшебной палочкой.

Не говоря ни слова, Летиция отошла к изгороди между дорогой и полем. Если пошарить под ней, то нужный прутик всегда отыщется. Девушка неумело взмахнула им в воздухе — и за прутиком потянулся мерцающий голубой след.

— Вот так? — спросила она.

Повисла гробовая тишина — нарушали её разве что уханье сов да, если у кого слух достаточно тонок, шуршание летучих мышей.

— Думаю, настало время нам как *следует* потолковать по душам, ты не находишь? — произнесла Тиффани.

Глава 11

«КОСТЁР ВЕДЬМ»

— Я же говорю, я всегда мечтала стать ведьмой, — объясняла Летиция. — Ты даже представить себе не можешь, как это тяжело, когда твоя семья живёт в огромном роскошном особняке, а род твой настолько древний, что даже гербу подпорка требуется — без щитодержателей никак! Всё это ужасно мешает; ты меня прости, но как бы мне хотелось родиться в твоих неблагоприятных условиях! Про каталог «Бэффо» я узнала случайно: однажды спустилась в кухню, а две горничные его листали и хихикали. Они тут же сбежали, всё ещё хихикая, не премину заметить, а каталог остался. У меня нет возможности заказать сразу всё, чего хочется, потому что моя горничная за мной шпионит и докладывает маме. Но кухарка — женщина честная; я даю ей денег, называю номера из каталога, и заказ доставляют на адрес её сестры в Хэме-на-Ржи. Я не могу заказывать ничего крупного, потому что горничные постоянно везде моют и пыль обметают. Мне страшно понравился котёл с бурлящей зелёной жижей, но судя по тому, что ты рассказываешь, это просто шутка такая.

Летиция вытащила из изгороди ещё пару прутиков и воткнула их в землю. На конце каждой из них засветился синий огонёк.

— Ну, для любого другого это, конечно, шутка, — кивнула Тиффани, — но не удивлюсь, если тебе такой котёл сготовит жареных цыплят.

— Ты правда так думаешь? — возликовала Летиция.

— Кажется, думать я вообще неспособна — я же торчу вверх ногами из ведра с песком, — отозвалась Тиффани. — Знаешь, это немного похоже на магию волшебников. Этот фокус... ты говоришь, он описан в книге госпожи Зюзник. Послушай, мне страшно жаль, но это действительно чистой воды бэффо. Это не по-настоящему. Это для тех, кто считает, будто ведьмовство — сплошь цветочки, и любовные эликсиры, и танцы без ничего — по правде сказать, представить себе не могу, чтобы настоящая ведьма такое вытворяла... — Тиффани замаялась — она была от природы правдива — и поправилась: — Ну, разве что нянюшка Ягг, и то под настроение. Это самая мякоть ведьмовства, без корочки, а настоящее ведьмовство — это сплошь корка. Но ты взяла одно из дурацких заклинаний для хохотушек-горничных и использовала его против меня, и

оно сработало! А у вас в роду были настоящие ведьмы?

Летиция покачала головой; длинные золотые волосы заискрились в лунном свете.

— Я, во всяком случае, ничего такого не слышала. Мой дед занимался алхимией — не профессионально, конечно. Собственно, поэтому восточного крыла больше нет. Мама... даже представить себе не могу, чтоб она занималась магией, а ты?

— Она-то? Ещё как!

— Ну, я никогда её за таким занятием не заставала, и... она хочет как лучше. Она говорит: для неё главное, чтоб я была счастлива. Ты, скорее всего, не знаешь, но у неё вся семья погибла при пожаре. Она всё потеряла, — рассказывала Летиция.

Тиффани обнаружила, что больше не питает к девушке неприязни. Не станешь же сердиться на растерянного щенка. И всё-таки она не сдержалась:

— А ты тоже хотела как лучше? Ну, когда сделала моё подобие и воткнула головой в песок?

Внутри Летиции, должно быть, помещалось целое водохранилище. Она постоянно была на волосок — ну хорошо, на чайную чашечку — от слёз.

— Послушай, я не обижаюсь, честно, — заверила Тиффани. — Хотя, по правде сказать, я бы предпочла поверить, что это всего-навсего заклинание! Просто достань куклу из ведра — и мы обо всём забудем. Только, пожалуйста, не начинай снова плакать, не разводи болото.

Летиция всхлипнула.

— Ох, просто, понимаешь, ну, я не здесь это делала. Ведро осталось дома. В библиотеке.

Последнее слово колокольчиком звякнуло в сознании Тиффани.

— Библиотека, говоришь? С книгами? — Ведьмы книгами не особо интересуются, но Тиффани перечитала всё, что только попадалось ей в руки. Никогда не знаешь, что отыщется в книге. — Ночь выдалась тёплая — для нынешнего-то времени года, а до твоего дома недалеко, правда? Ты сможешь вернуться в башню и в постель уже через пару часов.

Впервые за всё время их знакомства Летиция улыбнулась — улыбнулась самой настоящей улыбкой.

— А можно, я на этот раз сяду спереди? — спросила она.

Тиффани летела над холмами, стараясь держаться как можно ближе к земле.

Дело близилось к полнолунию — самому настоящему полнолунию

перед осенним равноденствием, когда лунный диск светится медно-красным заревом. А всё из-за дыма, что висит над выжженным жнивьем. Как именно голубоватый дым от догорающих пшеничных стеблей способен окрасить луну в красный цвет, Тиффани не знала и вовсе не собиралась лететь в небесную высь, чтобы выяснить.

А Летиция, похоже, пребывала в своём собственном персональном раю. Всё это время она болтала без умолку, что, надо признать, было предпочтительнее рыданий. Да эта девушка всего-то на восемь дней младше её самой: Тиффани точно знала, что это так, потому что потрудилась выяснить. Но это же просто цифры. Их совершенно не ощущаешь. Тиффани казалось, что она этой девчонке в матери годится. Странное дело, но Петулия, и Аннаграмма, и остальные ведьмы там, в горах, говорили ей одно и то же: ведьмы стареют изнутри. Ты выполняешь необходимую работу, даже если от работы этой накатывает тошнота и в желудке словно прятка крутится. Ты видишь такое, чего никто видеть не должен. И обычно в одиночестве и чаще всего в темноте ты должна делать то, что нужно. В далёких деревнях, где молодая мать впервые разрешается от бремени и что-то пошло серьёзно не так, ты надеешься, что местная старая повитуха тебя хотя бы морально поддержит; и всё-таки, когда доходит до дела и до вопроса жизни и смерти и нужно принимать решение, принимаешь его ты, потому что ты — ведьма. А иногда это даже не выбор между добром и злом, но выбор между злом и злом ещё большим; нет верных решений, есть просто... решения.

Тиффани заметила, как какое-то существо мчится по залитому лунным светом дёрну, легко поспевая за метлой. Заяц! Несколько минут заяц бежал наравне с нею, не отставая, а затем одним мощным прыжком исчез в лунных тенях.

«Зайчиха бежит в огонь, — подумала Тиффани, — и, как мне кажется, я — тоже».

Кипсек-холл стоял в дальнем конце Мела, и это действительно был самый дальний конец, потому что здесь мел заканчивался, сменяясь глиной и гравием. Тут был парк, и высокие деревья — целые леса деревьев, — и фонтаны перед домом, при виде которого понимаешь, что слово «холл» здесь звучит не просто натянуто, но натянуто до предела прочности, потому что выглядел он скорее как полдюжины слепленных вместе особняков. Были здесь флигели и надворные постройки, и огромное декоративное озеро, и флюгер в форме цапли — Тиффани в него чуть не врезалась.

— А сколько народу здесь живёт? — с трудом выговорила она,

выравнивая метлу и приземляясь на газон, как оказалось, заросший сухой травой футов пяти в высоту. Кролики бросились врассыпную, напуганные вторжением с воздуха.

— Сейчас только мы с мамой, — отвечала Летиция, спрыгивая на землю. Под ногами у неё захрустели сухие стебли. — Ну, и слуги, конечно. Слуг у нас много. Но не тревожься, в этот час они все уже спят.

— И сколько же нужно слуг для двоих человек? — полюбопытствовала Тиффани.

— Около двухсот пятидесяти.

— Я тебе не верю.

Летиция повернула, ведя к дальней двери.

— Ну, считая семьи, тут у нас человек сорок на ферме, ещё двадцать в маслодельне и сыроварне, ещё двадцать четыре заняты в рощах и семьдесят пять — в садах, это включая банановую теплицу, ананасную оранжерею, оранжерею с лилиями, парник с дынями и пруд с форелью. Остальные работают в доме и в пансионных покоях.

— Что это такое?

Летиция, уже взявшись за позеленевшую медную ручку двери, остановилась.

— Ты думаешь, моя мама — властная грубиянка, да?

Тиффани не видела иного выхода, кроме как сказать правду, даже с риском вызвать ливень полночных слёз.

— Да.

— И ты права, — признала Летиция, поворачивая ручку. — Но она предана тем, кто преданно служит нам. Так было всегда. У нас никого не увольняют за то, что состарился, или заболел, или выжил из памяти. И если эти люди сами себя обслуживать уже не могут, они живут не у себя в доме, а в одном из флигелей. То есть получается, что большинство слуг ухаживают за престарелыми слугами! Может, мы и старомодны, и немного снобы, и отстали от жизни, но никому из тех, кто работал на семью Кипсек, не придётся просить милостыню на старости лет.

Капризная ручка наконец-то повернулась, и дверь открылась в длинный коридор, где пахло... где пахло... пахло *старинной*. Иного слова и не подыщешь, хотя если хорошенько подумать, то можно распознать запахи сухой плесени, сырого дерева, пыли, мышей, мёртвого времени и старых книг, у которых свой, интригующий аромат. Да, точно, решила про себя Тиффани. Дни и часы мирно умирают здесь, а никто и не замечает.

Летиция пошарила на полочке за дверью и зажгла фонарь.

— Сюда нынче никто не заходит, кроме меня, потому что тут водятся

привидения.

— Да-да, — отозвалась Тиффани, стараясь, чтобы голос её звучал сухо и прозаично. — Дама без головы, зато с тыквой под мышкой. Она как раз к нам идёт.

Чего она ожидала? Паники и слёз? К вящему изумлению Тиффани, Летиция невозмутимо пояснила:

— Да это просто Мэвис. Надо будет не забыть заменить ей тыкву, как только новые созреют. Спустя какое-то время они начинают, ну, загнивать. — И громко крикнула: — Это всего лишь я, Мэвис, бояться нечего!

Со звуком, похожим на вздох, дама без головы развернулась и зашагала по коридору обратно.

— Про тыкву это я здорово придумала, — весело щебетала Летиция. — До того с Мэвис вообще невозможно было иметь дело. Она, видишь ли, повсюду искала свою голову. А тыква для неё хоть какое-то утешение, и, если честно, я не думаю, что она вообще видит разницу, бедняжка. Кстати, её вовсе не казнили. Мне кажется, она хочет, чтобы все об этом знали. Это был просто несчастный случай с участием лестницы, кошки и остро наточенной косы.

«И это девушка, которая, чуть что, плачет в три ручья, — думала Тиффани. — Но здесь она — у себя дома». А вслух сказала:

— А ещё призраки будут? Лучше предупреди сразу, чтоб я ненароком не обмочилась.

— Сейчас-то вряд ли, — заверила Летиция, шагая по коридору. — Завывающий скелет завывать перестал, когда я подарила ему старого игрушечного мишку: сама не знаю почему, но это сработало. Ах, ну да, призрак первого герцога теперь обосновался в уборной рядом со столовой; мы всё равно ею почти не пользуемся. Он завёл привычку дёргать за цепочку в самые неподходящие моменты, но это всяко лучше, чем кровавые ливни, как раньше.

— Ты — ведьма. — Слова слетели с уст Тиффани словно сами по себе, не усидев в голове.

Девушка потрясённо воззрилась на неё.

— Да скажешь тоже! — запротестовала она. — Мы обе знаем, как оно бывает, разве нет? Длинные золотые локоны, молочно-белая кожа, благородное — ну, в разумных пределах — происхождение и богатство, по крайней мере формально. Официально я — леди.

— Видишь ли, наверное, не следует строить своё будущее по книге волшебных сказок, — проговорила Тиффани. — Обычно девушки

принцессиного склада не утешают горестных безголовых призраков, вручая им тыкву взамен головы. А насчёт того, чтобы заставить замолчать воющий скелет с помощью игрушечного мишки — должна сознаться, ты меня просто поразила. Это ровно то, что матушка Ветровоск называет головологией. Вообще-то, если разобраться, ведьмовство по большей части головология и есть: головология и боффо.

Летиция смущалась и радовалась: лицо её шло бело-розовыми пятнами. Именно такое личико, признавала про себя Тиффани, обычно выглядывает из окон башни, дожидаясь рыцаря, у которого других дел нет, кроме как спасти красавиц от драконов, чудовищ и, если ничего больше не подвернётся, от скуки.

— Тебе ничего не нужно с этим делать, — успокоила Тиффани. — Остроконечная шляпа необязательна. Но будь здесь мисс Тик, она наверняка посоветовала бы тебе не отказываться от своего призвания. Ведьме не следует быть одной.

Дойдя до конца коридора, Летиция повернула очередную истёртую ручку: ручка заскрипела, словно жалуясь, и жалобы её подхватила дверь.

— В этом я уже убедилась, — кивнула Летиция. — А кто такая мисс Тик?..

— Она путешествует по свету в поисках девочек, наделённых способностями к нашему ремеслу, — объяснила Тиффани. — Говорят, если ты не распознаешь ведьмовства, оно само тебя распознает, обычно через мисс Тик: она просто хлопает тебя по плечу. Словом, она охотится на ведьм. Но не думаю, что она частая гостья в особняках и дворцах. Там ведьмам не по себе. Ух ты!

Дело в том, что Летиция зажгла масляную лампу. Комната была сплошь заставлена книжными шкафами и полками; книги матово поблёскивали. Не современные дешёвые издания, о нет; книги, переплетённые в кожу, и не просто в кожу, а в кожу высокоинтеллектуальных коров, которые отдали жизнь во имя литературы, проведя блаженные дни на самых тучных пастбищах. Книги матово поблёскивали; Летиция обходила просторное помещение по кругу, зажигая всё новые светильники. А потом поднимала их к потолку, потянув за длинные цепочки, а лампы между тем мягко раскачивались, и блеск книг смешивался с сиянием латуни и меди, пока вся комната не потонула в густом медовом золоте.

Тиффани, застыв недвижно, глядела во все глаза, и Летиции это явно нравилось.

— Мой прадедуска был завзятым коллекционером, — сообщила

она. — Видишь, вокруг сплошь отполированная медь, аж глаза слепит! Это не показухи ради, это всё из-за книжного червя калибра 303. Он движется так быстро, что способен за долю секунды проесть целую книжную полку. Ха, а вот если он со скоростью звука врежется в твёрдую медь — то увы ему! Раньше библиотека была больше, но мой дядя Чарли стащил отсюда все книги про... кажется, это называется Эротика? Я не уверена, я такой страны ни на одной карте не нашла. Как бы то ни было, наверное, я единственная, кто сюда ещё заходит. Мама считает, чтение лишает людей покоя. Прости, а почему ты принимаешься? Неужели мышь опять сдохла?

Что-то с этим местом серьёзно не так, подумала про себя Тиффани. Ощущается что-то напряжённое... напрягающее. Может, это знания, заключённые в книгах, так и рвутся на волю. Она слыхала рассказы про библиотеку Незримого университета — про одушевлённые книги, плотно стиснутые в пространстве и во времени: говорят, по ночам они разговаривают друг с дружкой и между ними даже молния иногда проскакивает. Если собрать в одном месте слишком много книг, кто знает, что они способны натворить? Мисс Тик когда-то объясняла ей: «Знание — это сила, сила — это энергия, энергия — это материя, материя — это масса, а масса меняет пространство и время». Но Летиция казалась такой счастливой среди книжных полок и конторок, что у Тиффани не хватило духу возразить.

Летиция поманила её за собой.

— А вот здесь я немного занимаюсь магией, — сообщила она так, как будто рассказывала: «А вот здесь я в куколки играю».

Тиффани прошиб холодный пот; крохотные волоски на коже подрагивали, сигнализируя: беги! Но Летиция весело щебетала, даже не замечая, что гостью того гляди вывернет наизнанку.

Вонь стояла невыносимая. Она неотвратимо разливалась по уютной библиотеке: словно всплывал на поверхность давно сдохший кит, насыщенный трупными газами и гнилью.

Тиффани отчаянно заозиралась, пытаясь отвлечься от воображаемого образа. Госпожа Пруст и Дерек изрядно обогатились за счёт Летиции Кипсек. Она купила целый набор бородавок и прочего.

— Прямо сейчас я только бородавки использую. Мне кажется, они как раз то, что нужно, и ничего лишнего, правда ведь?

— Я на них никогда не заморачивалась, — слабо проговорила Тиффани.

Летиция принялась.

— Ой, мамочки, как тут воняет: извини, пожалуйста. Думаю, это мыши. Они питаются книжным клеем; хотя я бы предположила, что прямо сейчас им на зуб попалась какая-то особенно неприятная книжка.

Библиотека начинала пугать Тиффани. Это всё равно что, ну, открыть глаза и обнаружить, что ночью к тебе забрела семейка тигров и устроилась поспать в изножье кровати. Прямо сейчас всё тихо-мирно, но кто-нибудь того и гляди лишится руки. Но это же только боффо, зрелищное ведьмовство ради внешнего эффекта! Оно производит впечатление на обыкновенных людей и, наверное, помогает начинающей ведьме настроиться на нужный лад, но не могла же госпожа Пруст рассылать по-настоящему волшебные вещи, правда?

Позади звякнула ведёрная ручка: из-за книжного шкафа появилась Летиция, таща ведро в обеих руках. Плюхнула его на пол — аж песок через край посыпался — и покопалась внутри.

— Ага, вот ты где, — проговорила она, вытаскивая нечто, похожее на морковку, обгрызенную не слишком голодной мышью.

— Это что, я? — удивилась Тиффани.

— Боюсь, в резьбе по дереву я не сильна, — призналась Летиция, — но в книге говорится, главное — это то, что ты при этом думаешь? — Фраза прозвучала неуверенно, а в конце неё повис тонкий и гибкий вопросик, уже готовый включить поток слёз.

— Извини, но книга не права, — покачала головой Тиффани. — Всё далеко не так радужно. Главное — то, что ты делаешь. Если хочешь навести на кого-то порчу, тебе нужно что-то, принадлежавшее жертве, — скажем, волосок или зуб. Но браться за такое не стоит, потому что ничего хорошего в этом нет — и очень легко ошибиться. — Тиффани внимательно пригляделась к грубо вырезанной фигурке. — Вижу, ты на ней ещё и «ведьма» карандашом написала. Эгм... я сказала, что в этом деле очень легко ошибиться, да? Ну так вот, иногда слово «ошибиться» и близко не передаёт того, как сильно можно поломать жизнь кому-то другому.

Летиция кивнула. Нижняя губа её дрожала.

Голова у Тиффани раскалывалась всё сильнее, отвратительная вонь набрала такую силу, что ощущалась физически. На библиотечном столе стопкой лежали книги; девушка попыталась сосредоточиться на них. Низкопробные томики, — про такие нянюшка Ягг, что под настроение могла и съязвить, говорила: «Грибли-грабли-пукс» для малолетних дурёх, играющих в ведьм потехи ради...

Но Летиция, по крайней мере, подошла к делу обстоятельно: на подставке, занимающей большую часть стола, стояла пара тетрадей.

Тиффани попыталась было обернуться к девушке, но голова её решительно отказалась поворачиваться. Второй Взгляд властно тянул голову назад. Медленно, почти машинально поднялась рука и сдвинула стопку глупых книжонок. То, что Тиффани приняла за верхнюю часть подставки, на поверку оказалось огромной книгой, такой толстой и такой тёмной, что она почти сливалась с самим деревом. В мозг Тиффани словно чёрный сироп сочился ужас, внушая: беги, и... Нет, это всё. Просто беги, продолжай бежать и ни на миг не останавливайся. Никогда.

Тиффани постаралась, чтобы голос её прозвучал ровно:

— Ты об этой книге что-нибудь знаешь?

Летиция заглянула через её плечо.

— Она очень древняя. Я даже почерка не разбираю. Зато переплёт роскошный. И вот что интересно: она всегда чуть тёплая на ощупь.

Здесь и сейчас, подумала Тиффани; вот она, передо мною, здесь и сейчас. Эскарина сказала, у него была книга. Не копия ли это? Но книга ведь не причинит мне вреда, не так ли? Вот только книги содержат в себе идеи, а идеи могут оказаться опасными.

В этот миг книга на подставке открылась сама собою: скрипнула кожа, с тихим стуком перевернулась обложка. Зашелестели листы — точно в воздух взвилась голубиная стая. И вот, наконец, та самая, нужная страница — с неё в полуночную библиотеку хлынул слепящее-яркий солнечный свет. И в этом свете навстречу Тиффани по выжженной пустыне бежал чёрный человек...

Тиффани машинально захлопнула книгу и, обхватив её, словно школьница, крепко стиснула переплёт в ладонях. «Он меня увидел, — думала она. — Я знаю, что увидел». Книга дёрнулась в её руках — в ней билось что-то тяжёлое, и Тиффани услышала слова... слова, которых она, к счастью, не понимала. Книгу сотряс новый удар, обложка взбугрилась, чуть не опрокинув Тиффани. Когда громыхнуло снова, Тиффани рухнула вперёд, на обложку, подмяв под себя книгу.

«Огонь, — думала Тиффани. — Он ненавидит огонь! Но боюсь, далеко я эту книгу не унесу, а в библиотеке костров не разводят, нельзя — значит, нельзя. Кроме того, вся эта бумага вспыхнет как спичка».

— Из книги кто-то пытается вылезти? — спросила Летиция.

Тиффани подняла глаза на бело-розовое личико.

— Да, — с трудом выговорила она и с силой шмякнула книгой об стол, едва та опять забила у неё в руках.

— Это ведь не тот гоблин из волшебных сказок, нет? Я всегда ужасно боялась, что он протиснется между страниц наружу.

Книга взвилась в воздух и снова с грохотом ударилась об стол, едва не вышибив дух из Тиффани.

— Думаю, это куда похуже того гоблина! — пробормотала девушка.

Это *наш общий* гоблин, подумала она не к месту. В конце концов, у них с Летицией была одна и та же книжка. Книжка не самая лучшая во многих смыслах; со временем ты вырастаешь и понимаешь, что это всего-навсего глупая картинка, но какая-то часть тебя всё помнит.

Наверное, у всех в прошлом такое было. Когда Тиффани рассказала Петулии о том, как её напугала иллюстрация к сказке, Петулия призналась, что в детстве до смерти боялась улыбчивого скелета из книжки с картинками. Как выяснилось, все девочки помнили что-то похожее. Такова суровая реальность. Для начала книги тебя хорошенько пугают.

— Кажется, я знаю, что делать, — вмешалась Летиция. — Можешь поддержать её ещё немного? Я быстро.

Девушка исчезла, а спустя несколько секунд Тиффани, отчаянно пытавшаяся не дать книге раскрыться, слышала не то писк, не то скрип. Юная ведьма и внимания-то особого не обратила: её руки, крепко сжавшие прыгучую книгу, раскалились докрасна. И тут из-за её спины послышался тихий голос Летиции:

— Послушай, я тебя провожу к нашему переплётному прессу. Когда я скажу, суй туда книгу и сразу убирай руки — как можно быстрее! Это очень важно — быстро убрать руки.

Тиффани почувствовала, как Летиция осторожно её разворачивает — так, вместе, шаг за шагом, они подобралась к какой-то металлической громадине, что смутно маячила во мраке. Книга яростно тряслась и колотила Тиффани в грудь. «Это всё равно что попытаться удержать слоновье сердце, пока оно ещё бьётся», — думала девушка.

В ступе и грохоте она едва слышала крик Летиции.

— Положи книгу на металлическую плиту, подтолкни её чуть вперёд и быстро убирай пальцы — *давай!*

Что-то завертелось. Кровь застыла у Тиффани в жилах: она увидела, как сквозь обложку просунулась рука, а в следующий миг на книгу обрушилась металлическая плита, отхватив кончики ногтей Тиффани.

— Помоги мне вот с этим зажимом. Давай затянем его как можно туже. — Голос принадлежал Летиции, а опиралась она на... что? — Это старый переплётный пресс, — объяснила она. — Дедушка то и дело с ним работал, когда приводил в порядок повреждённые книги. Вырванные страницы клеивал, например. Сейчас мы им почти не пользуемся — вот разве что на Страшество. Очень удобно грецкие орехи колоть, видишь?

Просто закручиваешь винт до тех пор, пока скорлупа не затрещит. Грецкие орехи, они такие смешные, на крохотные человеческие мозги похожи.

Тиффани опасливо глянула на пресс: его верхние и нижние плиты теперь плотно прилегли друг к дружке. Не вытекают ли наружу человеческие мозги? Нет, не вытекают, но легче не стало, потому что в это самое мгновение из стены вышел детский скелетик, прошагал сквозь библиотечные полки точно сквозь дым и исчез. Скелетик прижимал к груди игрушечного мишку. Такие зрелища мозг обычно регистрирует под рубрикой «дайте мне это развидеть».

— Это призрак какой-то, да? — поинтересовалась Летиция. — Я не про скелет — я же тебе про него рассказывала, правда? Бедный малыш. Ну то есть я про другого. Про того, который в книге...

— На самом деле он, ну... наверное, можно сказать, что он что-то вроде заразной болезни или ночного кошмара, который поутру не исчез, а обнаружился в твоей спальне. Я думаю, это ты его сюда пригласила. Призвала, если угодно.

— Мне не нравится ни первое, ни второе! Я всего-то использовала маленькое простенькое заклинанье из книжки ценой в один доллар! Ладно, я знаю, что я глупая девчонка, но я не хотела ничего... такого! — Летиция указала на всё ещё поскрипывающий пресс.

— Бестолковая женщина, — поправила Тиффани.

— Что ты сказала? — заморгала Летиция.

— Бестолковая женщина! Или глупая женщина, как тебе больше нравится. Ты ведь через несколько дней замуж выходишь, не забыла? Ты попыталась навести на меня порчу из ревности. А ты хоть видела, как эта книга называется? Я — да. Она прямо перед моим носом лежала! Это же «Костёр ведьм»! Её продиктовал омнианский священник, такой одержимый, что здравомыслие он бы даже в телескоп не разглядел! А знаешь что? Книги — живые. Страницы всё помнят! Ты слыхала про библиотеку Незримого Университета? Там есть книги, которые приходится цепями к полкам приковывать, или держать в полной темноте, или даже под водой! А ты играла в магию в нескольких дюймах от книги, которая просто-таки бурлит злом и мстительной магией. Неудивительно, что у тебя всё получилось! Я его пробудила — и с тех пор он меня ищет, он за мной охотится. А ты своим простеньким заклинаньем показала ему, где я! Ты помогла ему! Он вернулся — и теперь он меня нашёл! Он — палач ведьм. А ещё он распространяет заразу, я уже говорила, он — что-то вроде болезни.

Тиффани умолкла, чтобы перевести дух (дух перевёлся) и в ожидании

потока слёз (а вот слёз не последовало). Летиция просто застыла на месте, погружённая в мысли. И наконец промолвила:

— Наверное, попросить прощения недостаточно, да?

— По правде сказать, это неплохое начало, — заверила Тиффани, а про себя подумала: «Эта молодая женщина, которая всё никак не поймёт, что пора уже перестать носить дурацкие детские платица, утешила безголового призрака, вручив бедняге тыкву взамен головы, а завывающему скелету подарила игрушечного мишку. А вот я бы до такого додумалась? На такое только ведьма способна».

— Слушай, магический талант у тебя точно есть, я серьёзно, — проговорила Тиффани. — Но ты натворишь страшных бед, если станешь развлекаться с магией, сама не понимая, что делаешь. Хотя подарить мишку бедному скелетику — это был гениальный ход. Помни об этом, пройди обучение, и перед тобой откроется вполне магическое будущее. Но тебе придётся немножко поработать под началом у какой-нибудь старой ведьмы, как когда-то мне.

— Тиффани, это просто чудесно, — отозвалась Летиция. — Но для начала мне придётся немножко выйти замуж! А сейчас не пора ли нам назад? И как ты предлагаешь поступить с книгой? Мне не нравится, что он там, внутри. А вдруг вылезет?

— Так он уже вылез. Но книга... ну, она что-то вроде окна, через которое ему так легко выглянуть или даже выйти сюда. Чтобы до меня добраться. Такое иногда случается. Это вроде как путь в иной мир или, может быть, в другие области этого мира.

Тиффани объясняла немножко свысока, но тут же устыдилась, когда Летиция выпалила:

— Да-да, это как избушка в колокольчиковом лесу: иногда дым из трубы идёт, а иногда — нет; или, скажем, девочка кормит на пруду уток, а позади неё голуби иногда летают, а иногда сидят на крыше. В книге Х. Дж. Жабоплёта «Изменчивые миры» об этом упоминается. Хочешь, поищу? Я знаю, где она. — И не успела Тиффани и слова вставить, как девушка исчезла среди полок. Спустя минуту, к вящему облегчению Тиффани, она вернулась, таща массивный, переплетённый в блестящую кожу том, который внезапно упал к Тиффани на колени.

— Это подарок. Ты относишься ко мне добрей, чем я отнеслась к тебе.

— Но ты не можешь отдать мне такую ценную книгу! Это же часть библиотеки! На полке пустое место останется!

— Нет, я настаиваю, — не сдавалась Летиция. — В любом случае сюда я одна и заглядываю. Мама хранит в своих покоях книги по семейной

истории, генеалогии и геральдике; ими интересуется только она. А в библиотеку, кроме меня, заходит лишь господин Тайлер; и, кажется, я его как раз слышу — это он последний ночной обход совершает. Он очень-очень стар, ходит медленно, одно ночное дежурство занимает у него неделю, учитывая, что днём он спит, — добавила Летиция. — Пойдём скорее! У него сердечный приступ приключится, если он вдруг кого-то найдёт.

Где-то вдалеке и впрямь заскрипела дверная ручка.

Летиция понизила голос:

— Ты не возражаешь, если мы потихоньку выйдем с другой стороны? Господину Тайлеру и вправду опасно волноваться.

В конце длинного коридора замерцал огонёк: хотя, чтобы заметить, движется ли он, наблюдать пришлось бы долго. Летиция открыла наружную дверь — и девушки побежали туда, где был бы газон, если бы за последние десять лет его хоть раз скосили. У Тиффани сложилось впечатление, что газоны здесь подстригают с той же неторопливостью, какой отличался дряхлый господин Тайлер. На траве лежала роса; в воздухе разливалось ощущение, что где-то в будущем свет дня вполне вероятен. Едва девушки добрались до метлы, Летиция, сбивчиво извинившись, вбежала в спящий дом через другую дверь и пятью минутами позже вернулась с увесистой сумкой.

— Моё траурное платье, — объяснила она, когда метла поднялась в тёплый воздух. — Завтра же похороны бедного старого барона. А вот мама всегда берёт с собою траур, куда бы ни ехала. Говорит, никогда не знаешь, кто и когда скоропостижно скончается.

— Это чрезвычайно любопытная точка зрения, Летиция, но мне хотелось бы, чтобы после возвращения в замок ты рассказала Роланду о том, что ты сделала. Насчёт всего прочего мне дела нет, но, пожалуйста, расскажи ему о своём заклинании.

Тиффани ждала. Летиция сидела позади неё и в кои-то веки безмолвствовала. Ещё как безмолвствовала. Безмолвия было столько, что оно просто оглушало.

Тиффани, чтобы убить время, глядела по сторонам. Солнце ещё не поднялось над горизонтом, но тут и там над трубами курился дым. Деревенские женщины вроде как состязались друг с другом: кто раньше других растопит кухонный очаг. Надо же показать себя хорошей хозяйкой! Тиффани вздохнула. С метлой всегда так: когда ты на ней летишь, то смотришь на людей сверху вниз. И ничего тут не поделаешь, сколько ни старайся. Люди кажутся просто мельтешащими точками. А вот когда ты

начинаешь ещё и думать так же, пора тебе пообщаться с другими ведьмами, чтобы голова на место встала. «Не должно ведьме быть одной», — гласит пословица. Это не столько совет, сколько требование.

Позади неё Летиция проговорила:

— Почему ты не злишься на меня ещё сильнее?

Судя по голосу, прежде чем нарушить молчание, девушка тщательно взвесила каждое слово.

— О чём ты?

— Сама знаешь! После всего, что я натворила! Ты так ужасно... добра!

Тиффани порадовалась тому, что девушка не видит её лица, а заодно и тому, что сама она не видит лица Летиции.

— Ведьмы злятся редко. Криком и бранью ничего не добьёшься.

Помолчав, Летиция промолвила:

— Если это правда, тогда, наверное, ведьмы из меня не выйдут. Я порой страшно злюсь про себя.

— О, про себя я злюсь то и дело, — заверила Тиффани. — Но я откладываю эту злость до лучших времён, чтобы употребить с пользой. Такова суть ведьмовства — и волшебства, если на то пошло. Магию мы стараемся не применять, а если и применяем, то обычно на себе самих. Смотри, вот уже и замок, я тебя высажу на крыше, и, если честно, мечтаю проверить, уютно ли спится на соломе.

— Послушай, мне очень, очень...

— Я знаю. Ты уже говорила. Я на тебя не в обиде, но тебе придётся самой расхлёбывать ту кашу, которую ты заварила. И это тоже — часть ведьмовства. — А про себя Тиффани добавила: «Кому и знать, как не мне!»

Глава 12

ВСЕМ ГРЕХАМ ГРЕХ

Соломенная постель оказалась очень даже удобной; в хижинах обычно лишних комнат нет, так что ведьме, которая явилась по делу, например принимать роды, очень повезёт, если её уложат в хлеву. Не то слово как повезёт. Там и пахнет лучше, чем в доме, и не одна только Тиффани считала, что тёплое, благоухающее травой коровье дыхание — само по себе лекарство.

А тюремные козы ничуть не хуже. Они по десятому разу безмятежно пережёвывали свой ужин и не сводили с гостью многозначительного взгляда, точно ожидали, что она того гляди начнёт показывать фокусы или споёт и спляшет.

Последнее, о чём Тиффани подумала, засыпая, — это о том, что кто-то задал козам корм и, значит, наверняка заметил, что в темнице недостаёт узницы, одной штуки. В таком случае ей грозят новые неприятности; ну да сколько ещё неприятностей может на неё обрушиться? Вряд ли так уж и много, решила она, потому что когда проснулась час спустя, то обнаружила: кто-то накрыл её во сне одеялом. Да что происходит-то?

Загадка разъяснилась, когда появился Престон, неся на подносе яичницу с ветчиной, слегка приправленную кофе, потому что на длинной каменной лестнице кофе расплескался.

— Его светлость шлёт тебе свои наилучшие пожелания и извинения, — усмехнулся Престон, — и мне велено сообщить тебе, что, если захочешь, он велит приготовить для тебя горячую ванну в чёрно-белой комнате. А когда будешь готова, барон... новый барон хотел бы переговорить с тобой в своём кабинете.

Ванна — это чудесно, но Тиффани знала, что на ванну времени у неё просто нет. Кроме того, даже для ванны, наполненной далеко не доверху, бедные горничные должны втащить несколько тяжёлых вёдер вверх по четырём или пяти пролётам каменной лестницы. Нет, без ванны она обойдётся: ополоснётся по-быстрому из умывальника, как только возможность представится^[31]. А вот съесть яичницу с ветчиной она всегда готова. Подбирая с тарелки остатки, девушка мысленно взяла на заметку: если сегодня — её день, который проходит под девизом «будьте милы с Тиффани», надо будет чуть позже спросить насчёт добавки.

Ведьмы любят ковать благодарность, пока горячо. А то ведь спустя день-другой люди становятся немного забывчивыми. Престон не сводил с Тиффани глаз (судя по выражению его лица, ему самому на завтрак досталась лишь подсоленная овсянка), а когда она доела, осторожно напомнил:

— А теперь ты заглянешь к барону?

«Он за меня тревожится», — подумала Тиффани. А вслух сказала:

— Сначала я бы хотела заглянуть к *старому* барону.

— Но он же мёртв, — обеспокоенно напомнил Престон.

— Ну, это хоть как-то успокаивает, — откликнулась Тиффани. — Представляешь, какой конфуз вышел бы, если б он взял да ожил. — Девушка улыбнулась его замешательству. — Завтра — похороны, поэтому мне следует зайти к нему сегодня, Престон, причём прямо сейчас. Ладно? Прямо сейчас старый барон важнее его сына.

Шагая к усыпальнице, Тиффани ощущала на себе любопытные взгляды. Престону, чтобы не отстать от неё, приходилось почти бежать, громыхая сапогами по длинной лестнице. Она не могла не посочувствовать стражнику — он всегда держался с ней уважительно и по-доброму, — но пусть никто и думать не смеет, будто её ведут куда-то под конвоем. Хватит такого! Люди смотрели на неё скорее испуганно, нежели злобно, но добрый ли это знак, Тиффани не знала.

На последней ступеньке девушка перевела дух. Пахло там, как обычно пахнет в усыпальницах: стылой сыростью и немного картошкой. Тиффани улыбнулась краем губ, словно поздравляя саму себя. Барон мирно лежал, скрестив на груди руки, в той же позе, в какой она его оставила, и казался спящим.

— Люди решили, я тут ведьмовством занималась, так, Престон? — спросила она.

— Ходили слухи, что да, госпожа.

— Что ж, так оно и было. Бабушка учила тебя, как позаботиться о мёртвых, верно? Ты и без меня знаешь: мёртвому не след задерживаться в земле живых. Погода стоит тёплая, а лето было жарким, и камни, обычно ледяные словно могила, не остыли как надо. Так что, Престон, ступай принеси мне два ведра воды, будь так добр. — Стражник умчался, а она тихонько присела на край каменной плиты.

Земля, и соль, и две монеты для перевозчика — всё то, что ты отдаёшь мёртвым, а потом бдишь и прислушиваешься, точно мать у колыбели новорождённого младенца...

Престон вернулся с двумя огромными вёдрами, и, как с удовольствием

отметила Тиффани, воду он почти не расплескал. Юноша быстро поставил вёдра на пол и повернулся, чтобы уйти.

— Нет, Престон, останься, — приказала Тиффани. — Я хочу показать тебе, что я делаю, и, если тебя спросят об этом, ты сможешь рассказать правду.

Стражник молча кивнул. Тиффани не уставала ему поражаться. Она поставила одно из вёдер рядом с плитой, опустилась на колени, погрузила одну руку в ледяную воду, другую прижала к камню и прошептала про себя: «Главное — равновесие».

Ей пришла на помощь ярость. Просто диву даёшься, сколько пользы от ярости, если приберечь её до того часа, когда она на что-нибудь да сгодится, — в точности так, как Тиффани объясняла Летиции. Молодой стражник ахнул: над ведром за клубился пар, а потом вода закипела.

Престон вскочил на ноги.

— Я всё понял, госпожа! Я унесу ведро с кипятком и принесу другое, с холодной водой, ага?

Прежде чем в усыпальнице повеяло зимним холодом, понадобилось опорожнить целых три ведра с кипятком. Тиффани поднималась по лестнице, чуть ли не стуча зубами.

— Моя бабушка многое отдала бы за такое умение, — прошептал Престон. — Она всегда говорила, что мёртвые жары не любят. Ты влила в камни холод, да?

— Вообще-то я забрала тепло из камня и воздуха и переместила его в ведро с водой, — объяснила Тиффани. — Это не совсем магия. Это просто... навык. Для этого надо быть ведьмой, вот и всё.

Престон вздохнул.

— Я лечил бабулиных кур от закупорки зоба: вскрывал курицу, вычищал всё лишнее и зашивал её снова. Ни одна курица не погибла. А потом ещё маминога пса телега переехала. Я всё собрал и затолкал в него обратно, подлатал беднягу — и он теперь жив-здоров, вот только ногу его я спасти не смог. Но я вырезал ему деревянный костыль, закрепил на кожаных ремешках, все дела, так он до сих пор за телегами носится!

Тиффани постаралась, чтобы голос её звучал не слишком скептически.

— Резать кур, чтобы вылечить закупорку зоба, бесполезно, — возразила она. — Я знаю одну поросычью ведьму, она и кур лечит, если надо, но у неё так никогда не получалось.

— Наверное, она просто не знает про кручёный корень, — бодро заявил Престон. — Если смешать его сок с блошиной мятой, всё в мгновение ока заживёт. Моя бабуля здорово в корешках разбиралась, она и

меня научила.

— Что ж, — отозвалась Тиффани, — если ты способен зашить желудок у курицы, так, наверное, даже разбитое сердце залатать сможешь. Слушай, Престон, а почему ты не пойдёшь учиться на доктора?

К тому времени они уже стояли у баронского кабинета. Престон постучал в дверь и открыл её, пропуская Тиффани внутрь.

— Вся беда в том, что доктору после имени надо такие особые буквы ставить, — прошептал он. — И эти буквы ужасно дороги. Ведьмовству, может, и бесплатно учат, госпожа, а вот если буквы нужны, так гони монету!

Тиффани вошла: Роланд стоял лицом к двери, и рот его был битком набит проговорками, что сталкивались друг с другом в отчаянных попытках не прозвучать вслух. Однако ему удалось-таки произнести:

— Эгм, госпожа Болен... то есть Тиффани, моя невеста уверяет меня, что мы все стали жертвами магического заговора, направленного против вашей достойной особы. Я надеюсь, вы простите нам это недоразумение; надеюсь, мы не причинили вам слишком серьёзных неудобств, и позволю себе отметить, что меня отчасти утешает тот факт, что вам явно удалось без труда выбраться из нашей небольшой темницы. Эгм...

Тиффани хотелось заорать: «Роланд, ты разве не помнишь, как мы познакомились? Мне было четыре годика, а тебе семь, и мы бегали в одних рубашонках и играли в пыли? Ты мне был куда больше по душе, когда не изъяснялся, как какой-нибудь старик-стряпчий, которому словно метлу в зад воткнули. Можно подумать, ты тут перед народным собранием выступаешь». Но вместо того она просто спросила:

— Летиция тебе всё рассказала, да?

Роланд явно сконфузился.

— Я подозреваю, что рассказала она мне далеко не всё, но она была очень откровенна. Более того, чрезвычайно эмоциональна. — Тиффани сдержала улыбку: судя по виду бедняги, он начинал понемногу понимать суровую реальность семейной жизни. Роланд откашлялся. — Она говорит, мы стали жертвами некоего магического недуга, который в настоящий момент заточен в книге в Кипсек-холле? — В конце фразы явно прозвучал вопрос. Не приходилось удивляться, что Роланд сбит с толку.

— Да, это так.

— И... по всей видимости, теперь всё в порядке, потому что она вытащила твою голову из ведра с песком. — На этом месте Роланд совершенно запутался, и Тиффани его не винила.

— Пожалуй, здесь в рассказ вкрались некоторые неточности, —

дипломатично отвечала она.

— А ещё Летиция сказала мне, что намерена стать ведьмой. — На этом месте Роланд слегка пригорюнился. Тиффани ему посочувствовала, но не слишком.

— Ну, мне кажется, врождённые способности у неё есть. А уж станет ли она их развивать, зависит только от неё.

— Прямо и не знаю, что скажет её мать.

Тиффани расхохоталась.

— Ну, ты можешь сообщить герцогине, что королева Маграт Ланкрская — ведьма. Это ни для кого не секрет. Безусловно, королевские обязанности для неё на первом месте, но что до зелий и снадобий, здесь ей равных нет.

— *Правда?* — поразился Роланд. — Король и королева Ланкра милостиво соизволили принять наше приглашение на свадьбу.

Тиффани прямо-таки читала его мысли. В этой причудливой шахматной партии под названием «знатность и титулы» настоящая, живая королева — самая сильная фигура, так что герцогине придётся низко присесть перед нею в реверансе до тех пор, пока в коленках не щёлкнет. Тиффани уловила проговорку: «Как это, признаться, прискорбно!» Удивительное дело, Роланд даже в мыслях соблюдал осторожность. Однако короткой усмешки он не сдержал.

— Твой отец вручил мне пятнадцать анк-морпоркских долларов чистым золотом. Это был подарок. Ты мне веришь?

Поймав её взгляд, Роланд не задержался с ответом: — Да!

— Отлично, — кивнула Тиффани. — Тогда выясни, куда делась сиделка.

Но какая-то небольшая часть метлы, по-видимому, всё ещё торчала в Роландовой заднице, когда он уточнил:

— Как думаешь, отец вполне понимал ценность своего подарка?

— Голова у него была ясная как день вплоть до самого конца, и ты об этом знаешь. Ты можешь доверить ему точно так же, как и мне, так что поверь мне сейчас, когда я говорю тебе: *мы с тобой сыграем свадьбу.*

Тиффани в испуге прикрыла рот ладонью, но поздно. Откуда пришли эти слова? Роланд потрясённо глядел на неё, и ровно те же чувства обуревали и её саму.

Роланд заговорил первым — громко и решительно разгоня тишину:

— Я не вполне расслышал, что ты сейчас сказала, Тиффани... Должно быть, ты так много работала в последнее время, что усталость взяла верх. Думаю, мы все почувствуем себя куда счастливее, если будем знать, что ты

как следует отдохнула. Я... люблю Летицию, ты же знаешь. Она не слишком, ну, сложная натура, но я ради неё всё что угодно сделаю. Когда она счастлива, счастлив и я. Я ведь, по большому счёту, не очень-то привык быть счастливым. — По щеке его поползла слеза, и Тиффани машинально протянула ему относительно чистый платок. Роланд взял его и попытался высморкаться, рассмеяться и заплакать одновременно. — А к тебе, Тиффани, я привязан — очень, очень привязан... но у тебя же всегда в запасе носовые платки для всего мира. Вот ты — умная. Нет, не качай головой. Ты — умная. Я помню, однажды, когда мы были моложе, тебя завораживало слово «ономатопея». Ну, звукоподражание, когда название или слово создаётся на основе звука, как, скажем, «кукушка», или «жужжать», или...

— «Звякать» и «бряцать»? — подхватила Тиффани, не удержавшись.

— Да, точно, и я помню, как ты говорила, будто «будни» — это звук, который издаёт скука, потому что звучит слово так, словно усталая муха с гудением бьётся в закрытое окно старой мансарды раскалённо-жарким летним днём. А я ещё подумал: ничего не понимаю! Для меня это всё бессмыслица, но я знаю, ты — умница, ты видишь смысл. Наверное, для этого голова должна быть особым образом устроена. Нужен особый склад ума. А у меня голова не такая.

— А как звучит доброта? — спросила Тиффани.

— Я знаю, что *такое* доброта, но даже вообразить не могу, чтобы она издавала какой-то звук. Ну вот, опять ты за своё! Ну не приспособлена моя голова к миру, где доброта звучит как-то по-особенному. В моём мире дважды два — четыре. Твой мир наверняка ужасно интересный, и я тебе чертовски завидую. Но мне кажется, Летицию я понимаю. Летиция проста, если ты понимаешь, о чём я.

«Девушка, которая однажды между делом, походя, экзорцировала из уборной шумное привидение, — это она-то проста? — подумала Тиффани. — Ну, удачи вам, сэр». Но вслух она не возразила, а, напротив, согласилась:

— Мне кажется, Роланд, вы замечательно друг другу подходите.

К её изумлению, Роланд облегчённо выдохнул и снова вернулся за рабочий стол: так солдат прячется за зубчатой стеной.

— Нынче днём придут гости из самых отдалённых краёв: приедут они на похороны, но кое-кто останется и на свадьбу. По счастливому стечению обстоятельств, — это опять рукоять от метлы выглянула, — тут будет проездом пастор Яйц: он любезно согласился сказать несколько добрых слов над телом моего отца, и он же останется у нас в гостях, чтобы

совершить свадебный обряд. Он — приверженец некоей современной омнианской секты. Моя будущая тёща одобряет омнианство, но, к сожалению, не эту конкретную секту, так что у нас тут ощущается некоторая натянутость. — Роланд закатил глаза. — Кроме того, я так понимаю, он только-только из города, а тут, как ты сама знаешь, городских проповедников не слишком жалуют^[32].

Я сочту это за большое одолжение, Тиффани, если в эти непростые дни ты сможешь предотвратить разные трудности и трения, особенно оккультной природы. Ну, пожалуйста! Хватит с нас сплетен и слухов.

Тиффани, всё ещё красная после своих странных слов, кивнула и с трудом выдавила:

— Послушай, насчёт того, что я только что сказала, я не...

Роланд предостерегающе поднял руку:

— Сейчас непростое время для всех нас: мы все растеряны и сбиты с толку. Времена свадеб и время похорон здорово изматывают нервы всем, кроме как в случае похорон герою дня, если можно так выразиться, — произнёс он. — Неудивительно, что с ними связано столько суеверий. Давай же просто сохранять спокойствие и соблюдать осторожность. Мне очень приятно, что Летиция к тебе привязалась. Думаю, у неё не так уж много подруг. А теперь прошу меня извинить, у меня ещё очень много дел.

Тиффани вышла за дверь: собственный голос эхом гремел в её голове. Что она такое ляпнула насчёт их с Роландом свадьбы? Да, она всегда думала, что они поженятся. Ну хорошо, она думала, что они поженятся, когда была немного моложе, но ведь это в прошлом, так? Да, безусловно! И внезапно брякнуть такую несусветную, сентиментальную глупость — до чего стыдно-то!

Так, а куда теперь? Что ж, хлопот, как всегда, невпроворот. Нуждающимся конца-края нет. Тиффани уже дошла до середины зала, когда её догнала одна из горничных и нервно сообщила, что госпожа Летиция просит зайти к ней.

Девушка сидела на постели, комкая в руках платок — на сей раз чистый, с удовольствием отметила про себя Тиффани, — и вид у неё был озабоченный. Ну то есть более озабоченный, чем всегда: обычно она изрядно смахивала на хомячка, у которого внезапно остановилось беговое колесо.

— Спасибо большое, что зашла, Тиффани, ты такая добрая. Можно поговорить с тобой наедине? — Тиффани оглянулась: в комнате никого, кроме них, не было. — Конфиденциально, — пояснила Летиция и снова затеребила платочек.

«Подруг-ровесниц у неё мало, — думала про себя Тиффани. — Держу пари, с деревенскими детьми ей играть не позволяли. Почти нигде не бывает. Через несколько дней — свадьба. Ой, мамочки! Догадаться, о чём пойдёт речь, несложно. Хромая черепаха и та поспешила бы с выводами. А взять Роланда. Бедняга побывал в плену у Королевы эльфов и прожил в её пакостной стране целую вечность, не делаясь старше. Его тиранили тётки, он весь извёлся от беспокойства о старом и больном отце, и он привык вести себя так, будто на самом деле он двадцатью годами старше. Ой, мамочки».

— Чем я могу помочь? — бодро спросила она.

Летиция откашлялась.

— После свадьбы у нас будет медовый месяц, — промолвила она, трогательно зарумянившись. — А что в точности при этом происходит? — Последние несколько слов она пробормотала едва разборчиво.

— А у тебя разве... тётушек нет? — спросила Тиффани. Обычно в таких случаях на помощь приходят тётушки. Летиция покачала головой. — А с матерью ты не пыталась разговаривать? — подступила Тиффани с другого конца, и Летиция покраснела, как варёный омар.

— А ты бы стала говорить о таких вещах с *моей* матерью?

— Понимаю. Ну, если не вдаваться в тонкости, и я не то чтобы специалист в таких вещах... — На самом-то деле специалистом она как раз была^[33]. Ведьма не может не быть специалистом в том, что касается появления людей на свет; к двенадцати годам старшие ведьмы доверили ей самостоятельно принимать роды. Кроме того, она ещё совсем маленькой помогала при окоте овец. В таких делах сама природа подскажет, как говаривала нянюшка Ягг, хотя природа не настолько разговорлива, как можно ожидать. Тиффани вспомнила господина и госпожу Короб: у этих почтенных людей народилось три ребёнка подряд, прежде чем они сообразили, что тому причиной. После того Тиффани всегда находила время потолковать по душам с девушками определённого возраста — просто на всякий случай.

Летиция слушала так внимательно, словно собиралась подробно законспектировать лекцию и, возможно, подготовиться к пятничному зачёту. Вопросов она не задавала, и лишь когда Тиффани дошла до середины, девушка уточнила:

— Ты уверена?

— Да. Совершенно уверена.

— Ну, эгм, вроде бы всё не так сложно. Наверное, мальчики в таких вещах хорошо разбираются... Почему ты смеёшься?

— Это спорный вопрос, — отозвалась Тиффани.

— *Ага, я тебя вижу, я вижу тебя, ты, мерзость, ты, чума, ты, зловредное отродье!*

Тиффани заглянула в зеркало Летиции — огромное зеркало в окружении множества толстеньких золотых херувимов, которые того гляди простудятся насмерть. В нём отражалась Летиция, а ещё — смутно различимое, безглазое лицо Лукавца. Силуэт Лукавца проступал всё отчётливее. Тиффани никак не отреагировала. Она твёрдо знала, что это так. Она ни за что ему не ответит. «А я-то про него почти забыла. Не отвечай. Не позволяй ему до тебя добраться!»

Тиффани изобразила улыбку, когда Летиция повытаскивала из коробок и сундуков своё так называемое приданое: похоже, здесь сосредоточился весь мировой запас рюшечек. Молодая ведьма попыталась думать только о нарядах, заполнить сознание рюшечками и как-нибудь вытеснить слова, изливающиеся из *него*. Те, которые она понимала, были отвратительны; те, которых не понимала, — ещё хуже. Невзирая ни на что, скрипучий сдавленный голос снова пробился сквозь преграду:

— *Ты думаешь, ведьма, что тебе повезло. И надеешься, что повезёт снова. Но ты нуждаешься в сне. А я никогда не сплю. Тебе должно повезти снова и снова. А мне — только раз. Только один-един-ственный раз, и ты... сгорись.* — После скрипучей, царапающей, кашляющей ругани последнее слово прозвучало тихо и почти мягко. И оттого ещё страшнее.

— А знаешь, — размышляла Летиция, задумчиво глядя на какой-то предмет туалета, который Тиффани в жизни не смогла бы себе позволить. — Мне, конечно, ужасно хочется стать хозяйкой этого замка, но, должна сказать, здешняя канализационная система никуда не годится. Тут пахнет так, словно её от сотворения мира не чистили. Право слово, можно подумать, тут ещё доисторические монстры нагадили.

Итак, она его чувствует, думала Тиффани. Она действительно ведьма. Ведьма, которой необходимо пройти обучение, иначе она будет представлять опасность для всех, и не в последнюю очередь для себя самой. А Летиция всё щебетала и щебетала — другого слова просто не подберёшь. Всё ещё пытаюсь одолеть голос Лукавца одним усилием воли, Тиффани спросила вслух:

— Почему?

— О, просто мне кажется, бантики смотрятся куда милее пуговичек, — объяснила Летиция, демонстрируя роскошную ночную сорочку и в очередной раз напоминая Тиффани о том, что денег у ведьм не водится.

— *Ты уже горела, горел и я!* — прокаркал голос в её голове. — *Но на*

сей раз ты меня с собой не утащишь! Это я заберу тебя и всю твою злокозненную клику!!!!

Тиффани казалось, она восклицательные знаки вживую видит. Знаки кричали за него, даже когда сам он говорил тихо. Они подпрыгивали и полосовали его слова. Она словно наяву видела его искажённое лицо, грозный палец, вопящий рот и разлетающиеся брызги слюны — плевки жидкой ненависти, пятнающие воздух в зеркале.

Повезло Летиции, что она его пока не слышит. Ну да ум её занят рюшечками, колокольчиками, рисом и предвкушением свадебных торжеств, в которых ей предстоит сыграть главную роль. Даже Лукавцу сквозь такую преграду не пробиться.

— Не твой случай, — с трудом выговорила она. А некая часть её сознания всё твердила: *«Никаких глаз. Вообще никаких. Два туннеля в голове»*.

— Да, наверное, ты права. Пожалуй, лавандово-лиловый пойдёт мне больше, — согласилась Летиция. — Хотя меня всегда уверяли, что мой цвет — это *eau-de-nil**. Кстати, а могу я хоть сколько-нибудь загладить свою вину перед тобой, назначив тебя главной подружкой невесты? Разумеется, у меня полным-полно маленьких кузиночек, которые, как я понимаю, вот уже две недели как примеряют платьица невестиных подружек.

Тиффани глядела в никуда — или, точнее, в два провала в никуда. Прямо сейчас они занимали главное место в её сознании, и всё было достаточно плохо и без того, чтобы добавлять в эту мешанину ещё и маленьких кузиночек.

— Боюсь, ведьмы — неподходящий материал для подружек невесты, но всё равно спасибо, — поблагодарила она.

— *Подружки невесты? Свадьба?*

У Тиффани упало сердце. Что же ей делать? Она выбежала из комнаты, чтобы чёрный человек не успел узнать больше. Как он ведёт розыски? Что вынюхивает? Не подсказали ли они ему ненароком нечто важное? Тиффани со всех ног кинулась в подземелье: прямо сейчас оно казалось надёжным убежищем.

Вот и книга, подаренная Летицией. Тиффани открыла её и углубилась в чтение. В горах она научилась читать быстро, ведь там книгами можно разжиться только у странствующих библиотекарей, а если не вернёшь книгу в срок, тебя оштрафуют на лишней пенни — сумма весьма значительная, когда твоя обычная денежная единица — это старый башмак.

В книге рассказывалось про окна. Не про обычные окна, хотя

встречались и такие. Про окна, за которыми скрывается... разное: порою даже чудовища. Картина, страница книги, порой даже лужица в нужном месте могут оказаться окном. Тиффани снова вспомнила гадкого гоблина в старой книге сказок: иногда он смеялся, а иногда только ухмылялся. Совершенно точно, всё так и было. Менялся он самую малость, но — менялся. А ты всегда гадала: неужели так и было в прошлый раз? Может, я просто не запомнила?

Книга шуршала в руках Тиффани, точно голодная белка, проснувшаяся в дупле, битком набитом орехами. Автор был волшебником, причём весьма многословным, но книга всё равно читалась взахлёб. Случалось, что люди входили в картину, случалось, что и выходили. Окна — это способ попасть из одного мира в другой; окном может послужить всё, что угодно, и что угодно может оказаться новым миром. Девушка слышала, что признак хорошей картины — это когда взгляд изображённого на ней человека следует за тобою по всей комнате, но, если верить книге, взгляд этот вполне может последовать за тобой и домой, и в спальню — об этом Тиффани прямо сейчас задумываться не хотелось. Будучи волшебником, автор пытался объяснить свою мысль с помощью графиков и таблиц, но помощи от них было немного.

Лукавец бежал к ней из книги; но наружу выбраться не успел — книга захлопнулась. Тиффани даже пальцы его разглядела, когда плита пресса обрушилась вниз. «Но его, конечно же, не расплющило внутри тяжёлого тома, — размышляла девушка, — потому что он же на самом деле вовсе не внутри книги, разве что в некоем магическом смысле; он ведь находит меня и другими способами. Но какими?» Прямо сейчас утомительная повседневная возня с переломами ног, расстройствами желудка и вросшими ногтями вдруг показалась ей весьма привлекательной. Тиффани всегда объясняла людям, что в этом-то ведьмовство и состоит, и да, так оно и было — вплоть до того момента, как из ниоткуда выпрыгнет что-нибудь жуткое. Тогда припарками да примочками не отделаешься.

Сверху спланировала соломинка и упала на страницу.

— Да выходите уже, тут никого, кроме меня, нет, — промолвила Тиффани. — Вы ведь тут, правда?

У самого её уха раздался голос:

— Ах-ха, мы туточки.

И отовсюду — из-за кип соломы, из-за паутины, из-за полок с яблоками, и коз, и друг из-за друга, появились маленькие человечки.

— Ты ведь Чокнутый Крошка Артур, так?

— Ах-ха, госпожа, точнякс. Должен тебе конфузно признаться, что

Явор Заядло воскладывает на меня огромное доверие, потому что я ж полицейской, а Явор вроде как тумкает, что ежели иметь делов с верзунами, так полицейской на них ещё больше страху нагонит. Притом я ж поверзунски толковать могу! Сам-то Роб, знатца, сейчас всё больше у кургана дозорит. Не верит он, что барон не притопаёт туда с лопатинами.

— Я позабочусь о том, чтобы ничего подобного не случилось, — твёрдо заверила Тиффани. — Это просто недоразумение вышло.

Но Чокнутого Крошку Артура она не убедила.

— Рад услышать, госпожа, и Большой Человек тож порадствуется, потому что я тебе так сказану: как только первая Лопатина воткнётся в курган, ни единой живой души в замке не останется и великий плач подымут женщины, за исключением присутствующих. — Фигли дружно загомонили, обсуждая богатую тему смертоубийства применительно к тем, кто хоть пальцем тронет курган Фиглей, и все до одного заранее страшно сожалели о том, что будут вынуждены совершить.

— Это усё штанность, — промолвил Мал-Потощей-Чем-Жирён-Джок Джок. — Как только Фигль занырнёт верзуну в штанность, так для верзуна тяжеленные испытания и невзгоды, считай, только начавкались.

— Ах-ха, то пробьёт для них час прыгсов и скоксов, — заверил Мал Белобрыс Джок.

— А когда Фигли в последний раз сражались с верзунами? — спросила потрясённая Тиффани.

Фигли, посовещавшись между собой, объявили таким последним разом Битву при Мусорной Куче, когда, по словам Мал Белобрыса Джока:

— Испокон веков не бывало такого крику, и метаний тудыть-сюдыть, и ноготопсов, и прежалостных рыданий, подобных каких прежде не слыхивали, равно как и неделикатного хихиканья дамсов, когда мужи, разоблачаясь, срывали с себя штанья, враз с оными штаньями раздружившись, ежели ты бум-бум, про чё я.

Тиффани, внимавшая рассказу с открытым ртом, сообразила закрыть его и, открыв снова, любопытствовала:

— А доводилось ли Фиглям когда-либо убивать человека?

Фигли смущённо отводили глаза, шаркали ногами и почёсывали в головах, причём, как всегда, во все стороны летели насекомые, огрызки еды, интересные камушки и прочие странные предметы. Наконец молчание нарушил Чокнутый Крошка Артур:

— Как я, госпожа, есть Фигль, каковский лишь намедни узнал, что он никакой не волшебенный башмачник, я не постыжусь сказануть, что я взаправду потолковал со своими новыми братьями и прознал, что, когда

они живали далеко в горах, им и впрямь приходилось иной раз дракаться с человеками, когда те притопывали копать волшебенно золото, и раз приключнулася страх-шен-ная битва, и воистину, те злодейцы, у которых мозговьев не хватило драпс-драпс, те, видать, вместе со всеми мозговьями и кирдыкснулись. — Он кашлянул. — Однако ж в защиту моих новых братьев я должен особисто оговорить, что они всегда старались уравнивать шансы по честноте и справедливости, то есть по одному Фиглю на каждый десяток человеков. Честнотнее не бывает! И не их вина, что некоторые человеки вздумали самоубивственно покончить с жизнёй.

Уловив в глазах Чокнутого Крошки Артура характерный блеск, Тиффани на всякий случай уточнила:

— И как же именно они совершили самоубийство?

Фигль-полицейский пожал крохотными, но широкими плечами.

— Они пришлындрили с лопатами к кургану Фиглей, госпожа. Я — слуга закона, госпожа. Я в жизни не зырил кургана, покуды не познакомился с этими достойными господарями, и всё-таки у меня кровь вскипает, госпожа, вскипает, и бурлит, и бульбулькает. Тяжко тудумкает сердце моё, учащается пульс мой, ходит ходуном моё грызло, точно драконья дыхалка, при одной только мысли о том, как лопата из светлой стали впивается в глину Фиглевого холма, и крушит, и кромсает, и режет. Я бы убил того, кто это сделал, госпожа. Я бы убил его до смерти и гналса за ним через всю его следующую жизнь, чтобы убить ещё раз, и снова, и вдругорядь, и ещё один рядь, ибо всем грехам грех — истребить целый народ, и только одной лишь смертью его не искупишь. Однако ж, как я есть вышепоозначенный слуга закона, я очень надёжусь, что нынешнее недоразуменье поразрешится без прибегания к повальной резне и кровопроливанию, и не возникнет нужды в криках, стенаниях и рыданиях, и не придётся человеков по кускам пригвоздывывать к деревьям, как того вовеки не зырили, дыкс? — И Чокнутый Крошка Артур, держа обычную полицейскую бляху на манер щита, воззрился на Тиффани потрясённо и вместе с тем вызывающе.

Но Тиффани была ведьмой.

— Я скажу тебе кое-что, Чокнутый Крошка Артур, — промолвила она, — а ты должен меня понять. Ты вернулся домой, Чокнутый Крошка Артур.

Бляха выпала из крохотной руки.

— Ах-ха, госпожа, теперь я понял. Стражникс не должен грить тех словес, каковские я только что брякнул. Стражникс должен толковать про судей, и присяжных, и тюрьмы, и приговоры, а ещё должен грить «нет»

самосудничеству. Так что я сдам свою бляху, точнякс, и останусь тута, в своём народе, хотя, должен уточнить, ги-гиеньи стандарты поблюду всяко получшее.

Толпа Фиглей разразилась аплодисментами, хотя Тиффани отнюдь не была уверена, что они в большинстве своём понимают концепцию гигиены — или, если на то пошло, концепцию соблюдения закона.

— Я даю тебе слово, что к кургану больше никто не притронется, — проговорила Тиффани. — Я за этим пригляжу, ясно?

— Дыкс, ладно, — чуть не плача, отозвался Чокнутый Крошка Артур, — это всё очень даже хорошенно, госпожа, но что приключнётся за твоей спиной, пока ты лётаешь над холмами тудыть-сюдыть по своим важнецким делищам? Что приключнётся тогда?

Все взгляды обратились на Тиффани, включая козьи. Ведьма давно уже такого не делала, потому что считала дурным тоном, но теперь она схватила Чокнутого Крошку Артура и подняла на уровень глаз.

— Я — карга холмов, — произнесла она. — И я клянусь тебе и всем прочим Фиглям, что дому Фиглей никогда больше не станут грозить холодным железом. Я никогда не повернусь к дому Фиглей спиной: он всегда пребудет у меня перед глазами. И пока это так, никто из живущих ныне не прикоснётся к нему, если хочет и далее пребывать в числе ныне живущих. А если я не сдержу слова, данного Фиглям, да протащат меня через семь кругов ада на метле из острых гвоздей.

Строго говоря, признавала про себя молодая ведьма, это всё по большей части пустые угрозы, но Фигли считали, что клятва — это не клятва, если в ней маловато грома, молнии, похвальбы и кровищи. Кровь каким-то образом помогала клятву узаконить. «Я позабочусь о том, чтобы к холму никто больше не прикасался, — думала Тиффани. — Теперь Роланд мне ни за что не откажет. Кроме того, у меня есть тайное оружие: доверие и симпатия юной леди, которая вот-вот станет его женой. В подобных обстоятельствах у мужчины просто нет шансов».

Вполне успокоенный, Чокнутый Крошка Артур радостно заявил:

— Хорошенно сказано, госпожа, и могу ли я, воспользовавшись случаем, от имени моих новых друзей и родичей поблагодарствовать тебя за то, что растолковала всё в детальности насчёт свадебных женихательств? Было оченно интересно, особисто тем из нас, кто в таких делах не бумбумс. Кой-кто гадал, а нельзя ли вопросы поспрошать.

Когда тебе угрожает призрачный ужас — хорошего мало, но отчего-то мысль о Нак-мак-Фиглях, расспрашивающих о подробностях супружеской жизни, вдруг показалась ещё страшнее. И нет смысла объяснять, почему

она ничего объяснять не станет; Тиффани просто сказала «нет» голосом, в котором звучала сталь, и очень осторожно поставила Артура на землю. И добавила:

— Вам не следовало подслушивать.

— Почему нет? — удивился Туп Вулли.

— Потому что! Объяснять я ничего не буду. Просто — не следовало, и всё тут. А теперь, господа, мне бы хотелось заняться своими делами, если не возражаете.

Конечно же, несколько Фиглей за нею всё равно увяжутся, подумала про себя Тиффани. Они всегда за ней приглядывают. Девушка снова поднялась в парадный зал и уселась поближе к громадному очагу. Даже поздним летом здесь царил холод. Повсюду, утепляя собою стылый камень стен, висели гобелены. Самые обыкновенные, как везде: одни воины в доспехах грозили другим воинам в доспехах мечами, луками и секирами. Учитывая, что битва — дело шумное и быстрое, храбрецам, по-видимому, приходилось каждые две минуты прекращать бой, чтобы дамы-гобеленщицы успевали запечатлеть их подвиги. Тот, что висел у самого очага, Тиффани знала наизусть. Да и все дети знали. Историю изучаешь по гобеленам, если найдётся рядом какой-нибудь старик, чтобы объяснить происходящее. Но в целом, когда она была совсем маленькой, ей куда больше нравилось сочинять истории про разных рыцарей, вот, например, про того, который бежит со всех ног, пытаясь догнать своего коня, или вот про этого, которого конь сбросил, а поскольку шлем на нём заострённый, теперь бедолага торчит вверх ногами в земле, а даже в детстве все понимали: на поле битвы это положение незавидное. Все эти фигуры — что старые друзья, застывшие недвижно в войне, от которой в Меловых холмах не сохранилось даже названия.

И... внезапно появилась ещё одна фигура, фигура, которой прежде здесь не было: и этот человек бежал к Тиффани через всё поле битвы. Девушка неотрывно уставилась на него; тело её властно требовало выпастись, причём немедленно, а бодрствующие частички мозга настаивали: сделай хоть что-нибудь! Рука её выхватила тлеющее полено, лежащее у границы огня, и, нацелившись, занесла над гобеленом.

Ткань совсем обветшала от старости. Она вспыхнет, как сухая стерня.

Теперь чёрный человек ступал осторожно. Девушка пока что не различала деталей — да и не хотела. Рыцари на гобелене были вытканы без учёта перспективы: плоские, точно на детском рисунке.

А вот чёрный человек, сперва — всего-то навсего штрих на заднем плане — по мере приближения вырастал всё больше, и вот... Тиффани уже

рассмотрела его лицо и пустые глазницы: даже отсюда было видно, как меняется их цвет, когда он проходит мимо одного одоспешенного рыцаря, затем второго, третьего... а вот он снова побежал, он растёт... Уже потянуло воню... Сколько может стоять такой гобелен? Имеет ли она право его уничтожить? Теперь, когда эта тварь вот-вот из него выйдет? *О да, о да, имеет!*

То-то она порадовалась бы, будь она волшебником, — она приказала бы рыцарям дать последний бой!

То-то она порадовалась бы, будь она ведьмой, которая находится не здесь, а где-то в другом месте! Тиффани замахнулась потрескивающей головнёй и глянула прямо в дыры на месте глаз. Только ведьма попытается переглядеть взгляд, которого на самом деле не существует, и потому кажется, будто он вытягивает из твоей головы твои же собственные глазные яблоки.

Эти провалы в черепе завораживали... а теперь чёрный человек ещё и раскачивался из стороны в сторону, медленно, как змея.

— Пожалуйста, не надо.

Этого Тиффани не ожидала: голос звучал настойчиво, но вполне дружелюбно, и принадлежал он Эскарине Смит.

Подул холодный серебряный ветер.

Лёжа на спине, Тиффани глядела в белое небо; на краю видимости сухие травы подрагивали и шуршали на ветру, но, как ни странно, сразу за этим фрагментом сельского пейзажа обозначился громадный камин и сражающиеся рыцари.

— Нив коем случае не двигайся — это очень важно, — произнёс тот же голос за её спиной. — Место, где ты сейчас находишься, собрано, так сказать, на скорую руку только ради этого разговора: его не было до того, как ты здесь появилась, и оно перестанет быть в тот самый миг, когда ты его покинешь. Строго говоря, по стандартам большинства философских дисциплин, оно вообще не обладает бытием.

— То есть это *магическое* место, да? Как Объект Движимости?

— Очень разумная формулировка, — отозвался голос Эскарины. — Те из нас, кто о нём знает, называют его «передвижное настоящее». Это удобный способ поговорить наедине; как только оно схлопнется, ты окажешься в точности там, где была, и в той же самой временной точке. Понимаешь?

— Нет.

Эскарина присела в траву рядом.

— Вот и хорошо. Если бы понимала, был бы повод встревожиться. Ты,

знаешь ли, весьма необычная ведьма. Насколько я могу судить, у тебя — врождённый талант делать сыры; талант весьма завидный, надо признать. Миру нужны сыровары. Хороший сыровар ценится на вес, хм, сыра. То есть с талантом к ведьмовству ты не родилась.

Тиффани открыла было рот, чтобы ответить, ещё до того, как поняла, что именно скажет, — ну да среди людей это не редкость. Первым сквозь толчею вопросов пробился вот какой:

— Погодите-ка, я только что держала в руках горящую головню. Но теперь вы перенесли меня сюда, где бы это «сюда» ни находилось. Что произошло? — Девушка поглядела на огонь: языки пламени будто застыли в воздухе. — Меня заметят, — проговорила она и тут же, учитывая обстоятельства, добавила: — Правда?

— Ответ — «нет»; причина довольно запутанна. Передвижное настоящее — это... прирученное время. Время, которое на твоей стороне. Поверь, во Вселенной и не такие странности случаются. Прямо сейчас, Тиффани, мы на самом деле живём заёмным временем.

Языки пламени по-прежнему казались застывшими и словно бы холодными, но Тиффани ощущала тепло. А ещё она успела подумать:

— А когда я вернусь?

— Ничего не изменится, — заверила Эскарина, — кроме твоих мыслей, а в настоящий момент только это и имеет значение.

— И вы так расстарались только ради того, чтобы сообщить мне, что у меня нет таланта к ведьмовству? — напрямик спросила Тиффани. — Очень любезно с вашей стороны.

Эскарина рассмеялась. Её молодой смех до странности не сочетался с морщинами на лице. Тиффани в жизни не видела, чтобы старики выглядели так юно.

— Я сказала, что с талантом к ведьмовству ты не родилась; этот талант достался тебе непросто, ты вложила в него много труда, потому что тебе захотелось им обладать. Ты заставила мир отдать его тебе и о цене не задумывалась, а цена была, и есть, и всегда будет высока. Ты ведь слышала присловье: «выкопаешь яму — в награду получишь лопату побольше»?

— Да, — кивнула Тиффани. — Матушка Ветровоск так говорит.

— Она это присловье и придумала. Говорят, не ты находишь ведьмовство, оно само тебя находит. Но ты его нашла, пусть в ту пору и сама не знала, что ищешь, ты его нашла, и ухватила за шкуру, и заставила работать на себя.

— Это всё очень... *любопытно*, — проговорила Тиффани, — но у меня много дел.

— Только не в передвижном настоящем, — решительно возразила Эскарина. — Послушай, Лукавец снова тебя отыскал.

— Думаю, он прячется в картинках и книгах, — предположила Тиффани. — И в гобеленах. — Девушка передёрнулась.

— И в зеркалах, — добавила Эскарина, — и в лужах, и в отблеске света на осколке стекла или на лезвии ножа. Сколько способов ты можешь вообразить? Готова ли ты испугаться, и если да, то как сильно?

— Мне придётся дать ему бой, — проговорила Тиффани. — Мне кажется, я давно уже это знаю. Думаю, убежать от него невозможно. Он любит издеваться над своими жертвами, да? Он — хвастун и задира, он нападает только тогда, когда уверен в победе, так что мне надо каким-то образом оказаться сильнее его. Я наверняка что-нибудь придумаю: в конце концов, он немного смахивает на роителя. А с роителем я на самом деле легко справилась.

Эскарина не повышала голоса; но почему-то эта тихая речь производила больше шума, нежели самый громкий крик.

— Ты упорно отказываешься признать важность происходящего, Тиффани Болен, мастерица по сырам? Тебе дан шанс победить Лукавца, но если ты не справишься — ведьмовство погибнет и падёт вместе с тобой. Лукавец завладеет твоим телом, твоим знанием, твоими талантами и твоей душой. И ради твоего же блага — и ради блага всеобщего — ведьмы, твои сёстры, в кои-то веки позабудут о своих разногласиях и ввергнут вас обоих в небытие, пока ты не натворила новых бед. Ты понимаешь? Это очень важно! Ты *должна* сама себе помочь.

— Другие ведьмы меня убьют? — в ужасе переспросила Тиффани.

— Конечно. Ты — ведьма, и ты знаешь, что всегда говорит матушка Ветровоск: «Мы делаем то, что нужно, а не то, что приятно». Либо ты, либо он, Тиффани Болен. Проигравший умрёт. Что до Лукавца, к сожалению, он, скорее всего, снова объявится спустя несколько веков; что до тебя, тут я даже гадать не берусь.

— Погодите минутку, — встрепелась Тиффани. — Если ведьмы готовы сразиться с ним и со мной, почему бы тогда нам всем не объединить усилия и не сразиться с ним теперь же?

— О, запросто. И ты этого хочешь? Чего ты хочешь на самом деле, Тиффани Болен, здесь и сейчас? Выбор за тобой. Наверняка другие ведьмы хуже о тебе думать не станут. — Эскарина на мгновение замялась, а затем добавила: — Ну, то есть, наверное, они проявят снисхождение.

«Ведьма, которая бежала от испытания? — подумала Тиффани. — Ведьма, к которой проявляют снисхождение, потому что знают: она

недостаточно хороша? А если ты сама считаешь, что недостаточно хороша, тогда ты уже никакая не ведьма». А вслух она сказала:

— Я лучше умру, попытаюсь быть ведьмой, нежели останусь девчонкой, к которой все снисходительны.

— Госпожа Болен, ты демонстрируешь просто-таки греховную самонадеянность, непомерную гордыню и уверенность в себе, и да позволено мне будет заметить, что от ведьмы я меньшего и не ждала.

Мир чуть дрогнул — и изменился. Эскарина исчезла, пока слова её ещё оседали в сознании Тиффани. Перед ней снова возник гобелен, девушка всё ещё грозила ему тлеющей головнёй, но теперь уже — решительно. Ей казалось, воздух переполняет её и тащит вверх. Мир словно с ума сошёл, но она, по крайней мере, знала, что огонь, едва коснувшись сухого гобелена, сожжёт его, как солому.

— Я сожгу эту старую тряпку, ты и глазом моргнуть не успеешь, так и знай! Убирайся, откуда пришёл!

К вящему её удивлению, чёрная фигура отступила. Послышалось тихое шипение — и словно бы тяжкое бремя упало с плеч Тиффани, забирая с собою и вонь.

— Ну надо же, как интересно!

Тиффани стремительно обернулась. Перед ней маячила жизнерадостная усмешка Престона.

— А знаешь, я здорово встревожился, когда ты на пару мгновений словно одеревенела, — промолвил молодой стражник. — Я уж подумал, ты умерла. Я дотронулся до твоей руки — со всем моим уважением, никаких вольностей, — и на ощупь она была что воздух в грозовой день. Так что я понял: это дела ведьминские, и решил приглядеть за тобой; и тут ты вдруг стала грозить ни в чём не повинному гобелену уничтожить его в пламени!

Тиффани заворожённо смотрела в глаза юноши, точно в зеркало. Огонь, думала она. Огонь однажды уже убил Лукавца, и Лукавец об этом знает. Он к огню даже приближаться не станет. Разгадка — огонь. *Зайчиха бежит в огонь.* Гмммм.

— Вообще-то я огонь люблю, — заявил Престон. — Не думаю, что он мне враг.

— Что? — вздрогнула Тиффани.

— Боюсь, ты говорила сама с собой — едва слышно, себе под нос, — объяснил Престон. — И я даже не стану спрашивать, о чём речь. Бабуля всегда повторяла: «В дела ведьм не лезь — затрещину огребёшь».

Тиффани посмотрела на него — и решение пришло само собою.

— Ты умеешь хранить секреты?

Престон закивал:

— Разумеется! Например, я же никому не проболтался, что сержант пишет стихи.

— Престон, ты только что проболтался *мне!*

Престон ухмыльнулся.

— Да, но ведьма — это же не кто попало! Бабуля говорила, рассказать свой секрет ведьме — всё равно что со стенкой пошептаться.

— Ну да, пожалуй, — начала было Тиффани и умолкла. — А как ты узнал, что он пишет стихи?

— Да поди не узнай, — объяснил Престон. — Видишь ли, он пишет на страницах учётного журнала в караулке, вероятно, во время ночного дежурства. И предусмотрительно вырывает страницы: очень аккуратно, никто бы ничего и не заметил, но он так сильно давит на карандаш, что на следующем листе остаётся чёткий, разборчивый отпечаток.

— Значит, и остальные стражники тоже заметили? — предположила Тиффани.

Престон покачал головой, отчего безразмерный шлем слегка завращался.

— Да что ты, госпожа, ты ж их знаешь: их послушать, так чтение — это девчоночье занятие, настоящим мужчинам оно даром не сдалось. Как бы то ни было, если я прихожу в караулку пораньше, то на всякий случай нижний листок тоже вырываю, чтобы над сержантом никто не стал смеяться. Должен признать, для самоучки он поэт очень даже неплохой — прекрасно владеет метафорой. Все его стихи посвящены кому-то по имени Милли.

— Так это его жена, — объяснила Тиффани. — Ты наверняка её в деревне встречал: столько веснушек, как у неё, я в жизни не видела. Она очень из-за них переживает.

Престон кивнул.

— Должно быть, вот почему его последнее стиховорение называется «Нет красоты в беззвёздном небе»?

— А по его виду и не скажешь, правда?

Престон на миг задумался.

— Прости, Тиффани, но выглядишь ты неважно, — выпалил он. — На самом деле, не в обиду будь сказано, так просто ужасно. Если бы ты только поглядела на себя со стороны, то наверняка решила бы, что ты серьёзно больна. По-моему, что такое сон, ты давно забыла.

— Прошлой ночью я проспала никак не меньше часа. А позавчера днём чуть-чуть подремала! — возразила Тиффани.

— В самом деле? — строго осведомился Престон. — А если не считать сегодняшнего завтрака, когда ты в последний раз нормально ела?

Тиффани казалось, что её переполняет свет — отчего бы?

— Ну, вроде бы перекусила чем-то вчера...

— Ах вот как? — откликнулся Престон. — Подремала и перекусила, стало быть? Это, знаешь ли, не жизнь; так и умереть недолго!

Тиффани понимала: он прав. Но от этого становилось только хуже.

— Послушай, меня преследует чудовищная тварь, которая умеет полностью завладевать человеком, и мне предстоит с ней справиться!

Престон заинтересованно оглянулся.

— А мной она завладеть может?

«Отрава проникает туда, где ей рады, — подумала Тиффани. — Спасибо за полезную формулировку, госпожа Пруст».

— Нет, не думаю. Наверное, для этого нужен правильный человек — то есть на самом деле неправильный. Ну, знаешь, со склонностью ко злу.

Впервые на её памяти Престон встревожился.

— Стыдно признаться, но я за свою жизнь совершил несколько дурных поступков.

Тиффани улыбнулась, невзирая на накатившую усталость.

— И какой же из них был самым худшим?

— Я однажды стянул с прилавка коробку цветных карандашей, — вызывающе произнёс он, словно ожидая, что собеседница закричит или наставит на него обличающий перст.

Вместо того Тиффани покачала головой.

— И сколько тебе было лет?

— Шесть.

— Престон, я не думаю, что эта тварь вообще сумеет отыскать путь к тебе в голову. Помимо всего прочего, там, внутри, слишком тесно и уж больно сложно всё устроено.

— Госпожа Тиффани, тебе нужно отдохнуть, отдохнуть как следует в нормальной постели. Как ведьма может заботиться обо всех и каждом, если у неё не хватает здравомыслия позаботиться о себе самой? *Quis custodiet ipsos custodies?** Что означает: «Кто устережёт самих сторожей?» — продолжал Престон. — Так кто ведает ведьм? Кто приглядит за теми, кто приглядывает за другими людьми? Прямо сейчас, похоже, это буду я.

И Тиффани сдалась.

Госпожа Пруст поспешала к тёмной и мрачной громаде Таити. Город укутывал плотный, как портьеры, туман, но клубящееся марево услужливо расступалось при её приближении и снова смыкалось за её спиной.

В главных воротах, с фонарём в руке, ждал надзиратель.

— Простите, госпожа, но мы думали, вам стоит на это посмотреть, прежде чем начнётся официальное дознание. Я знаю, прямо сейчас ведьмы не слишком популярны, но мы всегда считали вас членом семьи, если понимаете, о чём я. Все помнят вашего отца — какой был мастер! Мог вздёрнуть человека за семь секунд с четвертью! Не знал себе равных. Таких, как он, свет уже не увидит. — Надзиратель посерьёзней. — И да позволено мне будет заметить, госпожа, я надеюсь никогда больше не увидеть того, что сейчас увидите вы.

Нас всех здорово пришибло, скажу как на духу. Это явно по вашей части.

Войдя в тюремную канцелярию, госпожа Пруст отряхнула плащ от дождевых капель. В воздухе отчётливо пахло страхом. Откуда-то издалека доносились звон, и лязг, и вопли, как оно обычно бывает, когда в тюрьме что-то случилось, ведь тюрьма по определению битком набита людьми, так что все страхи, ненависть, тревога, ужас и слухи — все сидят друг на дружке, задыхаясь от тесноты. Госпожа Пруст повесила плащ на гвоздь у двери и потёрла руки.

— Ваш паренёк говорил что-то насчёт побега?

— Крыло «Д», — сообщил надзиратель. — Макинтош. Помните? Он тут с год пробыл.

— О да, припоминаю, — подтвердила ведьма. — Суд пришлось прервать: присяжных выворачивало наизнанку. Очень неприятный случай. Но ведь из крыла «Д» никому и никогда не удавалось сбежать, верно? Там же стальные решётки на окнах!

— Погнуты, — коротко отвечал надзиратель. — Вы лучше своими глазами на это посмотрите. Нас просто холодный пот прошиб, вот честное слово.

— Макинтош ведь был человеком некрупным, как я помню, — заметила ведьма, пока они торопливо шагали по промозглым коридорам.

— Верно, госпожа Пруст. Злобный коротышка, это он как есть. На следующей неделе его, между прочим, собирались вздёрнуть. Вырвал с мясом прутья, которые дюжий здоровяк не сдвинул бы даже с помощью лома, и спрыгнул на землю с высоты тридцати футов. Это противоестественно, такого просто не должно быть. Но он сделал ещё кое-что... ох, вот честное слово, мне при одной только мысли тошно делается*.

У двери камеры, недавно покинутой Макинтошем, дежурил стражник — и госпожа Пруст не понимала зачем, учитывая, что заключённый со всей определённой исчез. При виде ведьмы стражник почтительно коснулся

края шляпы.

— Доброе утро, госпожа Пруст, — промолвил он. — Для меня большая честь познакомиться с дочерью величайшего палача в истории. Пятьдесят один год за рычагом, и ни разу не уронил, так сказать, ни чести, ни клиента. Вот нынешний господин Солдяга, он по-своему неплох, да только случается, что клиенты потом ещё малость подёргиваются; по мне, так это непрофессионально. А ещё ваш отец никогда не отказывался от заслуженного повешения из страха навлечь на себя адское пламя и месть жутких демонов. Помяните моё слово, ваш отец, если что, сам нагонит их и тоже вздёрнет! Семь секунд с четвертью, какой был мастер! Настоящий джентльмен!

Но госпожа Пруст неотрывно глядела на пол.

— Жуткое зрелище для дамы, — посетовал надзиратель.

— Ведьмы никакие не дамы, когда явились по делу, Фрэнк, — машинально ответила госпожа Пруст. Она понюхала воздух и выругалась так, что у Фрэнка аж слёзы выступили.

— Прямо задумаешься, что такое в него вселилось, да?

Госпожа Пруст выпрямилась.

— Тут и задумываться нечего, юноша, — мрачно отозвалась она. — Я знаю.

Туман жался к зданиям, пытаюсь как можно проворнее убраться с дороги госпожи Пруст, пока та со всех ног бежала обратно на 10-ю Яичную улицу, оставляя за собою во мраке туннель в форме госпожи Пруст.

Дерек мирно попивал какао, когда его мать ворвалась в дом под, чего греха таить, мощное пуканье. Юноша поднял голову и задумчиво нахмурился.

— По-твоему, это си-бемоль? Вот по-моему, ни разу не си-бемоль. — Он уже полез было в ящик под прилавком за камертоном, но мать, не задержавшись, промчалась мимо.

— Где моя метла?

Дерек вздохнул.

— В подвале, ты что, забыла? Когда в прошлом месяце гномы сказали, во сколько тебе обойдётся ремонт, ты обозвала их долбаными украшениями для газонов, помнишь? Ну да ты ж ею всё равно не пользуешься.

— Мне срочно надо... в деревню, — заявила госпожа Пруст, обшаривая взглядом загромождённые полки: не найдётся ли случайно другой, исправной метлы.

Дерек вытаращился на неё во все глаза.

— Ма, ты уверена? Ты же всегда говорила, что деревня вредна для

здоровья.

— Это вопрос жизни и смерти, — пробормотала госпожа Пруст. — А как насчёт Длинной Дылды Толстой Коротышки Салли?

— Право, мама, не следует её так обзывать, — укоризненно проговорил Дерек. — Она же не виновата, что у неё аллергия на приливы и отливы.

— Зато у неё метла есть! Ха! Не одно, так другое! Сделай-ка мне бутербродов на дорожку, будь так добр.

— Это всё, часом, не из-за той девушки, которая была тут на прошлой неделе? — подозрительно осведомился Дерек. — У неё, похоже, проблемы с чувством юмора.

Мать, не обращая на него ни малейшего внимания, пошарила под прилавком и извлекла налитую свинцом дубинку. Мелкие торговцы с 10-й Яичной улицы имели очень небольшую прибыль, так что с воришками не церемонились.

— Вот не знаю, вот прямо и не знаю, — простонала она. — Я? Творить добро — в мои-то годы? Должно быть, я умом тронулась! И ведь мне даже не заплатят! Не знаю, право не знаю! Того гляди начну исполнять людям по три желания, и вот тогда, Дерек, пожалуйста, стукни меня изо всех сил по голове. — Она вручила сыну дубинку. — Остаёшься за главного. Попробуй переложить на другую полку резиновые шоколадки и презабавные бутафорские яичницы, ладно? Скажешь, это новомодные закладки такие или ещё что-нибудь.

С этими словами госпожа Пруст выбежала в ночь. В проулках и закоулках города ночами было опасно: там подстерегали грабители, воры и прочие неприятности. Но с приближением госпожи Пруст все они растворялись во мраке. Госпожа Пруст — это дурные новости, и лучше её не беспокоить, если хочешь, чтобы все косточки в твоих пальцах торчали в нужную сторону.

Тело, что некогда принадлежало Макинтошу, бежало сквозь ночь. Его терзала боль. Но призраку не было до того дела; он-то боли не ощущал. Мускулы мучительно ныли, но призрак муки не чувствовал. Пальцы, вырвавшие из стены стальные прутья, кровоточили. Но призрак не кровоточил. Никогда.

Он уже и не помнил, когда у него было собственное тело. Тела надо кормить и поить. С этой никчёмной плотью столько хлопот! Рано или поздно тела выходят из строя. Чаще всего это не имело значения: всегда найдётся кто-нибудь другой — жалкий умишко, гноющийся ненавистью, завистью и обидой; такой охотно впустит в себя призрака. Но надо

действовать быстро и не терять бдительности. А главное — соблюдать осторожность. Здесь, на пустынных дорогах, новое подходящее местоприще отыскать будет трудно. Призрак с сожалением позволил телу остановиться и напиться из мутного прудика. Там, как оказалось, кишмя кишели лягушки, ну да телу ведь и есть нужно, так?

Глава 13

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Настоящая постель в чёрно-белой комнате замка оказалась гораздо комфортнее подземелья, вот только уютной козьей отрыжки немного не хватало.

Тиффани снова приснился огонь. А ещё — за ней следили. Она это чувствовала, и на сей раз следили не козы. За ней следили изнутри её же собственной головы. Но следили по-доброму; кто-то о ней заботился. Во сне танцевал костёр, тёмная фигура отдёрнула пламя как штору — у ног тёмной фигуры, точно ручная, сидела зайчиха. Зайчиха поймала взгляд Тиффани и скакнула в огонь. И Тиффани *всё поняла*.

В дверь постучали. Тиффани разом проснулась.

— Кто там?

— А как звучит забывчивость? — поинтересовался голос по ту сторону тяжёлой двери.

Ей даже думать особенно не пришлось.

— Как шорох ветра в сухих травах жарким летним днём.

— Да, наверное, примерно так и есть, — подтвердил голос Престона из-за двери. — А теперь к делу, госпожа: там, внизу, полным-полно народа, и, как мне кажется, всем этим людям нужна их ведьма.

Хороший день для похорон выдался, подумала Тиффани, выглядывая из узкого замкового оконца. Дождь на похоронах ни к чему. Люди заметно мрачнеют. А Тиффани всегда старалась развеять похоронную мрачность. Люди живут, умирают, их помнят. Точно так же зима сменяет лето. Всё идёт так, как должно. Конечно, без слёз не обходится, но слёзы — это для тех, кто остался; ушедшие в слезах не нуждаются.

Слуги поднялись с первым светом, и в зале уже расставили длинные столы с угощением для всех пришедших. Такова традиция. Богач или бедняк, лорд или леди; на поминки приглашают всех, и из уважения к старому барону, а также из уважения к вкусной еде, зал постепенно заполнялся. А вот и герцогиня в чёрном платье — такой чёрной черноты Тиффани в жизни не видывала. Платье блестело и переливалось. Чёрное платье обычной ведьмы черно только теоретически. На самом деле оно чаще всего довольно пыльное, скорее всего залатанное где-то в области колен и обтрёпанное по подолу, и, конечно же, протёрлось едва ли не до

дыр от частых стирок. Ну правильно, это же рабочая одежда. Невозможно даже вообразить себе, чтобы герцогиня принимала роды в таком платье... Тиффани заморгала. Возможно, ещё как возможно: в критической ситуации герцогиня это сделает. Она будет командовать, грозить, жаловаться, но дело делает. Она такая.

Тиффани снова сморгнула. Голова была кристально ясной. Мир казался очень понятным и немного хрупким, как будто недоглядишь — разобьётся, словно зеркальный шар.

— Доброе утро, госпожа! — Это была Амбер, а за ней стояли оба её родителя. Господин Пенни, чисто отмытый, сконфуженный, явно не знал, куда себя деть. Что тут скажешь. Не знала и Тиффани.

У парадного входа возникла какая-то суматоха. Роланд кинулся туда и вернулся с королём Веренсом Ланкрским и Маграт, его супругой. Тиффани уже встречалась с ними прежде. В Ланкре невозможно с ними не повстречаться, такое это маленькое королевство, а кажется и того меньше, если принять в расчёт, что там ещё и матушка Ветровоск живёт.

Матушка Ветровоск тоже была здесь, *здесь и сейчас*; кошечка Эй^[34] разлеглась у неё на плечах, точно шарф. Стояла ведьма позади короля с королевой, а из-за неё раздавался громкий развесёлый голос: «Да это, никак, Тифф! Как жизнь, бьёт ключом?» — а значит, несколькими футами ниже, невидимая из-за небольшого росточка, находилась нянюшка Ягг. Кое-кто уверял, что она ещё умнее матушки Ветровоск; если так, то у неё, безусловно, хватало ума не выдать себя перед матушкой.

Тиффани поклонилась им, как велит обычай. И подумала про себя: «Ага, наши собираются!»

— Я так рада вас здесь видеть, госпожа Ветровоск, и самую малость удивлена, — улыбнулась гостье девушка.

Матушка так и впилась в неё взглядом, а нянюшка Ягг как ни в чём не бывало пояснила:

— Дорога от Ланкра долгая, ухабистая, так что мы вдвоём решили, так уж и быть, подвезём Маграт с её королём.

Возможно, у Тиффани просто воображение разыгралось, но объяснение нянюшки Ягг прозвучало как хорошо подготовленный экспромпт. Словно она сценарий зачитывала.

Но времени на разговоры уже не было. С прибытием короля в воздухе словно бы что-то щёлкнуло, и Тиффани впервые заметила пастора Яйца в чёрно-белом облачении. Она поправила остроконечную шляпу и решительно направилась к нему. Пастор явно порадовался компании — во всяком случае, приветливо улыбнулся девушке.

— Ха, вижу, вы ведьма.

— Да, меня вроде как с головой выдаёт остроконечная шляпа.

— Но чёрное вы не носите?..

На конце фразы Тиффани явственно расслышала вопрос.

— Вот состарюсь, тогда и буду носить платья цвета полуночи, — отозвалась она.

— И это более чем уместно, — похвалил пастор. — А сейчас вы носите зелёное, белое и голубое — цвета холмов, не могу не отметить!

Тиффани поразились.

— Значит, в выявлении и поимке ведьм вы не заинтересованы? — Она сама понимала, что вопрос звучит глупо, но нервы её были на пределе.

Пастор Яйц покачал головой.

— Уверяю вас, мадам, Церковь не занимается подобными вещами вот уже много веков! К сожалению, у некоторых людей хорошая память. Воистину, всего несколько лет назад прославленный пастор Овсец сказал в своём знаменитом «Нагорном Завете», что женщины, известные как ведьмы, своей деятельной и самоотверженной жизнью воплощают лучшие идеалы пророка Бруты. Я с этим вполне согласен. Надеюсь, согласны и вы.

Тиффани одарила его самой своей милой и сладкой улыбкой, сладости в которой на самом-то деле, сколько ни ищи, не было: сладость Тиффани совсем не давалась.

— В таких вещах важно расставить все точки над *i*, верно?

Тиффани принялась — и не уловила никакого запаха, кроме разве лёгкой ноты крема для бритья. И всё равно бдительности терять нельзя.

Похороны удались на славу; с точки зрения Тиффани, похороны получались удачными, если герой дня был очень стар. Ей доводилось бывать и на других — увы, слишком часто! — когда спелёнутое в саван тельце оказывалось совсем крохотным. В Меловых холмах гробов не знали, впрочем, и в других местах по большей части тоже. Хорошая древесина слишком ценна, чтобы бросить её гнить в землю. Большинство довольствовались практичным белым шерстяным саваном; он недорог, прост в изготовлении и шёрстное овцеводство поддерживает. Однако барон упокоился в гробнице из белого мрамора; будучи человеком практичным, он её заказал, приобрёл и оплатил двадцатью годами раньше. Изнутри гробницу всё равно устилал белый саван, потому что лежать на мраморе холодновато.

Вот так погребён был старый барон, и одна только Тиффани знала, где он сейчас. Он шёл с отцом по стерне, где жгли сухие стебли и сорняки, и стоял чудесный осенний денёк — неизменный, идеальный миг, застывший

во времени...

Тиффани охнула.

— Рисунок!

И хотя она пробормотала это себе под нос, гости вокруг заозирались. «Какая я эгоистка! — корила себя ведьма. И тут же: — Ну он же наверняка там, на месте, куда бы ему деться?»

Как только задвинули крышку каменной гробницы — этого звука Тиффани в жизни не забудет! — девушка поспешила к Брайану. Тот шумно сморкался, а когда поднял взгляд, глаза его были красны.

Тиффани мягко взяла его под руку, стараясь не выдать волнения.

— Комнату барона ведь заперли, правда?

Сержанта такой вопрос явно шокировал.

— Ну ещё бы! А все деньги хранятся в большом сейфе в кабинете. А почему ты спрашиваешь?

— Там было нечто очень ценное. В кожаной папке. Её тоже убрали в большой сейф?

Сержант помотал головой.

— Тифф, поверь, после... — он замялся, — того небольшого недоразумения я составил опись всего, что было в комнате. Всё, что из неё выносили, я проверял и отмечал в блокноте. Карандашом, — для вящей убедительности добавил он. — Ничего похожего на кожаную папку из комнаты не забирали, я уверен.

— Да. Потому что госпожа Лоск побывала там раньше, — посетовала Тиффани. — Что за негодяйка! До денег-то мне и дела не было, потому что ни на какие деньги я не рассчитывала. Наверное, она решила, что в папке какие-то важные документы!

Тиффани поспешила обратно в зал и огляделась. Вот теперь Роланд стал бароном во всех отношениях. Так что и отношение людей к нему преисполнилось почтительности: гости теснились вокруг него и повторяли что-нибудь вроде: «Достойный был человек», и «Хорошо пожил», и «По крайней мере, не мучился перед смертью», и всё прочее, что принято говорить после похорон, когда толком не знаешь, что сказать.

Тиффани уже было решительно направилась к барону, но тут на плечо ей легла властная рука. Девушка скользнула по руке взглядом вплоть до самого лица нянюшки Ягг: та где-то разжилась кувшином эля, громаднее которого Тиффани в жизни не видела. Точнее (отметила она про себя), уже полупустым кувшином эля.

— Отрадно видеть, когда всё сделано как надо, — проговорила нянюшка. — Я-то старикана лично не знала, но, похоже, славный был

малый. Рада тебя видеть, Тифф. Ты как, справляешься?

Тиффани взглянула в простодушные улыбочивые глаза нянюшки, а за ними — в суровое лицо матушки Ветровоск под полями шляпы. И поклонилась.

Матушка Ветровоск откашлялась — точно гравий захрустел.

— Мы здесь не по делу, девочка моя, просто хотелось короля поддержать.

— И мы уж всяко не из-за Лукавца прилетели, — весело добавила нянюшка Ягг. Прозвучало это так, как если бы она просто ляпнула не подумав; матушка Ветровоск неодобрительно фыркнула. Но в общем и целом, если нянюшка Ягг по чистой случайности роняла какую-нибудь дурацкую, неловкую реплику, это означало, что она очень тщательно продумала её заранее. Тиффани об этом знала, и нянюшка, разумеется, тоже знала, что Тиффани знает; и об этом Тиффани тоже знала. Но ведьмы нередко именно так себя и ведут, и всё отлично срабатывает, если никто не схватится за топор.

— Я знаю, что это моя проблема. Я с ней разберусь, — заверила Тиффани.

На первый взгляд, она сморозила несусветную глупость. Помощь и поддержка старших ведьм ей оченьгодились бы. Но как это будет выглядеть со стороны? У неё здесь свой, новообретённый удел, и о гордости забывать не стоит.

Нельзя сказать: «В прошлом я справлялась с трудными и опасными задачами» — потому что это и так понятно. Важно то, что ты делаешь *сейчас*, а не в прошлом. Это вопрос гордости. Это вопрос стиля.

А ещё — вопрос возраста. Пожалуй, лет через двадцать, если она попросит о помощи, люди подумают: что ж, даже самая опытная ведьма однажды может столкнуться с чем-то из ряда вон выходящим. И ей, само собою, помогут. Но если она попросит о помощи сейчас, что ж... ей помогут. Ведьмы всегда помогают друг другу. Но все станут думать: так ли она хороша на самом деле? Справится ли она? Надолго ли её хватит? Никто, конечно же, ничего не скажет, но все так подумают.

Все эти мысли промелькнули в её голове за долю секунды. Тиффани моргнула: ведьмы не сводили с неё глаз.

— Самоуверенность — лучший друг ведьмы, — сурово подвела итог матушка Ветровоск.

Нянюшка Ягг согласно покивала.

— В чём можно быть до конца уверенной, так это в самоуверенности, я лично всегда так говорила. — Нянюшка взглянула в лицо Тиффани и

рассмеялась. — Ты думаешь, ты — единственная, кому пришлось иметь дело с Лукавцем, милая? Матушка тоже с ним сражалась, когда была не старше тебя. И в два счёта выпроводила его туда, откуда он пришёл, уж тут ты мне поверь.

Зная, что это бесполезно, — но ведь попытка не пытка! — Тиффани обернулась к матушке Ветровоск:

— Вы не дадите мне пару советов, госпожа Ветровоск?

Матушка, которая уже целенаправленно двинулась в сторону столов с едой, на мгновение задержалась, обернулась и промолвила:

— Доверься себе. — Она прошла ещё несколько шагов, замерла, точно погрузившись в мысли, и добавила: — И не вздумай проиграть!

Нянюшка Ягг хлопнула Тиффани по спине.

— Сама-то я со стервецом не сталкивалась, но слышала, с ним шутки плохи. Эй, а у скромницы-невестушки нынче, никак, девичник? — Престарелая ведьма подмигнула и опрокинула остатки содержимого кувшина себе в рот.

Тиффани лихорадочно размышляла. Нянюшка Ягг способна найти общий язык с кем угодно. Тиффани очень смутно представляла себе, что такое девичник, но кое-что из ассортимента товаров госпожи Пруст подбросило ей подсказку-другую, а уж если и нянюшка Ягг про девичники знает, то можно с уверенностью утверждать, что без спиртного на них не обходится.

— Мне кажется, устраивать такую вечеринку сразу после похорон не вполне уместно, правда, нянюшка? Хотя Летиция наверняка обрадовалась бы возможности поговорить по душам, — добавила девушка.

— Она твоя подружка, да? Я думала, ты с ней уже сама пошепталась.

— Я-то — да, но, боюсь, она мне не вполне поверила, — вздохнула Тиффани. — А у вас было по меньшей мере целых три мужа!

Нянюшка Ягг вскинула глаза.

— Ну, трёх мужей на долгую беседу хватит. Ладно. А как насчёт жениха? Когда у него мальчишник-то?

— А, про мальчишники я слышала! Это когда друзья напоят его в хлам, уведут куда подальше, привяжут к дереву и... Кажется, там ещё ведро с краской и кисть иногда используются, но обычно жениха просто бросают в свинарник. А почему вы спросили?

— О, мальчишники обычно куда интереснее девичников, — объяснила нянюшка. В глазах её плясали озорные искорки. — А что, у нашего счастливица дружки-приятели есть?

— Ну, в замок съехались молодые аристократы из знатных семей, но

все, кого он знает по-настоящему близко, живут здесь, в деревне. Мы все росли вместе, понимаете? Но никто из них не посмеет бросить барона в свинарник!

— А как насчёт этого твоего молодого человека? — И нянюшка указала на стоящего рядом Престона. Престон почему-то всегда оказывался рядом.

— Престон? — переспросила Тиффани. — Не думаю, что он настолько хорошо знает барона. И, кроме того... — Девушка умолкла на полуслове и задумалась. «Молодой человек?» Она обернулась к нянюшке; та стояла сцепив руки за спиной и воздев очи к потолку — ни дать ни взять ангел, хотя, конечно, из тех, которые в своё время пообщались с парочкой демонов. В этом вся нянюшка. В делах сердечных — или, если на то пошло, в делах любой другой части анатомии — нянюшку Ягг не проведёшь.

«Но он мне никакой не молодой человек, — запротестовала про себя Тиффани. — Он просто друг. А друзья бывают и мужского пола».

Престон выступил вперёд и сдёрнул с головы шлем.

— Боюсь, мадам, что мне, как военному, запрещено поднимать руку на своего командира. В противном случае я бы с превеликим удовольствием!

Нянюшка покивала, явно оценив многосложный ответ, и подмигнула Тиффани, отчего та покраснела до подошв башмаков. А ухмылка нянюшки Ягг расплылась так широко, что даже на тыкву налезла бы.

— Вот так-так, вот те на, охохонюшки! — заохала она. — Что-то все носы повесили. Повезло вам, что я здесь!

У нянюшки Ягг было золотое сердце, однако если вы натура впечатлительная, то, как только она откроет рот, лучше бы вам заткнуть уши. Но уж здравого смысла-то никто не отменял!

— Нянюшка, у нас тут похороны!

Но предостерегающий тон Тиффани не произвёл на нянюшку впечатления.

— Он ведь был хорошим человеком?

Тиффани замешкалась на долю секунды.

— Он к этому пришёл.

От внимания нянюшки Ягг ничего не укрылось.

— Ах, ну да, я так понимаю, твоя бабушка, матушка Болен, научила его хорошим манерам. Но ведь умер он хорошим человеком? Вот и славно. О нём будут вспоминать с теплотой?

Несмотря на застрявший в горле комок, Тиффани сумела-таки выговорить:

— О да, все, кто его знал.

— И ты позаботилась о том, чтобы умер он легко? Ты забрала его боль?

— Нянюшка, не мне о том говорить, но это была идеальная смерть, лучшей смерти и пожелать нельзя, вот разве что не умирать вовсе!

— Ты молодец, — похвалила нянюшка. — А не знаешь, часом, какая у него была любимая песня?

— Знаю, конечно! «Жаворонков трели», — подсказала Тиффани.

— А, что-то знакомое... у нас в горах она известна под названием «Утром ясным и прекрасным». Давай, делай то же, что и я, и мы быстренько всех приведём в нужное настроение!

С этими словами нянюшка Ягг ухватила за плечо пробегающего мимо официанта, сцапала с подноса полный кувшин, вскочила на стол — легко, как девочка, и голосом бодрым, как у армейского старшины, призвала всех к молчанию.

— Дамы и господа! В ознаменование достойной жизни и лёгкой кончины нашего покойного друга барона меня попросили исполнить его любимую песню. Подпевайте, если дыхания хватит!

Тиффани заворожённо слушала. Нянюшка Ягг давала мастер-класс — или, скорее, мистрис-класс — по знанию людской психологии. Она обращалась с незнакомыми людьми так, словно знала их вот уже много лет, и, как ни странно, люди начинали вести себя соответственно. Сильный и удивительно красивый певческий голос одной-единственной старухи с одиноким зубом во рту подчинял себе всех, огорошенные люди уже ко второй строчке не бормотали, а пели всё громче, а к концу первого куплета все голоса слились в слаженный хор — нянюшка Ягг уверенно прибрала гостей к рукам. Тиффани расплакалась; сквозь слёзы ей виделся маленький мальчик в новой твидовой курточке, слегка папахивающей мочой; он шёл, держась за отцовскую руку, а в небе сменялись созвездия.

По всем лицам струились слёзы, не исключая даже пастора Яйца и герцогини. По замку гуляло эхо утраты и памяти, зал жил и дышал.

«Мне следовало этому научиться, — думала Тиффани. — Я хотела познать огонь и боль, а надо было познавать людей. И ещё — научиться петь лучше индюшки».

Песня закончилась; люди сконфуженно переглядывались, но стол уже снова заходил ходуном под башмаком нянюшки Ягг.

«В пляс, в пляс, саваном тряхни! В пляс, в пляс, слышишь — это Пляска Смерти...»* — запела она.

«А уместна ли эта песня на похоронах?» — задумалась Тиффани. И

тут же решила: «Ну конечно, да! Отличная баллада, она говорит нам, что однажды мы все умрём, но — и это важно — *сейчас мы ещё живы*».

Тут нянюшка Ягг спрыгнула со стола, подхватила пастора Яйца и, закружив его, пропела: «И знайте, никакой священник вас от смерти не спасёт», а пастор был так любезен, что разулыбался и прошёлся с ней в танце.

Люди заплодировали — от похорон Тиффани ничего подобного даже ожидать не могла. Ах, если бы, если бы ей стать такой, как нянюшка Ягг, которая всё-всё понимает и умеет точно молотком выбить из тишины — смех!

А едва стихли аплодисменты, мужской голос запел: «В тихой долине всю ночь напролёт слушай, как ветер в травах поёт...»* И тишина отступила перед неожиданно звучным, серебряным голосом сержанта.

Нянюшка Ягг бочком подкралась к Тиффани.

— Ну, вроде я их взбодрила! Слышишь, как откашливаются? Держу пари, к концу вечера запоёт и пастор! А я бы пропустила ещё стаканчик. От пения горло так пересыхает, не поверишь. — Нянюшка подмигнула Тиффани: — Сначала ты человек, потом ведьма; запомнить трудно, выполнить — легко.

Это и впрямь была магия: магия превратила зал, полный гостей, по большей части незнакомых друг с другом, в людей, понимающих, что вокруг другие люди, а прямо сейчас только это и имело значение. Тут девушку похлопал по плечу Престон: улыбался он как-то слишком озабоченно.

— Прости, госпожа, но я нынче на дежурстве, вот уж не повезло так не повезло, и думаю, тебе следует знать, что у нас тут ещё три гостыи прибыли.

— Так впусти их, и всё, — отозвалась Тиффани.

— Я бы с удовольствием, госпожа, вот только они на крыше застряли. Хочешь знать, как звучат три ведьмы? — ругаются так, что небу жарко.

Если кто и ругался, то к тому моменту, как Тиффани высмотрела нужное окно и выбралась на свинцовую крышу, вновь прибывшие, видимо, совсем выдохлись. Уцепиться было особо не за что, да ещё и туман сгустился, но Тиффани осторожно отползла от края и на четвереньках двинулась в ту сторону, откуда доносилось брюзжанье.

— Тут, наверну, ведьмы есть? — спросила она.

Из темноты раздался голос, владелица которого даже не пыталась сдерживаться:

— И что, во имя семи кругов ада, ты будешь делать, если я скажу

«нет», а, госпожа Тиффани Болен?

— Госпожа Пруст! Что вы-то тут делаете?

— Держусь за горгулью! Помоги нам спуститься, милочка, и побыстрее, потому что эти камни — не мои, а госпоже Тюхе нужно в туалет.

Тиффани проползла чуть дальше, всей кожей чувствуя, что в дюйме от её руки разверзлась пропасть.

— Престон пошёл за верёвкой. А метла у вас есть?

— В неё овца врезалась, — объяснила госпожа Пруст.

Наконец-то Тиффани смогла её разглядеть.

— Вы врезались в овцу в воздухе?

— Может, это была корова или ещё что. Как зовутся такие твари, которые сопят: «фух-фух-фух»?

— Вы столкнулись с летающим ежом?

— Вообще-то нет. Мы летели совсем низко, высматривая подходящий кустик для госпожи Тюхе. — Из темноты донёсся вздох. — У неё, бедняжки, проблема. По пути мы останавливались у многих кустов, можешь мне поверить! И знаешь что? Внутри каждого сидит что-нибудь такое, что жалит, кусается, брыкается, клекочет, завывает, хлюпает, громко пукает, топорщит иголки, пытается сбить тебя с ног или наваливает громадную кучу! Вы тут вообще о таких фаянсовых штуках слышали?

— Ну, вообще-то да, но не в полях же! — опешила Тиффани.

— А в полях они очень пригодились бы, — заявила госпожа Пруст. — Я, между прочим, приличную пару обуви загубила.

В тумане что-то звякнуло, и Тиффани с облегчением услышала голос Престона:

— Я взломал старый люк, дамы, будьте так добры, ползите сюда.

Люк открылся в спальню, где прошлой ночью со всей очевидностью спала женщина. Тиффани закусила губу.

— Думаю, это покои герцогини. Пожалуйста, *ничего* не трогайте, она и без того не подарок.

— Герцогиня? Фу-ты ну-ты, — отозвалась госпожа Пруст. — Что ещё за герцогиня такая, позволь спросить?

— Герцогиня Кипсек, — объяснила Тиффани. — Вы её видели во время той небольшой заварушки в городе, помните? В «Голове Короля»? У Кипсеков огромное имение примерно в тридцати милях отсюда.

— Как мило, — проговорила госпожа Пруст, причём таким тоном, что можно было с уверенностью предположить: ничего милого тебе не обещают, зато обещают что-то очень интересное и, вероятно, конфузное —

для кого-то, кто не госпожа Пруст. — Я её помню, и помню, как, вернувшись домой, всё гадала: «Где же, мидели, я вас раньше видела?» Ты о ней что-нибудь знаешь, милочка?

— Ну, ещё до того, как она вышла за герцога, всё её имение и вся её семья погибли в ужасном пожаре. Это мне её дочь рассказала.

Госпожа Пруст просияла — примерно так сияет остриё ножа.

— В самом деле? — промолвила она голосом сладким, как патока. — Ну надо же! Мне прямо-таки не терпится пообщаться с этой дамой *снова* и принести свои соболезнования...

Тиффани решила, что разгадывать эту загадку прямо сейчас времени у неё нет, но ей и без того было о чём подумать.

— Эгм? — начала она, глядя на высоченную даму, что безуспешно пыталась спрятаться за госпожой Пруст. А та развернулась и молвила:

— Ах ты ж, батюшки, где ж мои хорошие манеры? Ну ладно, для начала у меня их никогда и не было. Тиффани Болен, это госпожа Кембрик, известная как Длинная Дылда Толстая Коротышка Салли. Кембрик обучается у старой госпожи Тюхе; ты уже видела её краем глаза — это она поспешала вниз по лестнице во власти одной-единственной мысли. Салли ужасно страдает от приливов и отливов, бедняжка. Мне пришлось взять с собой их обеих, потому что метла в рабочем состоянии нашлась только у Салли, а бросить госпожу Тюхе она отказывалась. Я чуть с ума не сошла, пытаюсь выровнять метлу. Не беспокойся, через несколько часов Салли опять уменьшится до пяти футов шести дюймов. И, конечно, потолки для неё — тяжкое испытание. А ты, милая, догони-ка лучше госпожу Тюхе.

Госпожа Пруст взмахнула рукой — и молоденькая ведьма испуганно засемила прочь. Когда приказы отдаёт госпожа Пруст, им обычно повинуются. А та снова обернулась к Тиффани:

— Та тварь, что тебя преследует, обрела тело, барышня. Лукавец украл тело убийцы, заключённого в Таити. И знаешь что? Перед тем как сбежать из тюрьмы, этот тип убил свою канарейку. А тамошние никогда и ни за что на канарейку руку не поднимут. Такое просто невысказано. Можно в драке приложить соседа-заключённого по голове железным прутком, но убить канарейку — ни в коем случае. Это очень дурно.

Странный это был способ сообщить неприятную новость, ну да госпожа Пруст до светской болтовни не опускалась — равно как и до утешений.

— Я ожидала чего-то подобного, — отозвалась Тиффани. — Я *знала*. Как он выглядит?

— Мы его пару раз потеряли, — сообщила госпожа Пруст. —

Естественная надобность, и всё такое. Он мог вломиться в какой-нибудь дом и разжиться одеждой получше. Не поручусь. На тело ему наплевать. Он станет гнать его, пока не найдёт другого или пока это не развалится. Мы его покараулим. А это, значит, твой удел?

Тиффани вздохнула.

— Да. И теперь Лукавец гонится за мной, как волк за ягнёнком.

— Тогда, если люди тебе небезразличны, тебе нужно поскорее с ним покончить, — посоветовала госпожа Пруст. — Если волк достаточно проголодался, он сожрёт что угодно. А теперь вспомни в свой черёд о хороших манерах, госпожа Болен! Мы вымокли и продрогли, а судя по звукам, там, внизу, едят и пьют, так?

— Ох, простите, пожалуйста... а вы-то летели в такую даль, только чтобы предупредить меня, — покаялась Тиффани.

Госпожа Пруст небрежно отмахнулась.

— Наверняка Длинная Дылда Толстая Коротышка Салли и госпожа Тюхе захотят подкрепиться после долгой дороги, а я так просто устала, — промолвила она. И, к вящему ужасу Тиффани, не раздеваясь, опрокинулась на спину прямо на герцогинину кровать — так, что наружу торчали только ноги в грязных башмаках, с которых капала вода. — Эта герцогиня, она тебя, часом, не обижает? — осведомилась госпожа Пруст.

— Боюсь, не без того, — отвечала Тиффани. — Она, похоже, не уважает никого ниже короля, и даже за короля не вполне поручусь. Она и дочку тиранит, — добавила девушка и запоздало сообщила: — Её дочь, кстати, одна из ваших покупательниц. — И Тиффани рассказала госпоже Пруст всё про Летицию и герцогиню, потому что такой, как госпожа Пруст, рассказываешь всё; а госпожа Пруст усмехалась всё шире, и Тиффани не нужно было прибегать к ведьмовству, чтобы заподозрить: герцогиня здорово влипла.

— Так я и думала. У меня хорошая память на лица. Ты когда-нибудь слышала про мюзик-холлы, деточка? О нет. Конечно, нет, — здесь, в деревне, откуда бы? Там выступают комики, певицы, говорящие собачки — и, конечно, танцовщицы. Представляешь себе в общих чертах, да? Неплохая работёнка для девушки, которая умеет трясти красивой ножкой, тем более что после шоу у служебного входа поджидают шикарные кавалеры, чтобы пригласить девушек на романтический ужин и всё такое. — Ведьма стянула с себя остроконечную шляпу и бросила её на пол у кровати. — Терпеть не могу мётлы, — посетовала она. — Они мне натирают мозоли там, где мозолям вообще не место.

Тиффани была в замешательстве. Она не вправе требовать, чтобы

госпожа Пруст встала с кровати; это ведь не её, Тиффани, кровать. И замок не её. Девушка улыбнулась. И вообще, это не её проблема. Как приятно столкнуться с проблемой, которую решать не ей!

— Госпожа Пруст, — промолвила она, — могу ли я всё-таки пригласить вас вниз? Среди гостей есть ещё несколько ведьм, с которыми вам стоит познакомиться. «Желательно без меня, но такое вряд ли возможно», — добавила она про себя.

— Это знахарки, типа? — Госпожа Пруст фыркнула. — Нет, в деревенской магии как таковой ничего дурного нет, — продолжала она. — Знала я одну такую ведьму, она как-то раз провела рукой над бирючинной изгородью, и три месяца спустя изгородь разрослась в форме двух павлинов и до неприличия симпатичного пёсика с бирючинной косточкой в зубах, — и всё это безо всяких садовых ножниц, между прочим.

— А зачем ей это понадобилось? — поразились Тиффани.

— Я очень сомневаюсь, что это понадобилось именно ей, но кто-то её попросил и заплатил хорошие деньги, и, строго говоря, в орнаментальном садоводстве ничего противозаконного нет, хотя и подозреваю, что если вспыхнет революция, так первым делом возьмутся за тех, кто горазд наводит тень на плетень. Плетнёвые ведьмы — так мы в городе называем деревенских ведьм.

— В самом деле? — невинно отозвалась Тиффани. — Я вот, к сожалению, не знаю, как мы тут, в деревне, называем городских ведьм, но матушка Ветровоск наверняка вам всё подробно расскажет. — Тиффани понимала, что поступает дурно, но день выдался тяжкий, неделя — и того тяжелее, можно же ведьме самую малость поразвлечься.

Спускаясь по лестнице, они миновали комнату Летиции. Из-за двери слышались голоса и смех. Смеялась нянюшка Ягг. Её смех ни с чем не перепутаешь: он этак панибратски похлопывает тебя по спине. Затем раздался голос Летиции: «И что, это вправду сработает?» А нянюшка шепнула что-то в ответ — Тиффани не вполне расслышала что, но что бы это ни было, Летиция чуть не подавилась хихиканьем. Тиффани улыбнулась. Юную застенчивую невесту поучала опытная наставница, с вероятностью, в жизни не покрасневшая ни разу, и, похоже, они отлично поладили. По крайней мере, Летиция не раздражалась слезами каждые пять минут.

Тиффани отвела ведьму вниз, в зал. Удивительное дело: похоже, всё, что требовалось людям для счастья, — это угощение, выпивка и другие люди. Даже без подзуживаний нянюшки Ягг гости заполняли всё свободное

пространство, ну, человечностью. Матушка Ветровоск, заняв стратегическую позицию, откуда могла видеть всех и каждого, беседовала с пастором Яйцем.

Тиффани опасно подошла к ней: судя по выражению лица священника, он нимало не возражал против вмешательства в их беседу. Матушка Ветровоск в вопросах религии бывала весьма прямолинейна. Пастор явно перевёл дух, когда Тиффани произнесла:

— Госпожа Ветровоск, позвольте представить вам госпожу Пруст из Анк-Морпорка, владелицу знаменитого торгового заведения. — Сглотнув, Тиффани обернулась к госпоже Пруст: — Позвольте представить вам матушку Ветровоск.

Девушка шагнула назад и затаила дыхание: две пожилые ведьмы уставились друг на друга. В зале воцарилась тишина. Ни одна из ведьм не моргнула. И тут — да быть того не может! — матушка Ветровоск подмигнула, а госпожа Пруст заулыбалась.

— Очень рада знакомству, — промолвила матушка.

— Какая честь для меня, — откликнулась госпожа Пруст.

Ведьмы снова переглянулись и обернулись к Тиффани, а та внезапно осознала, что старые умные ведьмы на самом-то деле вот уже много лет как старше и умнее неё.

Госпожа Пруст заметила:

— Мы и без всяких имён друг дружку узнаём, и да позволено мне будет заметить, юная барышня, что тебе пора бы снова начать дышать. — И матушка Ветровоск едва заметно усмехнулась.

Матушка легко и чинно подхватила госпожу Пруст под руку и развернула её к лестнице: вниз как раз спускалась нянюшка Ягг в сопровождении Летиции, раскрасневшейся даже в таких местах, где люди, как правило, не краснеют.

— Пойдём со мной, дорогая. Ты обязательно должна познакомиться с моей подругой, госпожой Ягг, она, кстати, одна из твоих покупательниц.

Тиффани предоставила их самим себе. В кои-то веки на краткое мгновение ей было совершенно нечем заняться. Она оглядела зал: гости собрались тут и там небольшими группами. А герцогиня стояла одна.

Зачем она, Тиффани, это сделала? Зачем подошла к этой женщине? Наверное, решила девушка, если тебе предстоит схватка с кошмарным чудовищем, неплохо бы немного потренироваться заранее. Но, к вящему её изумлению, герцогиня плакала.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила Тиффани.

Герцогиня свирепо зыркнула на непрошеную утешительницу, но по

щекам её по-прежнему катились слёзы.

— Она — всё, что у меня есть, — промолвила герцогиня, глядя на Летицию, которая ни на шаг не отходила от нянюшки Ягг. — Я уверена, Роланд будет ей внимательным и чутким мужем. И надеюсь, она обнаружит, что я хорошо подготовила её к самостоятельной жизни.

— Вы, несомненно, многому её научили, — согласилась Тиффани.

Но герцогиня уже во все глаза уставилась на ведьм. Не оглядываясь на Тиффани, она проговорила:

— Я знаю, что у нас с тобой случались определённые разногласия, юная барышня, но не могла бы ты сказать мне, кто вон та дама, одна из твоих сестёр-ведьм, как я понимаю, — та, что разговаривает с высокой и статной гостьей?

Тиффани покосилась в нужную сторону.

— О, да это госпожа Пруст. Кстати, она из Анк-Морпорка. Она ваша давняя подруга, да? Она про вас только что спрашивала.

Герцогиня улыбнулась, но улыбка вышла странноватая. Если бы улыбки были цветными, эта оказалась бы зелёной.

— О, — выговорила она. — Это, эгм... — она замялась и чуть пошатнулась, — очень мило с её стороны. — Герцогиня кашлянула. — Я рада, что вы с моей дочерью так сдружились; и мне хотелось бы принести тебе свои извинения за собственную вспыльчивость в течение последних дней. Также мне очень хотелось бы принести свои извинения тебе и всей работающей прислуге замка за то, что, вероятно, могло показаться высокомерием и властностью; надеюсь, ты поймёшь, что мои поступки были подсказаны исключительно желанием матери сделать всё для своего ребёнка. — Герцогиня говорила, осторожно подбирая слова, словно детские цветные кубики вместе составляла, а извёсткой между кубиками служили несказанные слова: «Пожалуйста, ну пожалуйста, не говори никому, что я была танцовщицей в мюзик-холле. Пожалуйста!»

— Ну, мы сейчас все на нервах, — отозвалась Тиффани. — Чем меньше сказано, тем быстрее исправишь, так?

— К сожалению, — промолвила герцогиня, — кажется, я сказала не так уж и мало. — Тиффани отметила, что в руке её светлость держит громадный бокал с вином, точнее, уже из-под вина. Герцогиня ещё немного поразглядывала Тиффани и наконец продолжила: — Свадьба почти сразу после похорон, так?

— Считается, что переносить свадьбу, когда день уже назначен, — дурная примета.

— А ты веришь в приметы? — поинтересовалась герцогиня.

— Я верю, что в приметы верить необязательно, — отозвалась Тиффани. — Но, ваша светлость, я скажу вот что: воистину в такие моменты вселенная становится чуть ближе к нам. Это странные времена: времена начала и конца. Опасные и могущественные. И мы это чувствуем, даже если не понимаем, в чём дело. Такие времена не обязательно плохи и не обязательно хороши. Собственно, всё зависит от того, каковы мы сами.

Герцогиня покосилась на свой опустевший бокал.

— Думаю, я пойду прилягу. — И она развернулась к лестнице, едва не споткнувшись на первой же ступеньке.

В противоположном конце зала раздался смех. Тиффани последовала было за герцогиней, но остановилась рядом с Летицией и похлопала её по плечу.

— На твоём месте я бы пошла и поговорила с мамой до того, как она поднимется наверх. Кажется, она очень хочет с тобой побеседовать. — Тиффани наклонилась и зашептала ей на ухо: — Только не повторяй ей всего того, что нарасказывала тебе нянюшка Ягг.

Летиция собиралась было запротестовать, но при взгляде на выражение лица Тиффани передумала и поспешила к матери.

Внезапно, словно из ниоткуда, рядом с Тиффани возникла матушка Ветровоск. Помолчав и словно бы ни к кому не обращаясь, матушка обронила:

— Хороший у тебя тут удел. Люди приятные. И я тебе одно скажу. Он близко.

Тиффани заметила, что все прочие ведьмы — даже Длинная Дылда Толстая Коротышка Салли — выстроились за спиной у матушки Ветровоск. Все взгляды обратились к Тиффани, а когда на тебя неотрывно глядит целая толпа ведьм, ты это чувствуешь всей кожей, точно лучи солнца.

— Вы что-то хотите сказать? — спросила Тиффани. — Хотите, не так ли?

Тиффани нечасто доводилось видеть на лице матушки Ветровоск выражение озабоченности — если задуматься, то пожалуй что и никогда.

— Ты уверена, что сумеешь перехитрить Лукавца? Я вижу, ты даже чёрное ещё не носишь.

— Вот состарюсь, тогда и буду носить платья цвета полуночи, — отрезала Тиффани. — Это вопрос личного выбора. И, матушка, я знаю, зачем вы здесь. Чтобы убить меня, если я оплошаю, так?

— Проклятье! — выпалила матушка Ветровоск. — Ты хорошая ведьма. Но кое-кто из нас считает, что лучше бы нам *настоять* на том,

чтобы тебе помочь.

— Нет, — возразила Тиффани. — Это мой удел. Мой беспорядок. Моя проблема.

— Несмотря ни на что? — уточнила матушка.

— Решительно и бесповоротно!

— Что ж, я одобряю твою стойкость и желаю тебе... нет, не удачи, но безусловной победы! — Ведьмы зашушукались, и матушка резко прикрикнула: — Она приняла решение, дамы, и добавить к этому нечего!

— Да ты его одной левой сделаешь, — усмехнулась нянюшка Ягг. — Мне его почти жалко. Пни его в... Пни его, куда достанешь, Тифф!

— Здесь твоя земля, — промолвила госпожа Пруст. — Как ведьма может потерпеть поражение на своей собственной земле?

Матушка Ветровоск кивнула.

— Если позволишь гордости взять над собою верх, то ты проиграла, а вот если возьмёшь гордость за шкуру да оседлаешь, как боевого коня, тогда ты, считай, уже победила. А теперь, я думаю, тебе пора готовиться, госпожа Тиффани Болен. У тебя уже есть план на утро?

Тиффани взглянула прямо в пронзительно-синие матушкины глаза.

— Да. Не проиграть.

— Хороший план.

Госпожа Пруст пожала Тиффани руку — её ладонь казалась шершавой от бородавок.

— По удачному совпадению, деточка, думаю, я тоже пойду и изничтожу одно чудовище...

Глава 14

КОРОЛЬ ГОРИТ

Тиффани знала, что сегодня ночью ей уснуть не удастся, так что она даже не пыталась. Люди беседовали друг с другом, рассевшись там и тут небольшими группками, на столах ещё оставались закуски и выпивка. Возможно, благодаря этой самой выпивке никто не замечал, как быстро исчезает угощение, но Тиффани совершенно точно расслышала лёгкий шорох на балках высоко под потолком. Разумеется, ведьмы славятся способностью рассовывать еду по карманам «на потом», но Фигли, пожалуй, дали бы им сто очков вперёд — просто в силу численного превосходства.

Тиффани бесцельно переходила от одной группы гостей к другой. Заметив, что герцогиня наконец-то направилась наверх, девушка не пошла за ней следом. Совершенно точно следом — не пошла. Просто так случилось, что её путь пролегал в том же направлении. Когда же она метнулась через каменную площадку к герцогининым покоям, едва за её светлостью захлопнулась дверь, Тиффани вовсе не собиралась подслушивать. Конечно же, нет.

Она как раз успела расслышать первые ноты яростного вопля, а затем голос госпожи Пруст: «Да это же Дейрдре Снуть! Давненько не виделись — сколько воды утекло, сколько блёсток осыпалось! И как, ты до сих пор можешь ножкой сбить цилиндр с головы джентльмена?» Вслед за этим наступила тишина. И Тиффани торопливо прошла дальше, потому что дверь была ну очень толстая и, если постоять ещё немного, прижимаясь к ней ухом, кто-нибудь наверняка заметит.

Так что Тиффани вернулась в зал потолковать с Длинной Дылдой Толстой Коротышкой Салли и госпожой Тюхе, которая, как только теперь поняла девушка, была слепа, что, конечно, печально, но для ведьмы не то чтобы трагедия. Ведь всегда найдётся несколько запасных чувств.

А потом она спустилась в усыпальницу.

Повсюду вокруг баронской гробницы лежали цветы — повсюду, но не сверху, потому что на такую красивую мраморную крышку даже розы класть жалко. Мастера изваяли из камня самого барона, в доспехах и при мече; статуя получилась как живая — казалось, что барон в любой момент встанет и уйдёт. В четырёх углах плиты горели свечи.

Тиффани прошла туда-сюда мимо других каменных баронов. Иногда попадались и жёны, с мирно сложенными на груди руками. Ощущение было... странное. В Меловых холмах надгробия не использовались: камень стоил слишком дорого. Кладбища, конечно, были, и где-то в замке хранилась древняя книга с выцветшими картами, на которых было отмечено, где и кого зарыли. Из простых людей памятника удостоилась только матушка Болен — а уж она-то была куда как не проста! Литые железные колёса и пузатая печурка — вот и всё, что осталось от её пастушьей кибитки, но они наверняка простоят ещё сотню лет. Металл хороший, качественный, а благодаря непрестанно жующим овцам земля вокруг сделалась ровной как столешница. Овцы ещё и тёрлись о колёса, а жир с овечьей шерсти — отличная смазка, ничем не хуже масла; железо блестит так, словно его только сегодня отлили.

В стародавние времена накануне посвящения в рыцари юноша проводил ночь в парадном зале во всеоружии, прося богов (уж кто бы из них его ни услышал) даровать ему силу и мудрость.

Тиффани казалось, она слышит эти слова — если не наяву, то по крайней мере в голове. Она обернулась, поглядела на спящих рыцарей и задумалась: а ведь госпожа Пруст права, камни всё помнят.

«А какое оружие у меня?» — спросила себя Тиффани. Ответ пришёл тут же; гордость. Ах да, иные уверяют, будто это грех; твердят, что гордыня до добра не доводит. Но это же неправда. Кузнец гордится хорошей ковкой; возчик гордится тем, какие ухоженные у него лошади, что их шкуры лоснятся и блестят на солнце, как спелые каштаны; пастух гордится, что не подпускает волка к стаду; кухарка гордится пирогами. Все мы гордимся тем, что день за днём творим достойную историю своей жизни — собственную сказку, которую не стыдно рассказывать.

«А ещё у меня есть страх — страх, что я всех подведу; и раз мне страшно, я смогу этот страх преодолеть. Я не опозорю тех, кто меня учил.

А ещё я твёрдо верю... хотя не вполне понимаю во что».

— Гордость, страх и вера, — вслух произнесла она. Прямо перед нею четыре свечи струили огонь: пламя колыхнулось, точно под порывом ветра, и в прихлынувшем свете Тиффани на мгновение почудилось, что в тёмном камне растворяется фигура старой ведьмы.

— Ах да, — произнесла Тиффани. — Ещё у меня есть огонь.

И вдруг ни с того ни с сего заявила:

— Вот состарюсь, тогда и буду носить платья цвета полуночи. Но не сегодня!

Тиффани подняла фонарь повыше; тени дрогнули, но одна — очень

похожая на старуху в чёрном — растаяла вовсе. «Я знаю, почему зайчиха прыгает в огонь, и завтра... Нет, уже сегодня — я тоже в него прыгну». Тиффани улыбнулась.

Когда Тиффани вернулась в зал, все ведьмы выжидающе наблюдали за ней с лестницы. Тиффани гадала про себя, как поладят матушка и госпожа Пруст, учитывая, что гордости у обеих — как у набитой шестипенсовиками кошки. Но, похоже, они вполне нашли общий язык, рассуждая о погоде, и о том, какая молодёжь-то нынче пошла, и как сыр-то подорожал. Но нянюшка Ягг выглядела непривычно встревоженной. А встревоженная нянюшка Ягг — это само по себе повод для тревоги. Уже миновала полночь — час ведьмовства, строго говоря. В обычной жизни любой час — это час ведьмовства, и, тем не менее, в тот момент, когда обе стрелки на часах торчат строго вверх, делается немного жутковато.

— Я слыхала, ребята уже вернулись с мальчишника, — сообщила нянюшка, — но только, кажется, они позабыли, где бросили жениха. Ну да куда он не денется: где положили, там и лежит. Они уверены, что сняли с него брюки и к чему-то его привязали. — Нянюшка откашлялась. — Так всегда делают, согласно обычаю. Теоретически шафер должен помнить, где это было, но прямо сейчас он своего имени и то не помнит.

Часы в зале проббили полночь; они вечно опаздывали. Каждый удар отзывался у Тиффани в позвоночнике.

И тут к ней подошёл Престон. Тиффани подумала, что в последнее время куда ни погляди — везде Престон, такой молодцеватый, подтянутый и... обнадёживающий.

— Послушай, Престон, — проговорила она, — мне некогда объяснять, и я даже не уверена, что ты мне поверишь — хотя, пожалуй, и поверишь, если я всё расскажу. Мне нужно уйти из замка и убить одно чудовище, прежде чем оно убьёт меня.

— Тогда я буду тебя защищать, — заявил Престон. — Как бы то ни было, мой главнокомандующий сейчас валяется в свинарнике, и какая-нибудь свинья как раз обнюхивает его неназываемые! Так что я тут временно представляю светскую власть!

— Ты? — фыркнула Тиффани.

Престон выпятил грудь — правда, недалеко.

— Собственно говоря, да; ребята назначили меня констеблем Стражи, чтобы самим пойти выпить. А сержант сейчас в кухне, блюёт в раковину. Он думал перепить нянюшку Ягг! — Престон отсалютовал. — Я пойду с тобой, госпожа. И ты не сможешь мне помешать. Не в обиду будь сказано, понятное дело. Однако властью, вверенной мне сержантом между

позывами рвоты, я рекрутирую тебя и твою метлу для содействия мне в розысках. Ты ведь не возражаешь?

Такие вопросы ведьмам задавать не принято. С другой стороны, задало его Престон!

— Ладно, идёт, — отозвалась она. — Но не вздумай мою метлу поцарапать! И ещё сперва мне нужно кое-что сделать. Извини, я ненадолго. — Девушка отошла к открытой двери зала и прислонилась к холодной каменной кладке. — Я знаю, что тут есть Фигли и они меня слышат, — проговорила она.

— О, ах-ха, — раздался голос в дюйме от её уха.

— Так вот, я не хочу, чтобы нынче ночью вы мне помогли. Это карговское дело, понимаете?

— Ах-ха, мы уж узырили целу карговску толпень. Нынче знатна карговская ночь, дыкс.

— Я должна... — начала Тиффани. И тут её осенило: — Я должна сразиться с безглазым человеком. А ведьмы съехались посмотреть, хороший ли из меня воин. Так что мне никак нельзя сжульничать, воспользовавшись помощью Фиглей. Это важное карговское правило. Разумеется, мне прекрасно известно, что жульничество — это почтенная фиглевская традиция, но карги не жульничают, — продолжала она, сама устыдившись столь чудовищной лжи. — Если вы станете мне помогать, они всё узнают и покроют меня несмываемым презрением.

И добавила про себя: «А если я проиграю, то Фигли выступят против ведьм, и эту битву мир запомнит надолго. Никаких причин для паники, верно?»

А вслух Тиффани заявила:

— Надеюсь, вы меня поняли? Хотя бы в этот, один-единственный раз, сделайте как я велю *и не помогайте мне*.

— Ах-ха, мы-то тебя дотумкали, но Джинни грит, нам за тобой завсегда призывывать надь, потому как ты наша карга холмов, — возразил Явор.

— Боюсь, кельды сейчас здесь нет, — напомнила Тиффани, — а вот я — есть, и я вам так скажу: если вы мне и на сей раз станете помогать, вашей каргой холмов я уже не буду. На мне гейс, ясно? Это карговский гейс, и это гейс всем гейсам. — Фигли дружно застонали, и Тиффани добавила: — Я серьёзно. Главная карга тут — матушка Ветровоск, и вы её знаете. — Последовал новый стон. — Вот так-то, — подвела итог Тиффани. — На сей раз, пожалуйста, дайте мне поступить по-своему. Договорились?

Повисла пауза, и наконец раздался голос Явора Заядло:

— Ах-ха, дыкс.

— Вот и прекрасно, — отозвалась Тиффани, перевела дух и пошла за метлой.

Когда они поднялись над крышами замка, Тиффани поняла, что брать с собой Престона, возможно, не стоило.

— Почему ты мне не сказал, что боишься летать? — возмутилась она.

— Ты несправедлива, — оправдывался Престон. — Откуда я мог об этом знать, я ж лечу в первый раз.

Набрав высоту, Тиффани прикинула, какой погоды ждать. Над горами клубились тучи, время от времени по-летнему вспыхивали молнии. Вдалеке рокотал гром. В горах грозы — дело обычное. Туман развеялся, поднялась луна; ночь выдалась чудесная. Задувал лёгкий ветерок. Тиффани на это рассчитывала. Престон обнимал её за талию; девушка сама не знала, рассчитывала на это или нет.

Теперь они, снизившись, летели над равниной у подножия Мела; даже в лунном свете Тиффани различала тёмные прямоугольники, где незадолго до того расчистили поля. За огнём всегда следили очень внимательно, удерживая его в границах: не хватало ещё пожар устроить — ведь тогда всё что угодно сгореть может. Внизу уже показалось последнее поле. Его всегда называли Королём. Обычно, когда жгли Короля, половина деревни ждала рядом, подстерегая удирающих от пламени кроликов. Так вышло бы и сегодня, просто все... были заняты в другом месте.

На поле сразу над ним, выше по склону, стояли курятники и свинарник; поговаривали, что Король славен столь обильными урожаями, потому что работникам куда проще вывозить навоз сюда, нежели тащить на нижние поля.

Они приземлились у свинарника под душераздирающий визг поросят, которые, что бы уж там ни происходило на самом деле, как всегда, полагали, что мир пытается распилить их надвое.

Тиффани принялась. Пахло свиньями; но девушка не сомневалась, что тем не менее почуяла бы призрака, будь он здесь. Хрюшки, конечно, грязные, но запах от них естественный; в сравнении со смрадом Лукавца вонь от свинарника покажется ароматом фиалок. Тиффани содрогнулась. Поднимался ветер.

— Ты уверена, что сумеешь его убить? — прошептал Престон.

— Думаю, я смогу его заставить убить самого себя. И, Престон, я категорически запрещаю тебе помогать мне.

— Прости, — заявил Престон. — Представитель власти — это дело

такое. Ты не можешь отдавать мне приказов, госпожа Тиффани Болен, если не возражаешь, конечно.

— То есть твоё чувство долга и приказ командира означают, что ты не можешь не помочь мне? — уточнила Тиффани.

— Ну да, госпожа, — отозвался Престон. — Это и ещё кой-какие соображения.

— Тогда ты и впрямь мне нужен, Престон, очень нужен! Я справлюсь и сама, но будет куда проще, если ты мне поможешь. Так вот что я попрошу тебя сделать...

Девушка была почти уверена, что призрак её не услышит, но всё-таки на всякий случай понизила голос, а Престон, не моргнув и глазом, выслушал её и сказал:

— Всё ясно-понятно, госпожа. Положитесь на временного представителя власти.

— Тьфу! Как я здесь оказался?

Что-то серое, липкое и вонючее, благоухая свиньями и пивом, пыталось перелезть через стену свинарника. Тиффани знала, что это Роланд, но только потому, что вряд ли сегодня ночью в свинарник бросили сразу двух женихов. Он воздвигся над стеной, точно какое-то болотное чудище, обтекая... ну, просто обтекая; нет нужды уточнять детали. От него отслаивались и отлетали какие-то ошмётки.

Роланд икнул.

— Ко мне в спальню забрела громадная свинья, и куда, ради всего святого, запропалились мои брюки? — заплетающимся от спиртного языком выговорил он. Молодой барон оглянулся по сторонам, и тут его не столько осенило, сколько огорошило: — Кажется, я не у себя в спальне, да? — пробормотал он и медленно сполз обратно в свинарник.

Тиффани почуяла призрака. Этот смрад выделялся на фоне смешанных запахов свинарника, как лисица среди кур. Призрак заговорил — и голос его сочился гниением и ужасом:

— *Я тебя чувствую, ведьма, ты здесь, и другие тоже. Мне они не нужны, но это новое тело, пусть и не слишком крепкое, имеет... свою настоящую потребность. Я — силён. Я иду. Ты не сможешь спасти всех. Сомневаюсь, что твоя проклятая летающая палка унесёт четверых. Кого ты бросишь? Отчего бы не бросить их всех? Отчего бы не бросить здесь докучливую соперницу, мальчишку, который пренебрёг тобою, и назойливого ухаждёра? О, я знаю ход твоих мыслей, ведьма!*

«Вот только мыслю я совсем иначе, — думала про себя Тиффани. — Ну, мне, может, и приятно видеть Роланда в свинарнике, но люди — это не

просто люди, люди всегда окружены обстоятельствами.

А ты — нет. Ты ведь больше не человек».

Рядом с нею Престон вытащил Роланда из свинарника с отвратительным чвякающим звуком и невзирая на бурные протесты свиньи. Повезло им обоим, что они не слышат этого голоса!

Тиффани запнулась. «Четверых? Докучливая соперница?» Но ведь их только трое: она сама, Роланд и Престон, разве нет?

Девушка поглядела в дальний конец поля, накрытый лунной тенью замка. К ним со всех ног бежала какая-то белая фигурка.

Это Летиция, кто ж ещё? Никто в здешних краях не носит такого количества развевающихся белых оборочек. Ум Тиффани лихорадочно просчитывал варианты.

— Престон, лети прочь. Бери метлу.

Престон кивнул, отсалютовал, расплылся в усмешке.

— К вашим услугам, госпожа!

Летиция примчалась в смятении чувств и в дорогих белых туфельках. Увидев Роланда, она остановилась как вкопанная, а Роланд уже достаточно протрезвел, чтобы попытаться прикрыть ладонями то, что Тиффани отныне и впредь будет мысленно называть его «любовными частями». Под пальцами захлюпало: Роланд был густо измазан свиным навозом.

— Один из его приятелей сказал мне, они швырнули его в свинарник потехи ради! — негодуяще заявила Летиция. — А ещё друзья называются!

— Наверное, они считают, что для этого друзья и нужны, — рассеянно отозвалась Тиффани. А про себя подумала: «Сработает или не сработает? Не упустила ли я чего-нибудь? Всё ли я правильно поняла? С кем я, собственно, сейчас разговариваю? Кажется, мне необходим знак, просто знак...»

Что-то зашуршало. Тиффани опустила глаза. Зайчиха встретила её взгляд — и неспешно, без паники, ускакала по стерне.

«Предположим, это было “да”», — сказала себе Тиффани и тут же запаниковала снова. Что это было, правда знамение или просто зверь достаточно стар, чтобы не удирать сразу при виде людей? Но, разумеется, неприлично просить о втором знаке в подтверждение того, что первый знак — не просто совпадение.

В этот момент, в этот самый момент Роланд запел — вероятно, потому, что был пьян, но ещё, возможно, и потому, что Летиция старательно счищала с него навоз, крепко зажмурившись, чтобы, будучи ещё незамужней девушкой, не увидеть ненароком чего-нибудь неприличного или неожиданного. А пел он вот что: «Утром ясным и прекрасным мир в

сияние одет, поднялась в полях пшеница, над холмом вставал рассвет, дрозд насвистывал на ветке, были рощи зелены, и звонко жаворонков трели разносились с вышины...» — Он умолк. — Мой отец часто напевал эту песню, когда мы с ним гуляли здесь, в полях... — Роланд уже дошёл до той стадии, когда пьяные начинают плакать, и слёзы катились по его щекам, смывая грязь и оставляя за собою розовые дорожки.

Но Тиффани подумала: «Спасибо. Знаки есть знаки. Ты выбираешь те, которые тебе подходят. А здесь — большое поле, поле, где дожигают остатки жнивья. *И зайчиха бежит в огонь.* О да, знаки. Знаменья. Они всегда важны».

— Слушайте меня, оба. И не вздумайте спорить, потому что ты, Роланд, вдрызг пьян, а ты, Летиция, — ведьма, — Летиция просияла, — под моим началом, как младшая, *поэтому вы оба будете делать то, что скажу я.* И тогда мы все, может быть, вернёмся в замок живыми.

Оба, замерев, слушали. Роланда слегка пошатывало.

— Когда я скамандую, — продолжала Тиффани, — каждый из вас пусть схватит меня за руку — *и бегите что есть мочи!* Поворачивайте, если поверну я, останавливайтесь, если я остановлюсь, хотя я очень сомневаюсь, что захочу остановиться. А главное, не бойтесь и *положитесь на меня.* Я знаю, что делаю, я в этом почти уверена. — На взгляд Тиффани, прозвучало это не слишком убедительно, но Роланд с Летицией вроде бы ничего не заметили. — А когда я скажу: «прыгайте!» — прыгайте, как будто за вами гонится сам дьявол, потому что так оно и будет.

Вонь сделалась нестерпимой. И заключённая в ней ненависть пульсировала у Тиффани в голове. «Палец у меня зудит, что-то злое к нам спешит*, — подумала она, вглядываясь в ночной мрак. — Нос мой чует мерзкий смрад, к нам спешит какой-то гад», — продолжила она, унимая пустую болтовню и зорко оглядывая далёкую изгородь: не заметит ли какого движения.

Да, вот он — чёрный силуэт.

К ним через всё поле шагала крепко сбитая фигура. Шагала медленно, но постепенно набирала скорость. Двигалась она как-то неуклюже. «Когда он завладевает чужим телом, владелец тела тоже становится его частью. И не спастись, и не уйти». Так сказала ей Эскарина. Ничто доброе, ничто способное на раскаянье просто не могло думать такие вонючие мысли. Тиффани схватила спорящих жениха и невесту за руки и потащила за собою, вынуждая перейти на бег. Та... тварь находилась между ними и замком. И двигалась куда медленнее, чем девушка ожидала. Тиффани рискнула оглянуться: в руках у преследователя блеснул металл. *Нож.*

— Ну же!

— В моих туфельках быстро не побегаешь, — напомнила Летиция.

— У меня голова трещит, — пожаловался Роланд.

Но Тиффани тащила их как на буксире вниз по склону, не обращая внимания на жалобы. Сухие стебли пшеницы цеплялись за бегущих, запутывались в волосах, царапали ноги и кололи ступни. Бежали они не быстро — от силы трусцой. Тварь упорно гналась за ними. Стоит им свернуть к безопасному замку, преследователь их настигнет.

Но и ему приходилось непросто. До какого предела можно напрягать и подгонять тело, если не разделяешь его боль, не чувствуешь, как разрываются его лёгкие, как колотится сердце, как трещат кости, не осознаёшь чудовищную муку, что заставляет бежать до последнего вздоха и даже после него? Госпожа Пруст в конце концов рассказала ей обо всём, что творил Макинтош, — шёпотом, потому что слова эти, произнесённые вслух, отравили бы самый воздух. На этом фоне много ли значит смерть маленькой певчей птички? И всё-таки именно она запечатлелась в сознании как преступление, которому нет прощения.

«Нет прощения тому, кто оборвал песню. Нет искупления тому, кто убил надежду во мраке. Я тебя знаю.

Это ты нашёптывал на ухо Пенни перед тем, как он избил свою дочь.

Ты — первый аккорд лютой музыки.

Ты выглядываешь из-за плеча человека, когда он подбирает первый камень, и хотя мне кажется, что ты — часть нас всех и мы никогда от тебя не избавимся, мы вполне способны превратить твою жизнь в ад.

Нет тебе пощады. И нет искупления».

Обернувшись назад, Тиффани разглядела лицо преследователя — уже гораздо ближе! — и удвоила усилия, пытаясь тащить вперёд усталую, сопротивляющуюся пару по ухабистому полю. Задыхаясь, она с трудом выговорила:

— Вы посмотрите на него! Только посмотрите! Вы хотите, чтобы он нас догнал?

Летиция коротко пискнула, её будущий муж застонал, разом протрезвев. Глаза злополучного Макинтоша налились кровью и едва не вылезали из орбит, губы растянулись в безумной ухмылке. Он попытался воспользоваться внезапно сократившимся расстоянием, но страх придал жениху с невестой сил: теперь уже они почти тащили Тиффани за собою.

Сейчас им предстояло бежать напрямик через поле. И всё зависело от Престона. К собственному своему удивлению, Тиффани не сомневалась в успехе. Престон — надёжный, твердила про себя она. Но позади уже

слышалось чудовищное бульканье. Призрак заставлял хозяина тела бежать всё быстрее; девушке чудилось, как нож со свистом рассекает воздух.

Главное — правильно рассчитать время. На Престона можно положиться. Он всё понял, ведь правда? Конечно, понял. Она в него верит.

Впоследствии Тиффани ярче всего вспоминалась тишина, нарушаемая только похрустыванием стеблей, прерывистым дыханием Летиции и Роланда и судорожным хрипом преследователя. А в её сознание врвался голос Лукавца:

— Ты расставляешь ловушку. Дрянь! Ты думаешь, я так легко попадусь снова? Маленькие девочки, играющие с огнём, обожгутся — а ты сгоришь, обещаю тебе, о, ты сгоришь дотла! И где тогда окажется ведьминская гордость? Сосуды нечистот! Прислужницы греха! Осквернительницы всего святого!

Тиффани не сводила взгляда с противоположного конца поля. Глаза слезились, а что поделать? От этой мерзости невозможно закрыться, она моросит, как ядовитый дождь, просачивается в уши и впитывается в кожу.

Позади снова свистнул нож; все трое бросились вперёд с удвоенной силой, но Тиффани знала: до бесконечности это продолжаться не может. Не Престон ли маячит во мраке впереди? А тогда что это за тёмная фигура рядом с ним, похожая на старуху-ведьму в остроконечной шляпе? На глазах у Тиффани фигура медленно растаяла.

И тут взметнулось пламя. Затрещали сухие стебли — огонь хлынул по полю им навстречу, словно рассвет; искры вспыхивали в небе новыми звёздами. Ветер набирал силу, и вновь послышался смердящий голос:

— Ты сгоришь! Ты сгоришь!

Ветер налетал шквалами, раздувая пламя, и вот уже по стерне, обгоняя ветер, неслась стена огня. Тиффани опустила глаза: зайчиха вернулась и без видимых усилий бежала наравне с ними. Она глянула на Тиффани и, высоко вскидывая лапы, помчалась напрямик навстречу огню, помчалась что было мочи.

— Бегите! — скомандовала Тиффани. — Огонь не обожжёт вас, если будете делать, что велю! Быстрее! Быстрее! Роланд, беги спасай Летицию! Летиция, беги спасай Роланда!

Огонь придвинулся почти вплотную. «Мне нужна сила, — думала Тиффани. — Мне нужна власть». В памяти всплыли слова нянюшки Ягг: «Мир меняется. Мир течёт. И в этом течении — сила и власть, моя девочка».

Свадьбы и похороны — это время силы... да, свадьбы!

Тиффани стиснула их руки ещё крепче. А вот и она. Потрескивающая,

ревущая стена пламени...

— Прыгайте!

И едва они оторвались от земли, Тиффани пронзительно закричала:

— *Скачи, потаскуха! Прыгай, стервец!*

Она почувствовала, как Роланд с Летицией взмыли в воздух, — и тут накатило пламя.

Время замерло. Под ними пронёсся кролик, в ужасе улепётывающий от огня. Лукавец обратится в бегство, подумала Тиффани. Он побежит от огня, но огонь побежит за ним. А огонь движется куда быстрее полумёртвого тела.

Тиффани парила в шаре жёлтого пламени. Мимо проплыла зайчиха — совершенно счастливая в своей стихии. «Мы не так проворны, как ты, — подумала Тиффани. — Нас опалит жаром». Она поглядела направо и налево, на невесту и жениха; оба глядели вперёд, словно загипнотизированные. Тиффани подтянула их поближе к себе. Она всё поняла. «Мы с тобой сыграем свадьбу, Роланд. То есть я тебя поженю. Я же обещала».

Из этого огня она сотворит нечто невыразимо прекрасное.

— Убирайся обратно в преисподнюю, откуда ты пришёл, ты, Лукавец! — заорала Тиффани, заглушая гул пламени. «*Скачи, потаскуха! Прыгай, стервец!*» — прокричала она снова. — *Нарекаю вас мужем с женой наконец!*» Это и есть свадьба, сказала себе она. Начало начал. И — на несколько кратких мгновений — здесь место силы. О да, место силы.

Они приземлились и покатались кубарем позади стены огня. Тиффани была наготове: затаптывала угли, сбивала последние мелкие язычки пламени. Откуда ни возмись, подоспел Престон, подхватил Летицию и вынес её за полосу пепла. Тиффани, поддерживая Роланда — он приземлился мягко (вероятно, на голову, не преминул уточнить внутренний голос), — последовала за Престоном.

— Похоже, отделались лёгкими ожогами да волосы кое-где опалило, — заметил Престон, — а что до твоего бывшего парня, кажется, грязь на нём запеклась коркой. Как тебе это удалось?

Тиффани перевела дух.

— Зайчиха проносится сквозь пламя так быстро, что не успевает почувствовать жара, — объяснила она. — А приземляется уже на горячий пепел. Травяной пал под сильным ветром выгорает очень быстро.

Позади послышался душераздирающий вопль. Тиффани представила себе, как неуклюжая фигура пытается убежать от гонимой ветром стены огня — и не успевает. Боль существа, что извращённо цеплялось за жизнь

вот уже много сотен лет, передавалась и ей.

— Вы трое, будьте здесь и за мной не ходите. Престон, пригляди за ними!

Тиффани прошла по остывающему пеплу. «Я должна увидеть своими глазами, — сказала себе она. — Мне нужно подтверждение. Я должна точно знать, что сделала!»

Одежда на трупе дымилась. Пульс не прощупывался. «Он совершил страшные преступления, — думала Тиффани, — он творил с людьми такое, от чего даже тюремных надзирателей выворачивало наизнанку. Но что когда-то сделали с ним? Что, если он — просто ухудшенная версия господина Пенни? Было ли в нём когда-либо что-то хорошее? Можно ли изменить прошлое? Где начинается зло?»

Девушка чувствовала, как в разум её червями заползают слова:

— *Убийца, дрянь, злодейка!*

Ей хотелось извиниться перед собственными ушами за то, что им приходится выслушивать. Но голос призрака звучал совсем слабо, еле слышно, брюзгливо, он уже таял в прошлом.

«Ты до меня не доберёшься, — думала Тиффани. — Ты исчерпал все свои силы. Ты слишком немощен. Трудно ли было заставить человека загнать себя до смерти? Нет, ты не войдёшь. Я чувствую, как ты пытаешься». Девушка нагнулась и вытащила из золы ещё тёплый кусочек кремня; здесь их повсюду валялось великое множество — этих камней, самых острых на свете. Кремень родился в мелу, и Тиффани в определённом смысле — тоже. Гладкая поверхность камня — это как прикосновение дружеской руки.

— Ты так никогда ничему и не научишься, да? — произнесла она. — Ты не понимаешь, что другие люди тоже умеют думать. Разумеется, ты бы в огонь не вбежал, но в своей заносчивости ты и вообразить не мог, что огонь побежит к тебе.

«Твоя власть — это только слухи да ложь, — думала Тиффани. — Ты прорываешься в сознание людей, когда они сбиты с толку, слабы, встревожены и напуганы, когда они думают, что их враг — другие люди, в то время как их враг — это ты, повелитель лжи. Так было, есть и будет. Снаружи ты страшен; изнутри ты беспомощен — и только.

А я изнутри — кремень».

Жар над полем постепенно остывал. Тиффани уверенно выпрямилась и стиснула в ладони камень. «Да как ты только посмел сюда сунуться, ты, червяк! Как ты посмел нарушить границы моего удела!» Тиффани сосредоточилась. Кремень в её руке постепенно разогревался, становился

всё горячее и, наконец, расплавился, и протёк между пальцев, и пролился на землю. Прежде Тиффани никогда такого не делала. Она набрала полную грудь воздуха: пламя каким-то образом очистило его от вони.

«А если ты однажды вернёшься, Лукавец, то здесь будет другая ведьма, такая же, как я. Всегда найдётся другая ведьма, такая же, как я, потому что всегда есть такие твари, как ты, потому что мы сами их впускаем. Но прямо сейчас, на этой кровоточащей земле, я — ведьма, а ты — ничто. *У меня мигает глаз — зло развеять пробил час*».

Шипение в голове угасло, оставив её наедине с собственными мыслями.

— Нет тебе пощады, — вслух произнесла она. — И нет искупления. Ты заставил человека убить безобидную певчую птичку, и отчего-то мне кажется, что это — самое страшное из твоих преступлений.

К тому времени, как она поднялась вверх по склону, усилием воли она снова стала той Тиффани Болен, которая умеет варить сыры и справляться с повседневными делами, а вовсе не плавит в пальцах камни.

Счастливая, пусть и слегка опалённая чета понемногу приходила в себя. Летиция села.

— Я прямо изжарилась, — промолвила она. — А откуда этот запах?

— Прости, но от тебя, — отозвалась Тиффани. — И боюсь, что этой роскошной кружевной ночной сорочкой теперь разве что окна мыть можно. Боюсь, мы прыгали медленнее зайца.

Летиция оглянулась.

— А Роланд... с ним всё в порядке?

— Он как огурчик, — весело заверил Престон. — Влажный свиной навоз оказался весьма кстати.

Летиция помолчала.

— А это... существо?

— Его больше нет, — произнесла Тиффани.

— Но с Роландом *точно* всё в порядке? — настаивала Летиция.

Престон усмехнулся.

— Да всё тип-топ, госпожа. Ничего важного у него не сгорело, хотя корочку счищать будет, наверное, немножко больно. Он вроде как запёкся, если вы понимаете, о чём я.

Летиция кивнула и медленно повернулась к Тиффани.

— А что ты такое сказала, когда мы прыгали?

Тиффани вдохнула поглубже.

— Я вас поженила.

— Ты, то есть вот прямо *ты*, поженила, то есть сочетала браком...

нас? — уточнила Летиция.

— Да, — кивнула Тиффани. — То есть решительно и бесповоротно. Прыгать вместе через костёр — это очень древний брачный обычай. И священников никаких не требуется, и на банкете большая экономия выходит.

Предположительная новобрачная обдумала эту мысль со всех сторон.

— Ты уверена?

— Ну, так мне нянюшка Ягг рассказывала, — отозвалась Тиффани, — и мне всегда хотелось попробовать.

Летиция одобрительно кивнула:

— Должна сказать, что госпожа Ягг — дама очень компетентная. Она удивительно много всего знает.

И Тиффани, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид, подтвердила:

— *Удивительно* много всего удивительного.

— О да... Эээ. — Летиция неуверенно откашлялась и добавила к «эээ» ещё и «гм».

— Что-то не так? — спросила Тиффани.

— То слово, каким ты меня назвала, когда мы прыгали... Мне кажется, это *плохое* слово.

Тиффани ожидала чего-то в этом роде.

— По-видимому, это традиция такая. — В голосе Тиффани уверенности тоже поубавилось. — Роланд ведь тоже не стервец. И в любом случае слова и словоупотребление с годами меняются.

— Это слово — вряд ли! — отрезала Летиция.

— Ну, всё зависит от обстоятельств и контекста, — объяснила Тиффани. — Но, Летиция, если честно, в критической ситуации ведьма воспользуется любым орудием; когда-нибудь ты, наверное, тоже это поймёшь. Кроме того, наше представление о словах меняется тоже. Вот например, ты знаешь значение слова «дородная»? — А про себя она думала: «Зачем я рассуждаю о пустяках? Знаю: это такой якорь; подтверждение тому, что я — человек и рядом — другие люди; это помогает смыть с души ужас».

— Да, — пробормотала будущая новобрачная. — Боюсь, в этом плане я, э, одарена небогато.

— Пару сотен лет назад это оказалось бы проблемой: в те времена в ходе брачного обряда невесте желали «дородства» в её будущей семейной жизни.

— Мне бы пришлось подушку под корсет подложить, да?

— Не совсем; «дородная» в тогдашнем понимании — это та, кто

способна «добавить к роду»: та, что станет хорошей женой и матерью — доброй, отзывчивой и покорной желаниям мужа.

— О, с этим-то я справлюсь, — заверила Летиция. — Во всяком случае, с первыми двумя пунктами, — добавила она с усмешкой. И откашлялась. — А что мы такого только что сделали, помимо того, что, как ни забавно, поженились?

— Ну, вы помогли мне поймать в ловушку одно из самых страшных чудовищ, что когда-либо оскверняли собою мир, — объяснила Тиффани.

Новобрачная оживилась.

— Правда? Как хорошо! — воскликнула она. — Я так рада, что это сделали *мы*. Не знаю, правда, как нам отплатить тебе за всю твою помощь.

— Ну, чистые старые простыни и подержанная обувь всегда пригождаются, — серьёзно отозвалась Тиффани. — Но тебе незачем благодарить меня за то, что я ведьма. Лучше поблагодари моего друга Престона. Он ради вас двоих подвергнулся настоящей опасности. Мы-то хотя бы держались вместе. А он тут был совершенно один.

— В действительности, строго говоря, это не вполне верно, — отозвался Престон. — Помимо всего прочего, мои спички отсырели, но, по счастью, господин Туп Вулли и его приятели великодушно одолжили мне свои. И просили передать тебе, что это ничего не значит, они же помогали мне, а не тебе! И, невзирая на присутствие дам, я вынужден сообщить, что они и впрямь здорово нам поспособствовали, раздувая пламя килтами. И должен сказать, что зрелище это незабываемое!

— Охотно бы на это посмотрела, — учтиво отозвалась Летиция.

— Как бы то ни было, — напомнила Тиффани, пытаясь прогнать мысленную картинку, — пожалуй, нам стоит вспомнить о том, что завтра вас куда более приличным образом поженит пастор Яйц. А знаете, что в этом «завтра» самое важно? Оно уже *сегодня*!

Роланд, который до сих пор тихо постанывал, сжимая руками голову, моргнул:

— Что сегодня?

Глава 15

ТЕНЬ И ШЁПОТ

В целом, на взгляд Тиффани, свадьба удалась неплохо, да, очень даже неплохо. Пастор Яйц, памятуя о присутствии в аудитории большого количества ведьм, свёл религиозную часть к минимуму. Невеста, рдея целомудренным румянцем, прошла через зал, и Тиффани подметила, что, перехватив взгляд нянюшки Ягг (та весело показала ей большие пальцы вверх), юная баронесса покраснела ещё больше. А затем новобрачных осыпали рисом, а потом, конечно же, аккуратно этот рис вымели, потому что выбрасывать еду очень дурно.

И началось всеобщее ликование, и поздравления, и, к удивлению некоторых, счастливая, сияющая герцогиня весело болтала со всеми, включая горничных, и для каждого у неё находилось доброе, приветливое слово. И только Тиффани знала, почему её светлость время от времени опасливо поглядывает в сторону госпожи Пруст.

Тиффани ускользнула из замка и поспешила на то самое поле под названием Король, помочь Престону: тот копал яму достаточно глубокую, чтобы даже плуг не вырыл ненароком обугленных останков, собранных и брошенных на дно. Потом они отмыли руки едким хозяйственным мылом: лишние меры предосторожности никогда не помешают. Строго говоря, свидание вышло не то чтобы романтическим.

— Как думаешь, он ещё вернётся? — спросил Престон, опершись на лопату.

Тиффани кивнула.

— Лукавец точно вернётся. Отраве всегда где-нибудь да рады.

— А чем ты займёшься теперь, когда он исчез?

— Ну, ты знаешь, много всего увлекательного: всегда есть кто-то, кому нужно ногу перевязать или нос высморкать. Словом, хлопот полон рот.

— Так ли оно увлекательно?

— Ну, наверное, не слишком, — признала Тиффани, — но по сравнению со вчерашним обычный день внезапно покажется *очень удачным днём*.

И они направились к залу, где свадебный завтрак уже плавно перетекал в обед.

— Ты — очень изобретательный и находчивый юноша, — обратилась

Тиффани к Престону, — и спасибо тебе большое за помощь!

Престон радостно покивал.

— А тебе спасибо на добром слове, госпожа, большое тебе спасибо, но с одной маленькой, как бы это получше выразиться, поправкой. Тебе, в конце концов, шестнадцать, ну, около того, а мне семнадцать, так что ты, наверное, согласишься, что называть меня юношей... признаю, нрав у меня по-юношески бодрый и неунывающий, но я старше тебя, моя девочка.

Повисла пауза.

— Откуда ты знаешь, сколько мне лет? — осторожно спросила Тиффани.

— Любопытствовал, — усмехнулся Престон. Радостная улыбка не сходила с его лица.

— Зачем?

Но ответа Тиффани не дождалась: из дверей зала вышел сержант, со шлема его дождём осыпались конфетти.

— А, вот ты где, госпожа. Барон о тебе спрашивал, и баронесса тоже. — Он помолчал и поулыбался. — Славно, что у нас снова есть баронесса. — Взгляд его упал на Престона, и сержант нахмурился. — Как всегда, лентяя празднуем, рядовой Престон?

Престон лихо отсалютовал.

— Вы не ошиблись в своём умозаключении, сержант; вы озвучили абсолютную истину.

Сержант, как всегда, одарил Престона озадаченным взглядом и недовольным хмыком, означавшим: «В один прекрасный день я выясню, что ты такое говоришь, парень, и то-то тебе влетит!»

Свадьбы очень похожи на похороны тем, что, когда всё заканчивается, никто, кроме главных действующих лиц, толком не знает, что теперь делать, и поэтому все интересуются, не осталось ли вина. Но Летиция выглядела ослепительно, что для новобрачной входит в обязательную программу, а слегка опалённые кончики волос были аккуратно спрятаны под сверкающую, искристую диадему. Роланд тоже вполне отмылся; если свинарником от него и попахивало, то только на очень близком расстоянии.

— Насчёт прошлой ночи... — нервно начал он. — Эгм, это всё на самом деле случилось, да? Я помню свинарник, а потом мы все долго бежали, но... — Голос его беспомощно умолк.

Тиффани оглянулась на Летицию. Та одними губами произнесла:

— Я помню всё!

Да, она действительно ведьма, подумала про себя Тиффани. Это обещает быть интересным.

Роланд откашлялся. Тиффани улыбнулась.

— Дорогая госпожа Болен, — начал он, и в кои-то веки Тиффани простила ему «публично-ораторский» голос. — Я сознаю, что я оказался причастен к нарушению принципов естественного права в отношении твоей достойной особы. — Он умолк и снова откашлялся, а Тиффани подумала: «От души надеюсь, Летиция посбивает с тебя чопорность». — Памятуя об этом, я переговорил с юным Престоном, а тот в своей дружелюбной манере поболтал с посудомойками и выяснил, куда делась сиделка. Часть денег она успела потратить, но большая часть здесь, и я рад сообщить, что эти деньги — твои.

В этот момент кто-то ткнул Тиффани в бок. «Кем-то» оказался Престон; он прошептал:

— И вот это мы тоже нашли.

И Престон вложил ей в руку потёртую кожаную папку. Она благодарно кивнула и обернулась к Роланду.

— Твой отец хотел отдать тебе вот это. Возможно, она для тебя ценнее всех этих денег. Советую заглянуть в неё, когда ты останешься один.

Роланд повертел в руках папку.

— А что это?

— Просто воспоминание, — отозвалась Тиффани. — Просто воспоминание.

Сержант шагнул вперёд и высыпал содержимое тяжёлого кожаного кошелька на стол, среди бокалов и цветов. Гости охнули.

«Мои сёстры ведьмы следят за мною зорче ястребов, — думала Тиффани, — а ещё за мною пристально наблюдают едва ли не все, кого я знаю и кто знает меня. Я должна всё сделать правильно. Причём так, чтобы всем надолго запомнилось».

— Думаю, вам лучше оставить эти деньги себе, сэр, — проговорила Тиффани. Роланд облегчённо выдохнул, но девушка продолжала: — Однако у меня есть несколько простеньких просьб от имени других людей.

Летиция ткнула мужа в бок, и он развёл руками.

— Сегодня моя свадьба! Как я могу отказать в просьбе?

— Девушка по имени Амбер Пенни нуждается в приданом, которое, к слову сказать, позволит её жениху оплатить ученичество у мастера; не знаю, известно ли вам, не кто иной, как этот талантливый юноша, сшил платье, в настоящий момент украшающее вашу прелестную молодую жену. Доводилось ли вам видеть что-либо более прекрасное?

Раздался гром аплодисментов, а приятели Роланда так даже засвистели, перебрасываясь шуточками в духе:

— Это про девушку или про платье?

Когда всё стихло, Тиффани продолжила:

— Более того, с вашего позволения, сэр, пообещайте, что благосклонно прислушаетесь к сходной просьбе от любого юноши или девушки с Мела. Вы наверняка согласитесь, я прошу куда меньше, чем вам возвращаю.

— Тиффани, ты, конечно, права, — отозвался Роланд, — но, сдаётся мне, у тебя на уме есть ещё что-то.

— Как хорошо вы меня изучили, сэр, — отозвалась Тиффани, и Роланд на краткий миг зарумянился. — Я хочу школу, сэр. Я хочу, чтобы здесь, в Меловых холмах, была школа. Я уже давно об этом задумывалась — собственно, задолго до того, как подобрала название для того, чего хочу. На Родной ферме есть старый амбар; прямо сейчас он не используется, и, думаю, за неделю или около того мы приведём его в порядок.

— Ну, раз в несколько месяцев сюда забредают странствующие учителя, — напомнил барон.

— Да, сэр, я знаю, сэр, и они ни на что не годны, сэр. Они учат фактам, а не пониманию. Это как если бы вы объясняли людям, что такое лес, показывая им пилу. Я хочу устроить настоящую школу, сэр, где бы учили писать и читать, а главное — думать, сэр, чтобы люди могли выяснить, в чём их талант, сэр, потому что когда люди занимаются любимым делом, это всегда на пользу любой стране, а ведь частенько понимание это приходит слишком поздно. — Тиффани намеренно не глядела в сторону сержанта, однако с удовольствием отметила, что в зале все зашушукались. Заглушая перешёптывания, она продолжила: — В последнее время я часто жалела, что не в силах изменить прошлое. Да, этого я не могу, зато могу изменить настоящее, так что, когда оно станет прошлым, это окажется достойное прошлое. И мне бы хотелось, чтобы мальчики больше узнали о девочках, а девочки — о мальчиках. Знание позволяет понять, кто ты, и что ты, и где ты, и на чём стоишь, и чего стоишь, и что там за горизонтом — ну, словом, всё. Знание помогает отыскать своё место в мире. Я такое место нашла, чего желаю всем и каждому. А на роль первого учителя этой школы мне хотелось бы предложить Престона. Он, в сущности, знает всё, что нужно знать.

Престон низко поклонился, стянув с головы шлем. Все засмеялись. Но Тиффани ещё не закончила:

— А его вознаграждением за год преподавания будет, да, сумма, достаточная, чтобы он смог приобрести те самые буквы, которые доктора ставят после своего имени. Ведьмы не могут взять на себя абсолютно всё, и

доктор в наших краях не помешал бы.

Поднялся одобрителный гул, как оно обычно бывает, когда люди сообразили, что того гляди получат что-то стоящее, причём совершенно бесплатно. Когда буря восторгов стихла, Роланд посмотрел в глаза сержанту:

— Вы ведь сумеете обойтись без воинской доблести Престона, сержант, не так ли?

Последовал взрыв смеха. «Это хорошо, — подумала Тиффани, — смех заставляет людей задуматься».

Сержант Брайан, скрывая улыбку, очень серьёзно ответил:

— Это для нас тяжкий удар, сэр, но, думаю, мы как-нибудь справимся, сэр. Да, я думаю, я вправе утверждать, что уход рядового Престона существенно повысит общую эффективность подразделения, сэр.

Те, кто ничего не понял, дружно заплодировали; те, кто понял, расхохотались.

Барон хлопнул в ладоши.

— Что ж, госпожа Болен, сдаётся мне, ты получила всё, о чём просила?

— Вообще-то, сэр, просить я ещё не закончила. Есть ещё одна просьба, и она не будет вам стоить ни пенни, так что на этот счёт не тревожьтесь. — Тиффани перевела дух и выпрямилась, пытаясь казаться выше. — Я требую, чтобы вы даровали народу, известному как Нак-мак-Фигли, все холмы над Родной фермой, и пусть земля эта принадлежит им по закону так же, как и по справедливости. Можно составить официальный документ о передаче права собственности, а о расходах не беспокойтесь — я знаю одного жаба, который всё сделает в лучшем виде за горсть жуков, — и пусть там будет сказано, что со своей стороны Фигли предоставляют всем пастухам и овцам неограниченный доступ в холмы, но на их землях под запретом — и это важно! — любой острый металл, кроме разве что обыкновенного ножа. Всё это ничего не будет вам стоить, милорд барон, зато вы и ваши потомки, а я надеюсь, вы собираетесь обзавестись потомством, — здесь Тиффани вынуждена была прерваться: грянул дружный смех, в котором ведущую роль сыграла нянюшка Ягг, — так вот, милорд барон, я считаю, вы тем самым заручитесь дружбой, которая не умрёт вовеки. Вы получите всё, не потеряв ничего.

Надо отдать ему должное, Роланд, ни минуты не поколебавшись, произнёс:

— Я сочту за честь вручить Нак-мак-Фиглям дарственную на их земли, и я сожалею, нет, я приношу свои искренние извинения за все

недоразумения, возникавшие между нами. Как ты правильно указала, эта земля должна принадлежать им по закону так же, как и по справедливости.

Эта краткая речь произвела должное впечатление на Тиффани. Пусть звучала она немного напыщенно, но намерения у барона были самые добрые, а пышный слог устраивал Фиглей как нельзя лучше. К вящей её радости, на балках под самым потолком в свой черёд послышалось шушуканье. А барон — вот теперь он выглядел как самый настоящий барон! — продолжил:

— Мне бы очень хотелось сказать им об этом лично и прямо сейчас.

И из темноты под потолком донеслось громогласное:

— РАСКУДРЫТЬ!

Подул холодный серебряный ветер. Тиффани открыла глаза — в ушах её ещё звенели ликующие вопли Фиглей. Но теперь вокруг шелестели под ветром сухие травы. Тиффани попыталась сесть, но не вышло. За её спиной послышался голос:

— Не ёрзай, пожалуйста, ты усложняешь мою работу.

Тиффани попыталась повернуть голову.

— Эскарина?

— Да. Тут кое-кто хочет поговорить с тобой. Теперь можешь встать; я уравнивала узловые модули. Не задавай вопросов; ответов ты всё равно не поймёшь. Ты находишься в передвижном настоящем. От времени до времени, как говорится. Оставляю тебя с твоей подругой... боюсь, времени у вас немного при заданном значении времени. Но я должна защитить сына...

— То есть у вас есть... — начала было Тиффани. И тут же прикусила язык: прямо перед нею сгустилась фигура и приобрела очертания ведьмы, классической ведьмы, в чёрном платье, чёрных башмаках (очень даже изящных, отметила про себя Тиффани) и, конечно же, в остроконечной шляпе. А ещё на ней была подвеска. Золотой заяц на цепочке.

Сама ведьма была стара, но точный возраст определить не удавалось. Она держалась гордо, под стать матушке Ветровоск, но, подобно нянюшке Ягг, ясно давала понять, что не воспринимает бремя лет всерьёз.

Тиффани не отрывала глаз от подвески. Украшения надевают, чтобы что-то сообщить миру. Если подумать, в них всегда заключён некий смысл.

— Ну ладно, ладно, — проговорила Тиффани. — У меня только один вопрос: я ведь не хоронить тебя пришла, правда?

— Надо же, какая ты смышлёная, — похвалила женщина. — Ты тотчас сочинила прелюбопытную историю и сразу же догадалась, кто я. — Она рассмеялась. Голос прозвучал неожиданно молодо. — Нет, Тиффани. Предположение твоё интригующе макабрическое, но ответ — «нет». Помню, как матушка Ветровоск рассказывала мне: если докопаться до сути, так весь мир состоит из историй, а Тиффани Болен замечательно удаются развязки.

— Это мне-то?

— Ну да. Классический финал для романтической истории — свадьба или получение наследства, а ты сумела устроить и то и другое. Отличная работа.

— Ты — это я, верно? — спросила Тиффани. — Вот что означало «помоги себе сама», да?

Тиффани-старшая улыбнулась — очень милой улыбкой, не преминула отметить девушка.

— Собственно говоря, я и вмешивалась-то самую малость. Например, сделала так, чтобы ветер подул посильнее... хотя, если я правильно помню, некая община маленьких человечков своим воодушевлением немало поспособствовала успеху всего предприятия. Я никогда не могу сказать с уверенностью, не подводит ли меня память. Это всё путешествия во времени.

— Ты умеешь путешествовать во времени?

— Да, с небольшой помощью нашей общей подруги Эскарины. Но только как тень и шёпот. Это немножко похоже на мой... *наш* фокус с невидимостью: надо просто сделать так, чтобы время перестало тебя замечать.

— Но зачем ты хотела поговорить со мной? — спросила Тиффани.

— Да просто вспомнила, что мы с тобой говорили... дурацкий ответ, правда? — вздохнула Тиффани-старшая. — Извини, это опять-таки путешествия во времени. Наверное, я хотела сказать тебе, что всё более-менее срабатывает как надо. Всё встаёт на свои места. И ты сделала первый шаг.

— Значит, будет и второй? — удивилась Тиффани.

— Нет, будет следующий первый шаг. Каждый шаг — это первый шаг, если сделать его в правильном направлении.

— Погоди-ка, — спохватилась Тиффани. — Я ведь однажды стану тобой? Значит, однажды я буду говорить с собой снова?

— Да, но та ты, с кем ты будешь разговаривать, будет не вполне тобой. Мне страшно жаль, но я вынуждена рассуждать о путешествиях во времени на языке, который толком ничего не объясняет. Если вкратце, Тиффани, то согласно теории эластичных струн на протяжении всего остального времени Тиффани-старшая будет где-то разговаривать с Тиффани-младшей, а самое удивительное то, что в каждом случае они будут немного другими. И когда ты встретишь себя-младшую, ты скажешь ей то, что, на твой взгляд, ей следует знать.

— Но у меня есть вопрос, — заявила Тиффани. — И я очень хочу получить на него ответ.

— Тогда поторопись, — велела Тиффани-старшая. — Теория эластичных струн, или чем бы уж там Эскарина ни пользовалась, ограничивает нас во времени.

— Так вот, — начала Тиффани, — скажи мне хотя бы, будет ли у меня когда-нибудь?..

Тиффани-старшая померкла и, улыбаясь, растаяла в воздухе, но Тиффани расслышала одно-единственное слово. Что-то вроде:

— *Вслушайся.*

И Тиффани снова оказалась в зале, словно и не покидала его ни на миг; люди ликовали и радовались, и повсюду, куда ни глянь, кишели Фигли. А рядом с нею стоял Престон. Словно бы внезапно растаял лёд. Но вот девушка восстановила равновесие и перестала задаваться вопросом, что произошло — что такое произошло на самом деле? — и оглянулась на прочих ведьм. Те совещались между собой, словно выносящие вердикт судьи.

Но вот переговоры закончились, и ведьмы во главе с матушкой Ветровоск целенаправленно двинулись к ней. А подойдя поближе, поклонились и приподняли шляпы, что в ведьминском ремесле служит данью уважения.

Матушка Ветровоск строго глянула на неё.

— Вижу, Тиффани, ты руку обожгла.

Тиффани опустила взгляд.

— Я не заметила. А можно, я теперь спрошу вас, матушка? Вы бы все и вправду меня убили, да?

Прочие ведьмы изменились в лице.

Матушка Ветровоск оглянулась по сторонам и с минуту помолчала.

— Скажем так, молодая женщина, мы бы сделали всё возможное, чтобы этого избежать. Но в общем и целом, Тиффани, мы считаем, что сегодня ты поступила по-женски. Место ведьмы — в центре событий. Так вот, мы тут осмотрелись и видим: ты настолько в центре, что твой удел прямо-таки вращается вокруг тебя. Однако ты сама себе хозяйка, и пора бы тебе уже взять ученицу, жаль зарывать такой талант в землю. Мы оставляем этот удел в надёжных руках.

Ведьмы заплодировали; к аплодисментам присоединились и другие гости, хотя последних фраз они не поняли. Зато вполне прочувствовали, что здесь, перед ними, собрались престарелые, опытные, важные и страшные ведьмы. И все они выказывают почтение Тиффани Болен, а ведь Тиффани — местная, одна из нас, она — *наша* ведьма. Выходит, она — ведьма весьма выдающаяся, а значит, Мел — наверняка очень важное место. Нет, они об этом и без того знали, но всегда приятно, если это признают публично. Люди гордо приосанились.

Госпожа Пруст снова сняла шляпу.

— Пожалуйста, приезжай в город снова и ничего не бойся, госпожа Болен. Думаю, могу пообещать тебе тридцатипроцентную скидку на весь ассортимент «Боффо», за исключением скоропортящихся товаров и расходных материалов, а это тебе не фунт изюму!

Ведьмы снова дружно приподняли шляпы и смешались с толпой.

— А ты ведь только что навела порядок в чужих жизнях, — сообщил Престон за её спиной. Тиффани стремительно развернулась, а он со смехом шагнул назад и добавил: — Но в положительном смысле. Ты — *ведьма*, Тиффани. *Ведьма!*

Гости пили за здоровье молодых, и угощения не убывало, были танцы, и смех, и дружество, и усталость, а в полночь Тиффани Болен поднялась на своей метле высоко над Меловыми холмами, и легла на спину, и поглядела вверх, на Вселенную, а потом вниз, на тот кусочек Вселенной, что принадлежал лично ей. Да, она — ведьма и парит в вышине над миром, но надо отметить, что её ремень безопасности надёжно пристёгнут.

Метла плавно поднималась и опускалась во власти тёплого ветра, а Тиффани, во власти усталости и темноты, раскинула руки навстречу мраку и, на краткий миг, пока мир вращался, облеклась в цвета полуночи.

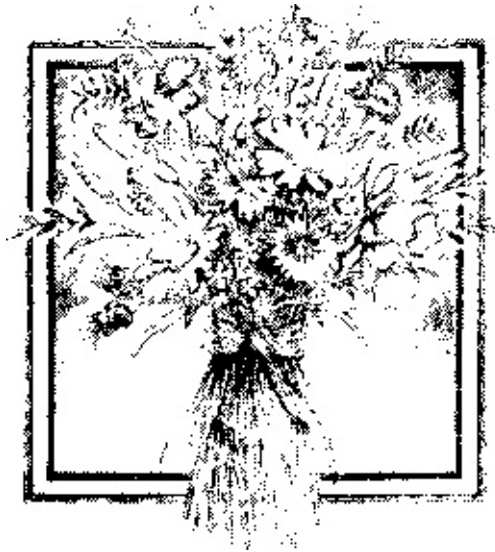
Тиффани опустилась вниз не раньше, чем солнце покрыло горизонт тонкой корочкой света. Разбудило её пение птиц. Из конца в конец над Мелом в симфонии текущего звука вспархивали жаворонки — каждое утро

в холмах начиналось так. Трели жаворонков и впрямь разносились с вышины звонко и чисто! Жаворонки взмывали ввысь, проносясь мимо метлы и не обращая на неё никакого внимания, а Тиффани заморожённо слушала, пока последняя птица не затерялась в лучезарном небе.

Тогда Тиффани приземлилась, приготовила завтрак для прикованной к постели старушки, накормила её кошку и зашла посмотреть, как там сломанная нога Трюизма Боксёра^[35]. На полпути её перехватил сосед старой госпожи Стяжки, которая якобы за ночь разучилась ходить, но Тиффани благополучно справилась с этой проблемой, указав, что старушка, надевая панталоны, по недосмотру засунула обе ноги в одну штанину.

А потом Тиффани отправилась в замок, поглядеть, что ещё нужно сделать.

В конце концов, она же ведьма.

Эпилог

ПОЛНОЧЬ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

И вот снова настала расчисточная ярмарка, всё с той же шумной шарманкой, и ловлей ртом лягушек, и смехом, и гаданиями, и карманниками (правда, от ведьминых карманов они держались подальше), но в этом году, с общего согласия, обошлось без сырных гонок. Тиффани прошла по ярмарке из конца в конец, кивая знакомым, то есть всем подряд, и наслаждаясь солнечным днем. Неужели целый год прошёл? Столько всего случилось, но всё слилось воедино, точно звуки ярмарки.

— Добрый день, госпожа.

Да это же Амбер со своим пареньком... со своим мужем.

— Я вас едва узнала, госпожа, — весело промолвила Амбер, — без остроконечной-то шляпы, если понимаете, о чём я.

— Да я вот решила, побуду сегодня просто Тиффани Болен, — отозвалась девушка. — В конце концов, праздник же.

— Но вы ведь всё равно ведьма?

— О да, я всё равно ведьма, но для этого мне совсем необязательно быть шляпой.

Муж Амбер рассмеялся.

— Я понимаю, о чём вы, госпожа. Вот клянусь вам, люди иногда считают, будто я — просто пара рук!

Тиффани смерила его взглядом. Их, конечно, должным образом познакомили в тот день, когда она поженила их с Амбер, и юноша уже тогда произвёл на неё впечатление. Про таких говорят «за ним как за каменной стеной»: надёжный, работающий, и востёр, как его иголки. Такой далеко пойдёт и Амбер с собой захватит. А после того, как Амбер закончит обучение у кельды, как знать, куда *она* уведёт *его*?

Амбер опиралась на его руку, точно на могучий дуб.

— Мой Вильям для вас подарочек приготовил, госпожа, — сообщила она. — Ну же, Вильям, показывай!

Юноша вручил Тиффани свёрток и откашлялся.

— Не знаю, госпожа, следите ли вы за модами, но сейчас в большом городе совершенно замечательные ткани делают, так что, когда Амбер подала мне идею, я про них тут же и подумал. А ещё нужно, чтобы оно легко стиралось, для начала-то, и, наверное, юбка должна быть с разрезами

для метлы, и рукава, пышные у плеча и узкие от локтя до запястья — такой крой «баранья нога» называется, в этом сезоне по ним все с ума сходят, и манжеты на тугих пуговичках, чтобы плотно облегли и не мешались; и внутренние карманы, по возможности незаметные. Надеюсь, вам подойдёт, госпожа. Я здорово наловчился снимать мерки на глаз, правда!

Амбер нетерпеливо запрыгала на месте.

— Госпожа, а наденьте! А примерьте! Ну же, госпожа!

— Что? На глазах у всей толпы? — возразила Тиффани смущённо и вместе с тем заинтригованно.

Но отделаться от Амбер было не так-то просто.

— Так есть же ж шатёр матери и ребёнка, госпожа! Мужчины туда и носу не сунут, госпожа, не беспокойтесь! Побоятся, что им дадут поддержать младенца, а он, чего доброго, срыгнёт!

Тиффани сдалась. Свёрток казался богатым на ощупь: мягкий, шелковистый, точно перчатка. Матери и младенцы наблюдали, как она переодевалась в платье, и звуки младенческой отрыжки перемежались завистливыми вздохами.

Амбер, пылая воодушевлением, протиснулась внутрь сквозь откидной клапан и задохнулась от восторга:

— Ой, госпожа, ой, госпожа, до чего ж вам идёт-то! Ой, госпожа! Вы бы сами себя видели, госпожа! Пожалуйста, выйдите покажитесь Вильяму, госпожа, он прямо лопнет от гордости! Ой, госпожа!

Отказать Амбер просто язык не поворачивался. Это же всё равно что, ну, щенка пнуть.

Без шляпы Тиффани чувствовала себя совсем по-другому. Как-то легче. Вильям в свой черёд охнул:

— Жаль, тут нет моего хозяина, госпожа Болен, потому что вы — просто шедевр. Эх, если бы вы только могли себя видеть... госпожа?

На краткую долю мгновения, чтобы люди ничего не заподозрили, Тиффани вышла из тела и посмотрела со стороны, как она кружится в дивном наряде, чёрном, как набитая шестипенсовиками кошка, и подумала: «Я буду носить платье цвета полуночи — и у меня хорошо получится...»

Она поспешно вернулась в тело и застенчиво поблагодарила молодого портного:

— Платье просто восхитительное, Вильям, и я охотно слетаю показаться твоему хозяину. Манжеты — прелесть что такое!

Амбер снова запрыгала от нетерпения.

— Надо бы поторопиться, мы же хотим посмотреть перетягивание каната, госпожа, — Фигли против людей! То-то весело будет!

Действительно, где-то неподалёку раздавался оглушительный рёв: Фигли разогрелись. В свой традиционный девиз они уже внесли некоторые изменения:

— Долой Королька! Долой Кральку! Долой господавов! Барон, один шукс — на взаимопрриемлемых условиях, ыть!

— Вы ступайте вперёд, — отозвалась Тиффани. — Я тут кой-кого подожду.

Амбер на миг замешкалась.

— Только не ждите слишком долго, госпожа, не ждите слишком долго!

Тиффани медленно шла в новом чудесном платье, гадая про себя, а осмелится ли носить его каждый день, и тут... чьи-то ладони легли ей на глаза.

— Букетик для прекрасной дамы? Как знать, глядишь, он поможет тебе найти суженого.

Тиффани стремительно развернулась.

— Престон!

Неспешно удаляясь прочь от шумной толпы, они разговаривали обо всём на свете. На Тиффани обрушилась целая лавина новостей: и про смышлёного парнишку, нового школьного учителя, которого Престон обучил себе на смену, и про экзамены, и про докторов, и про Бесплатную больницу госпожи Сибиллы, в которую — и это самое главное! — только что приняли нового практиканта, то есть, собственно, Престона, видимо решив, что если он способен кому угодно зубы заговорить, то у него наверняка есть способности не только к стоматологии, но и к хирургии.

— Боюсь, выходных у меня будет немного, — вздохнул он. — Практикантов на выходные не отпускают; а спать мне придётся прямо там, под автоклавом, и следить, чтобы пилы и скальпели были в порядке; а все кости я и так наизусть знаю!

— Ну, на метле до города не так уж и далеко, — отозвалась Тиффани.

Выражение лица Престона изменилось. Он пошарил в кармане, достал что-то, завернутое в папиросную бумагу, и, ни слова не говоря, вручил девушке.

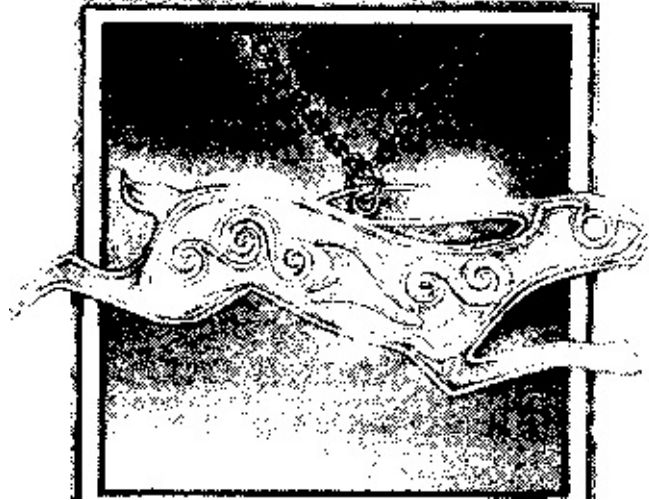
Тиффани развернула подарок, зная — однозначно и безоговорочно, — что это окажется золотой заяц. Других вариантов просто быть не могло. Она попыталась найти подходящие слова, ну да у Престона слов всегда было в избытке.

— Госпожа Тиффани, ведьма... — произнёс он. — Будь так добра, подскажи мне: как звучит любовь?

Тиффани взгляделась в его лицо. Шум от перетягивания каната стих.

Птицы смолкли. В траве кузнечики перестали тереть надкрылья и поглядели вверх. Земля чуть качнулась: даже меловой гигант напряг слух (ну, наверное), мир затопило безмолвие — и, наконец, остался только Престон, который был всегда.

— Вслушайся — и услышишь, — сказала Тиффани.

От автора

По роду занятия я — сочинитель, то есть с помощью слов создаю то, чего не существует, а создавать то, чего не существует, лучше всего из реальности...

Когда я был совсем маленьким — последний ледниковый период как раз только-только закончился, — мы жили в домике, который Тиффани Болен показался бы очень знакомым. У нас была холодная вода, но не было электричества, а мылись мы раз в неделю, потому что жестяную ванну приходилось затаскивать внутрь — она висела на гвоздике с наружной стороны кухонной стены, а заполнять её приходилось долго, потому что мама кипятила воду в одном-единственном чайнике. Первым ванну принимал я, как самый младший, потом мама и потом папа, и, наконец, собака, если папе казалось, будто от неё пахнет.

В деревне жили старики, родившиеся ещё в юрском периоде, — мне они казались все на одно лицо, в кепках и солидных штанах на толстенных кожаных ремнях. Одного из них звали мистер Аллен; он отказывался пить воду из-под крана, потому что «в ней ни вкуса, ни запаха». Он пил воду с крыши, собирая её в дождевую бочку.

С вероятностью, пил он не только дождевую воду, потому что нос его напоминал две вмятые друг в друга клубничины^[36].

Мистер Аллен посиживал на солнышке перед своим домиком на старой кухонной табуретке и наблюдал за миром, а мы, мальцы, наблюдали за его носом: вдруг взорвётся? Однажды мы с ним болтали о том о сём, и он внезапно спросил:

— Ты видел, как жгут стерню, парень?

Конечно, я видел; не рядом с нашим домом, конечно, но когда мы ездили к побережью на каникулы: иногда дым над горящей стернёй поднимался так густо, что казалось, мы в тумане. Стерня — это то, что осталось на земле после того, как пшеницу сжали. Выжигают её, чтобы избавиться от болезней и вредителей, но в процессе гибнет очень много мелких зверушек и птиц. Вот почему эту практику давно запретили.

Однажды, когда по нашей улице проехала телега с собранным урожаем, мистер Аллен спросил:

— Ты зайчиху видал, парень?

Я ответил:

— Да, конечно. (Если вы никогда не видели зайца, представьте себе

очень прыгучий гибрид кролика и борзой.)

А мистер Аллен рассказал:

— Зайчиха не боится огня. Она укрощает пламя взглядом, перепрыгивает через него и благополучно приземляется по ту сторону.

Мне в ту пору было лет шесть-семь, но я хорошо запомнил эти слова, потому что мистер Аллен вскоре умер. Потом, став много старше, в одной букинистической лавке я нашёл книгу под названием «Прыжок зайца», за авторством Джорджа Юарта Эванса* и Дэвида Томпсона, и узнал из неё много всего такого, чего никогда бы не осмелился выдумать.

Мистер Эванс (он умер в 1988 году) в ходе своей долгой жизни разговаривал с теми, кто работал на земле, причём в качестве тягловой силы использовал лошадей, а не трактор; такие люди видели живую природу повсюду вокруг. Подозреваю, что его рассказчики кое-что приукрашивали, но ведь от этого рассказ делается только лучше; я вот тоже, нимало не стесняясь, доработал для вас легенду о зайчихе. Если это неправда, что ж, правде следовало быть именно такой.

Я посвящаю эту книгу мистеру Эвансу, удивительному человеку, который помог столь многим из нас изучить глубины истории, над которыми мы скользим. Очень важно знать, откуда мы пришли, потому что, если не знаешь своих истоков, ты не знаешь, где ты и кто ты, а если не знаешь, где ты и кто ты, так не знаешь и куда идёшь. А если ты не знаешь, куда идёшь, так, скорее всего, ты сбился с пути.

Терри Пратчетт Уилтшир 27 мая 2010

Комментарии

Стр. 16

Эта фигура со всей определённостью изображала мужчину без штанов и уж всяко не женщину.

Этот гигантский геоглиф в Меловых холмах Плоского мира, точно так же, как и Белая Лошадь во втором романе цикла («Шляпа, полная неба»), списан Терри Пратчеттом с действительно существующей достопримечательности — с Великана из Серн-Эббаса (*Cerne Abbas Giant*), меловой фигуры на западном склоне крутого Великаньего холма (он же — холм Трендл) поблизости от деревушки Серн-Эббас в английском графстве Дорсет. Иногда фигуру называют просто Великаном, или Сернским Великаном, или — Невежей (и есть за что!). Изображён Великан нагишом, в высоту достигает 55 м, в ширину — 51 м, в руке сжимает шишковатую дубинку (37 м длиной), и, скажем так, отсутствие на великане штанов и наличие того, что красуется вместо штанов, — едва ли не самая примечательная деталь этого изображения. (Считается, что откритки с изображением Великана — это единственные «неприличные» картинки, которые разрешено посылать по английской почте.) Контур фигуры вырезан в дёрне и почве, а канавки глубиной 0,6 м заполнены меловой крошкой. Изображение слегка менялось с течением лет: так, археологи установили, что некогда через левую руку Великана был переброшен плащ (или звериная шкура). А в 1993 году Национальный трест подновил Великану нос, почти стёршийся за многие годы.

Происхождение геоглифа и его точный возраст неизвестны. Как и в случае некоторых других английских меловых фигур, считается, что Великан был вырезан в глубокой древности, однако самые ранние упоминания о нём относятся лишь к концу XVII века, и доказать, существовал ли Великан во времена кельтов, римлян или хотя бы в раннем Средневековье, затруднительно. Если Уффингтонская Белая Лошадь была создана в 800–700 гг. до н. э., чему есть неоспоримые подтверждения, то Великан, возможно, появился только в XVII в. как политическая сатира на Оливера Кромвеля (ведь Кромвеля в насмешку называли Английским Гераклом, а Геракла часто изображали с плащом из шкуры Немейского льва). Впрочем, некоторые исследователи считают, что Великан восходит к эпохе римского владычества и является изображением римского героя Геракла как такового. По ещё одной версии, Великан представляет собою

некое кельтское божество и создан между 10 и 51 г. н. э.

А вот холм Трендл, несомненно, существовал задолго до появления меловой фигуры и сам по себе является исторической достопримечательностью. На нём сохранились остатки романо-бриттских земляных укреплений под названием Трендл, или Сквородка: бриттское поселение и, по-видимому, погребальный курган железного века, где, возможно, похоронен некий герой, впоследствии изображённый на склоне в виде нагого Великана.

В начале XX в. и Великан, и склон холма, на котором он изображён (4000 кв. м), были подарены Национальному тресту тогдашними землевладельцами; сейчас это — исторический памятник, охраняемый государством. Раз в 25 лет Национальный трест проводит «прополку» и «расчистку» Великана, а при необходимости в канавки подсыпают мела. Во время «расчистки» геоглифов (не только Великана, но и Белой Лошади) действительно устраиваются «расчисточные ярмарки», и развлекаются на них примерно так же, как и в мире Пратчетта (включая сырные гонки и вылавливание ртом яблок).

Каково бы ни было его происхождение, Великан из Серн-Эббаса прочно вошёл в культуру и в фольклор Дорсета. Точно так же, как и его «двойник» в мире Пратчетта, он ассоциируется с культом плодородия и с плодовитостью; с ним связан целый ряд обрядов, церемоний и поверий. В прошлом местные жители устанавливали майский шест посреди земляных укреплений, и бездетные пары танцевали вокруг него: считалось, это поможет им обзавестись потомством. Согласно местному поверью, если женщина, страдающая бесплодием, заснёт на меловой фигуре, то излечится от своего недуга.

Великан из Серн-Эббаса не единственный в своём роде. Есть ещё Верзила из Уилмингтона, или Уилмингтонский Великан: фигура на склоне холма Уиндовер, 72 м в высоту, с двумя палками в руках. Неолитическое происхождение этого Великана не подтвердилось — геоглиф был создан в XVI–XVII вв., но и с ним тоже связаны языческие обряды: так, на рассвете первого мая у основания фигуры танцуют моррис. Были и другие сходные изображения — например, Великаны из Плимут-Хоу, изображения Гога и Магога. Их тоже время от времени расчищали, но до сегодняшнего дня они не сохранились. Наряду с Уффингтонской Лошадью, Великан — самая известная из меловых фигур Англии и одна из популярнейших английских достопримечательностей.

Стр. 62

Клеймор (от гэльского *claidheamh-mòr* — «большой меч») — особый

вид двуручного меча шотландских горцев, с длинной рукоятью (около 30–35 см), широким клинком (около 110 см) и весом около 2,5 кг. Выглядит клеймор очень эффектно: клинки дужки крестовины у него — прямые, направлены от рукояти к концу клинка, сужаются к концам и на концах украшены стилизованным изображением четырёхлистного клевера. Клейморы использовались начиная с позднего Средневековья (с конца XIV в.) в клановых войнах и пограничных стычках с Англией, были особенно популярны в XVI в. и оставались в употреблении вплоть до конца XVII в. После Акта об унии 1707 года, когда шотландские и английские полки были объединены, клейморы воспринимались как знаки отличия шотландских офицеров и как примета исторического Хайленда. Само английское слово «кле́ймор» (*claymore*) впервые вошло в употребление в конце XVIII в. и использовалось в романтической поэзии (особенно в Викторианскую эпоху) для воссоздания шотландского колорита: например, у Роберта Бёрнса, и у Альфреда Теннисона, и, конечно же, у Вильяма Топаза Макгонаглла. Как национальное оружие шотландских горцев, клеймор, наряду с килтом, стал своего рода символом шотландского героического характера. Так, клейморами сражаются герои фильма «Горец», что способствовало популярности этих мечей в наши дни. Неудивительно, что Нак-мак-Фигли, воплотившие в себе все стереотипные черты шотландского характера и шотландской внешности, доведённые до гротеска, вооружены не чем иным, как клейморами.

Стр. 67

Шиллинг практически всегда отличался высоким содержанием серебра (при Елизавете I шиллинг весил 6,22 г и содержал 5,75 г серебра); в XIX в. шиллинг весил 5,655 г и содержал 5,23 г серебра) и потому ассоциируется со стабильностью экономики и процветанием государства (в периоды экономического спада шиллинг не чеканили). В 1966 году Великобритания перешла на десятичную монетную систему, и регулярная чеканка шиллингов прекратилась. Пратчетт ностальгирует по прежней, двенадцатеричной денежной системе, которую успел застать, в послесловии к роману «Финт»: «...Были монеты бронзовые, самых разных размеров и самого низкого номинала; были монеты серебряные, как вы, вероятно, догадались, занимающие в финансовом плане промежуточное положение, и, наконец, ну, золотые, — а во времена Финта они действительно чеканились из золота, не то что нынешние, бу-бу-бу, в наши дни всё не так. Но, по правде говоря, прежние деньги обладали какой-то осязаемой подлинностью, не то что современные пенсы, помоги нам Господь; нет в них былой живости». По-видимому, для Пратчетта (а также

и для барона) «настоящий шиллинг» символизирует нечто подлинное, настоящее, надёжное — в отличие от современных денежных знаков.

Стр. 95

Чатни — традиционные индийские соусы, в большинстве своём остро-сладкие; в них входят разнообразные ингредиенты и специи, зачастую непривычные для европейского вкуса (молотый арахис, кокос, люффа, имбирь, перец чили и т. д.) и экзотические сочетания ингредиентов (например, мята и лук). Чатни оттеняют вкус основного блюда и эффектно смотрятся на столе благодаря ярким цветам. Соусы-чатни обрели большую популярность в Великобритании благодаря тому, что Индия долгое время оставалась её колонией; в английской и западной кухне чатни служат приправой к твёрдым сырам и к холодным закускам.

Стр. 99

«*Жаворонков трели*». Песня, которую так любили старый барон и отец барона и которая, по-видимому, пользовалась популярностью в Меловых холмах мира Пратчетта, на самом деле существует и в нашем мире и по сей день пользуется не меньшей популярностью в юго-западных графствах Англии. Она действительно называется «Жаворонков трели» (дословно: «Жаворонки пели мелодично», «Larks they sang melodious»); и, как и в мире Пратчетта, в иных областях может быть известна под другим названием («...У нас в горах она известна под названием “Утром ясным и прекрасным”», — уточняет нянюшка Ягг), хотя распознаётся по первым же строчкам. Впервые эта «уличная баллада» неизвестного автора была опубликована ранее 1819 года в виде печатного листка (так называемый *broadside*) Джоном Питтсом (14, Грейт-Сент-Эндрюз-Стрит), известнейшим британским издателем балладных печатных листков XIX в. В первом издании баллада называлась «Моряк и его милая» и состояла из четырёх куплетов. Т. Пратчетт, по всей видимости, воспользовался одним из более поздних вариантов (где фигурирует не моряк, а солдат). Трогательный сюжет о расставании моряка/ солдата со своей верной возлюбленной в уличных балладах пользовался огромной популярностью. На сегодняшний день эта баллада существует во множестве вариантов (в частности, разнится количество куплетов), но благодаря мелодичному, легко запоминающемуся припеву, который подхватывают все присутствующие, остаётся одной из любимых народных песен. «Жаворонков трели» часто звучат на фестивалях и концертах фолк-музыки и в пабах. Начинается песня так:

Утром ясным и прекрасным мир в сияние одет,

Поднялась в полях пшеница, над холмом вставал рассвет,
Дрозд насвистывал на ветке, были рощи зелены,
И звонко жаворонков трели разносились с вышины.
Шли вдвоём солдат с любимой по полям и по лугам.
И сказал солдат любимой: «Суждена разлука нам:
За морем грохочут пушки, плыть за море кораблю.
Я расстаться должен с Нэнси — с той, которую люблю...

Стр. 145

«Здесь — не то, что в норе под землёй!» («.. Slightly better than living in a hole in the ground...»)

В «известную песенку» про Анк-Морпорк вкралась одна из самых знаменитых книжных цитат, а именно, первая строчка, с которой начинается сказка Дж. Р.Р. Толкина «Хоббит»: «В норе под землёй жил себе хоббит» («In a hole in the ground there lived a hobbit»), переведённая на более чем 60 языков и ставшая своего рода символом безмятежного домашнего уюта и комфорта.

Стр. 150

«Выдь вы ни на что не годны!» («Because you're worthless»)

Здесь обыгрывается рекламная формула французской компании L'Oreal, ведущего производителя парфюмерии и косметики, «Вы же этого достойны!» («Because you're worth it»), впервые произнесённая моделью Джоан Дюссо. Не приходится удивляться, что в магазине ведьминского антуража формула обернулась своей противоположностью.

Стр. 170

Ворожеи не оставляй в живых!

Как ни странно, Лукавец цитирует «Исход», одну из ветхозаветных книг нашего мира (Исх. 22:18).

Стр. 187

Как пёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою...

Чокнутый Крошка Артур, как выясняется, тоже хорошо знает текст Священного Писания: здесь он цитирует «Притчи» (Притч. 26:11). Добавление о том, что преступник всегда возвращается на место преступления, несомненно, подсказано богатым опытом полицейского.

Стр. 192

Эти сидят в отдельных камерах, и для компании им выдают по канарейке.

Образ опасного преступника, приговорённого к пожизненному заключению, чьё одиночество скрашивают только певчие птички в клетке, несомненно, восходит к известному американскому фильму «Любитель птиц из Алькатраса» (*Birdman of Alcatraz*) режиссёра Д. Франкенхаймера, снятому в 1962 году. Главный герой фильма, заключённый Роберт Страуд, содержащийся в одиночной камере, во время краткой прогулки по тюремному двору подбирает выпавшего из гнезда птенца воробья и выхаживает птичку. Это становится своеобразной тюремной модой; другим заключённым тоже дарят птиц, главным образом канареек, а камера Страуда постепенно заполняется клетками с певчими птицами. Его питомцы заболевают; Страуд изобретает лекарство от септической лихорадки, прежде считавшейся неизлечимой; со временем становится экспертом по птичьим болезням и даже публикует книгу; причём ветеринары называют его гением. В основу фильма легла реальная история заключённого, правда заметно романтизированная и приукрашенная.

Стр. 210

«*Костёр ведьм*». Страшная книга, написанная неким омнианским священником, приспешником Лукавца, имеет свой аналог и в нашем мире: это так называемый «Молот ведьм» (лат. *Malleus Maleficarum*). Этот трактат о выявлении и преследовании ведьм был написан на латыни в 1486 году доминиканскими инквизиторами Генрихом Крамером (Инсистерисом) и Якобом Шпренгером и издан в 1487 году. Авторы детально проработали способы выявления ведьм и процедуры доказательства их виновности, процедуру судопроизводства над обвинёнными в колдовстве и снабдили «как духовных, так и гражданских судей готовыми приёмами пыток, ведения суда и вынесения приговора». В качестве предисловия в книгу вошла булла папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes affectibus*» (лат. «Всеми силами души»; издана в 1484 году), провозгласившая необходимость беспощадной борьбы с ведовством и ересями в Рейнской области. Этой буллой папа давал полное одобрение действиям инквизиции по искоренению колдовства и наделял Крамера и Шпренгера чрезвычайными инквизиторскими полномочиями («...Мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления...»).

«Молот ведьм» состоит из трёх частей: первая — теоретическая («О трёх силах, составляющих колдовство, а именно: о дьяволе, о колдуне и о божьем попущении»), вторая «трактует о способах околдования и о том,

как таковое можно снять», и третья часть, по преимуществу юридическая, в 35 вопросах рассматривает, как следует начинать процесс против ведьм, как его вести и как закончить. В книге подробно описаны злокозненные деяния ведьм; вот лишь небольшая часть этого списка: «Они насылают всякого рода порчу: насылают град, бури и дурную погоду, причиняют бесплодие людям и животным, посвящают детей, которых они не пожрали, демонам <...>, умеют гуляющих возле воды детей на глазах родителей бросать в воду, но так, что никто этого не заметит, приводить лошадей под всадником в бешенство, перелетать с места на место по воздуху телесно или только в воображении; затуманивать души судей и председателей, дабы последние не могли им вредить; внушать себе и другим молчание во время пыток; поражать руки и сердца арестовываемых их сильной дрожью; скрытое от других обнаруживать, предсказывать будущее по указанию дьявола <...> видеть отсутствующих, как присутствующих; сердца людей склонять к необыкновенной любви или ненависти <...> убивать ударом молнии <...>, вызывать преждевременные роды, убивать детей во чреве матери одним внешним прикосновением» и т. д.

Этот трактат стал настольной книгой и библией «охотника на ведьм»: в течение года после появления буллы в городах Рейнской области воцарился настоящий инквизиционный террор: так, в одном только Вормсе были сожжены заживо 85 человек. Во имя этой буллы в течение свыше двух столетий сжигали, пытали и уничтожали заподозренных в колдовстве. Книгу ждал успех: в течение девяти лет она выдержала 9 изданий и продолжала переиздаваться и позднее. По Европе запылали костры — книга стала самым востребованным руководством, «молот» продолжал жестоко «дробить» ведьм на протяжении последующих XVI и XVII вв. «По официальным данным, в 20 деревнях кругом Трира в 1587–1593 годах, было сожжено 306 человек; в двух деревнях оставались всего две женщины. <...> В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили страшно солёными селёдками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 году вышло постановление, чтобы в каждой деревне были особые выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествующим для этого по стране» (Предисловие С. Лозинского к изданию «Молота ведьм» 1990 г. СС. 51–52). Пожалуй, даже Лукавцу было чему поучиться у инквизиторов нашего мира.

Стр. 219

Эскарина Смит, правильно? Единственная женщина, ставшая волшебником!

Тем, кто хочет узнать больше об Эскарине Смит, следует обратиться к роману Т. Пратчетта «Творцы заклинаний». Эскарина (Эск) — восьмой ребёнок восьмого сына — волею случая унаследовала магический посох умирающего волшебника. Она поступила в обучение к матушке Ветровоск, но та довольно быстро поняла, что магия, которой обладает её подопечная, — это магия волшебника, а не ведьмы. Эскарина стала первой и, насколько известно, единственной женщиной, которой удалось добиться, чтобы её приняли в Незримый университет. А по дороге в Анк-Морпорк девочка познакомилась с начинающим волшебником Саймоном, талантливым самоучкой, юным гением теоретической магии (при этом страдающим неизлечимой аллергией на Мироздание); вдвоём Эск и Саймон сразились с существами Подземельных измерений и закрыли им доступ в свой мир, разработав целую систему не-использования магии («Когда ты можешь задействовать волшебство, а не прибегаешь к нему, — вот это для Тварей настоящий удар. <...> Настоящая сила — это когда ты выходишь за пределы магии»). На момент событий настоящего романа Эскарина давно стала легендой своего мира, самой могущественной ведьмой и волшебницей в истории, а дальнейшая судьба Саймона неизвестна. В разговоре с Тиффани Эскарина упоминает о своём беспокойстве за сына, но ничего больше о семье Эскарины мы не узнаём.

Стр. 223

Герцогиня и кухарка. Название главы отсылает нас к знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Среди прочих персонажей в сказке действуют вздорная, непредсказуемая Герцогиня (агрессивная и злобная при первой встрече с Алисой в дымной кухне, при второй встрече на королевинной игре в крикет она заметно смягчается и явно пытается завоевать расположение девочки) и Кухарка, которая непрестанно перчит суп и бьёт тарелки и горшки. Несомненно, герцогиня и кухарка в романе Т. Пратчетта унаследовали некоторые свои черты от кэрролловских персонажей.

Стр. 228

Наш соседский дозор не просто следит и бдит! — удовлетворённо заявила она.

В деревушках Великобритании и в городах США зачастую можно увидеть плакаты с перечёркнутым изображением зловещего злоумышленника или с идиллической группой мирных поселян вокруг

блюстителю порядка, и надписью: «Соседский дозор». Эти знаки предупреждают о том, что в данной области действует так называемый «соседский дозор». Соседский дозор (*neighbourhood watch*) — это орган самоорганизации жителей квартала или небольшого городка, призванный предотвращать преступления и вандализм «по месту жительства». То есть соседские дозоры внимательно отслеживают происходящее в квартале или деревне и сообщают в полицию обо всём подозрительном. Иногда в деревне полиция вообще отсутствует: в случае необходимости соседский дозор вызовет её из города. Цель соседских дозоров состоит в том, чтобы помочь людям защитить себя и свою собственность, понизить уровень тревожности, повысить уровень безопасности жилищ, дать людям почувствовать: они не одни, при необходимости друзья и соседи всегда придут на помощь. Первые соседские дозоры возникли в США в конце 1960-х годов; они патрулируют улицы, участвуют в кампаниях по повышению безопасности на дорогах, искоренению домашнего насилия и т. д. В Великобритании первый соседский дозор появился в Моллингтоне (графство Чешир) в 1982 году. Движение распространилось во многих странах Западной, а позднее и Восточной Европы. В СССР, а позже — в России аналогом соседских дозоров отчасти могут служить Добровольные народные дружины.

Стр. 253

Если рвать крапиву робко...

Стишок про крапиву, которому герцогиня научила свою дочь, почти дословно (с небольшими разночтениями) повторяет «Стихи, написанные на некоем окне в Шотландии» Аарона Хилла (*Aaron Hill*, 1685–1750), английского писателя, драматурга и поэта. Он же одно время был директором Королевского театра «Друри-Лейн» и подготовил постановку оперы Георга Фридриха Генделя «Ринальдо», первой итальянской оперы, предназначенной для лондонской аудитории. В варианте Хилла стихотворение звучит так (как видим, рифм в нём, в сравнении с герцогининым вариантом, поприбавилось):

*Тронь крапиву бояливо —
Жжёт крапива как огонь.
Рвёшь бестрепетно крапиву —
Ляжет, словно шёлк, в ладонь.
Так и с чернью правишь кротко —
Люд мятежный восстаёт,
А сожмёшь покрепче плётку —*

Покоряется народ.

Стр. 259

Хариус карп-ус. Престон намеренно неправильно произносит «Хабеас корпус»: об этом акте, основной гарантии неприкосновенности личной свободы в Великобритании, уже шла речь в первой книге цикла о Тиффани, «Маленький свободный народец». Когда Королева эльфов натравила на Мак-Фиглей «законников», Жаб сослался на этот документ («Требую письменного и непредвзятого постановления о *Habeas Corpus*»), и юристы поневоле вынуждены были отступить. И неудивительно! Напомним: «Habeas Corpus Act», один из важнейших законодательных актов в истории Англии и составная часть конституции Великобритании, был принят английским парламентом в 1679 году при короле Карле II. Он предоставляет право суду контролировать законность задержания, чтобы защитить личную свободу граждан и предотвратить произвол и самоуправство при аресте. Согласно этому закону, задержанный или третьи лица, действующие от его имени, получали право начать процедуру *habeas corpus* и потребовать от суда проверки законности задержания.

Стр. 266

Шибболет — это библейское слово обозначает своеобразную речевую характеристику как пароль, по которому можно распознать в человеке чужака или врага. Слово «шибболет» упоминается в Ветхом Завете в рассказе об одной из древних войн. Иеффай, один из судей израилевских, сразился с ефремлянами, разбил их и велел занять все переправы через Иордан, чтобы помешать побеждённым пробраться на его земли. В Библии об этом повествуется так:

«...И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: «позвольте мне переправиться», то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: «скажи: *шибболет*», а он говорил: «*сибболет*», и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи...» (Суд. 12: 5–6).

Дело в том, что, в отличие от галаадского, в диалекте ефремлян не было звука «ш» и ефремляне не могли правильно произнести слово «шибболет» (оно означало «поток воды»), возможно, естественным образом входившее во фразу «Дайте мне перейти реку».

Разнообразные «шибболеты» неоднократно использовались в истории

в разных военных конфликтах вплоть до наших дней, для того чтобы отличить «своего» от врага.

А в современном языке шибболет — это не только слово, трудное для произнесения, по которому распознают иностранца, или тайный пароль. Это может быть и любая черта, примета для опознания, позволяющая определить принадлежность человека к определённому слою, группе, субкультуре: особенность произношения или поведения, манера одеваться или даже традиционный предрассудок. Как справедливо заметил Престон, в случае герцогини «шибболетом» вполне могло бы послужить слово «пожалуйста», как и любая формула вежливости.

Стр. 268

Плам-пудинг действительно готовится на пару или просто варится: в рецепт входят сухофрукты, в том числе изюм, разнообразные пряности (корица, имбирь, мускатный орех, гвоздика и т. д.), а также молоко, масло, мука, яйца и околопочечный жир, а также патока. В результате получается довольно плотная масса. В Англии плам-пудинг — одно из главных блюд рождественского стола. Пудинги бывают и несладкими; так, знаменитый шотландский хаггис — «жракса из овечьих потрохов» — это тоже пудинг.

Стр. 280

Дыкс лично я им бы морду шлифанул, курганокопателям мерзавым, тоже мне, Кромвеля выискались...

Оливер Кромвель (1599–1658) в результате победы Английской буржуазной революции (1642–1651) и установления республики стал лордом-протектором Англии, Шотландии и Ирландии (1653–1658). Кромвель жестоко подавил восстания в Ирландии и Шотландии: его военная кампания при завоевании Ирландии сопровождалась такими разрушениями, кровопролитиями, и жестокостями, и массовыми земельными конфискациями, что Кромвель по сей день воспринимается ирландцами как кровавое чудовище и тиран. Так, например, взятие штурмом города Дрохеды и последующая резня навели ужас на всю Ирландию. Поскольку в ирландском и шотландском фольклоре фигурирует Маленький народец — обитатели полых холмов, вероятно, Мак-нак-Фигли тоже питают к Кромвелю неприязнь из сочувствия к своим собратьям.

Стр. 300

У самой нижней ступеньки в луже барахталась мышь, пытаясь выплыть на сушу.

Это ещё одна отсылка к сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». В главе «Море слёз» Алиса, увеличившись до девяти футов в высоту, наплакала целую лужу, в которую потом, уменьшившись, упала

сама. Также в луже очутились злополучная мышь (с которой девочка вела долгую проникновенную беседу), и разные другие мелкие удивительные существа.

Стр. 309

Несимпатическая магия. Т. Пратчетт переиначивает термин «симпатическая магия», использующийся в нашем мире: симпатическая магия — это вид колдовства, основанный на представлении о том, что якобы существует сверхъестественная связь между предметами, сходными по внешнему виду (магия подобия) или когда-либо соприкасавшимися друг с другом (магия контакта). Благодаря этой связи становится возможным магически воздействовать на человека или предмет на расстоянии, причём самыми разными способами. Контактная магия, как разновидность симпатической магии, позволяет передавать человеку магическую силу от её носителя через некую вещь (талисман или волшебное снадобье, изготовленные колдуном). Имитативная магия позволяет воздействовать на человека через его «подобие»: чтобы причинить вред своему врагу, колдун совершает разнообразные действия с рисунком или куклой (как раз то, что пытается сделать Летиция). Контагиозная магия позволяет воздействовать на человека через его волосы, ногти, зубы и даже следы.

Некоторыми видами симпатической магии ведьмы мира Пратчетта охотно пользуются. Так, тётушка Вровень, одна из наставниц Тиффани, занималась изучением имитативной магии на материале растений: «Существует так называемая Теория Подобия. Суть её примерно такова: когда Творец Вселенной придумывал всякие полезные растения, он (или, по некоторым версиям, она) позаботился о том, чтобы их внешний вид подсказал людям, для чего то или иное растение применять. Растение, которое помогает от зубной боли, должно быть похоже на зуб, от боли в ушах — на ухо, то, которое полезно при насморке, сочится зелёной слизью, и так далее» (см. роман «Шляпа, полная неба»). Сама Тиффани отрицает возможность воздействовать на врага через его «подобие», однако верит в контагиозную магию: «Если ты хочешь навести на кого-то порчу, тебе нужно что-то такое, что принадлежало жертве — скажем, волосок или зуб», — объясняет она Летиции.

В нашем мире симпатическая магия использовалась ещё в первобытном обществе, а следы её сохранились в фольклоре и обычаях самых разных народов и по сей день. Британский антрополог и культуролог Джеймс Фрезер подробно исследовал симпатическую магию первобытных культур и её отголоски в современном сознании в своём грандиозном труде «Золотая ветвь» (1890). В этой чрезвычайно интересной книге — гораздо

более познавательной, нежели книга Анафемы Зюзник! — приводится огромное количество примеров использования симпатической магии, собранных по всему миру. Так, например, туземцы в Юго-Восточной Австралии верят, будто, если положить на чей-то след острые куски кварца, стекла или кости, можно сделать человека хромым. У южных славян девушка берёт землю из-под следов своего возлюбленного, насыпает её в горшок, сажает в него бархатцы, которые считаются неувядающими, и верит, будто любовь её милого тоже никогда не увянет. Предполагается, что любовные чары подействуют на юношу через землю, по которой он ступал. Австралийский бушмен ни за что не накормит ребёнка сердцем шакала, чтобы тот не стал таким же трусливым, зато охотно даст сыну съесть сердце леопарда — пусть вырастет таким же храбрым. Зулусский знахарь прикладывает кость очень старой собаки, коровы или быка к здоровым и больным людям, чтобы они прожили такую же долгую жизнь, как животное, которому принадлежала кость. У даяков северо-западной части Борнео юношам и воинам не разрешено употреблять в пищу оленину, чтобы не стать робкими, как олени, хотя женщинам и старикам оленину есть не возбраняется.

Стр. 349

Eau-de-nil (фр.) — «цвет нильской воды», холодноватый голубовато-зелёный оттенок, и в самом деле уместный для «тающей девушки» Летиции. Среди аристократии нашего мира, как и в мире Пратчетта, в XIX в. названия многих модных цветов звучали на французском языке и отличались удивительной образностью. Существовали такие цвета, как цвет «бедра испуганной нимфы» (особый оттенок розового, возможно названный так по одноимённому новому сорту роз), цвет «влюблённой жабы» (зеленовато-серый), цвет «влюблённого жирафа» или «жирафы в изгнании» (сочетание светло-коричневого и жёлтого с рыжеватым оттенком: цвет вошёл в моду в 1827 году, когда в парижском Ботаническом саду появилась маленькая жирафа, присланная вице-королём Египта в подарок французскому королю), цвет «выдровый» (грязновато-зелёный), цвет «голубиной шейки» (оттенок серого), цвет «гусиного помёта» (жёлто-зелёный с коричневым отливом), цвет «лягушки в обмороке» (светлый серо-зелёный), цвет «сюрприз дофина» (вошёл в моду после того, как Мария-Антуанетта гордо продемонстрировала придворным пелёнку своего новорождённого сына со следами «детской неожиданности»), В пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак» высмеиваются замысловатые названия цветов в одежде среди маркизов-модников:

Второй маркиз:

— Вот ленты дивные! Какого цвета —
Скажите, граф? Цвет «хвостик голубка»?
Первый маркиз:

— Нет, это цвет «целуй меня, Лизетта».

Де Гиш:

— Нет, истина от вас обоих далека:

«Больной испанец».

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Стр. 368

Quis custodiet ipsos custodes? {«Кто устережёт самих сторожей?»} — эта латинская крылатая фраза употребляется для описания ситуации, когда те, кто призван следить за соблюдением правил и законов, сами же их нарушают: например, вместо того чтобы стеречь доверенное им имущество, расхищают его. Выражение взято из «Сатир» древнеримского поэта Ювенала (VI, 347–348): поэт сетует о том, что невозможно удержать жену от измены:

Слышу и знаю, друзья, давнишние ваши советы:

«Надо жену стеречь, запирать на замок». Сторожей-то Как устеречь? Ведь она осмотрительно с них начинается.

(Пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского)

При том, что сегодня выражение используется иносказательно: кто сумеет проконтролировать служителей порядка и закона? — и чаще всего подразумевает коррумпированность власти, в первоисточнике Ювенала речь идёт о якобы неисправимой развращённости женской природы, и только.

Стр. 370

Но он сделал ещё кое-что... ох, вот честное слово, мне при одной только мысли тошно делается.

Убийство заключённым беззащитной певчей птички, как страшнейший из грехов (ведь глава так и называется — «Всем грехам грех»), перекликается с ключевой темой романа Х. Ли «Убить пересмешника»: персонажи романа говорят о том, что «убить пересмешника — большой грех». Когда героиня романа, маленькая Джин Луиза, спрашивает почему, ей объясняют: «Пересмешник — самая безобидная птица, он только поёт нам на радость. Пересмешники не клюют ягод в саду, не гнездятся в овинах, они только и делают, что поют для нас свои песни. Вот поэтому убить пересмешника — грех» (пер. Н. Галь, Р. Облонской). Несмотря на то что в романе Х. Ли происходит много страшного и несправедливого, вплоть до осуждения на смертную казнь невиновного человека, слово «грех»

употреблено только по отношению к убийству безобидной птички. Убить пересмешника означает убить ни в чём не повинное существо — в этом образе и заключается символизм романа. Тот же символ убедительно перенесён Пратчеттом в книгу о вымышленном мире.

Стр. 387

В пляс, в пляс, саваном тряхни! В пляс, в пляс, слышишь — это Пляска Смерти...

И снова персонажам мира Пратчетта оказывается хорошо знакома песня нашего мира. Нянюшка Ягг запекает популярную английскую балладу, относящуюся к жанру *макабр*, или *данс макабр* (от фр. *Danse macabre*). В Средние века аллегорический сюжет о том, как Смерть ведёт за собою к могиле пляшущих представителей всех слоёв общества, всех сословий и всех возрастов, распространился и в живописи, и в словесности. Дане макабр существовал и в виде особого танца как такового — танцоры подражали воображаемой пляске мёртвых, а завершался танец тем, что все падали на землю, словно и впрямь умерли. Персонифицированная Смерть в этом сюжете выступает или водителем хоровода, в котором невольно участвуют люди любого возраста и звания, или злорадным музыкантом, заставляющим всех и каждого плясать под звуки своей дудки. Именно такой зловецкий дудочник увлекает всех в пляс в балладе, исполняемой нянюшкой Ягг; задорный припев её полностью звучит как:

В пляс, в пляс, саваном тряхни!

В пляс, в пляс, слышишь — это Пляска Смерти!

Дудочник дудит — все пойдут плясать со мной!

Текст баллады «Саваном тряхни» (*The Shaking of the Sheets*) впервые был опубликован около 1568 года. Сегодня баллада превосходно звучит в исполнении британской фолк-группы *Steeleye Span*.

В тихой долине ночь напролёт слушай, как ветер в травах поёт...

Ещё одна песня Плоского мира, действительно существующая в нашем мире: «В тихой долине», она же «Бирмингемская тюрьма» — американская народная баллада, известная во множестве вариантов и разночтений.

Стр. 414

Палец у меня зудит, что-то злое к нам спешит.

Это рифмованное двестишье — дословная цитата из трагедии У.

Шекспира «Макбет» (акт IV, сцена 1; перевод С. Соловьёва). Три ведьмы колдуют в пещере перед кипящим котлом в ожидании прихода Макбета. Трагедия уже близится к развязке: узурпатор Макбет, поправший законы Божеские и человеческие и запятнавший себя убийством законного правителя, придёт узнать свою судьбу: может ли он полагаться на собственную неуязвимость и откуда ему ждать удара? О приближении «чего-то злого» — Макбета — одна из ведьм узнаёт по покалыванию в пальце. А два последующих рифмованных двустишия («Нос мой чует мерзкий смрад — к нам идёт какой-то гад» и «У меня мигает глаз — зло развеять пробил час») «додуманы» самой Тиффани и шекспировскими не являются.

Стр. 451

Джордж Юарт Эванс (1909–1988) — фольклорист-самоучка, родился в шахтёрском городке Аберкенъон Южного Уэльса и, впоследствии обосновавшись в Блэкхолле (Саффолк), заинтересовался как местным диалектом, так и подробностями сельской жизни. Многие его соседи родились ещё в прошлом веке и работали на фермах до прихода механизации. Вооружившись звукозаписывающим устройством, Эванс собрал немало устных свидетельств в том, что касается диалектных особенностей, традиций, обычаев и фольклора Восточной Англии. Этот бесценный материал лёг в основу его книг, посвящённых сельской жизни Саффолка (в том числе — «Спроси тех, кто косит сено» (1956) и «Прыжок зайца» (1972). В отзыве журнала «Обзервер» о второй из них говорится: «Здесь, от стерни до котелка, собраны все факты: наука, литература, мифология, предрассудки, псовая охота и богатейший срез наречия поселян. Восхитительная книга!»

Светлана Лихачёва

notes

Примечания

1

Потому что проделывали это с завязанными глазами. *(Здесь и далее, если не сказано иного, примечания автора.)*

1 фут равен примерно 0,3 метра. *(Примеч. ред.)*

3

1 миля равна 1609 м. (*Примеч. ред.*)

4

Будучи ведьмой, она их всех знала как облупленных.

Пояснения к словам, помеченным *, см. в конце книги. (*Примеч. ред.*)

Разумеется, думала про себя Тиффани, если уж прыгать вместе через костёр, то надо заранее позаботиться о жаростойкой одежде и чтобы рядом стоял кто-то с ведром воды, просто на всякий случай. Ведьмы, конечно, дамы разносторонние, но прежде всего они практичны.

Не исключено, что романтическим устремлениям Петулии очень помогло то, что свиньи милого юноши то и дело самым загадочным образом заболели и их срочно требовалось лечить от диареи, запала, отвердения шеи, блуждающего зуба, косоглазия, свинской рожи, жжения, вертежа, вертлюга и смещения коленной чашечки. Это было просто ужасно, ведь больше половины этих болезней у свиней обычно не встречаются, а одна вообще диагностирована только у пресноводных рыб. Но Петулия трудилась не покладая рук и производя самое благоприятное впечатление на соседей. Её метла летала туда-сюда в любое время дня и ночи. В конце концов, что в ведьме главное? — самоотверженность!

Умение видеть с Первого Взгляда — это когда ты видишь то, что есть на самом деле, а умение думать Задним Умом означает задумываться о том, что ты думаешь. А в случае Тиффани иногда ещё давал о себе знать Дальний Умысел и Ещё Более Дальний Умысел: вот с ними управляться было куда как непросто, того и гляди в дверь врежешься.

Позабудки — миленькие красно-белые цветочки; юные барышни обычно дарят их своим ухажёрам в знак того, что больше не хотят их видеть, по крайней мере, до тех пор, пока те не научатся основам личной гигиены и не найдут работу.

Если вы не знаете, кто такие Нак-мак-Фигли, 1) будьте благодарны за то, что жизнь ваша скучна и бедна событиями; и 2) будьте готовы уносить ноги, если существо не выше вашей лодыжки заорёт: «Раскудрить!» Они, строго говоря, одна из разновидностей фейри, но им об этом лучше не напоминать, если вы предпочитаете сохранить все зубы.

11

1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (*Прим, ред.*)

12

1 фунт равен примерно 0,45 кг. (Прим., ред.)

Неважно, какого заяц пола на самом деле; для урождённого сельского жителя все они — зайчихи.

Акр = 0.4 гектара. (Прим, перев.)

Встарь суконщики использовали мочу в качестве протравы при крашении шерстяной одежды, чтобы красители закрепились и не полиняли; в результате ткань пахла ещё не один год. Сама мисс Тик не объяснила бы технологию лучше, сохраняя при этом несокрушимое спокойствие, хотя она-то, вероятно, воспользовалась бы термином «телесные выделения».

Земля и соль, по древнему поверью, отпугивают призраков. Тиффани в жизни не видела ни одного призрака, так что, наверное, они и впрямь срабатывали. Как бы то ни было, они отлично действовали на умы людей: ведь зная, что соль и земля тут, под рукой, чувствуешь себя куда спокойнее; а как только ты это поймёшь, ты очень многое поймёшь о магии как таковой.

Жаба звали просто Жаб; он примкнул к клану Фиглей несколько лет назад и нашёл, что жизнь в кургане куда предпочтительнее его прежнего существования в виде адвоката или, точнее, адвоката, который вздумал умничать в присутствии феи-крёстной. Кельда несколько раз предлагала расколдовать его, но тот всегда отказывался. Сами Фигли считали его мозговым центром всей честной компании, поскольку Жаб знал слова длиннее его самого.

То есть, с точки зрения Тиффани, на пару лет младше самой Тиффани.

О том, что лучше всего ребята находили то, что принадлежало кому-то другому, Тиффани предпочла умолчать. Однако ж что правда, то правда, Фигли шли по следу как гончие псы, ну и пили как лошади.

Тиффани завоевала восхищение прочих ведьм тем, что умудрилась приспособить Фиглей к работе по дому. С прискорбием приходилось признать, что Фигли охотно берутся за любую работу, лишь бы пошумнее, погрязнее и поэфффектнее. И чтобы по возможности ор стоял.

Предупреждение от автора: не все котлы металлические. Вскипятить воду можно и в кожаном котле, если знаешь, что делаешь. Можно даже чай заварить в бумажном пакетике, если знать как и подойти к делу со всей осторожностью. Но, пожалуйста, не пытайтесь, а если попытаетесь, то никому не говорите, что это я вас научил.

Джанни, кельда весьма передовых взглядов, насаждала грамотность среди своих сыновей и братьев. Поскольку благой пример подал сам Явор Заядло, Фигли обнаружили, что дело того стоит, ведь теперь, прежде чем осушить бутылку, они могли прочесть надпись на этикетке; хотя какая, в сущности, разница? — ведь Фигль, скорее всего, содержимое всё равно выпьет, если только на бутылке не изображены череп и скрещённые кости, и даже тогда череп с костями должны выглядеть ну очень страшно.

Те, кто готовят в котле, используют его по большей части как пароварку: маленькие кастрюльки с водой ставят по краям, чтоб они нагревались от большого котла, внутрь которого можно положить, скажем, свиную ногу, — на самое дно, а сверху ещё и пакетик с клёцками. Так можно приготовить очень даже обильную трапезу на нескольких человек — за один раз, очень дёшево, включая пудинг. Разумеется, придётся смириться с большим количеством варёных блюд, но ничего, кушайте на здоровье, они полезные!

Имеется в виду *creme de menthe* — сладкий мятный ликёр. (Прим, перев.)

1 ярд равен примерно 0,9 метра. *(Примеч. ред.)*

Действительно, Нак-мак-Фигли верят, будто здешний мир — такое замечательное место, что, раз уж им повезло сюда попасть, они не иначе как примерно вели себя в другой жизни и теперь угодили на небеса. Конечно, они и здесь порою умирают, но они считают, что просто уходят, чтобы родиться снова. Бессчётные теологи, поразмыслив, пришли к выводу, что, пусть это глупость несусветная, на самом деле такая религия намного приятнее многих других.

Ведьма мастерит путанки из того, что найдётся в нужный момент в карманах, хотя если уж блюдёшь приличия, то тщательно отбираешь то, что «случайно» в карманах завалится. На работе путанок оно никак не сказывается, но в присутствии посторонних загадочный орешек, или странной формы деревяшка, кусочек кружева и серебряная булавка говорят о ведьме куда более лестно, нежели, скажем, обрывок шнурка, клочок бумажного пакета, полгорсти разнородных, противных ворсинок и носовой платок, такой истрёпанный, что его, о ужас, приходится держать обеими руками. Тиффани обычно хранила все ингредиенты для путанок в отдельном кармане, но если госпожа Смит тоже так делала, то значит, карманы у неё больше гардероба — небось до самого потолка.

Лошадиный череп всегда смотрится жутко, даже если разрисовать его губной помадой.

Существует целый пласт легенд о конных статуях, особенно тех, что со всадниками. Говорят даже, что количество и расположение конских копыт — это такой особый код. Если лошадь подняла одно копыто, значит, всадник был ранен в битве; если два — значит, всадник в битве пал; если три — значит, всадник заплутал по дороге к полю битвы и до места так и не доехал; если четыре — значит, скульптор был настоящим гением. Пять ног в воздухе означают, что, по всей вероятности, за той конной статуей, на которую вы смотрите, стоит по крайней мере ещё одна; а распростёртый на земле всадник, придавленный собственным конём, все четыре ноги которого задраны вверх, означает, что либо всадник был никудышным наездником, либо конь ему достался больно норовистый.

Вообще-то кольчужным штанам положено быть в дырках, но только не семи дюймов в ширину.

Ведьмы всегда тщательно заботились о чистоте рук; всем остальным частям ведьминской анатомии приходилось ждать, пока в плотном расписании не образуется окошко — или пока не налетит гроза с ливнем.

Священнослужителей в Меловых холмах традиционно не водилось, но поскольку холмы высились между городами и горами, то обычно (по крайней мере, в хорошую погоду) через холмы тянулась неиссякаемая вереница священников того или иного храма, которые за сытный ужин и ночлег соглашались пораспространять немного благу ю вест ь и хорошенько отдраить людские души. Учитывая, что священники были со всей очевидностью людьми порядочными, люди лишний раз не задумывались, какому богу те поклоняются, при условии, что он — или она, а иногда и оно — должным образом приводил в движение луну и солнце и не требовал чего-то нелепого или нового. А уж если священник ещё и в овцах понимал, так это совсем хорошо.

Пусть и не благодаря личному опыту.

Тиффани подарила Эй старой ведьме совсем маленьким жалким котёночком. Теперь Эй превратилась в настоящую королеву, ещё более надменную, чем герцогиня. Тиффани она, должно быть, узнала, потому что, так и быть, милостиво мигнула — и тут же отвернулась, словно соскучившись. В доме у матушки мышей нынче не водилось; Эй просто неотрывно глядела на них, пока мыши не сознавали в полной мере собственное ничтожество и не убредали прочь.

Господин и госпожа Боксёры, которым избыток образованности на пользу явно не пошёл, решили, что «трюизм» — отличное имя для их третьего ребёнка.

Отец говорил, такой нос называется «носом пьяницы», но он, скорее всего, ошибался, я потом узнал, что это — хроническое заболевание кожи носа (под названием ринофима, но, наверное, это уже избыточная информация).